

скимъ войскомъ. Они расположились лагеремъ вокругъ Черкаска.

Казакамъ велѣно воевать Крымъ въ соединеніи съ княземъ Пожарскимъ. Итакъ, подкрайленные казаки готовились нанести новый ударъ врагамъ своимъ. (По указу царскому надлежало сдѣлать нападеніе на Крымъ съ двухъ сторонъ: князь Пожарскій съ астраханскимъ войскомъ и съ казаками долженъ былъ идти сухимъ путемъ къ Переяопи, а Кондыревъ съ другою частію казаковъ на судахъ моремъ).

Но въ исполненіи этого повелѣнія казаки встрѣтили затрудненіе: во первыхъ потому, что судовъ способныхъ къ плаванію по Азовскому и Чёрному морямъ оказалось только 30, а нужно было не менѣе 200, во вторыхъ, знатный корабельный флотъ крымскихъ и другихъ татаръ находился уже въ это время въ походѣ къ Азову, и слѣдовательно азовцы съ этимъ подкрайленіемъ легко могли, по выходѣ казаковъ, нанести имъ жилищамъ совершенное разореніе. Впрочемъ они приготовили къ походу 30 своихъ судовъ, но никакъ не соглашались взять съ собою Ждана Кондырева по той причинѣ, что онъ, небудучи вовсе знакомъ ни съ образомъ ихъ службы, ни съ мѣстностью края, могъ противиться ихъ предпріятіямъ; притомъ же, какъ писали они въ доносеніи своемъ Государю: „онъ человѣкъ нѣжный, тѣгости морской и пѣшой службы перенести не можетъ, а намъ и самимъ случаются иногда такія напасти, что другъ друга не взвѣдаемъ“.—Отписавши обо всемъ этомъ Государю, казаки продолжали совѣщанія свои въ войсковыхъ кругахъ: какимъ образомъ открыть военные дѣйствія (272).

(272) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 31 июля 1646 года.

„А твоему, Государеву, дворянину Ждану Кондыреву на такую твою государеву великую службу водяными путемъ съ нами холопи твои выдти ему невозможно, потому, государь, что онъ живетъ при твоей государской свѣтлости и человѣкъ нѣжной онъ, а намъ, государь, нужны и морскихъ походовъ и пѣшіе службы ему будетъ нестерпѣть. Мы, государь, морскіе походы и пристани къ

Война съ азовцами. Большая часть согласна была совокупными силами нащать на Азовъ; но войсковой атаманъ Осипъ Петровъ и старшины этому противились, представляя, что подобное предпріятіе не согласно съ волею царскою, и что посланники россійскіе, находившіеся тогда въ Константинополѣ, могли быть задержаны. Буйная толпа невнимала справедливымъ представленіямъ: съ грубостю и съ угрозами приступили казаки къ войсковому атаману и заставили его вести себя къ Азову; послали къ князю Пожарскому, чтобы онъ со всѣмъ своимъ войскомъ соединился съ ними, но онъ имъ въ томъ отказалъ, ссылаясь на предписаніе, коимъ строго запрещалось ему открывать непріятельскія дѣйствія противъ турковъ.—Находящіеся же подъ его начальствомъ астраханскіе стрѣльцы, узнавъ намѣреніе казаковъ, явно воспротивились князю Пожарскому и въ числѣ 700 человѣкъ присоединились къ казакамъ: сильная убѣжденія дворянина Кондырева, коему въ особенности предписано отвращать казаковъ отъ предпріятій ихъ на Азовъ, не имѣли никакого дѣйствія. Въ это же время къ нимъ присоединились Терскіе стрѣльцы, Гребенскіе казаки, черкесы и татары, которые находились подъ начальствомъ князя Черкасскаго. Все это войско было раздѣлено на двѣ части: войсковой атаманъ съ казаками и

крымскими городами и къ ихъ селамъ всѣ вѣдаемъ, а и намъ, Государь, бывають нужи да и хуртины великия, и струги наши разносить по морю, другъ друга незвѣдаемъ, да и то намъ, Государь, бываетъ: хуртино у насъ многіе струги.... а иные на берегъ вымѣтываются и разбиваются, и безъ замасу и безъ воды многіе дни бывають, а ему, Государь, Ждану такие великие нужи и пѣнне службы съ нами будеть не стерпѣти; а намъ холопи твои слушитца о тамошнемъ какои дѣлѣ и о промыслу ему Ждану говорить, и ему, Государь, будетъ на насъ въ томъ досадовать, и у него, Государь, въ томъ дѣлѣ будетъ скора и смута и вскакии наимѣнъ промысломъ въ твоей Государевѣ службѣ отъ того будетъ поруха, а ему, Государь, морскихъ походовъ и пристаней и тамошнихъ мѣстъ ничто незабычай и не вѣдасть, а къ которымъ, Государь, пристанемъ мы ходили твои мы море прежде сего приставывали и на крымскія села на удары хаживали, и мы, Государь, бѣжимъ на-сѣхъ отъ пристаней до села день и ночь, а сю, Государь, Ждана въ такую твою Государеву службу нукъ и пѣнну не будеть.

съ вольными людьми пошелъ къ Азову стругами, проче же казаки съ татарами и стрѣльцами лѣвымъ берегомъ Дона; на утреннѣй зарѣ приступили они внезапно къ Азову и взошли было въ земляной городъ, но артиллерію, стоявшую на стенахъ каменного города, были совершенно отражены. Не тѣ-рая отважности, они вздумали вознаградить неудачное пред-приятіе свое противъ Азова другими средствами: съ береговъ Дона усмотрѣли нѣсколько судовъ, стоявшихъ въ заливѣ Азовскаго моря, бросились въ оный, настигли турецкіе корабли и по маломъ сопротивленіи овладѣли ими. Находившіеся на этихъ корабляхъ турки, услышавъ стрѣльбу въ Азовѣ, снова успѣли уйти на малыхъ судахъ въ Крымъ, оставивъ на произволъ казаковъ нѣсколько татаръ и грековъ.—На этихъ корабляхъ взяли ни 30 пушекъ, пять знаменъ турецкихъ, большое количество и пшеницы, вина нѣсколько другихъ товаровъ; три корабля тамъ же на мѣстѣ затопили, а остальные два привели въ Черкасскъ. Междутѣмъ другая часть войска напала на окопавшихся близъ Азова татаръ, порубила почти всѣхъ ихъ, взяла въ плѣнъ 32 человѣка и отбила 30 лошадей, 50 Орогатаго скота и 300 овецъ (273).

(273) Дѣла Донскія, отписка Кондырева и Шинкина, привезенная въ Москву юны 31-го дня 1646 г.

„И юни жъ, Государь, въ 18 день, Донской атаманъ Осипъ Петровъ съ Донскими казаками и съ вольными ратными людьми въ низъ плавною и конные-жъ Донские казаки и князь Семеново полку Пожарского астраханскіе и тер-скіе служилые люди и черкасы горскіе въ походъ пошли, а куда они пошли, того намъ холопимъ твоимъ не сказали, и юни жъ, Государь, въ 25 день Дон-ской атаманъ Осипъ Петровъ съ Донскими казаками и съ вольными людьми плавною изъ походу пришли и съ собою привезли два карабля, а на нихъ пушекъ мѣдянныхъ и желѣзныхъ большихъ и мелкихъ корабленныхъ 36 пушекъ, да пять знаменъ, да всякаго запасу пшеницы и проса, да пять и корабельные всякиe запасы, наurusы, и якори, и канаты и всякие карабельные заводы; а ска-зали намъ холопимъ твоимъ Донскіе казаки и вольные люди, что де они ходи-ли на татарскіе улусы, которые кочуютъ подъ Азовомъ, и какъ они пришли подъ Азовъ, и тѣ деулусные люди отъ Азова кочевали, и они де изъ подъ Азо-ва отогнали лошадей и всякую животину и взяли полону человѣкъ съ 20 и болѣе, пошли отъ Азова моремъ, и увидя на морѣ карабли, пошли къ нимъ, а тѣ де карабли стоять на якорахъ, а турскихъ людей на кораблехъ нѣть, толь-ко де на нихъ гречанъ человѣкъ съ 16 и они де тѣхъ гречанъ и карабли съ

Разорение улусовъ, кочевавшихъ на Эѣ. Здѣсь казаки получили свѣдѣніе отъ плѣнныхъ, что на рѣч. Эѣ ко-
чуетъ ушедшій изъ—подъ Астрахани Шатемиръ мурза Исуповъ
съ улусомъ своимъ. Дабы азовцы не могли извѣстить мурзу
о близкомъ нахожденіи россійскихъ войскъ, казаки разставили
нѣсколько десятковъ человѣкъ между Азовомъ и этимъ
улусомъ. Дали знать о предпріятіи своемъ князю Пожарскому;
а сами тотъ же часъ съ княземъ Черкасскимъ погнались за
Шатемиромъ. Пожарскій немедля нимало переправился Донъ,
потянулся въ слѣдъ за передовыми войсками и соединился съ
нимъ ночью. Въ половинѣ слѣдующаго дня казаки нагнали
татаръ, которые, въ числѣ 2/т. телѣгъ, медленно шли къ Ку-

достальными запасы и съ пушками взяли; а про турскихъ людей тѣ гречане имъ
сказали, которые де турскіе люди были на караблехъ, и они де послыша изъ
Азова стрѣльбу и увида ихъ на морѣ многихъ людей, сѣвъ въ санды, по-
ѣзжали моремъ назадъ къ городу Керчи, а ихъ де покинули на кораблехъ; и
были де тѣ карабли съ запасы присланы въ Азовъ, и тѣ де запасы везены въ
Азовъ, и остались де въ караблехъ запасы небольшіе и они де атаманы и ка-
заки и вольные люди карабли съ пушками и запасы и гречаны для вѣстей ишли
и привезли съ собою вмѣстѣ, а три корабля сомли на морѣ; и мы холопи
твои атаману Осипу говорили, что они ходятъ напротивъ твоего Государева
указу и были подъ Азовомъ и корабли поимали съ турскими людьми, а задору
съ турскими людьми чинить не вѣтно, и онъ намъ холопемъ твоимъ сказаъ:
люди де у насъ вольные, и учарь де онъ говорить имъ, что бѣ они дѣлали про-
тивъ Государева указу, и они де ему отказали, турской де царь съ крым-
скими за-одинъ и большая де оборона Азову крымской царь, и зимаго де
взять полону русскихъ людей держать въ Азовѣ тысячи съ четыре, и впередъ
имъ надъ Азовомъ промышлять, что де отъ нихъ тебѣ, Государю, чинится
грубости много..... да сказывали намъ холопемъ твоимъ, что у Донескихъ ка-
заковъ и у вольныхъ людей быль кругъ и приговорили, что идти имъ подъ А-
зовъ и промышлять подъ Азовомъ, и атаманы де и старшины лучшіе люди имъ
говорили: Государевъ де указъ вы вѣдасте, что надъ Азовомъ промышлять намъ
не вѣтно и турскихъ городовъ не воевать; и они де всѣмъ войскомъ и воль-
ные люди зашумѣли: то де вы отводите, что подъ Азовъ не итти, Азовъ де
турского и крымского царя вонче, живутъ въ немъ турскіе и крымскіе люди и
ходять въ Русь воевати безпрестанно, и имъ де отъ азовцевъ впередъ жить бу-
деть не мочно, и они де всѣмъ войскомъ приговорили на томъ, что имъ подъ
Азовъ итти тотчасъ и надъ ними промыслы чинить“.

Крымскій дѣлъ 1616 г. Распросны рѣчи воронежца боярскаго сына (по
имени и прозванию неизвѣстного), посланного изъ Разряда на Донъ съ госуда-
рево казною, съ желѣзомъ и смолою. И распросны рѣчи Ногайскаго мурзы
Аксакъ Келмаметева, того же года юля 25 дн.

бани, и сдѣлали на нихъ всѣми силами быстрое нападеніе и по маломъ сопротивленіи овладѣли всѣмъ ауломъ: множество татаръ положили на мѣстѣ и взяли въ плѣнъ около 7,000 душъ мужскаго и женскаго пола; въ добычу досталось умъ 6/т. рогатаго скота и 2/т. овецъ. При дѣлѣ добычи вышла ссора со стороны казаковъ и князя Муцала Черкасскаго противъ Пожарскаго: первые всю добычу, доставшуюся на часть войска князя Пожарскаго, отобрали отъ онаго насильно, и въ буйствѣ своемъ даже выстрѣлили по князю Пожарскому изъ двухъ ружей (274).

Бой съ Нурадыномъ подъ Черкасскимъ городкомъ. По прибытии всего войска къ Черкасскому городку, Донскіе казаки и князь Пожарскій, переправившись на правую сторону Дона, расположились на прежнихъ мѣстахъ. Князь же Муцалъ Черкасскій со всѣмъ своимъ войскомъ остановился на противуположной сторонѣ Дона; въ станѣ его было спокойно и беззаботно. Какъ между тѣмъ Нурадынъ съ 7,000 татаръ, переправясь чрезъ Таврическій проливъ, спѣшилъ тайно къ Азову. Здѣсь узналъ онъ, что часть россійскаго войска остановилась противъ Черкасскаго городка на лѣвомъ берегу Дона. Тихо шелъ онъ отъ Азова къ этому стану и на разсвѣтѣ внезапно всѣми силами напалъ на князя Муцала Черкасскаго. Будучи въ троє слабѣе Нурадына, князь Черкасскій не могъ выдержать первого натиска татаръ, смѣшался; у него отняли знамя; находившійся же подъ его начальствомъ Бей—мурза со всѣми своими татарами, видя превосходство силъ непріятельскихъ, бѣжалъ съ поля сраженія степью на Терекъ; къ счастію Гребенскіе казаки и терские стрѣльцы не лишились присутствія духа: они остановились и мужественно сопротивлялись всей силѣ татарской. Въ этомъ смятеніи князь Черкасскій забылъ даже уведомить Донскихъ казаковъ и князя Пожарскаго о своемъ положеніи;

(274) Дѣла Ногайскія, № 4. Распросныя рѣчи ногайскаго мурзы Аксакъ Кал-маметова въ посольскомъ приказѣ 1646 года Іюля 25 дн., и отписка войска Донскаго, привезенной въ Москву 1646 г. юля 31 дн.

но они сами, услышав крик и звук ружей, въ тужь минуту переправились чрезъ Донъ и остановили стремление татаръ. Началась вновь жестокая сѣча, продолжавшаяся весь день; наконецъ Нурадынъ, видя что всѣ его усилия тщетны, началъ отступать и потомъ срѣмительно побѣжалъ къ Азову: въ этомъ сраженіи ранили князя Пожарского и письменного голову Хрущова; много казаковъ и татарскихъ узденей было побито (275).

Разбитіе Нурадына на Кагальникѣ. Нурадынъ, претерпѣвъ значительный уронъ въ людяхъ, и нерѣшаясь вновь предпринять что-либо противу сеединенныхъ казачьихъ и россійскихъ войскъ, остановился лагеремъ на рѣчкѣ Кагальникѣ. Ему стоило большаго труда удерживать съ собою мурзъ ногайскихъ, изъ коихъ многіе, невзирая на всѣ его усилия, разбѣжались съ подвластными людьми по свомъ улусамъ. Вѣсть о положеніи войскъ нурадыновыхъ

(275) Дѣла Донесія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 1646 года іюня 31-го.

„Да іюня жъ, Государь, въ 6 днѣвъ, съ утра на утренней зарѣ, по присыпѣ и по письму къ крымскому царю азовскаго Мустафѣ—бѣл и всѣхъ азовскихъ городовыхъ людей, приходилъ крымскій царевичъ Некарей Нурадынъ съ крымскими и съ ногайскими мурзами и со многими ихъ воинскими людьми, и азовской Мустафа—бѣл со всѣми городовыми людьми и съ черкассы темрюцкими и всѣхъ де, Государь, было ихъ десять тысячъ, и близъ подѣя нашого Черкасково городка на кнізь Мусаля Семенченевича Черкасково и отъ тово ихъ удару Богъ помиловалъ, со всѣми ратными людьми, и учаль онь кнізь Мусаля съ ними бой, и, послыша, Государь, мы ходили твои туть бой и крикъ, вышли и къ нему, ко кнізь Мусаля, на выручку туть—часть насѣпѣхъ всѣми войсками, конные и пѣши, и учали мы съ ними бой, а твоего Царскаго Величества стольнику и воеводѣ кнізю Семену Романовичу Пожарскому подали мы о томъ вѣсть, чтобы онь шелъ насѣпѣхъ къ намъ на помощь со всѣми твоими Государевыми ратными людьми не мѣшкай жъ ни часу, и кнізь Семенъ Романовичъ Пожарскій пришелъ къ намъ со всею ратью не замѣшкавъ же ни часу, и близса, Государь, мы съ ними съ утра и до вечера, кровопролитіе, Государь, у насъ съ ними было великое, и Божію, Государь, милостію, а твоимъ государевымъ даревымъ и великаго кнізя Алексѣя Михайловича вселїа Руссія счастіемъ съ кошю мы ихъ сбили и многихъ людей побили и изъковъ у нихъ побрали, а царевичъ, со всѣми своими воинскими людьми, пошелъ отъ насъ отводомъ съ великою нуждою, и на томъ, Государь, бою кнізя Семена Романовича Пожарского ранили изъ лука да письменнова голову Якова Хрущова ранили жъ, да и нашихъ, Государь, казаковъ многихъ переранили и коней у насъ наполовину иноихъ же побили“.

казаки получили отъ преданныхъ имъ татаръ. По совѣщаніи съ княземъ Пожарскимъ и Муцаломъ Черкасскимъ, и съ дворяниномъ Жданомъ Кондыревымъ и всѣми вольными ратными людьми единогласно собрались въ походъ, и въ ту же ночь, съ 2 подъ 3 число августа мѣсяца, 6/т. соединенного войска переправилось чрезъ рѣку Донъ со всею артиллерию. Дабы скрыть свое движеніе отъ азовцевъ, они пошли тихо ночью, днемъ же стояли въ байракахъ, и наконецъ 7 числа, на утренній зарѣ, подошедъ близко къ татарскому стану, внезапно напали на сный всѣми силами. Смятеніе татаръ было неодписанное: въ страхѣ опрокидывая другъ друга, они всѣ разбрѣжались врознь, оставивъ побѣдителямъ въ добычу весь станъ. Казаки взяли множество припасовъ, нурадынову палатку со всѣмъ его имуществомъ и 70 другихъ палатокъ; всѣ прочее, чего немогли забрать, пожгли на мѣстѣ (276).

Между тѣмъ татары ободрились, собрались вмѣстѣ и начали преслѣдоватъ россійское войско, которое, по разграбленіи ихъ стана, медленно подвигалось назадъ. Азовскій паша, узнавъ о разбитіи Нурадына, поспѣшилъ къ нему на помощь со всѣмъ своимъ гарнизономъ и съ артиллерию, и тѣмъ увеличилъ войско нурадыново до 10/т. челов. Князь Пожарскій и казаки, не желая вступать въ неравный бой, для сохраненія людей, отступали въ порядкѣ, защищаясь артиллерию; при этомъ случаѣ они побили 200 плѣнныхъ татаръ, кои могли вредить имъ отступленію, и 6 числа пришли къ Черкасскому городку безъ малѣйшаго урона.

По хвалльная грамота казакамъ и жалованное зданіе. Съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ посланъ былъ въ Москву атаманъ Наумъ Васильевъ. Государю

(276) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1646 г. сентября 25.

„И Божиєю милостію, а нашимъ государскимъ счастіемъ татаръ многихъ вы
иа станахъ побили и языковъ многихъ поимали, и съ становъ царевичич сбии,
и шатры и палатки царевича и постель и карету царевичеву взяли, и у мурзъ
у ближнихъ дядей шатры и палатки и котлы и всяку рухлядь поимали; а
чего взять было не на чёмъ, и то пожгли и шатровъ зади 71-иъ“.

пріятны были подвиги казаковъ: атаманъ принялъ быть благосклонно и вся станица одарена щедро.—Отпуская станицу, Государь послать на Донъ похвальную грамоту, которую хвалилъ мужество казаковъ и обѣщалъ содержать ихъ въ царской своей милости на будущее время. Сверхъ того пожаловалъ въ награду казакамъ дорогое знамя съ изображеніемъ орла, которое и отправилъ на Донъ съ тою же станицею (277).

Побѣгъ съ Дону новонабранныхъ вольныхъ людей. Выше упомянуто, что намѣреніе Государя было не только защитить казаковъ отъ утѣсненій татаръ, но еще общими силами сдѣлать нападеніе на Крымъ. Изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ видны причины, почему казаки, въ соединеніи съ войскомъ князя Пожарского, доселъ непривели этого въ исполненіе. Между тѣмъ новонабранныя войска, наскучивъ на Дону переносить труды казачьей службы, начали тайнымъ образомъ бѣгать изъ Черкасского стана большими партиями; другіе, захвативъ казачьи суда, плыли вверхъ по Донцу или по Дону, а по минованіи въ нихъ надобности, рубили оныя и удалялись въ свои мѣста; побѣги таковыя время отъ времени становились чаще, наконецъ собралось болѣе 1,000 человѣкъ и среди дня поднявъ знамена пошли степью въ украинные города: „мы хотя и могли бы остановить ихъ силою оружія своего, писали казаки царю, но дабы молва о таковой измѣнѣ россійскихъ людей не достигла въ иныхъ государства и орды, не хотѣли ихъ трогать“. Такимъ образомъ

(277) Въ той же грамотѣ:

„И мы, Великий Государь, Царь и величайший князь Алексей Михайловичъ, всел Руссіи Самодержецъ, вѣсъ атамановъ и казаковъ и все Донское Войско и вольныхъ людей, что вы вами, Великому Государю, служите и о нашемъ государскомъ дѣлѣ радѣете и надъ крымскими и надъ ногайскими людьми и которые наимъ Великому Государю неислушанны промышляете, нещадя головъ своихъ, жалуемъ, милостивно похвальемъ, и станчниковъ вашихъ атамана Наума Васильева съ товарищи, пожаловать наимъ царскимъ жалованьемъ, вѣты отпустить къ вамъ на Донъ не задержавъ, а съ нимъ вѣты послать къ вамъ наше Царского Величества знамя“.

большая половина этихъ новонабранныхъ людей разбѣжалась (278).

Но съ другой стороны дѣла казаковъ нѣсколько поправились: Нурадынъ, пораженный на Кагальникѣ, не могъ скоро оправиться и страшась конечнаго истребленія, предпочелъ не вдаваться въ опасности: онъ возвратился въ Крымъ и распустилъ войска по домамъ. Пожарскій и Муцалъ Черкасскій отозваны были съ войсками ихъ къ Астрахани, гдѣ въ нихъ имѣлось болѣе нужды.

Набѣги казаковъ на приморскіе области Тавриды. Въ зиму этого года казаки отдыхали, не предпринимая никакихъ поисковъ; и враги устали ихъ тревожить. Но весною снова открылась дѣятельность съ обѣихъ сторонъ: непріятели отважно разѣзжали по морю и приступали къ казачиимъ городкамъ. Мужество казаковъ неизмѣнилось, но число ихъ было такъ малозначуще, что нельзя было и думать о большихъ предприятияхъ; несмотря на это нужда требовала защищаться отъ враговъ и скрывать свое положеніе.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ казаки снарядили 33 струга и пустили оные для разоренія крымскихъ береговъ; между Темрюкомъ и Таманью застала ихъ сильная буря и выбросила на берегъ. Въ бѣдственномъ смутеніи казаки растеряли большую часть оружія и снарядовъ, какъ вдругъ на берегу Тамани напали на нихъ татары въ превосходныхъ силахъ. Казаки думали уже не о побѣдѣ, а о спасеніи своеемъ, и оставивъ въ добычу непріятелю 16 струговъ, въ остальныхъ удалились въ море. Очень много казаковъ побито въ семь дѣлѣ. Неймѣя силъ, ни возможности предпріять нового поиска противу татаръ, они поспѣшили возвращаться назадъ и прежде нежели доплыли до устья Дона, лишились въ пути отъ бурь еще четыре струга.

(278) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1646 г. августа 17-го.

„И хотѣли было съ погонщиками вашими поставить бой, и вы, не хотя такие между-усобные смуты учинить, чтобы въ такой бездѣльной смутѣ выные земли и орды слава не прошла, за такую ихъ измѣну ничего надъ ними не учинили“.

Междъ тѣмъ татары тотчасъ послали извѣстіе къ азовскому бею объ отплытіи Донцовъ отъ береговъ Тамани. Бей, немедля ни минуты, засыпалъ каменьями Мертвый Донецъ, по которому обыкновенно казаки ходили судами въ море, а самъ съ турками и татарами ожидали прихода казаковъ въ скрытныхъ мѣстахъ. Наконецъ казаки показались и беззаботливо плыли вверхъ по рѣчкѣ; вдругъ суда ихъ останавливаются на камняхъ; казаки, не теряя присутствія духа, пристали къ берегу и начали перетаскивать суда свои; это было ночью; азовцы напали на нихъ со всѣхъ сторонъ, но мужествомъ казаковъ были отражены. Между тѣмъ настало утро, азовцы увидѣвъ что казаковъ было весьма малое число, рѣшились истребить ихъ совершенно; и для того призвали къ себѣ на помощь изъ Азова турокъ, дрались съ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ; невзирая однажды на превосходство силъ, казаки успѣли перетащить 12-ть струговъ, оставивъ одинъ въ добычу азовцамъ, и уйти на оныхъ къ Черкасскому городку; въ этомъ сраженіи казаки тяжело ранили азовскаго Бея (279).

Приступъ азовцевъ подъ Черкасскій городокъ. Пораженіе казаковъ на море и на устьяхъ

(279) Тамъ же, распросныя рѣчи есаула Василія Никитина съ товарищами ноября 15 дня 1647 года“.

„Въ прошломъ де во 155 году с Петровѣ дни ходили на море въ 33 стругахъ, а сколько человѣкъ того не вѣдауть, и тѣхъ де казаковъ на море погодою между Тамани и Темрюка прибило къ берегу, а темрюцкіе де черкаси ихъ побили, а иныхъ живыхъ помили, и взяли де 16 струговъ; а вѣсть де имъ учинилась, что вышли къ имъ стѣхъ 16 струговъ два человѣка казаковъ; а четыре де струга остались на море и про два де струга вѣсть что они цѣлы, а про два вѣсти нѣть; а ии съ какими де людьми на море бою у нихъ не бывало, и тѣхъ струговъ примили казаць только 12 струговъ; а стругъ де азовцы и крымскіе люди и черкаси темрюцкіе отбыли изъ устья Донца Мертваго, а дожидались де ихъ задолгое время, и сперва де казаки побили азовцевъ и черкасъ, а послѣ де того на утрѣ, какъ ихъ осмотрѣли, что ихъ немного, и они де примили на нихъ многими людьми и ихъ побили, потому что де они въ то время таскали изъ Донца струги и многие были ноги и въ тѣ де поры сбили, а въ войско пришло 12 струговъ“.

См. крымскія дѣла, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Карадугова и Гризанова, № 6-й подъ годомъ 1647.

Дона придало азовцамъ еще большую смѣлость въ нападеніи на нихъ даже въ жилищахъ; они дознались, что послѣ потери казаками знатнаго числа людей, осталось икъ въ Черкасскомъ городкѣ не много и сочли случай этотъ самымъ удобнымъ на совершенное истребленіе казаковъ.

Для этого, по ихъ повыву, стеклись къ нимъ крымцы, ногайцы и черкесы; изготовили 280 судовъ. По принятому плану одна часть должна была сдѣлать нападеніе рѣкою Дономъ, а другая сухимъ путемъ и такимъ образомъ рѣшительнымъ ударомъ взять Черкасскій городокъ; но Провидѣніе спасло казаковъ: они мужественно отразили всѣ приступы непріятелей, истребили ихъ великое множество и непрестанными пораженіями заставили обратиться въ бѣгство. Видя это, казаки бросились въ свои суда, которые во время осады находились внутри городка, настигли враговъ и множество ихъ захватили на судахъ.

Казаки посылаютъ въ Москву просить о помощи. Между тѣмъ положеніе казаковъ время отъ времени становилось хуже: набѣги азовцевъ сухимъ путемъ и водою почти съ каждымъ днемъ возобновлялись.—Въ семъ крайнемъ положеніи казаки ненадѣясь на собственные силы, отправили отъ себя въ Москву станицу съ просьбою о вспомоществованіи имъ войскомъ: „мы нынѣ отъ безпрерывныхъ сраженій съ азовцами, писали они къ Государю, пришли въ совершенное изнеможеніе. Пока мы были многолюдны защищали себя отъ непріятелей собственными силами; нынѣ же до того притѣснены, что нѣтъ намъ воли нетолько ловить рыбу, но и воды почерпнуть изъ Дона. Возьми, Государь, отъ насъ свою казну пороховую и пушки, кои намъ не кѣмъ защищать; а если тебѣ, Государь, рѣка Донъ нужна, пришли намъ помошь людьми; въ противномъ случаѣ, укажи гдѣ намъ жить, ибо мы безъ помощи принуждены будемъ, оставивъ Донъ, разойтись въ разныя мѣста“. Съ таковою отпискою отправленъ былъ въ Москву въ октябрѣ мѣсяца 1647 г. знатный старшина Андрей Васильевъ и есаулъ Ва-

силій Низитинъ. Имъ, по приказанию Государя, въ Посольскомъ приказѣ представляли думные дьяки, что воинскихъ людей нельзя послать на Донъ, потому что казаки ихъ прятываются, не даютъ имъ прованта, отъ чего бѣгаютъ они въ украинные города; дьяки представляли въ примѣръ князя Пожарского, которого казаки не слушались и не приглашали къ себѣ на совѣтъ; еще упрекали ихъ, что они сами виновны въ потерю людей своихъ, безпрерывно воюя турецкія владѣнія противу запрещеній Государя.

Атаманъ и есауль въ оправдание приводили доводы сильные и доказывали, что бывшие у нихъ ратные люди всегда получали сполна провантъ, ио пропивали его и сами уходили съ Дону въ разныя мѣста; что съ княземъ Пожарскимъ у нихъ никакой ссоры не было, а царскія повелѣнія они всегда исполняли и исполняютъ. Потерю людей они наиболѣе относили къ произшествію на островѣ Тамани и приписывали то волѣ Божіей. Но успѣхъ просьбы ихъ все еще оставался сомнительнымъ, почему въ генварѣ мѣсяцѣ 1648 г. отъ Донскаго войска прибыла въ Москву новая станица, при атаманѣ Иванѣ Молодовѣ, которая доносila, что казаки отъ безпрерывныхъ азовскихъ приступовъ пришли въ совершенное безсиліе, и что если въ скорости не будетъ сдѣлана имъ помошь людьми, то всѣ они должны будутъ разойтись въ разныя мѣста (280).

(280) Тамъ же, докладъ Государю Царю Алексѣю Михайловичу, въ мартѣ мѣсяцѣ 1648 года.

,,Да въ прошломъ же де во 155 году юля въ 19 день да юля въ 28 день приходили къ ихъ Черкасскому городку азовской Мустафа—бей съ азовскими и съ крымскими и ногайскими со многими людьми и съ черкассы; да азовской же Алѣй-Ага яныческой приходиль съ азовскими людьми и съ янычесныи Дономъ судами съ пушкиами и съ мѣлкими ружьемъ, а судовъ де вскихъ было 280 и ихъ казачій городокъ осадили и къ городку накрѣпко приступали, и битвы у нихъ съ ними были великие, и на томъ приступѣ многихъ азовскихъ и крымскихъ и ногайскихъ людей и черкассы побили, а иныхъ переранили и отъ того ихъ городка побѣжали и они де за ними гонили, и догнавъ, многіе суды у нихъ отбили, и многихъ побили и переранили, а съ пыткѣ де языки сказывали: приходили де они для того, чтобы имъ ихъ разорить, да и новыи де для ихъ бусурманскіе приходы и приступы къ ихъ казачью городку и без-

Казаки получаютъ вспомоществованіе. Российскій дворъ ясно видѣлъ, что по малолюдству казаковъ непріятели легко могутъ совершенно одолѣть ихъ и открыть себѣ безпрепятственный путь къ Российскимъ украинамъ, почему рѣшилъ наконецъ дать имъ помошь: назначень былъ изъ

престанно у нихъ съ ними бусурманы кровопролитье, хотить ихъ съ рѣки всѣхъ перевѣстъ и рѣку до Воронежа очистить; а которые де были вольные люди, и тѣ де, некотя съ ними служить, многіе разошлись, а которые де остались съ ними, и тѣ де многіе съ ними на государевыхъ службахъ на боехъ и на приступахъ побиты и переранены и многіе де ихъ браты и вольные люди отъ ранъ померли, и покамѣсть де ихъ мочь была, и они де служили блаженныи памяти отцу его Государеву Великому Государю Царю и Великому князю Михаилу Федоровичу всея Руссіи, а нынѣ де имъ отъ бусурманского безпрестанного приходу и кровопролитья въ часовнѣ Государева богомолья, Божія милосердія иконъ и иороховыхъ казны и снаряду держать мочи ихъ нѣть, и жить стало не въ силу, и будетъ Государю рѣка годна и впередъ ироична, и Великій бы Государь вѣльми имъ свой государской указъ учинить гдѣ имъ жить, а зимою де ожидаютъ они ихъ бусурманского большаго собранія и къ себѣ приходу“.

„И 156 году декабря въ 22 день дѣлки думной Назарей Чистого да Алмазъ Ивановъ допрашивали донскихъ станичниковъ и ясаула Василья Микитина съ товарищи: бывать челомъ они Государю отъ всего войска Донскаго, что имъ отъ бусурманского приходу стоять стало не въ мочь, и они бѣ сказали, чѣмъ имъ помочь учинить, сами они сказывали что у нихъ хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ нескудно“.

„И ясауль Василій Микитинъ съ товарищи сказаъ: государскимъ де хлѣбовицемъ, хлѣбными и пушечными запасы они не скудны; а скудны де они люди и нынѣ де по зимѣ чадить они къ себѣ бусурманского приходу большаго собранія, и чѣмъ Царское величество велить помочь учинить втомъ де какъ Царское величество изволить“.

„И дѣлки говорили, людей къ нимъ посыпать немочино, потому что они государскаго повелѣнны не слушаютъ, посыпаны къ нимъ вольные многіе люди и они тѣхъ вольныхъ людей голодомъ поморили, запасовъ имъ не давали, а нынѣ побивали, и тѣ де вольные многіе люди съ Дону разошлись отъ ихъ тѣсноты и дорогобю многіе померли, да къ нимъ же посыпаны съ ратными людьми стольникъ и воевода князь Сементъ Романовичъ Пожарскій, и они атаманы и казаки его ни въ чёмъ не слушали, все дѣлали самовольствомъ и бѣглыхъ людей къ себѣ принимали и такъ вынимать ихъ у себя не дали, а нынѣхъ людей подговаривали“.

„Да имъ же атаманомъ и казакомъ по Царскаго величества указу на море подъ турскіе города ходить и воевать и разорять не вѣбно, и вѣдомо Цар-

Москвы дворянинъ Андрей Лазаревъ съ 1,000 чел. солдатъ, одинъ маоръ, 4 капитана, 5 поручиковъ. Все это войско изъ Воронежа было отправлено рѣкою Дономъ и въ великой радости казаковъ прибыло въ Черкасской городокъ въ октябрь мѣсяцѣ. Оно остановилось по близости городка въ крѣпкому

скому величеству учинилось, что они на море подъ турскіе города ходили воевали и разоряли, и для того нынѣ во Царь—городѣ Царскаго Величества пословъ задержали отъ нихъ непослушныхъ, и тѣмъ своимъ непослушаньемъ людей всѣхъ растеряли. И ясауль Василій Микитинъ съ товарищи говорили: въ томъ де государская воля, вольныхъ де людемъ отъ нихъ никакой тѣсноты небывало, и ихъ не побивали, и запасы имъ давали, а тѣ де вольные люди не хотять Государю служить, запасы пропивали и пропивъ тѣ запасы, съ Дону отъ нихъ пошли бѣгомъ, а унять было ихъ нельзѧ, потому что они люди вольные.“

„А какъ де стольникъ и воевода князь Семенъ Романовичъ Пожарскій былъ у нихъ на Дону съ ратными людьми и они де во всемъ его слушали и бѣглыхъ людей къ себѣ не принимали и не подговаривали, и вынимать бѣглыхъ людей не заказывали, и во всемъ де государское повелѣнья исполняли, въ томъ де шлются они на князя Муцала Сунчалѣвича Черкасскаго, что ихъ ви въ чёмъ послушанья не было что бѣ про то Царское Величество вѣдѣть ссыкатъ“.

„А на море де пошли было они подъ крымскіе улусы и волю де Божию погодою принесло ихъ къ турецкимъ городамъ, и они де изъ судовъ на берегъ выходили для хлѣба, чтобы имъ съ голоду не помереть, а не для войны, и въ томъ де Богъ воленъ да Государь.

„А февраля въ 5 день писали къ Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеса Руссіи, Донскіе атаманы и казаки Иванъ Каторжной и все Донское войско и прислали отписку, а подъ отпискою членобитное; а въ отпискѣ и въ членобитной написано: Генваря въ 4 день, приходили къ нихъ казачью Черкасскому городку, собрався, крымскіе и азовскіе и ногайскіе многие воинскіе люди и къ городку приступали накрѣпко, и въ томъ де приступѣ многихъ у нихъ побили, и переравивъ поимали, да на томъ же де приступѣ и на вылазкѣ взяли астраханскихъ стрѣльцовъ 8 человѣкъ, а девятаго убили, которые присланы изъ Астрахани, и имъ де отъ бусурманскаго безпрестаннаго къ нимъ приходу и приступу и кроволитью жить не съ силу, мочи ихъ вѣту и государевы казны держать не съ кѣмъ, и что бѣ Государь вѣдѣть у нихъ свою государеву пороховую казну и спарадъ принять, и имъ вѣдѣть бы Государь указъ учинить гдѣ имъ жить, а рѣки де пить удержать не съ кѣмъ, нетолько рыбы изловить, и по воду имъ вытти отъ нихъ бусурмановъ нельзѧ, сидѣть отъ нихъ въ осадѣ; а что де къ нимъ прислано государева денежнаго жалованы 3,000 рублей, да хлѣбныхъ запасовъ 1,970 чети, и они дс то государево жалование хлѣбное и денежнное межъ себѣ дуванили и кому де и недовалось государева

мѣстѣ и окопалось со всѣхъ сторонъ.—Въ грамотѣ же Царской предписано казакамъ быть въ дружбѣ, какъ съ дворяниномъ Лазаревымъ, такъ и со всѣми чиновниками; безъ общаго согласія ничего не предпринимать и дѣйствовать противу непріятелей, въ случаѣ ихъ нападенія, совокупными силами; еще строго подтверждалось казакамъ никакихъ не дѣлать нападеній на турецкіе сели и города (281).

Политика Московскаго двора въ переговорахъ съ Турками и Крымомъ. Выше упомянуто, какъ крымскій ханъ, разграбленный на казаковъ, посадилъ въ живовскій городъ ограбленныхъ россійскихъ посланниковъ Карапулова и Грязнова Акишева; но чрезъ разныя представительства они были выпущены и возвратились въ Россію 1647 г. На мѣсто ихъ отправлены снова въ Крымъ дьякъ Хотунский и подьячій Степановъ; они встрѣчены были множествомъ новыхъ жалобъ на казаковъ: упрекали ихъ, что Государь Россійскій прислалъ къ казакамъ ратныхъ людей, хлѣбные запасы, деньги и сукна; что Донскіе казаки занерли своими судами устье Дона и недозволяютъ пройти въ Азову кораблямъ, отправленнымъ изъ Константинополя и Кафы съ провіантромъ и разными товарами, отъ чего произошелъ въ Азовѣ голодъ и недостатокъ въ необходимыхъ вещахъ; объявляли, что если Государь Россійскій желаетъ быть въ дружбѣ съ Исламомъ—Гиреемъ, то приказалъ бы послать на Донъ свое войско, а ханъ пошлетъ изъ Кры-

жалованья давать, которые въ гребцахъ къ нимъ съ Русси пришли съ государевыми съ денежными и съ хлѣбными жалованьемъ, и у нихъ де въ Черкасскомъ городкѣ засиживали, а они де тѣмъ людемъ для своей нужи и скудости и для беспрестанныхъ къ нимъ приходовъ и приступовъ, государево денежнѣе и хлѣбное жалованье дали, чтобы имъ до государева указу розно иеразбрести, и его Государева указу они къ себѣ ожидаются, а не будетъ де имъ его Государева указу, и они де съ рѣки всѣ разбредутся въ рознь“. См. распроси, рѣчи станичнаго атамана Степана Молодово, прѣхавшаго въ Москву 1648 г. мая 2 дня.

(281) Грамота на Донъ отъ 15 мая 1648 г. См. наказъ дворянину Андрею Лазареву, отправленному на Донъ съ полкомъ мая 24 дня 1648 года.

му свою рать, и такимъ образомъ общими силами разорить бы казачьи жилища и ихъ самихъ истребить.

Российские посланники объявляли старых увѣренія, что Российскій Государь ратныхъ людей и жалованья къ Донскимъ казакамъ никогда не посыпалъ и считаетъ неприличнымъ содержать въ милости бѣглецовъ, укрывающихся на Дону отъ смертной казни; что если Исламъ-Гирей велитъ своимъ войскамъ истребить всѣхъ казаковъ, то Государь будетъ тѣмъ доволенъ; послать же на нихъ свои войска ему невозможно, за чрезвычайною отдаленостію, а къ тому жъ живутъ они по займищамъ, малымъ рѣчкамъ и проточинамъ (282). Да же, старались они увѣритъ Крымскій дворъ, что поиски казаковъ по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей производятся самовольно, не по царскому повелѣнію.

Къ турецкому султану писалъ Государь, что если съ стороны Российской открыты военные дѣйствія противъ татаръ, то это произошло отъ озлобленія украинскихъ жителей, которые желая мстить татарамъ за ихъ безпрерывныя нападенія на русскія жилища и за пѣненіе ихъ отцовъ, матерей и братьевъ, собрались сами собою и соединясь съ Донскими казаками, намъ непослушными, нападаютъ на татаръ въ томъ намѣреніи, что бы освободить пѣненныхъ или родственниковъ своихъ.

На требование турецкаго султана, что бы свѣсть казаковъ съ Дону, Российскій Государь отвѣчалъ: „сдѣлать сего невозможно, ибо казаки живутъ на Дону по своей волѣ ко-

(282) Крымскій дѣлъ 1647 года.

„И посланники Сеферь—Гизы—Агѣ говорили, то дѣло нестаточное, что бы Великому Государю нашему Его Царскому Величеству послать на тѣхъ ворогъ на Донскихъ казаковъ своихъ государевыхъ ратныхъ людей, потому что они люди худые и отъ государевыхъ украинныхъ городовъ удалены и живутъ въ разныхъ мѣстахъ по займищамъ и по малымъ рѣчкамъ и по проточинамъ; только Исламъ-Гирей царь изволить, и ему тѣхъ ворогъ можно съ Дону свѣсть и безъ Царскаго Величества ратныхъ людей, Великій Государь Его Царское Величество о томъ на Исламъ—Гирея цара досадовать неучнетъ“.

чевимиъ обычаемъ, съ ними же вмѣстѣ живутъ различныхъ странъ люди: литовцы, нѣмцы, горскіе и запорожскіе черкасы, крымцы, ногайцы и азовцы; а всѣ сіи люди моего повелѣнія не слушаютъ” (283).

Набѣги казаковъ на приморскіе берега Тавриды. Еще до прибитія на Донъ обѣщанного Царемъ войска, Донскіе казаки, обрадованные вѣстю объ этомъ, принялись за оружіе. Имъ извѣстно было, что крымцы, въ соединеніи съ ногайцами, громили тогда польскую украину, они рѣшились отмстить имъ за свои обиды; съ этою цѣлію снарядили 8 струговъ, помѣшившихъ 300 казаковъ, и отправили подъ крымскіе улусы. Татары только что воротились изъ польского похода съ множествомъ плѣнныхъ. Казаки иерѣшась малыми силами нападать на селенія, лежащія по крымскимъ берегамъ, пристали къ урочищу Тонкія-воды; тамъ скоро примѣтили они татаръ, шедшихъ съ польскимъ плѣномъ, вдругъ напали на нихъ и отбили 30 человѣкъ поляковъ, потомъ обратились на кочевавшій вблизи татарскій улусъ, разграбили оный, убили 50 татаръ и 5 человѣкъ взяли въ плѣнъ.

Между тѣмъ азовскій бей, пользуясь отсутствіемъ казаковъ собралъ изъ ближнихъ улусовъ татаръ и двинулся съ ними къ Черкасскому городку рѣкою Дономъ и степью; но лишь только приблизился къ нему, встрѣченъ былъ, къ изумленію своему, солдатами и казаками; боясь неравнаго боя, онъ неспѣшно удалился назадъ. Эти нападенія азовцевъ непомѣшили казакамъ предпринять другой набѣгъ на татарскіе улусы,

(283) Турскія дѣла № 2.

„А что въ той же вашей, брата нашего, великаго государя, грамотѣ написано, что бъ намъ великаго государя. . . . того учинить нельзя, потому что Донскіе казаки бѣжали изъ Московскаго государства, заворовавъ, отъ смертныя казни, и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ изстари кочевничьимъ обычаемъ и съ ними живутъ разныхъ вѣръ люди, литва и нѣмцы, и горскіе и запорожскіе черкасы, и крымцы, и ногайцы и азовцы, а не одни они Донскіе казаки, а нашего Царскаго повелѣнія неслушаютъ“ и проч.

кочевавшіе около Тонкихъ—водъ. Морское войско ихъ въ это время состояло изъ 600 казаковъ, помѣщавшихся въ 20 стругахъ; быстрый походъ этотъ вознагражденъ былъ добычею 50 польскихъ плѣнниковъ. Въ набѣгѣ казаки убили 20 человѣкъ татаръ.

Ободряемыес этими успѣхами, казаки съ новою бодростію предпринимали осенью того же 1648 года третій походъ моремъ въ 16 стругахъ подъ Темрюкъ; онъ былъ также удачень: кромѣ добычи состоявшей изъ обыкновенныхъ татарскихъ пожитковъ, они захватили 50 человѣкъ темрюцкихъ жителей и тамъ же отдали ихъ на окупъ.

Наступившая зима проведена была безъ всякаго дѣйствія, кромѣ того, что 100 казаковъ ходили подъ Азовъ, для нападенія на небольшую партію кафінскихъ турокъ, шедшихъ степью къ Азову; но не имѣли успѣха, ибо азовцы, узнавъ намѣреніе ихъ, поспѣшили на помощь кафинцамъ въ числѣ 400 человѣкъ; казаки вступили было съ ними въ бой, но принуждены уступить превосходной силѣ, однакожъ захватили въ плѣнъ 10 человѣкъ кафинцовъ съ коими и возвратились къ Черкасскому городку (284).

Весною 1649 года, казаки вновь снарядили 10 струговъ и отправили моремъ къ крымскимъ берегамъ, но узнавши тамъ, что изъ Кафи поѣхали Россійские послы, находившіеся тогда въ Константиноополѣ, они принуждены были воротиться назадъ; и на возвратномъ пути забѣжали для языковъ на крымскую сторону, напали тамъ на одно селеніе, близъ самой Кафи лежащее, разграбили оное, захватили 350 плѣнныхъ взятыхъ татарами въ Польшѣ и съ этою добычею возвратились къ Дону.

Между тѣмъ азовскій бей вознамѣрился еще разъ испытать счастіе подъ Черкасскимъ городкомъ, и для того рѣшил-

(284) Распросны рѣчи Донскихъ казаковъ Тимофея Иванова съ товарищи сентября 12 дни 1648 г. и станичного атамана Павла Федорова того же года 17-го декабря.

ся подвести суда свои къ оному сухимъ путемъ; сколь-тайно непроизводилъ онъ эти движения, но былъ замѣченъ казаками; они выступили противъ него съ россійскимъ войскомъ, обратили въ бѣгство и завладѣли всѣми его судами.

Столь частыя нападенія казаковъ на крымскія области заставили турокъ снабжать Азовъ провіантомъ и другими вещами не моремъ, а сухимъ путемъ изъ Темрюка, лѣвымъ берегомъ азовскаго моря; по этому случаю крымскій ханъ писалъ между прочимъ въ грамотѣ своей къ Россійскому Государю: „казаки заставили все устье Дона своими стругами и недозволяютъ къ Азову подвозить моремъ провіанта и другихъ нужныхъ вещей, чрезъ что мы принуждены доставлять все сие сухимъ путемъ съ большими издержками“ (285).

Намѣреніе Крымскаго хана идти войною на казаковъ въ соединеніи съ Запорожцами. Ханъ, видя столь быстро возраставшую силу казаковъ, придумывалъ средства имъ рѣшительный ударъ. Къ царю Алексѣю Михайловичу писалъ онъ съ гордостю: „если неуймешь казаковъ, то зимою многочисленная рать моя въ соединеніи съ турками и ногайскими князьями и съ запорожскими черкасами истребить всѣ казачьи городки“ (286).

(285) Отписка дворянина Лазарева, полученная въ Москву 1649 г. сентября 13-го, распросны рѣчи станичного атамана Прокофія Иванова того же года октября 8 дня къ Крымскія дѣла № 15, 1648 года.

„Крымскій ханъ писалъ въ своей грамотѣ къ Россійскому Государю..... и вы, Великій Государь, ваше царское величество посыаете къ намъ гонцовъ и казакамъ велите ходить подъ Азовъ водой, и съ хлѣбомъ и со всякою запасомъ по морю въ Азовъ не пропускаютъ и морскія устья всѣми своимъ стругами заставили и ходить на море воевать сель и деревень и украдкою крадуть и многая отъ нихъ всякая тѣснота чинитца, и въ Азовъ водными путемъ хлѣбу и всякому запасу проходу нѣть, и сухимъ путемъ ходить добре нужно и стаиваются большия убытки“.

(286) Крымскія дѣла 1648 г., № 15. Грамота Крымскаго хана къ Россійскому Государю, привезъ въ Москву гонцомъ его Крымъ-Газы-Мурзы, въ которой между прочимъ сказано:

„Да Донскихъ казаковъ вамъ брату нашему учинять и подъ Азовъ имъ

Но главную надежду полагалъ онъ на Запорожцевъ. Пользуясь тогданимъ несогласиемъ малороссійскихъ казаковъ съ поляками, онъ заключилъ съ первыми дружественный союзъ, взявшишь помочь имъ въ войнѣ, извлекъ отъ нихъ твердое обѣщаніе о взаимной помощи противу враговъ Крыма. Едва окончилась война съ польшею, ханъ потребовалъ отъ гетмана Хмѣльницкаго, чтобы онъ приготовился воевать казаковъ Донскихъ: „пошли отъ себя сказать казакамъ, писать онъ къ гетману, чтобы они унялись отъ поисковъ въ областяхъ моихъ. Пускай просятъ у меня пощады: я прощу ихъ собственно для тебя, гетманъ, и стану содержать ихъ въ пріятствї. Если же не послушаютъ, тогда я и ты понесемъ къ нимъ войну и смерть“ (287).

Гетманъ, сохранивъ условія союза, въ мартѣ мѣсяцѣ 1650 г., прислалъ на Донъ посланцовъ своихъ съ отпискою, въ коей, между прочимъ, просилъ казаковъ, чтобы они послушали заключеннаго имъ вѣчнаго мира съ Крымскимъ ханомъ, для братской любви, никакихъ нападеній на его улусы не дѣлали: „если не для себя, продолжалъ онъ, то для церквей Божиихъ намъ нужна пріязнь и дружба ханская. Примите нашъ братскій совѣтъ и наше убѣжденіе: прекратите поиски ваши въ Тавридѣ и Турціи; тогда союзъ нашъ

ходитъ не вѣрѣть и дурна никакова Азову не чинить; а будетъ вы, братъ намъ, Донскихъ казаковъ впредь унимать не станете, какъ зими становеть и мы съ турскими княземъ и съ крымскими и съ ногайскими ратными людьми и съ Днѣпровскими казаки на то положились, что зимию на Донъ на всѣ городки пойдемъ войною.“

(287) Донскія дѣла 1647 и 1648, отписка Крымскаго хана къ гетману Богдану Хмѣльницкому.

„А къ Донскимъ казакамъ, прошу изволъ послать, чтобы они на море не ходили, а если хотятъ, чтобы мнѣ поклонились, и я то для вашего прощенія учиню, что съ ними въ пріятствї жить буду; а будетъ къ нимъ не жалѣшь, тогда пріятство отпадеть, а какъ они не послушаютъ, тогда зимию или лѣтомъ, о чёмъ вы сами вѣдаете, съ ними надобно бой чинити, а коли иѣть того неучините, и я также для вѣсть не учиню.“

и дружба пребудуть крѣпки, иначе за щелюбовъ вашу отда-
димъ вамъ нелюбовью“ (288).

Посланцы именемъ гетмана говорили Донскимъ казакамъ, что если они не прекратить свои набѣги на крымскіе берега, то гетманъ съ крымскимъ ханомъ разоритъ до основанія ихъ городки, и что къ этому сдѣланы уже всѣ приготовленія. Донцы отвѣчали гетману чрезъ посланцевъ своихъ: „неприлично христіанину возставать на единовѣрцевъ своихъ въ защи-
ту бусурманъ; не мѣшай намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда были съ вами въ братствѣ, но знай, что такъ же умѣемъ обходиться съ непріятелями нашими, какъ съ друзьями.“ Отправивъ гонцовъ казаки тотчасъ прибѣгли къ осторожности: немедленно послали во всѣ казачьи город-

(288) Отписка Богдана Хмельницкаго, гетмана Запорожскихъ казаковъ къ Донскимъ казакамъ 1650 г. марта 30.

„Отъ Богдана Хмельницкаго, гетмана Запорожскаго и отъ всего войска великаго Запорожскаго атаману и всѣмъ товарищемъ войска Донскаго доброго здоровья, яко браты нашей, отъ Господа Бога вѣрно желаемъ. Какъ есми отъ васъ прѣжъ сего желали и нынѣ преложно и нарочно послать желаемъ, чтобы есте вѣдающи о томъ, что братство вѣчное съ государствомъ крымскимъстало-
ся, государству бы крымскаго царя отиодъ ни единими обиды не чинили для братской любви, то себѣ разсудите, что есми неволю отъ настуниковъ нашихъ терпѣли; а впередъ Богъ вѣдаетъ что еще будетъ, а намъ для всего милость ца-
ря крымскаго и всѣхъ ордъ есть надобна для церквей Вомінъ, за которыхъ всѣмъ намъ надобно стояти, нимало обманулися и надѣемся, что Богъ ми-
лостью свою болѣшь умножить, только о томъ надобно промышлять, чтобы есми умѣли почтати пріятство царей, ихъ милостей, которой вѣчно хочеть съ нами въ братствѣ быти, и тогда мы желаемъ вашей братской любви, чтобы есте не ходили помѣшики чинити, что есте надобно церкви Божій, а нашимъ вольностямъ, а нечинили бы есже ни единыхъ обиды государству крымскому и тур-
скому, на море не ходили; а будеть пойдете, и мы будемъ промышлять, за нелю-
бовь вашу, взявъ Бога на помощъ, нелюбовью отдаватъ; такъ ли сего желаемъ, дай Богъ любовь братскую межъ нами, православными христіанами, и надѣемся, что наше желаніе исполните, яко браты наша, все учините о чёмъ преложно просимъ, пребудьте въ томъ чтобы изволеню войска Запорожскаго по-
мѣшики не было и ордамъ ни въ чёмъ запѣши не чинили и десятикратно любви вашей желаемъ, и о томъ и до Царскаго Величества Московскаго писаль есми, и мы надѣемся что для нашего прошенья учините и на море не пойдете, а носемъ любви вашей отдаemosъ, Господу Богу вѣсъ вручаємъ. Писанъ въ стольномъ го-
родѣ Чигиринѣ, марта въ 30 день 1650 года“.

А вънизу написано: „Всему войску Донскому желательные пріятели и
братья Богданъ Хмельницкій, гетманъ войскъ Запорожскихъ рукою властною.“

ки войсковыя грамоты, чтобы казаки крѣпили городки свои и чтобы двѣ части оставались для защищенія оныхъ, а по слѣдніе шли немедленно въ Черкасской городокъ, для сопротивленія грозящимъ врагамъ; обнесли Черкасскій городокъ землянымъ валомъ и поставили деревянныя башни, обвели около вала ровъ шириной въ три сажени, а глубиною въ двѣ съ половиною и провели въ него изъ Дону воду; заключили съ калмыцкими тайшами, прикочевавшими тогда съ улусами своими въ Дону, оборонительный союзъ; и оградивъ себя такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, спокойно дожидались враговъ своихъ (289).

Сынъ Хмѣльницкаго Тимофѣй съ 5 / т. челов. пришелъ къ Міусу. Между тѣмъ Донскіе казаки получили вѣсть, что сынъ гетмана Хмѣльницкаго Тимофѣй съ пятью тысячами запорожскихъ казаковъ остановилъся на рекѣ Міусѣ и дожидаетъ къ себѣ по условію крымскихъ татаръ. Для отвращенія ихъ отъ непріятельскихъ дѣйствій, Донскіе казаки послали къ нимъ знатныхъ старшинъ, которые явясь къ сыну гетмана и къ наказному атаману Дементію говорили: „Донское войско достовѣрно знаетъ, что вы пришли сюда по соглашенію съ крымцами для нападенія на насть. Мы присланы напомнить вамъ прежнюю нашу дружбу, наши обоюдныя сношенія и общую службу противу враговъ нашихъ; мы хранили съ вами согласіе даже и тогда, когда вспѣла война у Россійскаго Государя съ поляками, такъ негодится вамъ дружиться съ бусурманами противу вашихъ братій и единовѣрцевъ (290). Тимофей и Дементій увѣряли

(289) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Валуйскаго вожа Никиты Зарубина, донскихъ атамановъ Федота Федорова и Якова Жукова, 1650 года апрѣля и мая иѣсяцевъ.

(290) Дѣла Донскія, № 1, распросныя рѣчи донскаго атамана Андрея Евсѣева, 1650 года сентября 6-го.

,Вѣдомо имъ Донскимъ казакамъ учнилось, что они Запорожскіе черкасы пришедъ стоять на Міусъ, а дожидаются крымскихъ татаръ, а сождавши хотѣть приходить воину на нихъ Донскихъ казаковъ, а они Донскіе казаки съ

старшинъ, что они идутъ, по соглашенню съ крымцами, на не послушныхъ имъ горскихъ черкесъ, а не на нихъ Донскихъ казаковъ; говорили, однакожъ, что если крымскій ханъ пошлетъ ихъ и на украинные города, то и въ такомъ случаѣ они обязаны исполнить требование хана, на основаніи заключеннаго съ нимъ оборонительнаго союза (291). Донскіе казаки не вѣрили словамъ Запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что переходившіе отъ нихъ въ Черкасскій городокъ и самые азовцы, бывшия тогда въ миру съ Донскими казаками, удостовѣряли ихъ, что Запорожцы не на горскихъ черкесъ идутъ войною, а на нихъ Донскихъ казаковъ. Впрочемъ во все времена расположенія войскъ запорожскихъ на Міусѣ, непріятельскихъ дѣйствій не происходило; а на противъ того они находились съ Донскими казаками въ дружескихъ сношеніяхъ. Чрезъ нѣсколько времени Тимофѣй получилъ отъ крымскаго хана увѣдомленіе, что онъ по причинѣ выгорѣвшихъ степей съ войскомъ своимъ выступить не можетъ. Такимъ образомъ Запорожцы, простоявъ на Міусѣ двѣ недѣли безъ всякаго дѣйствія, возвратились назадъ. — Донскіе же казаки, недовѣряя движенью ихъ, послали отъ себя вслѣдъ за ними для наблю-

ними Запорожскими черкассы люди однолѣтнаго православнаго христіанскаго вѣры, и имъ, Запорожскимъ черкасомъ, сложась съ бусурманы, па нихъ православныхъ христіанъ войною приходитъ негодиться; а напередъ сего они, Запорожскіе черкассы, съ шими Донскими казаками, всегда бывали въ дружбѣ и въ ссылкѣ и зипунъ добывали сопча, и какъ у государя съ польскимъ королемъ былассора и война, и они въ то время съ шими Донскими казаками были въ миру; и иныѣ бѣ они Запорожскіе черкассы потому жъ на нихъ, одновѣрныхъ православныхъ христіанъ, съ бусурманы не складывались и дурна имъ никакого нечишили.“

(291) Тамъ же.

„И Запорожскіе де черкасы говорили, что они пришли къ имъ на Донъ по письму крымскаго царя, а итти де имъ съобщь на горскихъ черкасъ, а не на нихъ Донскихъ казаковъ, а будеть де крымской царь велитъ имъ ити войною и на государевы близніе города, и они де пойдутъ, а непослушать де имъ крымскаго царя нельзя, потому что у нихъ между себѧ увѣренось, что имъ другъ другу помогать, да и потому де имъ крымскаго царя непослушать нельзя, какъ у нихъ Запорожскихъ черкассы были съ полки война, и крымской де царь со всемъ ордою имъ черкасомъ помочь чинилъ.“

дения станицу, которая и проводила ихъ до границъ земли Запорожской.

Походъ Донскихъ казаковъ на Черное море. Въ сie время находился въ Москвѣ отъ крымскаго хана посланникъ съ настоятельнымъ требованіемъ отъ Россійскаго двора запрещенія Донскимъ казакамъ производить набѣги на турецкія и крымскія области, въ противномъ случаѣ грозилъ истребленіемъ всѣхъ жилищъ казачихъ (292) и разореніемъ украинъ. Россійскій дворъ, въ удовлетвореніе требованій крымскаго хана, въ тожъ время послалъ къ казакамъ строгое предписаніе о прекращеніи набѣговъ на крымскіе берега (293). Но казаки не унимались отъ любимыхъ своихъ занятій: они достовѣрное имѣли свѣдѣніе, что гарнизонъ азовскій состоялъ тогда только изъ 1,200 человѣкъ, знали также о тягостной для турокъ войнѣ, производимой ими съ Венецианами, на которую обращены были всѣ турецкія силы, и желая воспользоваться этимъ случаемъ, съ наступленіемъ весны 1651 года, открыли они непріятельскія свои дѣйствія разореніемъ предмѣстія города Азова и улусовъ кочевавшихъ

(292) Крымскія дѣла 1650 г., № 2, грамота крымскаго хана къ Россійскому Государю, въ которой, между прочимъ, написано:

„Да посломъ вашимъ Михаилу Ларіонову да подьячemu Ивану Никитину ближній нашъ человѣкъ Саферъ-Газы о Донскихъ казакахъ говорилъ, для чего ихъ и отъ воровства не унимаютъ, и они послы сказали ему, что Донские казаки воры и вашего повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, и нашъ человѣкъ говорилъ посломъ вашимъ, коли они вашего повелѣнья не слушаютъ и только наше царево величество велики на нихъ послать войною, не будетъ въ томъ досада отъ васъ, брата нашего; и послы ваши говорили, что не будетъ досады, а тѣ воры Донские казаки приходить на Донъ изъ вашего государства и на морѣ выходить благоющастиаго турскаго государя и наши земли воюютъ . . . и аже дастъ Богъ по времени учинимъ надъ ними отищенье, и замъ бы на насъ въ томъ недосадовать.“

(293). Высочайшая грамота 1650 г. октября иѣсаца.

„И вы бъ атаманы и казаки подъ крымскіе улусы не ходили и никако-
ва задора съ ними нечинили, что бъ замъ санимъ за то отъ крымскихъ лю-
дей и отъ черкасъ тѣсноты и разоренія не было, и на вами бъ украинамъ за-
то отъ нихъ войны не вѣсть.“

около онаго (294). Въ слѣдъ затѣмъ снарадили 12 струговъ, посадили въ оные 900 человѣкъ казаковъ и отправили ихъ въ море. Проплывъ таврическій проливъ, казаки вступили въ Черное море и встрѣтили тамъ три купеческія корабля, нагруженныя шпеницею; безъ большихъ усилий и потерь забрали на оныхъ весь багажъ, убили 70 человѣкъ турокъ и отпустили корабли эти безъ всякаго поврежденія съ бывшими на оныхъ греками, которыхъ казаки при всякомъ случаѣ щадили какъ своихъ единовѣрцевъ. Потомъ всѣ эти казаки обратились къ Анатолійскимъ берегамъ, напали тамъ тайно на городъ, называемый Каменный базаръ, отстоявшій отъ Синопа за день юзды, разграбили оный, взяли въ плѣнъ 600 челов. турокъ обоего пола, и съ этою добычей возврашались на Донъ, но бурею были занесены къ берегамъ, обитаемымъ горскими черкесами, гдѣ продали часть плѣнныхъ своихъ, а съ остальными достигли до Черкасскаго городка, безъ малѣйшей потери (295).

Разореніе турецкихъ областей и предмѣстія Царь-града. Въ этомъ году Донскіе казаки, ограничясь однимъ описаннымъ предпріятіемъ, провели все остаточное время въ покой; но весною 1652 г. они вознамѣрились распространить поиски свои на турецкія владѣнія со стороны Румеліи. Для этого отправили они 15 струговъ и 1,000 казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Ивана Богатаго. Быстрый флотъ этотъ миновавъ крымскіе берега, направилъ путь свой прямо къ Цареграду; приставъ въ окрестностяхъ онаго, казаки опустошали всѣ сосѣднія селы и де-

(294). Дѣла крымскія, № 18, изъ статейнаго списка бывшихъ въ Крыму посланниковъ Ивана Елякова и подьячего Тимофея Кузимина.

„Тому де недѣли съ три была вѣсть изъ азовы въ Кафу, что Донскіе казаки подъ Азовомъ слободы и улусы погромили и ясыры поизжали многой и стада азовскіе отогнали на Донъ, а азовцы де казакамъ за то ничего неучинили, а съ того де погрому Донскіе казаки со всѣмъ пришли на Донъ.“

(295). Турецкія дѣла, № 2, распроснымъ рѣчи Воронежскаго жителя Тимофея Михайлова, посыпаннаго на Донъ для вѣстей.

ревни, взяли въ плѣнъ 150 человѣкъ и богатую добычу, на-
вели трепетъ на Константинополь и, торжествуя побѣду, плы-
ли спокойно въ обратный путь, какъ вдругъ напали на нихъ
10 турецкихъ судовъ; Донцы неостанавливаясь вступили
съ ними въ бой, и по кратковременному сраженіи побивъ
большое число турокъ, разогнали суда ихъ; и затѣмъ, уже
не встрѣчая болѣе на пути никакихъ препятствій, возврати-
лись въ жилища безъ малѣйшей потери въ людяхъ (296).

Поощренные многими удачами, казаки и въ 1653 году пред-
приняли сдѣлать моремъ вторженіе въ турецкія области.
Флотъ, снаряженный для сего предприятия, состоялъ изъ 19
струговъ, помѣщавшихъ 1,300 казаковъ и находился подъ
начальствомъ двухъ атамановъ Федора Волошенина и Ивана
Богатаго. Первоначально войско это пристало къ крымскимъ
берегамъ около Судака и Балаклы, тамъ разграбило оно иѣ-
сколько деревень и одинъ улусъ, кочевавшій по близости, и
взяло въ плѣнъ 50 человѣкъ татаръ. Несчастные жители,
объятые страхомъ, искали спасенія въ горахъ. Другіе собрав-
шіеся татары были только зрителями опустошеній, причиня-
емыхъ казаками и никакъ несмѣли вступить съ ними въ сра-
женіе; отсюда казаки направили путь свой къ Трапезону; но
за противными вѣтрами немогли пристать къ берегу, вза-
мѣнъ того они прибились къ Анатолійскимъ берегамъ по ии-
же Трапезона и бросились на деревни, въ коихъ все пожгли
и истребили, захвативъ въ плѣнъ 600 челов. мужескаго и

(296) Донскія дѣла 1652 г.. распросныя рѣчи Воронежца Мины Прибылкова, посланного на Донъ съ государевымъ жалованьемъ и возвратившагося въ Москву октября 30 1652 года.

„А до ихъ де приходу за двѣ недѣли (Мина прѣѣхала въ Черкассы 12 июня), ходили на море для добычи казаки 15 струговъ, а было съ 1,000 челов.. а атаманъ у нихъ былъ Иванъ Богатой, и моремъ подошли близко къ Царю-
городу, подъ рюмельскую сторону. и на рюмельской сторонѣ турскіе многіе
сели и деревни повоевали и добычу взяли большую. А какъ пошли съ добычью
назадъ и на нихъ де нашли 10-ть каторгъ турскихъ, и съ тѣми каторгами былъ
у нихъ бой, и на бою де казаки на каторгахъ побили турскихъ многихъ лѣ-
дей, а сами отошли и на Донъ пришли всѣ 15 струговъ здорово при нецъ же
Минѣ, а ясыру де турскаго привезли на Донъ со 150 человѣкъ.“

женского пола, и нагрузив суда свои различнымъ имущест-
вомъ, поплыли около береговъ къ городу Триполи (Тавроли),
который хотѣли взять приступомъ, но по крѣпкому и возвы-
шенному положенію оного не могли того исполнить.

Междуда тѣмъ турки узнавъ о движениіи казаковъ на Три-
поли, выслали изъ Трапезона и Керессу (Крессина) на по-
мощь оному войска и одинъ военный корабль; окруженные
со всѣхъ сторонъ, казаки засѣли въ предмѣстіи Триполи, гдѣ,
къ счастію ихъ находились три пушки, коими они безпре-
рывную производили пальбу по кораблю и симъ только сред-
ствомъ заставили его удалиться. Тѣже войска, которые дѣй-
ствовали на нихъ съ сухаго пути, были отражены казаками
на всѣхъ пунктахъ. Послѣ малой потери въ людяхъ, поплы-
ли они обратно къ крымскому берегамъ, взявъ съ собою
одну пушку; тутъ пристали къ Керчи для отдыхновенія и
для запаса прѣсною водою иостоявъ четыре дни поплыли
на Донъ; во все время нахожденія ихъ подъ Керчью, какъ
со стороны татаръ, такъ и со стороны казаковъ, военныхъ
дѣйствій непроисходило; но при самомъ отплытіи казаковъ,
когда они начали уже садиться въ суда свои, татары, въ чи-
слѣ 600 челов., вздумали сдѣлать на нихъ нападеніе. Казаки,
предусмотрѣвъ это бросились на татаръ всею силою и про-
гнали обратно въ крѣпость, положивъ на мѣстѣ знатное
число (297).

Намѣреніе турокъ и крымцевъ соеди-
ненными силами идти на казаковъ 1653 г.
Раздраженные таковыми набѣгами турки непремѣнно хотѣли

(297). Донскія дѣла 1653 г., распросныя рѣчи станичнаго атамана, бывшаго
въ семь походѣ, Семена Заварзина, прибывшаго въ Москву въ декабрѣ мѣся-
цѣ сего года.

„А ходили де они на крымскую сторону, на деревни межъ Суга и Ба-
лакинъ, и взяли де удуль кочевной и ясырю всякаго мужескаго и женскаго по-
лу взяли человѣкъ съ 50, а бою де съ ними у крымскихъ людей не было, и
приходили де на нихъ крымские люди, а на бой съ ними не пошли; и оттуди
де ходили на Анатолійскую сторону, на турскіе города, хотѣли де итти на
городъ Трапезонъ, только де ихъ къ берегу моремъ непропустило и они де ни-

отмстить казакамъ. Для сего султанъ приказалъ крымскому хану вооружить всѣ подвластные ему улусы и пригласить съ войскомъ гетмана Запорожскихъ казаковъ Богдана Хмѣльницкаго. Вѣльно соединеннымъ силамъ этимъ идти сухимъ путемъ и напасть на казачьи городки. Со стороны моря турки обѣщали прислать войска свои къ Азову и заградить судамъ Таврический проливъ, дабы недопустить казаковъ въ Черное море. Сверхъ этого крымскому хану предписано было, что если ему неудастся разбить казаковъ и истребить ихъ городки, въ такомъ случаѣ обратиться на разграбленіе российскихъ пограничныхъ городовъ.

Уже крымскій ханъ вступилъ въ походъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что калмыки страшными силами переправились чрезъ Донъ и идутъ къ предѣламъ Крыма по повелѣнію Россійскаго Государя; вѣсть эта поразила крымскаго хана, онъ въ тоже время перемѣнилъ свое намѣреніе, воротилъ войска къ Перекопи и ожидалъ калмыковъ. Молва эта оказалась ложною, калмыки неявлялись.—Междудѣй наступило зимнее время и ханъ принужденъ былъ распустить войска свои. Предпріятіе на казаковъ было отложено до другаго года; а наконецъ вовсе перенесено, ибо крымскій ханъ считалъ для себя гораздо выгоднѣе разорять российскую украину. Для этого подвига уже начали собираться войска его, какъ вдругъ получиль онъ отъ турецкаго султана повелѣніе непроизводить нападенія на собственныя державы, пока неистребить Донскихъ казаковъ (298). Отъ гетмана же Богдана Хмѣль-

же Трапезона ходили на деревни и ясирю взяли сотъ съ пять или съ шесть всякихъ людей мужскаго полу и женскаго.“

„Да ходили де подъ турской городъ подъ Триполь и къ тому де городу приступали и промыслу надъ ними учинить немогли, потому, что городъ стоять на высокомъ мѣстѣ; да къ тому же де городу присланы изъ Трапезона и изъ Кресана на помощь ратные люди, а моремъ корабль съ ратными же людьми. и бой де у нихъ съ ними былъ, и турскихъ де людей на томъ бою побили многихъ людей, а ихъ Богъ помиловалъ, уронъ де у нихъ былъ только небольшой“ . . .

298) Крымскія дѣла, № 2, изъ статейнаго списка посланниковъ российскихъ

ницкаго прибыль посолъ полковникъ Семенъ Санченковъ, кото-
рый грозилъ хану, что если онъ выступить съ войскомъ своимъ
на Россійскую украину, то этимъ не только нарушится наи-
всегда дружба его съ гетманомъ и со всѣмъ войскомъ Запо-
рожскимъ, но что онъ съ своими казаками встрѣтить татаръ
у Переяслава, а другую часть войскъ своихъ поплыть рѣкою
Днѣпромъ на крымскіе берега судами, и что по его же со-
вѣту Донскіе казаки нападутъ на Крымъ всѣми своими си-
лами (299).

Контева и Ушакова, бывшихъ въ Крыму 1652 года.

„Пріѣхалъ чаушъ къ царю отъ турскаго царя съ грамотой
написано, велиль де турской царь крымскому царю и калгѣ и нурадыну и
всѣмъ крымскимъ мурзамъ и татарамъ вынѣшня осени итти войной на Дон-
скихъ казаковъ для того, ныаѣннято де лѣта Донскіе казаки моремъ приходили
на турскіе города и многія селы и деревни повоевали, животы поимали, а лѣ-
дей мужеской полъ сѣкли, а женской полъ въ полонъ имали, а въ помошь де
турской царь на казаковъ ратныхъ своихъ людей пришель въ Азовъ; да въ
помощь же де турской царь велиль крымскому царю на казаковъ взять ногай-
скихъ мурзъ и татаръ да горскихъ черкасъ, да у гетмана Богдана Хмѣльниц-
каго отпросить Запорожскихъ черкасъ, а однокогдѣ бѣ де на Донскихъ ка-
заковъ воину итти, что бѣ казаковъ съ Дону сбить, а будеть казаковъ съ До-
ну сбить будеть немочко, и турской де царь велиль крымскому царю и калгѣ и
нурадыну итти войною на государевы украинные города.“

Тамъ же, изъ распросныхъ рѣчей пріѣхавшаго изъ Крыму отъ вышеска-
занныхъ посланниковъ съ донесеніями Ивана Остапьевъ.

„И царь (крымскій) на Донскихъ казаковъ въ воину не пошаль затѣмъ,
что поговаривали на самыхъ на нихъ крымскаго де походу, и вышедчи де изъ
Крыму калга и нурадынъ со всѣми ратными людьми стояли за Переяславъ, по-
камъѣста отпустили на размѣну, ратныхъ людей распустили всѣхъ для того,
что калмыцкаго приходу чали они по государеву велильному и отъ калмыковъ
живуть въ великому страхѣ.“

(299) Крымскія дѣла, № 17, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму рос-
сийскихъ посланниковъ Ладыженского и Огаркова, 1654 года.

„Видѣлся де онъ съ черкасскимъ посланцомъ съ Семеномъ Санченкомъ, и
сказывалъ онъ Семенъ что онъ присланъ въ Крымъ къ царю отъ гет-
мана Богдана Хмѣльницкаго и говорилъ царю онъ, Семенъ, слухъ де до гетмана
дошелъ, а ко всѣму Запорожскому войску, что онъ, царь Крымской, со всѣ-
ми своими ратными людьми и съ улусными людьми, которые у него въ послу-
жаныи, подымается на Московское государство, говорилъ де Семенъ царю, буд-
етъ де ты царь самъ пойдешь или кого пошлемъ съ воинскими людьми на

Эти обстоятельства были причиною, что крымскій ханъ вознамѣрился сдѣлать вторженіе въ польскія области, и отправляясь въ походъ прислалъ въ Москву посланника Айвасъ-бека съ увѣдомленіемъ о своемъ предпріятіи и съ домогательствомъ за-прщенія Донскимъ казакамъ производить набѣги на турецкія области и крымскія владѣнія (300). Но когда, по старому, отвѣчали ему, что казаки народъ своеольный и царскаго повелѣнія не слушаютъ; то Айвасъ-бекъ угрожалъ разореніемъ всѣхъ, жилищъ казачьихъ и настоятельно требовалъ строгаго имъ предписанія, хотя для опыта будуть ли они послушны царской волѣ (301). Въ слѣдствіе чего и было послано на Донъ строжайшее повелѣніе, чтобы казаки на турецкія и крымскія владѣнія никакихъ набѣговъ не дѣлали, развѣ въ

Московское государство, и твоя царева дружба съ гетманомъ и со всѣмъ Запорожскими войсками нарушится, и обѣщаются де гетманъ Богданъ Хмельницкий съ своимъ войскомъ тебя царя встрѣтить за Переокопъ, а иныхъ своихъ ратныхъ людей хочетъ онъ Богданъ отпустить судами Нѣпромъ и моремъ подъ Крымъ, а въ другую сторону по его же Богданову совѣту Донскіе казаки Азовскимъ моремъ пойдутъ подъ Крымъ же и тебѣ де царю врядъ и себя оберегать.“

(300) Крымскій дѣла, № 19, грамота крымскаго хана, привезенная къ Россійскому государю 1653 года, въ которой между прочимъ сказано:

„Да посломъ вашимъ, которые бывають въ Крыму, вѣсколькожды о воровствѣ Донскихъ казаковъ мы говоривали, и мы того не вѣдаемъ, что они тѣ наши слова до васъ доносятъ ли, или вы невнимаете ихъ, а казачьимъ воровствомъ некоторые большшия пользу вамъ необретается, только съ благоустройствомъ великимъ съ турскими государемъ ссору, а педружбу чинять, а кроме того некоторые прибыли нѣтъ; да и нашей дружбы съ вами ихъ воровствомъ, кроме ссоры, прибыли нѣтъ же . . . то чтобы намъ въ своемъ государстваѣ, а вамъ въ своихъ странахъ воровъ унимать; таковыми дѣлами братская дружба и любовь подкрѣпилется.“

(301.) Слова крымскаго посланника Айвасъ-бека, говоренные имъ въ Польскомъ приказѣ.

„Да будетъ де царское величество казаковъ унять не велитъ и они де ихъ знаютъ, гдѣ онѣ живутъ, и промыслъ надъ ними учинить зимою или лѣтомъ, какъ время усмотрѣть, только де царскому величеству было не въ гнѣвѣ.“

Тамъ же.

„А что бы де царское величество хотя на одинъ годъ заказъ имъ величь учинить, а тогда объявится послушными будуть.“

такомъ только случаѣ, когда дѣйствительно узнаютъ они о походѣ крымскихъ войскъ на россійскую украину или на Запорожскихъ черкасъ.

Здѣсь нужно замѣтить, что въ семь 1654 году гетманъ Малороссійскихъ казаковъ Богданъ Хмѣльницкій, побуждаемый единовѣріемъ, добровольно покорился со всѣмъ войскомъ Россійской державѣ.

Посольскія сношенія Московскаго двора съ Крымомъ о казакахъ. Для удержанія крымскаго хана отъ непріятельскихъ дѣйствій, были отправлены къ нему въ томъ же году посланники: Тимофей Хутынскій и подьячій Фоминъ съ просьбою о присылкѣ войскъ, по случаю открывшейся съ поляками войны. Но дворъ россійскій напередъ былъ увѣренъ, что крымскій ханъ неприметъ этого предложенія, и потому въ мартѣ мѣсяцѣ было предписано Донскимъ казакамъ: коль скоро получатъ они вѣсти о выступленіи крымскихъ войскъ на Запорожскихъ казаковъ, или на россійские придѣлы, то немедленно всѣми силами напасть съ моря на крымскія владѣнія. — Казаки начали дѣлать разѣзды малыми партіями около крымскихъ улусовъ для языковъ; на одной сшибкѣ татары схватили двухъ казаковъ, привели ихъ въ Бакчи-Сарай и въ допросахъ вынудили признаніе, что они посланы были по царскому повелѣнію для разведыванія о намѣреніяхъ крымскаго хана, и что имъ велѣно воевать Крымъ. Показаніе этихъ казаковъ тотчасъ объявлено было россійскимъ посланникамъ съ безчисленными упреками: крымцы говорили, что Россійскій Государь никакъ не располагаетъ быть въ дружбѣ съ ханомъ, и въ то самое время, какъ проситъ помощи на польского короля, посылаетъ казаковъ подъ крымскіе улусы; сверхъ того объявили, что они имѣютъ уже достовѣрныя свѣдѣнія о выходѣ казаковъ въ море на 38 стругахъ.

Посланники, приведенные этимъ въ замѣшательство, все еще представляли, сколько могли, крымскимъ мурзамъ, что Донскіе казаки всегда своеvolно, а не по повелѣнію царя

свому воюютъ крымскіе улусы и царскихъ приказаний вовсе не слушаютъ. Для изобличенія въ несправедливыхъ отговоркахъ Россійскихъ посланниковъ, крымцы представили къ нимъ одного изъ пойманыхъ казаковъ; но этотъ, раскаявшись въ прежней неосторожности, объявила торжественно, что на Дону не было никакого повелѣнія отъ Россійскаго Государа насчетъ поисковъ надъ крымцами; а посланы они войско-вымъ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ.—Таковой переворотъ далъ силу показаніямъ Россійскихъ посланниковъ; они съ негодованіемъ говорили крымцамъ: „теперь сами видѣте, что великий Государь нашъ вовсе о дѣйствіяхъ казаковъ не знаетъ. Да и этотъ, котораго вы при мнѣ допрашивали, есть ногайскій татаринъ, а не казакъ; унимайте ихъ чтобы не бѣгали на Донъ и не причиняли бы вамъ съ Донскими казаками смуты. Озлобленные татары приказали несчастнаго казака разстрѣлять (302).

Но крымцы непремѣнно хотѣли изобличить въ несправедливости Россійскихъ посланниковъ; съ этою цѣлію, чрезъ нѣсколько дней, привели къ нимъ новаго Донскаго казака,

(302). Дѣла крымскія, № 3, статейный списокъ посланниковъ, бывшихъ въ Крыму 1654 года, Тимофея Хотунскаго и подьячаго Ивана Феина.

„И Саферъ-Газы-ага посланикамъ говорили: какъ де хану съ государемъ вашимъ быть въ братской дружбѣ, что государь васъ посланниковъ въ Крымъ къ хану присыпалъ, чтобы ханъ съ татары на польскаго короля воиною шелъ, а послѣ того повелѣніе свое присыпалъ къ Донскимъ казакамъ, чтобы они съ Дону подъ Крымъ послали казаковъ для языковъ и вѣдомости крымскихъ вѣстей.“

Тамъ же.

. И казакъ сказалъ, что отъ Государя на Донъ къ донскимъ казакамъ никто не присыпалъ и государева указа о томъ не бывало, а посыпалъ де ихъ казаковъ съ Дону для языковъ казачей атаманъ Наумъ.“

„И Тимофей и Иванъ Саферъ-Газы-агъ и ближнимъ людемъ говорили: всегда вы говорите, что Донскіе казаки воруютъ, а государь нашъ его царское величество про то вѣдасть и отъ того воровства не унимаетъ, и вы то сами видите, что казакъ говорить посыпалъ ихъ съ Дону атаманъ собою, а не по указу царского величества, да и всегда тѣ казаки ходятъ своимъ самовольствомъ для своей добычи, а тотъ казакъ вашъ же ногайской татаринъ, и вы своихъ татаръ унимайте, чтобы они на Донъ не ходили и съ Донскими казаками за одно не воровали.“

пойманного подъ Кафою, и объявили, что ханъ, желая утвердить справедливость своего неудовольствія на Россію приказалъ въ присутствіи ихъ спросить этого плѣнника, который показалъ, что казаки вышли въ море дѣйствительно по повелѣнію царскому. Но посланники, опасаясь новаго затрудненія, отклонили это, что они неимѣютъ на то повелѣнія отъ Россійскаго Государя, и что казакъ легко можетъ дать всякое показаніе по ихъ наученію, опасаясь быть разстрѣленнымъ.

Вскорѣ послѣ этого, именно 30 іюня 1654 года, постигла Исламъ-Гирея смерть. Пріемникъ его Магметъ-Гирей прибылъ въ Крымъ изъ Константиноополя 9 октября и желалъ показать больше твердости; тотчасъ приказалъ отправить российскихъ посланниковъ въ Москву съ такимъ объясненіемъ: „Повелитель его султанъ изъявляетъ величайшее негодованіе свое на Донскихъ казаковъ; они ежегодно производятъ набѣги на турецкія владѣнія, берутъ людей въ плѣнъ и разоряютъ селенія и города.—Если Россійскій Государь неприметъ противъ казаковъ строгихъ мѣръ, въ такомъ случаѣ султанъ пошлетъ 100 /т. своего войска, которое, въ соединеніи съ крымцами и подвластными народами, нападетъ на казаковъ и разоритъ всѣ ихъ жилища; а потомъ обратить свое оружіе на российскую украину (303).

(303) Тамъ же. Магметъ - Гирей приказалъ Саферъ-Газы агъ сказать российскимъ посланникамъ слѣдующее:

„Каждъ его хана изъ Царя города турской салтанъ на крымской юртѣ отпускаль и онъ ему приказаль, Московскаго Государя вамъ посланникамъ вѣтъль говорить: воры де Донские казаки ежегодно приходять и моремъ землю его вояютъ и людей побиваютъ, и въ полонъ емлютъ и разоряютъ и досады большия чиняты, и такие де ему обиды ни отъ которыхъ земли не бываетъ, что отъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, что бы вамъ посланникамъ Государю извѣстить, а боарамъ и близжнимъ людемъ говорить, что тѣхъ воровъ Донскихъ казаковъ отъ той войны неуйметъ, и турской де салтанъ приказалъ ему Магметъ-Гирею хану велѣль въ Царь-городъ отписати, и къ нему хану пришель своихъ ратныхъ людей 100 /т. и съ тѣми его ратными людьми и съ крымци и съ ногайцы везить ему хану ити войною на тѣхъ Донскихъ казаковъ и ихъ всѣхъ разо-

Новый набѣгъ казаковъ на Тавриду и на турецкія области. Новый ханъ, желая ознаменовать вступление на престоль доблестями войны и удовлетворить корыстолюбію своихъ подданныхъ, началъ собирать войска. Вѣсть объ этомъ получена въ Москвѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1655 г., гдѣ, по слухамъ тогдашней войны съ поляками, не безъ основанія опасались вторженія крымцевъ. Для отвращенія этого надлежало занять враговъ въ собственной ихъ землѣ. Въ этомъ намѣреніи приказано было главнымъ калмыцкимъ владѣльцамъ Дайчинъ и Лаузанъ тайшамъ соединить войска свои съ войскомъ князя Одоевскаго, собраннымъ въ Астрахани, на Терекѣ и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, идти на Донъ, откуда уже совокупно съ Донскими казаками напасть на предѣлы Крыма (304). Но за отдѣленнымъ кочевьемъ и за великимъ разливомъ рѣки Волги калмыки и войска Одоевскаго не могли поспѣшить на Донъ къ назначенному времени.

Междуду тѣмъ Донские казаки получили новое повелѣніе выступить судами противу крымцевъ (305), и три тысячи человѣкъ тотчасъ сѣли въ струги, подъ предводительствомъ атамановъ Чесночихина и Семена Варгунова, и пустились въ море, скоро достигли они до крымскихъ владѣній и тамъ распространили ужасъ, взяли приступомъ городъ Судакъ, выжгли окрестныя деревни; все что только попадалось имъ на встрѣчу, истребляли они до основанія. Потомъ обратились къ Ка-

рить, а разоря ихъ, яти воиною на Московское государство, и та всѣ скора чинится отъ тѣхъ воровъ малыхъ людей Донскихъ казаковъ.“

(304). Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1655 года марта 15-го и того же года мая 5-го.

(305). Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1655 года апрѣля 23-го.

„Посланы къ вамъ наша грамота, а вѣлько надъ крымскими улусы, буде они пойдутъ на наши украины или на наши черкасскіе города воиною, про-мышлять, и какъ къ вамъ си наша грамота придется, и выбъ атаманы и казаки на крымскіе улусы воиною шли и надъ ними промышляли, сколько милосердій Богъ помочи подастъ, а на турскаго города и мѣста одноличность естъ не ходили.“

фѣ: гарнизонъ этого города не въ силахъ быть сопротивляться казакамъ; они взяли приступомъ земляной городъ и разорили въ немъ всѣ жилища. Но освѣдомившись, что приближаются къ Кафѣ шесть купеческихъ кораблей съ товарами, бросились въ суда свои, настигли ихъ и по кратковременномъ сопротивлѣніи овладѣли двумя кораблями, нагруженными шкеницею и другими вещами. Послѣ этого казаки съ добычею, безъ всякаго урона въ людяхъ, возвратились къ берегамъ Дона (306).

Казаки разораютъ городъ Тамань и опустошаютъ многія селенія. Въ это время ханъ крымскій со всѣми войсками стоялъ у Перекопа безъ всячаго дѣйствія: съ одной стороны тревожили его казаки своими нападеніями на крымскіе берега, съ другой — опасался онъ калмыкъ, о вооруженіи коихъ имѣлъ уже свѣдѣніе (307). Ка-

(306) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Казмы Дмитріева, прибывшаго въ Москву 1655 г. августа 23-го.

„ Да изъ войска де подъ Перекопъ посланы съ Дону для вѣстей конныи люди, и взяли де было языка татарина, и тотъ де языкъ въ распросѣ сказать, что крымскій царь въ сборѣ и стоить на готовѣ, а хотеть итти на государевы украины войною; да тотъ же де языкъ татаринъ сказалъ, что де онъ слышалъ, которое Донское войско пошло на море, и тѣ де люди взяли городъ Судачекъ, а стоить тотъ городъ между Кафы и Булакы, и людей де многихъ побиваются, а тому де крымскіе люди давятся, какъ де напередъ сего Донскіе казаки хаживали на море, и они де только полонъ имали, а нынѣ де везде людей побиваются и села и деревни жгутъ.“

Дѣла Крымскія № 8, статейный списокъ бывшихъ въ 1655 г. въ Крыму посланниковъ Тимофея Хутынского и Ивана Фомкина.

„ Іюля въ 22 день къ Тимофею и Ивану пріѣзжалъ на дворъ Богатырша мурза Судемовъ . . . и говорилъ: тому де нынѣ 4 день шли изъ Царя - города къ Кафѣ 6-ть кораблей съ хлѣбомъ и съ товарами и тѣ де Донскіе казаки къ тѣмъ кораблямъ приступали и взяли два корабля, одинъ съ хлѣбомъ, а другой съ товарами и послѣ де того, тому нынѣ 3-й день, тѣжъ воры Донскіе казаки приступали къ Кафѣ и вошли въ земляной городъ.“

(307) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Павла Федорова, пріѣхавшаго въ Москву 1655 года декабря 10.

„ И тѣ де взятые языки говорили, что крымскій царь въ Крымѣ въ созѣраныи и ратные люди наготовѣ, а хотѣль итти по лѣту къ полякамъ и не-

заки знали о бездѣйствії крымскаго хана, знали и то, что калмыки, за отдаленнымъ кочевьемъ, не могутъ въ надлежащее время прибыть къ берегамъ Дона, рѣшились въ томъ же 1655 году вторично напасть на крымскія владѣнія; для этого 2,030 казаковъ на 34 стругахъ отправились въ море, подъ главнымъ начальствомъ атамана Павла Федорова. Флотъ этотъ первоначально присталъ къ городу Тамани; казаки единогласно положили взять оный приступомъ, бросились на стѣны и по маломъ сопротивленію овладѣли онъмъ; несчастные жители, не могшіе спастись бѣгствомъ, были порублены, весь городъ преданъ былъ пламени; въ этомъ общемъ смятѣніи казаки захватили 400 человѣкъ въ пленъ и отбили нѣсколько сотъ россійскихъ пленныхъ. Такимъ образомъ разрушили до основанія городъ и нагрузивъ суда свои добычами, обратились они къ берегамъ Крыма между Керчи и Кафы; жители по однимъ слухамъ бросали жилища свои и уходили во внутренность Крыма. Казаки безъ всякаго препятствія жгли и разоряли татарскія деревни. Бѣжавшіе жители, въ ужасѣ своемъ, распространили преувеличенную молву о безчисленномъ множествѣ казаковъ и о ихъ варварскихъ поступкахъ съ жителями. Вѣсть объ этомъ скоро достигла до столицы крымской Бахчисарай: все пришло тамъ въ смятѣніе, намѣстникъ ханскій Муртаза-ага, объятый страхомъ, не находилъ средствъ къ отраженію казаковъ; онъ едва могъ собрать 300 человѣкъ худовооруженныхъ татаръ, какъ вдругъ казаки перенесли уже свои опустошенія къ устью рѣки Алмы, гдѣ имѣли они намѣреніе запастись пресною водою; но увидѣвъ татаръ съ намѣстникомъ въ боевомъ порядкѣ, они пригребли къ берегу и однимъ пушечнымъ залпомъ подвинули противниковъ своихъ назадъ, высадили около тысячи казаковъ на берегъ, вступили съ татарами въ сраженіе и, бу-

ломъ де за тѣмъ, что вѣсти были въ Крыму, что калмыки хотѣть приходить на крымскіе улусы воиномъ, да и для того, что ихъ они Донскіе казаки воевали около ихъ мѣста.“

дучи превосходнѣе въ силахъ, тотчасъ разѣяли ихъ. Въ этомъ сраженіи намѣстникъ ханскій Муртуза-ага получилъ двѣ раны и убитъ подъ нимъ лошадь. На другой день казаки отплыли отъ этого мѣста въ городу Каравску и разоривъ около онаго нѣсколько деревень, поплыли къ Дону (308).

Неудачный приступъ казаковъ къ Азову. Съ донесеніемъ объ этомъ посланъ былъ отъ войска въ Москву походный атаманъ Павелъ Федоровъ. Государь, похваливъ службу казаковъ, велѣлъ послать къ нимъ жалованье, съ прибавкою противъ прежняго. Имъ предписано было, чтобъ до того времени, пока запорожскіе казаки не укрѣпятъ по граничныхъ городовъ своихъ со стороны Крыма, они прекратили бы набѣги на крымскія владѣнія. Казаки безпрекословно готовы были оставить Крымъ въ покой; но самимъ все лѣто пробыть безъ дѣйствія было противно ихъ неугомонному духу. Ища новыхъ подвиговъ, они рѣшились покорить Азовъ и срыть его до основанія. Для этого предпріятія собралось въ Черкасскомъ городкѣ болѣе трехъ тысячъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ, въ числѣ коихъ находились и промышленники, пріѣхавшіе туда изъ россійскихъ украинныхъ городовъ; все это войско приступило къ Азову, подъ главнымъ начальствомъ войскового атамана Наума Васильева и знатного старшины Павла Федорова. Достойно сожалѣнія, что о семъ событии нѣть подробныхъ свѣдѣній; известно только весьма кратко, что турки на вылазкѣ побили казаковъ полто-

(308) Тамъ же, распросыны рѣчи станичнаго атамана Павла Федорова, пріѣхавшаго въ Москву 1655 г. декабря 10-го.

„Ходилъ де онъ, Павелъ, пынѣшимъ лѣтомъ моремъ на крымскіе улусы въ 34 сгруппахъ 2030 человѣкъ, и на Крымъ де они шли Черноморскимъ гирломъ, и взяли городъ Тамань и посадъ, и въ городѣ хоромы пожгли, и татарь и ногиихъ побили и живыхъ взяли татаръ мужескаго пола и женскаго и привезли въ войско человѣкъ съ 400.“

То же Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Жукова и Пашина 1656 года.

ры тысячи и захватили много въ плѣнъ (309). Но этотъ не-
счастный приступъ казаковъ останется замѣчательнъ еще
тѣмъ, что знаменитый вождь казаковъ старшина Павелъ Фе-
доровъ попался въ плѣнъ врагамъ своимъ: злобные азовцы
тотчасъ умертили его (310).

Донскіе казаки, начавшіе войну съ Азовомъ вопреки пове-
льню Государя, послали отъ войска старшину Понкрата Сте-
панова просить прощенія и годичнаго жалованья; Государь
отдавая вину ихъ, писалъ въ грамотѣ своей: „хотя за ваше
непослушаніе жалованья послать бы къ вамъ и не слѣдовало,
но мы руководствуясь милосердіемъ, во уваженіе вашей прежней
службы и въ той увѣренности, что вы проступокъ сей загла-
дите, пожаловали въасъ своимъ жалованьемъ (311).“

Переговоры Россійскаго двора съ Крым-
скимъ о казакахъ. Въ декабрѣ мѣсяца 1654 года былъ

(309) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи бывшаго на Дону дворянина Савостья-
на Протасьевъ, возвратившагося въ Москву октября 9-го 1656 года.

„А при немъ де Донскіе казаки ходили подъ Азовъ, войсковой атаманъ
Наумъ Васильевъ да Павелъ Федоровъ съ товарищи, а съ ними запорожскихъ
черкасъ и украинскихъ городовъ торговыхъ людей съ 3000 и болыни и воѣ
Азовомъ де на вылазкѣ азовскіе люди казаковъ побили тысячи съ полторы и
взяли въ полонъ Павла Федорова и иныхъ Донскихъ казаковъ, а сколько де
человѣкъ, того онъ не вѣдаетъ“.

(310) Дѣла Крымскія, № 1 распросныя рѣчи толмоча Тихона Алтобаева.
присланного изъ Крыма въ Москву Росс. посланиками, находившимися тамъ,
1656 года.

„Да имъ же сказывали въ Крымѣ татаровъ, что Донскіе казаки приступи-
ли къ Азову, и на приступѣ де Донскихъ казаковъ побили многихъ азовскіе
люди и взяли въ полонъ атамана Павла Федорова и его казнили, а голову его
въ Крым привезли и изъ Крыму тое голову послали въ Царь-городъ къ тур-
скому султану“.

(311) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1657 г. марта мѣсяца.

„И за то, что вы безъ нашего В. Государя новельни ходили подъ Азовъ
и людей многихъ потеряли, нашего Вел. Государа жалованья послать было и
не довелось, только мы, Вел. Государь, по нашему государскому милосердію
праву, за прежнія ваши службы и чак намъ Великому Государю впередъ отъ
васъ службою своею заплаты, нашелъ Вел. Государя опали на васъ не положилъ,
а пожаловали въасъ и указали послать къ вамъ нашего государскаго жалованья
денегъ и проч.“

присланъ въ Москву отъ крымскаго хана Магметъ-Гирея гонецъ Шебанъ, съ извѣстіемъ о вступленіи его на крымскій престолъ: ему поручено было главнѣйше наставивать обѣ унятіи казаковъ отъ набѣговъ. Относительно этого предмета крымскій ханъ писалъ въ своей грамотѣ: „уймите своихъ Донскихъ казаковъ отъ набѣговъ на Турцію и Крымъ; какая можетъ быть между нами дружба, когда и я съ своей стороны позволяю татарамъ равнымъ образомъ разорять ваши украины? Минь извѣстно, что казаки вамъ повинуются; и потому если теперь хотя одно судно ихъ появится у крымскихъ береговъ, тогда нарушеніе мира и доброго согласія произойдетъ съ вашей стороны (312).

Отъ Россійскаго двора отправлены были въ Крымъ посланники Жеребцовъ и Титовъ, для увѣренія хана въ дружественныхъ расположеніяхъ Государя. Тамъ, среди сужденія о дѣлахъ государственныхъ были подобно прежнимъ переговоры и о Донскихъ казакахъ; но остались безъ всякихъ послѣдствій.

Въ слѣдующемъ году переговоры обѣ унятіи казаковъ отъ набѣговъ, со стороны крымцевъ возобновлены были предъ нашими послами Жуковымъ и Панинымъ по прежнему, съ жаркимъ настоятельствомъ; но эти переговоры, подобно

(312). Дѣла Крымскія, № 11. Въ грамотѣ, присланной отъ Крымскаго хана Магметъ-Гирея къ Россійскому Государю съ гонцомъ Шебаномъ, между прочимъ сказано:

“ Да ваши люди украинцы изъ вашего государства приходить на Донъ и воровать, ежельть на Черное море стругами ходать, вселенаго благосчастнаго величества подѣ морскихъ мѣсть воюють и шкоты чинять беспрестанн, а мы съ вами въ братской дружбѣ и любви, а казакою неупимасте, межъ нами великими государями чинять болыши ссоры, намъ только своихъ воровъ нечиштить, а намъ потому же своихъ неуниматъ, какая же межъ нами братская дружба и любовь? . . . А будетъ отъ инышиаго дни на морѣ хотя одинъ стругъ объявитца, а шерти нарушеніе будетъ отъ вашей стороны, а только будетъ учите казну ежегодъ присылати, а съ Дону тѣхъ воровъ свести велите, и съ сей стороны государству вашему украинамъ отнюдь никакова убытку и шкоты не будетъ.”

прежнимъ, тоже неимѣли рѣшительнаго послѣдствія (313).

Опустушеніе крымскихъ и анатолійскихъ береговъ. Хотя крымцы на словахъ грозили настойчиво совершеннымъ уничтоженіемъ жилищъ казачьихъ, однако же на дѣлѣ поступали въ этомъ предпріятіи съ крайнею безрасчетливостію: они думали, что испугаютъ Донцовъ, если пошлютъ на нихъ тысячъ пять войска. Число это собралось изъ Крыма, Тамани и другихъ мѣстъ, и въ февраль мѣсяцѣ 1657 г. приступило къ Черкасскому городку; но простоявъ подъ онымъ долгое время, воротились къ Азову безъ всякаго успѣха (314). Казаки же въ явное пренебреженіе своихъ непріятелей, лишь съзѣко открылась весна, въ виду ихъ прошли рѣкою Дономъ мимо Азова въ 33 стругахъ, подъ начальствомъ молодаго атамана Корнилія Яковлева, оставивъ въ Черкасскомъ городкѣ

(313). Дѣла Крымскія, № 14, изъ статейнаго списка, бывшихъ въ Крыму, 1655 года, россійскихъ посланниковъ Жеребцова и Тиханова.

„И посланники Саферь-Газы-ага говорили, что Донскіе казаки отъ Царскаго Величества отдалены, и во многихъ статьяхъ ему Великій Государю не послушны, и они крымскіе люди съ ними управлялись бы сами, а Царское Величество за нихъ стоять не будетъ, а Запорожскихъ черкасъ Великій Государь на Донъ не посыпывалъ и вредъ не пошлетъ, развѣ изъ нихъ Запорожскихъ черкасъ прошли на Донъ небольшия люди для рыбныхъ промысловъ.“

Тамъ же, № 11, статейный списокъ россійскихъ посланниковъ Жукова и Пашина, бывшихъ въ Крыму 1656 г. Посланники говорили:

„Великій Государь нашъ владѣетъ многими государствами и городами, а тѣ Донскіе казаки вѣдомые воры . . . а Великому Государю гдѣ за такими ворами ратныхъ людей посыпать; живутъ что забѣри, ни градовъ, ни домовъ не пизбуть, а живутъ по камышамъ и по озерамъ и пашни не пашуть, живутъ такъ, что добудутъ, то и ядуть, а Великому Государю за такими ворами посыпать ратныхъ людей сухимъ путемъ и ихъ взять не гдѣ, сядутъ въ сгружи, да и уйдутъ въ морѣ.“

(314). Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1657 г. мая 17 дня.

„Въ нынѣшии 165 году, мая въ 9 день, писали сесте къ намъ Великому Государю съ станичниками своими съ атаманомъ Ирохоромъ Ивановымъ съ товарищи, что въ февраль мѣсяцѣ приходили къ вамъ на Донъ къ Черкасскому городку крымскіе мурзы со многими людьми, а съ ними томагацы, и черкасы горскіе, и кабардинцы, и малаго ногаю, и темрюцкіе и азовцы и вѣтъ въ осадѣ сидѣли не малое время.“

значительный гарнизонъ. Флотилия эта, вмѣщавшая въ себѣ 2,000 казаковъ, вскорѣ достигла до крымскихъ береговъ; тамъ, около города Козлова, казаки вышли на берегъ, разграбили и выжгли 10 деревень, пленили 600 человѣкъ турокъ и татаръ, освободили 200 человѣкъ российскихъ пленниковъ и съ богатою добычею возвратились на Донъ (315).

Въ это время, на мѣсто умершаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго, возведенъ, по общему желанію Малороссийскихъ казаковъ, Иванъ Выговскій. Честолюбецъ этотъ, нарушивъ данную имъ клятву въ вѣрности Россійскому Государю, вступиль въ подданство со всѣмъ Малороссийскимъ и Запорожскимъ войскомъ польскому королю. Онъ просилъ помощи у крымскаго хана для отраженія российскихъ войскъ и для наказанія противившихся ему казаковъ. Россійскій государь, получивъ объ этомъ подробнѣя свѣдѣнія, писалъ къ Донскимъ казакамъ, чтобы они, колѣ скоро узнаютъ о выступлении крымскихъ войскъ противу вѣрныхъ малороссийскихъ казаковъ или на российскія украины, въ то же время моремъ внесли бы въ Тавриду ужасъ и смерть. Грамота объ этомъ послана была на Донъ 1 юна 3 дня 1659 г., но Донские казаки еще до получения оной, узнавъ о выступлении крымскихъ войскъ въ Малороссію для соединенія съ гетманомъ Выговскимъ, отправили въ море болѣе 2,000 казаковъ на 30 стругахъ, подъ начальствомъ прежняго атамана Корнилія Яковлева. Между

(315) Изъ тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Михайла Іукьянова, прибывшаго въ Москву 1657 г. декабря 1 дн.

„ Да онъ же станичникъ Михайло сказывать: какъ де прошлаго лѣта ходили они съ Дону на Черное море 33 струга, а людей было 2,000 человѣкъ, а атаманомъ былъ Карпъ Черкасъ и на крымской сторонѣ около Козлова погромили и выжгли деревень съ 10-ть, а полону турскаго и татарскаго взяли съ 600 человѣкъ, да русскаго полону отбили человѣкъ съ 200; и въ томъ де числѣ было государевыхъ людей челов. съ 20, а достальныи всѣ запорожскіе черкасы. И тѣ де запорожскіе черкасы пошли въ запорожскіе города, а русскіе люди въ государевы украинные города; а ясырь де турской и крымской они расплодили.

тѣмъ крымцы, соединясь съ Выговскимъ, производили уже опустошения въ российскихъ границахъ: „Я приказывалъ вамъ, писалъ Россійскій Государь на Донъ, что бы вы, при первой вѣсти о походѣ татаръ, стремились на разореніе крымскихъ владѣній; нынѣ крымскій ханъ съ измѣнникомъ Выговскимъ недумаютъ о прекращеніи войны; немедлите опустошить области хана (316).

Казаки, ворвавшись въ крымскіе предѣлы, распространили ужасъ; все то, что только попадалось имъ между Керчью, Кафою и Балаклавою, жгли и истребляли, ненаходя никакого препятствія; несчастныхъ жителей предавали смерти безъ различія пола и возраста, взяли въ пленъ 2,000 человѣкъ турокъ и татаръ и освободили 150 челов. российскихъ пленниковъ. Потомъ обратились къ Тамани, разорили кочевавшіе тамъ улусы до самаго Темрюка, разграбили и выжгли населенные деревни; наконецъ пустились къ берегамъ Анадоліи; тамъ для грабежей выходили на берегъ около Синопа и города Кандры, и приближались къ Царь-граду за одинъ деньѣзды. Такимъ образомъ нагрузивъ суда свои различными добычами, возвратились въ Черкасскій городокъ (317). Съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ въ Москву атаманъ Осипъ Петровъ; Го-

(316) Тѣкъ же дѣль, грамота на Донъ 1659 г. отъ 24 июля.

„И крымскій ханъ съ измѣнникомъ нашимъ съ Иваномъ Выговскимъ соединясь стоять въ войскѣ безотступно и потому знатно ужъ то отъ васъ надъ Крымомъ промыслу никакого нечинится“

(317). Тамъ же, распроснныя рѣчи станичнаго атамана Кирила Петрова, прибывшаго въ Москву 1659 г. сентября 17.

„А ходили де они на крымскіе улусы и были подъ Кафою и подъ Бозыклиею и подъ иными многими мѣстами и въ томъ де походѣ звали ясырю турскаго и крымскаго и женскаго полу съ 2,000 челов., а выходили де изъ струговъ на берегъ подъ Кафою и подъ Бозыклиею и подъ Керчью, а ходили де отъ струговъ на берегъ въ Крымъ верѣсть съ 50 и идучи де отъ Темрюка и до Тамани улусы темрюцкихъ черкасъ и таманскихъ пожгли и многихъ людей побили и въ тѣхъ де мѣстахъ ясырю русскаго полону поимали человѣкъ полторасто . . . А на турской сторонѣ были подъ городами близко Синопа, и Кок-

сударь похвалия службу казаковъ, одарилъ щедро храбраго этого атамана и велълъ послать на Донъ большое жалованье — 3,000 руб. денегъ, 3,000 четвертей муки, 100 поставовъ сунокъ гамбургскихъ, 200 пуд. пороху и 100 пуд. свинцу.

Г Л А В А XII.

Азовцы усиливаются помощю турокъ и крымцевъ.—Казаки исправляются отъ Государя себѣ въ помощь ратныхъ людей подъ предводительствомъ воеводы.—Крымскій ханъ ставить крѣпость на верхнемъ устьѣ Каланчи и на Донцѣ.—Положеніе казаковъ и россійскихъ войскъ послѣ построенія татарами крѣпости.—Неудачный приступъ казаковъ къ Донецкой крѣпости и Каланчинскимъ башнямъ.—Союзъ съ казацкими.—Казаки вновь прокапываютъ ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море.—Переговоры съ Крымомъ о мире.—Набожность казаковъ.—Положеніе дѣль на Дону до возмущенія Разина.

Азовцы усиливаются помощю турокъ и крымцевъ. Наконецъ турки и крымцы, наскучивъ 10 лѣтъ сряду продолжавшимися нападеніями Донскихъ казаковъ, приняли рѣшительныя мѣры преградить имъ всѣ пути въ море. Казаки лишь только услышали о сильномъ вооруженіи на нихъ турокъ, немедленно послали 200 товарищѣй своихъ моремъ подъ городъ Тамань, для подробнѣйшихъ разведываній: тамъ узнали казаки, что крымскій ханъ вооружаетъ на нихъ всѣ подвластные ему народы, что изъ города Кафы уже отправлены сухимъ путемъ чрезъ Тамань въ Азовъ 3,000 яны-

стантинова острова и города Кондры и до Царя-города за сутки.“

Тамъ же, грамота на Донъ отъ 11 февраля 1660 года.

„Что вы служа намъ, Великому Государю, ходили моремъ на крымскіе мѣста и милостю Божию на Азовскомъ морѣ по черкесской сторонѣ, межъ Темрюка и Томани, многія селы и деревни пожгли и разорили, а въ Крыму отъ Кафы и до Булакъен города, посады и села и деревни выжгли и запустили и многихъ крымскихъ людей побили и въ полонъ жонъ ихъ и дѣтей ихъ поимали и нашихъ Царского Величества людей многихъ полоняниковъ изъ Крыму вывезли и отъ себя съ Дону отпустили въ наши Великаго Государя города, и мы Великій Государь вѣсъ атамановъ и казаковъ за вашу службу жалуемъ милостию похвалляемъ.“

чаръ, и что скоро къ этому же городу пойдутъ изъ Константинаopolia 35 кораблей съ лѣсомъ и каменными для постройки на Дону трехъ крѣпостей (318).

Въ столь очевидной опасности казаки не теряли духа и надежды: въ тотъ же день, въ который узнали объ этомъ, они отправили въ море 30 струговъ съ отборными воинами для нападенія на Крымъ; но этимъ воинамъ было неизвѣстно, что ханскія войска уже на берегахъ Дона и подъ стѣнами Азова. Едва казаки ночью прошли устья Дона, какъ на зорѣ увидѣли въ заливѣ Азовскаго моря 35 турецкихъ кораблей, а на берегахъ многочисленную армію: ее привель ханъ за день предъ этимъ; не было возможности идти далѣе, надобно было думать только о спасеніи своемъ. Казаки поспѣшило пригребли къ устьямъ Дона и поплыли вверхъ Калачинскимъ протокомъ, но ихъ замѣтили азовцы съ высоты стѣнъ своихъ и тотчась дали вѣсть всѣмъ полчищамъ татарскимъ. Большая и малая партіи мусульманъ засѣли во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ вверхъ по Дону съ артиллерию и ружьями, и такимъ образомъ заградили казакамъ всѣ пути. Рѣшась пробиться сквозь многочисленныхъ непріятелей, казаки смѣло пошли судами вверхъ и сражаясь на каждомъ шагу, едва успѣли пройти въ цѣлый день шесть верстъ съ неимовѣрною трудностію; но слухъ объ ихъ опасности достигъ наконецъ Черкасскаго городка, отъ которого была выслана значительная помощь атакованнымъ и они избавились отъ гибели. Достойно замѣчанія, что при семъ случаѣ казаки такъ искусно

(318) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Фрола Минаева, 1660 года мая 23-го.

„А ходило де ихъ изъ войска судами на крымскіе и темрюцкіе мѣста съ 200 человѣкъ, и въ тѣхъ мѣстахъ взяли языковъ семь человѣкъ татаръ“ . . .

Тамъ же.

„А изъ Азова безпрестанно посыпаютъ азовцы къ крымскому хану о помочи . . . И турской салтанъ хотѣлъ къ нимъ прислатъ 50 катогръ и велѣлъ де салтанъ къ Азову вѣсти лѣсъ, а ставить де имъ на Дону на устьѣ городъ.“

умѣли отступить, что нелишились ни одного судна и даже не потеряли ни одного человѣка (319).

Казаки испрашивають отъ государя себѣ въ помошь ратныхъ людей подъ предводительствомъ воеводъ. Еще до прибытія къ Азову крымскаго хана и турецкихъ войскъ, казаки, по первому извѣстію о вооруженіи мусульманъ, послали въ Москву знатныхъ старшинъ: Федора Будана и Фрола Минаева, просить вспомоществованія войскомъ и скорѣйшей присылки обѣщаннаго Государемъ жалованья. Между тѣмъ отъ плѣнныхъ безпрерывно получали новая свѣдѣнія, что гарнизонъ азовскій со дня на день увеличивается разными войсками и изъ Константинополя идутъ суда съ ратными людьми. Государь, одобряя казаковъ, писалъ къ нимъ, что какъ войска подъ начальствомъ воеводъ Семена и Ивана Хитрово, такъ и жалованье будетъ къ нимъ изъ Воронежа въ скорости. Проходятъ май и юнь мѣсяцы, а войска Россійскаго не было на Дону; казаки ясно предвидѣли грозу и поймавъ подъ Азовомъ еще языка, подробно рассказавшаго имъ замыслы враговъ ихъ, отправили этого татарина въ Москву съ станичнымъ атаманомъ

(319) Тамъ же, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву августа 11-го 1660 года.

„А ханъ крымской и салтанъ съ крымскою ратью и съ ордою и съ темрюцкими и съ томанскими черкесы подъ Азовъ пришли до 35 каторгъ и съ Царя-города пришли же и стоять подъ Азовомъ же на взморѣ; и мы холопи твои, не вѣдая ихъ подъ Азовъ приходу, пошли было на море Азовское 30 стругами на крымскія мѣста и увида мы тѣ каторги и хана крымскаго съ ратью и съ ордою и шатры ихъ, вернулися мы назадъ и пошли Коланчею, и турскіе люди и ханъ съ ратью и съ азовцами, усмотря насть, учинилъ въ Каланчѣ по обѣ стороны и по Дону пересѣдъ съ пушками и съ мѣлкимъ ружьемъ и съ лучными боемъ, нехотя пропустить насть назадъ; и дралися мы, холопи твои, съ ними день весь съ утра и до вечера и прошли Коланчею напроломъ съ великою нуждою и за боемъ великимъ пришли домой.“

Тамъ же, изъ распросныхъ рѣчей привезшаго ту отписку въ Москву станичного атамана Михаила Петрова . . . „Ишли де они отъ тѣхъ турецкихъ и крымскихъ людей съ большими боемъ верстъ шесть, а войско де высыпало къ нимъ на выручку рѣкою и проходъ ихъ былъ въ войско съ моря съ великою нуждою и съ жестокими боемъ.“

Григориемъ Афонасьевымъ, повторяя просьбу свою о войскѣ и жалованьѣ. Царь вторично въ грамотѣ своей писалъ Донцамъ, что просимая ими помошь послана уже и вскорѣ прибудетъ на Донъ; но отправленные воеводы медлили и о походѣ ихъ не было никакого слуха. Въ сей крайности казаки принуждены были послать въ Москву третью станицу, съ атаманомъ Михайломъ Петровымъ, ходатайствовать о понужденіи нерадивыхъ воеводъ. Они донесли Государю, что крымскій ханъ пришелъ къ Азову въ послѣднихъ числахъ июля мѣсяца и расположился станомъ между рѣкою Дономъ и Донцомъ, а калга противъ него на лѣвой сторонѣ Дона; что татары имѣютъ намѣреніе строить по Дону крѣпости и разорить Черкасскій городокъ: „Если не получимъ скорой помощи твоей, писали они Государю, то не въ силахъ будемъ удержать татаръ; многие товарищи наши и теперь уже, дожидаясь твоей рати и твоего жалованья, принуждены были отъ голоду и наготы разойтиться (320).

Но между тѣмъ непріятельская сторона все усиливаясь, приступала уже къ работамъ и производила набѣги на казачьи городки. 25 сентября казаки отправили четвертую станицу въ Москву, съ атаманомъ Игнатиемъ Серебряниковымъ, съ извѣстіемъ, что татары безпрерывно приходятъ къ Черкасскому городку по тысячѣ и больше, отгоняютъ у нихъ лошадей и рогатый скотъ; что для построенія крѣпостей уже бываютъ они сваи и приготовляютъ камень (321).

(320) Тѣхъ же дѣлъ, отписка Войска Донскаго, привезенная въ Москву 1660 года августа 11 днія

„А намъ, холопѣмъ твоимъ, нынѣ противъ такового хана крымскаго и каторжного турскаго люду собранья, твоей государевой вотчины Черкаскова города и рѣки всей оберегать и держать безъ твоей государевой милости и помощи не кѣмъ и не въ силу а которые, государь, у насъ въ войскѣ были нужны люди казаки, и они ожидающи твоей государевой службы и рати и твоего государева жалованья денежнаго и хлѣбнаго, отъ великихъ нужъ и голоду и наготы многие разбрелися отъ насъ на Русь по твоимъ, Государь, украиннымъ городамъ.“

(321) Тѣхъ же дѣлъ, распросный рѣчи станичнаго атамана Игнатія Сереб-

Государь, похваляя казаковъ за скорое доставленіе къ нему вѣстей, писалъ, что воеводы Семенъ и Иванъ Хитрово съ войскомъ отправлены изъ Воронежа 15. июля; и что о сбѣрѣшемъ походѣ ихъ на Донъ послалъ къ нимъ указъ съ нарочнымъ; для отвлеченія же крымскаго хана отъ предпріятій на Дону, велѣно гетману Юрію Хмѣльницкому послать кошеваго атамана Запорожскихъ казаковъ съ большими силами для нападенія на крымскія области. Наконецъ, воеводы Хитрово съ 7-ю тысячами войска прибыли къ Черкасскому городку въ октябрѣ мѣсяцѣ и заняли лагерь близь онаго.

Крымскій ханъ ставить крѣпости на верхнемъ устьѣ Каланчи и на Донцѣ. Но татары были дѣятельны: они окончили всѣ крѣпостныя работы еще прежде прибытія русскихъ войскъ. Ханъ самъ распоряжался работами, имѣя 40/т. татаръ и 10/т. венгровъ, волохъ и другихъ народовъ, присланныхъ къ нему отъ султана. Всѣ трудились неусыпно, такъ что въ полтора мѣсяца крѣпости уже были вооружены и готовы къ выдержанію натиска, двѣ изъ нихъ поставлены при устьѣ протоки Каланчи по обѣимъ сторонамъ Дона, каждая имѣла въ окружности по 200 сажень, а высота стѣнъ въ 15, вмѣщала гарнизону 300 человѣкъ, третья гораздо обширнѣе первыхъ на Донцѣ, на 500 человѣкъ гарнизону (322).

реиникова, прѣхавшаго въ Москву 3 августа 1660 года.

... „ Да крымскіе де люди ставить городки на Дону выше устья Каланчи рѣки по обѣ стороны, да на устьѣ Дона, только де городовъ еще не поставили, а бывать подъ городовыя стѣны сваи, а камень сѣкуть за Донцомъ на крымской сторонѣ. А крымскіе де люди подъ ихъ казачыи городки приходятъ по тысячи и больше безпрестаннѣ и конскіе стада и животину отгоняютъ и дровъ имъ сѣчь и рыбу ловить не даютъ.“

(322) Тамъ же, распроснны рѣчи станичнаго атамана Іогина Семенова съ товарищами, прѣхавшихъ въ Москву 7 декабря 1660 года.

... „ Да въ то же время изъ Крыму пришли крымскій ханъ и царевичъ, а съ нимъ де крымскихъ татаръ и черкасъ темирецкихъ, и кабардинскихъ, и горскихъ и ногайскіе мурзы съ татары тысячъ съ 40, да работныхъ людей венгровъ и волоховъ и мутьянъ съ 10 | т. и пришедъ де подъ Азовъ, на

Мусульмане твердо были уверены, что построениемъ сихъ крѣпостей заградятъ они казакамъ путь въ Азовское море; и въ самомъ дѣлѣ, мѣста для нихъ избранныя были чрезвычайно важны, такъ что ни одно судно немогло проплыть мимо ихъ не бывъ раздроблено крѣпостною артиллерию; но да бы и въ ночное время казаки немогли прокрадываться въ сихъ мѣстахъ, то проведены были чрезъ Донъ цѣпи. Казалось Азовъ сдѣлался недоступнымъ; но въ послѣдствіи времени увидимъ, что всѣ эти преграды не въ состояніи были удержать казаковъ отъ любимаго ими плаванія по Азовскому и Черному морямъ.—Сами казаки не въ состояніи были остановить работы татаръ: ихъ было въ Черкасскомъ городкѣ только 3/т., а ханъ, что бы имѣть полную свободу въ дѣлахъ своихъ, посыпалъ ежедневно по нѣсколько большихъ партій къ Черкасскому и другимъ городкамъ, дабы занимать казаковъ единственно ихъ защитою. Устроивъ все какъ думалъ и снабдивъ новые крѣпости горнizonомъ и всѣми припасами, ханъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прежде прихода на Донъ русскихъ воеводъ, возвратился въ Крымъ. Зиму россійскія войска оставались въ бездѣйствіи; только 1,000 человѣкъ ходили для смотрѣнія новыхъ татарскихъ крѣпостей; проникнувъ до Азова, они выжгли предмѣстіе онаго и захватили нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Важнѣйшихъ дѣйствій непредпринимали они потому, что зимою ожидали прихода большой татарской рати и расчитывали, что если до того времени открыть военные дѣйствія противу крѣпостей, то легко можетъ произойти недостатокъ въ порохѣ, отъ чего лишатся они средствъ защищать себя отъ непріятелей (323).

Дому на перевозѣ, по выше Каланчи, гдѣ призываютъ и отдаютъ государственныхъ посадовъ, по обѣ стороны поставили двѣ башни каменныя и между башень чрезъ Донъ подѣлали цѣпи Дона, Допѣтъ и на усть проѣздааго противъ Азова поставили городъ каменной же, а въ городѣ 4 башни и въ тѣхъ башняхъ и въ городкѣ поставили парядъ большой и малой, и въ башняхъ оставилъ человѣкъ по 300, а въ городкѣ съ 500 человѣкъ“.

(323). Тамъ же.

„А въ войскѣ де при нихъ говорили, что де имѣтъ тѣхъ крѣпостей разо-

Положение казаковъ и россійскихъ войскъ послѣ построенія татарами крѣпостей. Но положеніе ихъ время отъ времени становилось затруднительнѣе: подвозъ провіанта и другихъ потребностей изъ Россіи промышленниками, по причинѣ открытия военныхъ дѣйствій, прекратился; присланного же отъ Государя въ жалованье осталось весьма мало, и тотъ казаки подѣлили между собою. Въ этой крайности послали въ Москву станичнаго атамана Ивана Степанова съ просьбою о присылкѣ къ нимъ военныхъ и жизненныхъ припасовъ; атаману наказано доложить Царю, что съ самаго существованія Донскаго войска они никогда не находились въ такомъ стѣсненномъ положеніи: заграждены устья Дона и отнята у нихъ возможность выходить въ море для добычи (324).

Государь приказалъ весною послать къ казакамъ 7,000 руб. денегъ, 5,000 четвертей провіанта, 200 половиноекъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху и 100 пуд. свинцу; и тогда же отправилъ объ этомъ къ нимъ извѣстіе. Они скучали и томились, сидя въ своемъ Черкаскомъ городкѣ, изрѣдка посылали охотниковъ для разведыванія о намѣреніяхъ крымцевъ и турокъ; приводимые плѣнныя лишь только устрашали ихъ, рассказывая, что съ отрытиемъ весны турецкій султанъ прішель вновь суда свои съ войскомъ и различными припасами для построенія еще одной крѣпости на устьѣ Донца, что

рѣть пѣконы, и опасались прихода крымскаго, чтобы въ приходѣ пушечными запасы въ войскѣ было не скучно, а тѣхъ де крѣпостей опричь наряда разорить нечѣмъ; а чтобы де съ весны рано до травы собравъ все войско Донецкое, и съ госуаревыми людьми ити на тѣ крѣпости и разорять ихъ спарядомъ, стругами, и сухимъ путемъ, покамѣста крымскому за коннымъ кормомъ нельзѣ будетъ на выручку прійти.“

(324). Тамъ же, распросыни рѣчи станичнаго атамана Ивана Степанова, пріѣхавшаго въ Москву 20 декабря 1660 года.

,А какъ де и стало на Дону войско быть и таково де утѣщенія имъ николи небывало, что имъ нынѣ для промысловъ своихъ ходить никакуи нельзятъ, и многіе де безъ промысловъ съ Дону отъ нихъ разбредутся.“

крымскій ханъ съ татарами самъ будеть къ этому времени (325), что, сверхъ того, въ ту же зиму на истребленіе жилиць казачьихъ готовится уже на Кубани войско. Такіе слухи съ каждымъ днемъ подтверждались, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ многочисленная толпа крыцмевъ дѣйствительно явилась внезапно подъ Черкасскимъ городкомъ и силилась напасть на станъ воеводъ Хитрово (который расположень былъ въ полуверсты отъ Черкасского городка и обнесенъ землянымъ валомъ); но казаки, примѣтивъ намѣренія татаръ, въ то же время сдѣлали вылазку, соединились съ войскомъ воеводъ Хитрово, напали на непріятелей и, по кратковременному сраженіи, обратили ихъ въ бѣгство (326).

Побѣдители радовались недолго: оказался недостатокъ въ провіантѣ и другихъ потребностяхъ, въ станѣ воеводъ Хитрово, войско начало роптать и выходить изъ повиновенія, явились возмутители, которые, съ единомышленниками своими, поднявъ знамена вышли изъ лагеря, въ намѣреніи достигнуть предѣловъ Россіи; но силою были возвращены въ лагерь. Неструйства эти прекращены были вмѣстѣ съ привозомъ весною изъ Воронежа провіанта и другихъ вещей.

Неудачный приступъ казаковъ къ Донецкой крѣпости и Каланчинскому башнямъ. Казаки готовились къ веснѣ воевать крѣпости, послали благовре-

(325). Тамъ же.

„А слухъ де имъ на Дону въ войскѣ отъ выходцовъ есть, что въ Азовѣ турской салтанѣ на весну хотеть прислать воинскихъ людей по прежнему въ каторгахъ, да и крымской де ханъ тутъ же къ нимъ будеть и хотять де, пришедъ, ставить третій городъ на устьѣ верхнемъ у Донца.“

(326). Тамъ же.

„И послѣ де ихъ отпуску (то есть послѣ отпуска станичнаго атамана Логина Семенова съ товарищами) приходили подъ новой городокъ, гдѣ стоять государевы ратные люди, крымскіе, и ногайскіе, и черкесы и азовскіе многие люди, и они де изъ войска казацкаго на тѣхъ татаръ ходили и бой съ ними у нихъ быль, и воеводы же къ нимъ на помощь государевыхъ ратныхъ людей на нихъ посыпали жѣ и тѣхъ де они татаръ отъ себя отбили.“

менно во всѣ казачьи городки грамоты о собраніи всего войска Донскаго къ Черкасскому; послали въ Москву станицу съ вѣстями и съ просьбою о присылкѣ къ нимъ пушечныхъ ядеръ. Между тѣмъ слухъ о прибытіи къ Азову крымскаго хана время отъ времени подтверждался; наступило весеннее время, а его еще не было; казаки, пользуясь этимъ, съ общаго совѣта съ воеводами Хитрово рѣшились испытать сначала счастія надъ Донецкимъ замкомъ; въ этомъ намѣреніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1661 года, выступили они въ походъ, расположились станомъ около замка и начали осаду. Съ одной стороны низменное мѣстоположеніе и недостатокъ артиллеріи, а съ другой опасеніе прихода крымцевъ, заставили ихъ ускорить приступъ безъ нужныхъ приготовленій. Сначала дѣло шло у нихъ удачно; преодолѣвъ всѣ препятствія, они подошли къ замку, спустились въ ровъ, взошли по лѣстницамъ на стѣну и начали уже ломать крыши у башень, какъ вдругъ воевода Иванъ Хитрово, отъ робости ли или зависти, прислалъ изъ стана своего повелѣніе отступить отъ замка войскамъ своимъ (327).

Огорченные казаки съ прискорбiemъ должны были оставить осаду и возвратились въ Черкасскій городокъ, потерявъ убитыми 50 человѣкъ. Казаки приносили къ Царю жалобу на

(327) Тамъ же, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 27 июня 1661 года.

„Ходили мы, холопи твои, съ твоимъ государевымъ стольникомъ и воеводою съ Иваномъ Хитрымъ и съ ратными людьми подъ новой Донецкой городъ, и къ тому городу приступали накрѣпко и съ лѣстницами и на стѣнѣ были и у башень кровли взломали и твоего Государскаго Величества стольникъ и воевода Иванъ Хитровъ на приступѣ не былъ, и стоялъ отъ того Донецкаго города за Донцомъ верстахъ въ трехъ и больше, и какъ мы, холопи твои, съ твоими государевыми ратными людьми на томъ городѣ на стѣнахъ и у башень кровли взломали, и твоего Царскаго Величества стольникъ и воевода Иванъ Хитровъ прислалъ отъ себя изъ табора начальныхъ людей и велѣлъ отъ того города прочь отступить твоимъ государевымъ ратнымъ людемъ, и тѣ твои государевы ратные люди отъ того города по его Ивановѣ Хитровѣ присылкѣ прочь пошли.“

воеводу Хитрово за этотъ его поступокъ. Между тѣмъ удобное для приступовъ время миновало, наступили большие разливы воды, которые препятствовали подойти близко къ калачинскимъ башнямъ сухимъ путемъ.

Только что возвратились казаки къ Черкаску, какъ получили новыя вѣсти о походѣ къ Азову турецкихъ и крымскихъ войскъ и о намѣреніи ихъ поставить еще двѣ крѣпости; не медля послали они просить вновь о присылкѣ стѣно-битныхъ орудій и прибавкѣ россійского войска, коего на Дону оставалось способнаго носить оружіе неболѣе 3/т. человѣкъ; прочія разбрѣжались отъ худаго управланія (328).

Крымскій ханъ имѣть въ готовности многочисленное войско противу казаковъ, но отправилъ оное, въ слѣдствіе договора, на помощь къ польскому королю, у коего въ то время продолжалась война съ Россіею. Казаки, желая воспользоваться отсутствіемъ крымцевъ, предприняли намѣреніе осадить Каланчинскія башни. Для этого были вооружены всѣ войска, находившіеся въ Черкасскомъ городкѣ, и 2 августа приступили къ башнямъ, устроили близъ оныхъ шанцы и начали изъ орудій производить пальбу; но отъ безпрерывной стрѣльбы у нихъ разорвало три пушки и истраченъ весь порохъ; они рѣшились идти на приступъ, поставили къ стѣнамъ лѣстницы и уже взошли было на стѣну, но были отбиты. Низменное мѣстоположеніе, на коемъ основаны были крѣпости, препятствовало имъ вести подъ башни подкопы, сверхъ того азов-

(328) Тамъ же, отписка Донскаго войска, привезенная въ Москву 16 апрѣля 1661 года.

„А тотъ де городокъ (построенный на Донцѣ) и каланчинскіе башни стоять на самыхъ низкихъ мѣстахъ и опричь стѣнопробитныхъ пушекъ взять ихъ нельзѣ. Да имъ же де на Дону учинилось отъ выходцовъ подлино вѣдомо, что иныѣшию весною крымской ханъ . . . будеть ставить городки выше, тѣхъ прежнихъ крѣпостей по Дону на верхнемъ устьѣ Донца и на устьѣ Темерника, и иихъ де атаманамъ и казакамъ безъ государевыхъ прибавочныхъ ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей противъ ханова большаго собранья стоять будеть не съ кѣмъ.“

скій гарнізонъ безпрепятственно рѣкою Дономъ снабжалъ эти крѣпости людьми и воинскимъ снарядомъ (329).

Въ замѣнъ неудачи своей походное войско, прокопавъ Казацій ерикъ, отправило на море на 20 стругахъ казаковъ для поисковъ; близъ урочища, называемаго Бѣлосарай, повстрѣчались они съ пятью турецкими кораблями, на коихъ находилось 500 человѣкъ турокъ, подъ начальствомъ Сеинъ-паши, посланныхъ изъ Константинополя на Донъ для усиленія гарнизона въ новыхъ крѣпостяхъ; казаки немедленно окружили корабли эти и вступили съ ними въ бой, но были отбиты безъ малѣйшей, впрочемъ, потери въ людяхъ. Не предпринимая дальнѣйшихъ покушеній противу сихъ кораблей, морское войско отправило сухимъ путемъ двухъ человѣкъ казаковъ въ Черкасъ съ увѣдомленіемъ о бывшемъ сраженіи съ турками и о принятіи осторожности отъ нихъ, а между тѣмъ сами пустились въ Черное море, для опустошенія крымскихъ береговъ (330).

(329) Отписка войска Донского, привезеннай въ Москву 18 сентября 1661 года.

„По твоему, В. Государи, указу пошли мы, холопи твои, подъ Каланчинскіе крѣпости, что поставилъ вновь крымской хану, и подъ тѣ крѣпости пошли и гдѣ намъ, холопѣмъ твоимъ, быть, отъ тѣхъ крѣпостей за полверсты, учинили земляной валъ и подъ тѣми Каланчинскими земляными башнями поставили шанцы, отъ башень сажень за сто, а иные и меньше и подъ тѣми крѣпостными промыслы съ твоими ратными людьми чинили вѣѣтъ, сколько намъ, холопѣмъ твоимъ, милосердый Богъ помощи подалъ и на одной башнѣ верхней большой бой изъ пушекъ сбили, а средняго, Государь, бою тѣ твои государевы пушки не взяли . . . и мы . . . съ твоими ратными людьми . . . пошли къ тѣмъ башнямъ съ лѣстницами на приступъ и на одной башнѣ на стѣнѣ съ лѣстницами были и Божію, Государь, волею тѣхъ башень не взяли.“

(330) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичного атамана Терентія Павлова, прибывающаго съ Дону въ Москву октября 17 дня 1661 года.

„Приходилъ подъ Азовъ крымской царевичъ съ татарами, а съ нимъ было татаръ 3,000 челов., да моремъ пришли подъ Азовъ же на пяти корабляхъ съ турскимъ Сеинъ-пашою съ 500 человѣкъ, и пришедъ со всѣми людьми, на Бѣлосарай, встрѣтись съ Донскимъ войскомъ, которые были на море въ судѣхъ, съ ними бились и къ короблямъ Донское войско приступало и многихъ у нихъ турскихъ людей побили, и паша съ ратными людьми пошелъ въ Азовъ,

Около Судака пристали они къ берегу, высадили войско и пошли во внутрь Крыма, гдѣ разорили и выжгли десять татарскихъ деревень; нагрузивъ свои суда добычю всякаго рода, они поплыли обратно къ Дону. Вошедъ въ Азовское море, казаки, отъ сильной бури, лишились 7 струговъ, на коихъ бывшіе люди спаслись и пришли въ Черкасскъ степью, сражаясь на каждомъ шагу съ непріятелями. Прочія же суда, прибывъ къ казачьему ерику, нашли его засыпаннымъ каменьями и землею, что однакожъ не помѣшало имъ перетащить суда свои въ Донъ; при семъ случаѣ они избѣгли еще гораздо большей опасности: ихъ ожидалъ около Азова кримской царевичъ съ 3,000 татаръ (331).

Союзъ съ Калмыками. Среди опасныхъ военныхъ приготовлений казаковъ, присланъ былъ къ нимъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, отъ главнаго калмыцкаго владѣльца тайши и отъ

а присланъ де они съ ратными людьми, въ прибавку, сидѣть въ новыи крѣпости. А Донское де войско, которые съ тѣми турецкими людьми были, на 20 стругахъ пошли за море, на кримскія мѣста, и съ того де бою присланы въ войско на Донъ съ мора двухъ человѣкъ, и тѣ де казаки въ войскѣ нынѣ сказали, что у нихъ на морѣ съ турецкими людьми бой былъ и турецкихъ людей многихъ побили, а ихъ де Донскихъ казаковъ, государскимъ счастiemъ, Богъ помиловалъ, отошли всѣ въ пѣдь и пошли за море на кримскія мѣста. А которымъ де мѣстомъ казаки пошли на морѣ и то де мѣсто, казачий ерикъ, кримской царевичъ съ азовскими и съ новоприбывшими людьми засыпалъ и закрѣпилъ; а закрѣпъ, отступилъ царевичъ для корумъ въ черкасскія мѣста и хотѣлъ де на то мѣсто опять притти въ то время, какъ войско придетъ стругами съ мора.“

(331) Тѣхъ же дѣлъ, распросныи рѣчи войскового атамана Корнилія Яковлева, прибывшаго въ Москву ноября 27 дня 1661 года.

„Пойхали де они къ Великому Государю съ Дону изъ войска тому 4-я недѣля, и предъ ихъ де прїѣздомъ недѣли за дѣвъ ихъ посыщики, которые были посланы на морѣ 14 струговъ, пришли къ нимъ въ войско съ моря всѣ здорово, а сказали имъ: были де тѣ ихъ товарищи стругами на тѣхъ стругахъ подъ Крымомъ ниже Кафы, между Судочкой на берегу, и въ томъ де мѣстѣ соѣгли и разгромили деревень съ 10-ть, а семи де струговъ моремъ размѣтало подъ Аргаткомъ, и которые де казаки были на тѣхъ стругахъ, и тѣ казаки пришли въ войско берегомъ по кримской сторонѣ, и по той де сторонѣ, идучи, бились съ татарами съ недѣлю и примили въ войско всѣ здоровож.“

прочихъ владѣльцовъ посоль мурза Баатырша Янгульдѣвъ, для мирныхъ переговоровъ. Главнейшія статьи заключенного между ними мира, состояли въ томъ, чтобы всему калмыцкому народу находиться по прежнему въ вѣчномъ подданствѣ Россійскаго Государя, чтобы другъ на друга никакихъ нападѣній не дѣлать и чтобы обоядно помогать войсками противу общихъ непріятелей. Эти мирные статьи были утверждены со стороны калмыцкаго посла присягою, въ залогъ же вѣрнаго соблюденія оныхъ были оставлены въ Черкасскомъ городкѣ два аманата. Казаки одаривъ мурзу и свиту его, отпустили въ ихъ улусы; а для удостовѣренія въ дружескомъ своемъ расположениіи съ калмыцкимъ владѣльцемъ и испрошеннія отъ нихъ помощи противу азовцевъ и крымцевъ отправили отъ себя къ нимъ знатныхъ старшинъ Федора Будана и Степана Разина, которые, получивъ отъ нихъ подтвержденіе заключенныхъ съ ихъ посломъ мирныхъ условій, оставили и съ своей стороны аманатовъ и привели съ собою 500 человѣкъ калмыковъ подъ начальствомъ мурзы Чакула (332).

Казаки приняли ихъ ласково, одарили начальника ихъ и

(332) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 1661 года іюля кѣсца.

„Въ нынѣшнемъ 169 году, апрѣля въ 16 день, писали къ намъ В. Государю вы атаманы и казаки съ станичниками своими съ атаманомъ Дмитриемъ Афоньевымъ съ товарищи, что въ нынѣшнемъ же 169 году февраля въ 20 день, присыпали на Донъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ, калмыцкіе тайши Дайчикъ-тайша и сынъ его Мончикъ-тайша и всѣ калмыцкіе и едисанскіе мурзы объ миру посланцовъ своихъ калмыцкаго мурзу Баатырку Янгѣева съ товарищи, и аманатовъ дву человѣкъ они вамъ на міру дали и шертовали они калмыцкіе посланцы на своей правдѣ на своей калмыцкой вѣрѣ за Дайчина тайшу и сына его Манчика - тайшу и за всѣхъ калмыцкихъ и едисанскихъ мурзъ и за всѣхъ воинскихъ людей на томъ, что имъ калмыцкимъ тайшамъ служить намъ, Великому Государю, съ вами за одно и промыслъ надъ крымскими и ногайскими людьми чинить, и никакой хитрости имъ надъ нашими В. Государя людьми нечинить, а для мирнаго подерѣженія и для подданніихъ вѣдомостей послали вы атаманы и казаки къ калмыцкимъ тайшамъ съ ихъ калмыцкими посланцами своихъ Донскихъ казаковъ Федора Будана да Степана Разина.“

прочихъ мурзъ и въ тожъ время, въ соединеніи съ ратными людьми, пошли на ногайскіе улусы, кочевавшіе около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайскій улусъ, положили на мѣстѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ пленъ 500 и отбили 100 челов. россійскихъ людей, находившихся въ плену у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привязать къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ пленныхъ и отбитыхъ русскихъ людей, съ условiemъ, чтобы сихъ посдѣднихъ тайши ихъ отправили отъ себя къ Государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевьями своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненныя ими казачьимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черкасского и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Россійскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова 1661 г. октября 17 дн.

„А какъ де къ нимъ въ войско прїхали посыльщики ихъ, атаманъ Федоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайскіе улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помочь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились радѣтельно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили больши 500 человѣкъ и взяли въ полонъ съ 500 же человѣкъ, да отбили русскаго полону больше 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впереди повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везутъ они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошлють къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣлъ, грамота войску Донскому 1661 года въ іюль мѣсяцѣ.

Казаки вновь прокалывают ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводы уменьшилось, не насчитывали уже и 300 человѣкъ, а опасность напротивъ того оставалась также. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присылкѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійский, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія непріязненныхъ дѣйствій татаръ, врваться въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кроме сего было отправлено къ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 головинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, какового доселе казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшею, коей дѣятельно помогала крымскій ханъ и имѣлъ болѣе всѣхъ вліяніе на худой успѣхъ Россійского оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу Украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственные владѣнія. „Соберите всѣ свои силы, писалъ къ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государя болыаго голандскаго наряда и твоей прибыльной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевої плесковучїи Дону рѣки разбрестися будетъ всѣмъ розно, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не мочь и кормитися не тѣмъ.“

крымскій ханъ съ татарами самъ будеть къ этому времени (325), что, сверхъ того, въ ту же зиму на истребленіе жилищъ казачьихъ готовится уже на Кубани войско. Такіе слухи съ каждымъ днемъ подтверждались, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ многочисленная толпа крымцевъ дѣйствительно явилась внезапно подъ Черкасскимъ городкомъ и силилась напасть на станъ воеводы Хитрово (который расположень былъ въ полверсты отъ Черкасского городка и обнесенъ землянымъ валомъ); но казаки, примѣтивъ намѣренія татаръ, въ то же время сдѣлали вылазку, соединились съ войскомъ воеводы Хитрово, напали на непріятелей и, по кратковременному сраженіи, обратили ихъ въ бѣгство (326).

Побѣдители радовались недолго: оказался недостатокъ въ провіантѣ и другихъ потребностяхъ, въ станѣ воеводы Хитрово, войско начало роптать и выходить изъ повиновенія, явились возмутители, которые, съ единомышленниками своими, поднявъ знамена вышли изъ лагеря, въ намѣреніи достигнуть предѣловъ Россіи; но силою были возвращены въ лагерь. Неустройства эти прекращены были вмѣстѣ съ привозомъ весною изъ Воронежа провіанта и другихъ вещей.

Неудачный приступъ казаковъ къ Донецкой крѣпости и Каланчинскимъ башнямъ. Казаки готовились къ веснѣ воевать крѣпости, послали благовре-

(325). Тамъ же.

„А слухъ де имъ на Дону въ войскѣ отъ выходцовъ есть, что въ Азовъ турской салтанъ на весну хочетъ прислать воинскихъ людей по прежнему въ кагоргахъ, да и крымской де ханъ тутъ же къ нимъ будетъ и хотять де, пришѣть, ставить третій городъ на устьѣ верхнемъ у Донца.“

(326). Тамъ же.

„И послѣ де ихъ отпуску (то есть послѣ отпуска станичного атамана Логина Семенова съ товарищами) приходили подъ новой городокъ, гдѣ стоять государевы ратные люди, крымскіе, и ногайскіе, и черкесы и азовскіе многіе люди, и они де изъ войска казацкаго на тѣхъ татаръ ходили и бой съ ними у нихъ быль, и воеводы же къ нимъ на помощь государевыхъ ратныхъ людей на нихъ посыпали же и тѣхъ де они татаръ отъ себя отбили.“

менно во всѣ казачьи городки грамоты о собраніи всего войска Донскаго къ Черкасскому; послали въ Москву станицу съ вѣстями и съ просьбою о присылкѣ къ нимъ пушечныхъ ядеръ. Между тѣмъ слухъ о прибытии къ Азову крымскаго хана время отъ времени подтверждался; наступило весеннеѣ время, а его еще не было; казаки, пользуясь этимъ, съ общаго совѣта съ воеводами Хитрово рѣшились испытать сначала счастія надъ Донецкимъ замкомъ; въ этомъ намѣреніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1661 года, выступили они въ походъ, расположились станомъ около замка и начали осаду. Съ одной стороны низменное мѣстоположеніе и недостатокъ артиллеріи, а съ другой опасеніе прихода крымцевъ, заставили ихъ ускорить приступъ безъ нужныхъ приготовленій. Сначала дѣло шло у нихъ удачно; преодолѣвъ всѣ препятствія, они подошли къ замку, спустились въ ровъ, взошли по лѣстницамъ на стѣну и начали уже ломать крыши у башенъ, какъ вдругъ воевода Иванъ Хитрово, отъ робости ли или зависти, прислалъ изъ стана своего повелѣніе отступить отъ замка войскамъ своимъ (327).

Огорченные казаки съ прискорбіемъ должны были оставить осаду и возвратились въ Черкасскій городокъ, потерявъ убитыми 50 человѣкъ. Казаки приносили къ Царю жалобу на

(327) Тамъ же, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 27 июня 1661 года.

„Ходили мы, ходили твои, съ твоими государевыми стольникомъ и воеводою съ Иваномъ Хитрымъ и съ ратными людьми подъ новой Донецкой городъ, и къ тому городу приступали накрѣпко и съ лѣстницами и на стѣнѣ были и у башенъ кровли взломали и твоего Государскаго Величества стольника и воевода Ивана Хитрой на приступѣ не было, и стоялъ отъ того Донецкаго города за Донцомъ верстахъ въ трехъ и больше, и какъ мы, ходили твои, съ твоими государевыми ратными людьми на томъ городѣ на стѣнахъ и у башенъ кровли взломали, и твоего Царскаго Величества стольника и воевода Ивана Хитрой прислалъ отъ себя изъ табора начальниковъ людей и велиъ отъ того города прочь отступить твоимъ государевымъ ратнымъ людемъ, и тѣ твои государевы ратные люди отъ того города до его Иванова Хитрова присылкѣ прочь пошли.“

воеводу Хитрово за этотъ его поступокъ. Между тѣмъ удобное для приступовъ время миновало, наступили большиe разливы воды, которые препятствовали подойти близко къ калачинскимъ башнямъ сухимъ путемъ.

Только что возвратились казаки къ Черкаску, какъ получили новыя вѣсти о походѣ къ Азову турецкихъ и крымскихъ войскъ и о намѣреніи ихъ поставить еще двѣ крѣпости; не медля послали они просить вновь о присылкѣ стѣно-битныхъ орудій и прибавкѣ россійского войска, коего на Дону оставалось способнаго носить оружіе неболѣе 3/т. человѣкъ; прочія разбѣжались отъ худаго управланія (328).

Крымскій ханъ имѣлъ въ готовности многочисленное войско противу казаковъ, но отправилъ опое, въ слѣдствіе договора, на помощь къ польскому королю, у коего въ то время продолжалась война съ Россіею. Казаки, желая воспользоваться отсутствіемъ крымцевъ, предприняли намѣреніе осадить Каланчинскія башни. Для этого были вооружены всѣ войска, находившіеся въ Черкасскомъ городкѣ, и 2 августа приступили къ башнямъ, устроили близъ оныхъ шанцы и начали изъ орудій производить пальбу; но отъ безпрерывной стрѣльбы у нихъ разорвало три пушки и истраченъ весь порохъ; они рѣшились идти на приступъ, поставили къ стѣнамъ лѣстницы и уже взошли было на стѣну, но были отбиты. Низменное мѣстоположеніе, на коемъ основаны были крѣпости, препятствовало имъ вести подъ башни подкопы, сверхъ того азов-

(328) Тамъ же, отписка Донскаго войска, привезенная въ Москву 16 апре-
ля 1661 года.

„А тотъ де городокъ (построенный на Донцѣ) и каланчинскіе башни стоять на самыx низкихъ мѣстахъ и опричъ стѣнопробитныхъ пушекъ взять ихъ нельзя. Да имъ же де на Дону учинилось отъ выходцовъ подишио вѣдо-
мо, что нынѣшнею весною крымскій ханъ . . . будетъ ставить городки вы-
ше, тѣхъ прежнихъ крѣпостей по Дону на верхнемъ устьѣ Донца и на устьѣ Темерника, и имъ де атаманамъ и казакамъ безъ государевыхъ прибавочныхъ
ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей противъ ханова большаго собранья стоять
будетъ не съ кѣмъ.“

скій гарнізонъ безпрепятственно рѣкою Дономъ снабжалъ эти крѣпости людьми и воинскимъ снаряжомъ (329).

Въ замѣнь неудачи своей походное войско, прокопавъ Казачій ерикъ, отправило на море на 20 стругахъ казаковъ для поисковъ; близъ уроцища, называемаго Бѣлосарай, повстрѣчались они съ пятью турецкими кораблями, на коихъ находилось 500 человѣкъ турокъ, подъ начальствомъ Сейнъ-паша, посланныхъ изъ Константиноополя на Донъ для усиленія гарнизона въ новыхъ крѣпостяхъ; казаки немедленно окружили корабли эти и вступили съ ними въ бой, но были отбиты безъ малѣйшей, впрочемъ, потери въ людяхъ. Не предпринимая дальнѣйшихъ покушеній противу сихъ кораблей, морское войско отправило сухимъ путемъ двухъ человѣкъ казаковъ въ Черкасъ съ уведомленіемъ о бывшемъ сраженіи съ турками и о принятіи осторожности отъ нихъ, а между тѣмъ сами пустились въ Черное море, для опустошенія крымскихъ береговъ (330).

(329) Отписка войска Донского, привезенная въ Москву 18 сентября 1661 года.

„По твоему, В. Государя, указу пошли мы, холопи твои, подъ Каланчинскіе крѣпости, что поставилъ вновь крымской хану, и подъ тѣ крѣпости пошли и гдѣ намъ, холопѣмъ твоимъ, быть, отъ тѣхъ крѣпостей за полверсты, учинили земляной валъ и подъ тѣми Каланчинскими земляными башнями поставили шанцы, отъ башень сажень за сто, а иные и меныше и подъ тѣми крѣпостными промыслы съ твоими ратными людьми чинили вмѣстѣ, сколько намъ, холопѣмъ твоимъ, милосердый Богъ помощи подалъ и на одной башнѣ верхней большой бой изъ пушекъ сбили, а средняго, Государь, бою тѣ твои государевы пушки не взяли . . . и мы . . . съ твоими ратными людьми . . . пошли къ тѣмъ башнямъ съ лѣстницами на приступъ и на одной башнѣ на стѣнѣ съ лѣстницами были и Божію, Государь, волею тѣхъ башенъ не взяли.“

(330) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова, прибывшаго съ Дону въ Москву октября 17 дня 1661 года.

„Приходилъ подъ Азовъ крымской царевичъ съ татарами, а съ ними было татаръ 3,000 челов., да моремъ пришли подъ Азовъ же на пяти корабляхъ съ турецкимъ Сейнъ-пашою съ 500 человѣкъ, и пришедъ со всѣми людьми, на Бѣлосарай, встрѣтись съ Донскимъ войскомъ, которые были на море въ судахъ, съ ними бились и къ короблямъ Донское войско приступало и многихъ у нихъ турецкихъ людей побили, и паша съ ратными людьми пошелъ въ Азовъ,

Около Судака пристали они къ берегу, высадили войско и пошли во внутрь Крыма, гдѣ разорили и вынѣгли десять татарскихъ деревень; нагрузивъ свои суда добычею всякаго рода, они поплыли обратно къ Дону. Вонедѣль въ Азовское море, казаки, отъ сильной бури, лишились 7 струговъ, на коихъ бывшіе люди спаслись и пришли въ Черкасскъ степью, сражаясь на каждомъ шагу съ непріятелями. Прочія же суда, прибывъ къ казачьему ерику, нашли его засыпаннымъ каменьями и землею, что однакожъ не помѣшало имъ перетащить суда свои въ Донъ; при семъ случаѣ они изѣгли еще гораздо большей опасности: ихъ ожидалъ около Азова крымскій царевичъ съ 3,000 татаръ (331).

Союзъ съ Калмыками. Среди опасныхъ военныхъ приготовлений казаковъ, присланъ былъ къ нимъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, отъ главнаго калмыцкаго владѣльца тайши и отъ

а присланъ де онъ съ ратными людьми, въ прибавку, сидѣть въ новыи крѣпости. А Донское де войско, которые съ тѣми турскими людьми были, на 20 стругахъ пошли за море, на крымскія мѣста, и съ того де бою присланы въ войско на Донъ съ моря двухъ человѣкъ, и тѣ де казаки въ войскѣ нынѣ сказали, что у нихъ на море съ турскими людьми бой былъ и турскихъ людей многихъ побили, а ныхъ де Донскихъ казаковъ, государскими счастіемъ, Богъ помиловалъ, отошли всѣ въ цѣлѣ и пошли за море на крымскія мѣста. А которыхъ де мѣстомъ казаки пошли на море и то де жесто, казачій ерикъ, крымской царевичъ съ азовскими и съ новоприбывшими людьми засыпалъ и закрѣпилъ; а закрѣпя, отступилъ царевичъ для корыту въ черкасскія мѣста и хотѣлъ де на то мѣсто опять притти въ то время, какъ войско придетъ стругами съ моря.“

(331) Тѣхъ же дѣйствія, распросныя рѣчи войскового атамана Корнилія Яковлева, прибывшаго въ Москву ноября 27 дня 1661 года.

„Поѣхали де они къ Великому Государю съ Дону изъ войска тому 4-я недѣля, и предъ ихъ де прїездомъ неѣли за двѣ ихъ посыльщики, которые были посланы на море 14 струговъ, пришли къ нимъ въ войско съ моря всѣ здоровово, а сказали имъ: были де тѣ ихъ товарищи стругами на тѣхъ стругахъ подъ Крымомъ ниже Кафы, межъ Судочкой на берегу, и въ томъ де мѣстѣ соожгли и разгромили деревень стъ 10-ть, а сему де струговъ моремъ размѣтalo подъ Аргаткомъ, и которые де казаки были на тѣхъ стругахъ, и тѣ казаки пришли въ войско берегомъ по крымской сторонѣ, и по той де сторонѣ, идучи, бились съ татарами съ недѣлю и пришли въ войско всѣ здоровожъ.“

прочихъ владѣльцовъ посоль мурза Баатырша Янгульдѣевъ, для мирныхъ переговоровъ. Главнѣйшія статьи заключеннаго между ними мира, состояли въ томъ, чтобы всему калмыцкому народу находиться по прежнему въ вѣчномъ подданствѣ Россійскаго Государя, чтобы другъ на друга никакихъ нападѣній не дѣлать и чтобы обоюдно помогать войсками противу общихъ непріятелей. Эти мирныя статьи были утверждены со стороны калмыцкаго посла присягою, въ залогъ же вѣрнаго соблюденія оныхъ были оставлены въ Черкасскомъ городкѣ два аманата. Казаки одаривъ мурзу и свиту его, отпустили въ ихъ улусы; а для удостовѣренія въ дружескомъ своемъ расположениі съ калмыцкимъ владѣльцемъ и испрошенія отъ нихъ помощи противу азовцевъ и крымцевъ отправили отъ себя въ нимъ знатныхъ старшинъ Федора Будана и Степана Разина, которые, получивъ отъ нихъ подтвержденіе заключенныхъ съ ихъ посломъ мирныхъ условій, оставили и съ своей стороны аманатовъ и привели съ собою 500 человѣкъ калмыковъ подъ начальствомъ мурзы Чакула (332).

Казаки приняли ихъ ласково, одарили начальника ихъ и

(332) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 1661 года іюля мѣсяца.

„Въ иныѣшнемъ 169 году, апрѣля въ 16 день, писали къ намъ В. Государю вы атаманы и казаки съ станичниками своими съ атаманомъ Дмитриемъ Афонасьевымъ съ товарищи, что въ иныѣшнемъ же 169 году февраля въ 20 день, присыпали на Донъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ, калмыцкіе тайши Дайчикъ-тайша и сынъ его Мончикъ-тайша и всѣ калмыцкіе и едисанскіе мурзы объ миру посланцовъ своихъ калмыцкаго мурзу Баатырку Янгѣева съ товарищи, и аманатовъ дву человѣкъ они вамъ на миръ дали и претворили они калмыцкіе посланцы на своей правдѣ на своей калмыцкой вѣрѣ за Дайчина тайшу и сына его Мончика - тайшу и за всѣхъ калмыцкихъ и едисанскихъ мурзъ и за всѣхъ воинскихъ людей на томъ, что имъ калмыцкимъ тайшамъ служить намъ, Великому Государю, съ вами за одно и промыслъ надъ крымскими и ногайскими людьми чинить, и никакой хитрости имъ надъ нашими В. Государи людьми нечинить, а для мирнаго подкѣрѣленія и для подлинныхъ вѣдомостей посланы вы атаманы и казаки къ калмыцкимъ тайшамъ съ ихъ калмыцкими посланцами своихъ Донскихъ казаковъ Федора Будана да Степана Разина.“

прочихъ мурзъ и въ тужъ время, въ соединеніи съ ратными людьми, пошли на ногайскіе улусы, кочевавшіе около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайскій улусъ, положили на мѣстѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ пленъ 500 и отбили 100 челов. российскихъ людей, находившихся въ плену у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привлѣтъ къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ пленныхъ и отбитыхъ российскихъ людей, съ условіемъ, чтобы сихъ посѣдѣніи тайши ихъ отправили отъ себя къ государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевыми своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненные ими казачьимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черкасскаго и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Российскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣнь, распросныя рѣчи станичного атамана Терентія Павловъ 1661 г. октября 17 днія.

„А какъ де къ нимъ въ войско прїехали посыльщики ихъ, атаманъ Федоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайскіе улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помочь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились рѣдѣтельно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили больши 500 человѣкъ и взяли въ полонъ съ 500 же человѣкъ, да отбили русскаго полону болѣе 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впередъ повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везутъ они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошаютъ къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣнь, грамота войску Донскому 1661 года въ имѣніи мѣсяца.

Казаки вновь прокапываютъ ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводы уменьшилось, не насчитывали уже и 300 человѣкъ, а опасность напротивъ того оставалась также. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присыпкѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійский, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скоромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія непріязненныхъ дѣйствій татаръ, врваться въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кроме сего было отправлено къ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, какового доселѣ казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшею, коей дѣятельно помогалъ крымскій ханъ и имѣлъ болѣе всѣхъ влияніе на худой успѣхъ россійского оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственный владѣнія. „Соберите всѣ свои силы, писалъ къ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государя большаго голандскаго нараду и твоей прибыльной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевої плесковутія Дону рѣки разбрестися будетъ всѣмъ ровно, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не въ мочь и коринуться не тѣмъ.“

ниспровергните твердныи вражеския, побѣдите самую природу и возжигите пламень опустошения въ областяхъ крымскихъ; слава поведеть васъ на брань и мои щедроты накроютъ побѣдителей.“ Казаки закидали мщеніемъ и въ короткое время снарядили 26 струговъ и вмѣстѣ съ воеводою Яковомъ Хитрово двинулись, 17 апрѣля, къ устью Дона, коимъ для безопасаго прохода въ море сопутствовало все войско находившееся въ Черкасскомъ. На казачьемъ ерикѣ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ оконовъ, сдѣланныхъ турками незадолго предъ симъ на верхнемъ устьѣ ручья; адѣль завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что казаки киѣтѣснили турокъ изъ окоповъ и засѣли въ оныхъ сами. Посланные первымъ успѣхомъ, они раскопали засыпанный турками ерикъ и провели по немъ назначенные къ походу суда. Гарнизонъ, сидѣвшій въ Калачинскихъ башняхъ, несмѣль воспрепятствовать ихъ дѣйствію (336).

Азовцы, не въ состояніи будучи удержать казаковъ отъ предпринятаго ими намѣренія, вскоро послали гонцовъ къ крымскому хану съ просьбою о присыпкѣ войскъ къ Азову

(336). Дѣла турецкія, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 12 мая 1662 года.

„Апрѣля въ 17 день, по твоему, Великаго Государа, указу отпустили мы, холопи твои, войска на твою Великаго Государа службу, стругами на море—изъ Крыма и на крымскіе улусы, а твой государевъ стольникъ и воевода Яковъ Тимофеевичъ Хитрово и съ твоими государевыми ратными людьми помчались въ войскъ на Крымъ же—на крымскіе улусы, вмѣстѣ, и мы холопи твои войско и твоего государева стольника и воеводу Якова Тимофеевича и твоихъ государевыхъ ратныхъ людей ходили провожать, и увѣдавъ, Государь, крымскіе и азовскіе люди, что войско идетъ на твою В. Государа службу на море, и на нихъ они сдѣлали противъ казачьаго ерика, на Калачинскомъ острову, на устьѣ, и въ тѣхъ, Государь, шанцахъ, тѣ крымскіе и азовскіе люди съ огненнымъ боемъ и съ пушками сидѣли и у настъ холопей твоихъ съ ними бой великий былъ, и затѣмъ, Государь, великимъ боемъ, милостю Божию и твоимъ Государевымъ Царевымъ и В. Князя Алексея Михайловича всея Великія и Малыи и Бѣлыи Россіи Самодержца счастіемъ, тѣхъ крымскіхъ и азовскіхъ людей изъ шанцевъ выбили и шанцы ихъ мы холопи твои взали, а въ то, Государь, время, мы холопи твои казачій ерикъ расколали и струи морскіе, 26 струговъ, съ войскомъ на море иропустили, даъ Богъ, здорово.“

для воспрепятствования казакамъ при обратномъ возвращеніи ихъ на Донъ; вслѣдствіе чего было отправленъ къ Азову Калга съ многочисленнымъ войскомъ, къ коему присоединились потомъ ногайцы, кочевавшіе по Кубани. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на помощь казакамъ пришелъ къ Черкасскому городку съ войсками Каспулатъ князь Черкасскій и нѣсколько калмыковъ. Калга, непочтая себя довольно сильнымъ противу стать казакамъ и вновь пришедшими войскамъ, убѣждалъ крымскаго царя прислать къ нему новыхъ войскъ. Въ ожиданіи этого вспомоществованія, онъ немедленно приступилъ къ построению новой крѣпости при устьѣ казачьяго ерика и въ засыпѣ онаго каменными и землею.

Между тѣмъ казаки спокойно производили свои морскіе поиски, сначала пристали они къ Керчи, разорили этотъ городокъ и все улусы, кочевавшіе около онаго, и захватили большое число пленныхъ российскихъ людей (337).

Потомъ поплыли чрезъ Черное море къ Трапезону, около коего сожгли нѣсколько деревень и, нагрузивъ суда свои добычью, возвратились къ крымскимъ берегамъ; близь деревни Игельѣ вышли на берегъ, гдѣ получили нѣкоторую добычу и поплыли къ устьямъ Дона (338).

(337) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 16 октября 1662 г.

„Сентября въ 26 день писали къ намъ, В. Государю, вы атаманы и казаки съ станичниками своими съ атаманомъ съ Федотомъ Прокофьевымъ съ товарищи, что посыдали съ воеводою съ Яковомъ Хитрово и съ нашими Великаго Государа ратными людьми Донскихъ атамановъ и казаковъ на крымскіе улусы войною, и милостію Божію и нашимъ В. Государа и нашихъ государскихъ чадъ благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Феодора Алексѣевича счастіемъ, крымскіе улусы Керчь съ уѣздомъ разорили и ясырь многой поимали и нашихъ В. Государи взятыхъ пленныхъ людей многихъ изъ плену свободили; да съ тѣми же своими станичниками прислали къ намъ Великому Государю въ языкахъ дву човѣкъ татарь и мы, Великій Государь, наше Царское Величество, за вашу службу жалуемъ вѣсль—милостивно похвалимъ.“

(338) Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Криму 1662 года посланникомъ Якова Якунина.

„Іюля въ 5 день посыпалъ посланника къ Маметие кнѧзю переводчику

Походное войско имѣло свѣдѣніе о всѣхъ препятствіяхъ, какія оно должно преодолѣть на казачьемъ ерикѣ, и потому заблаговременно дало знать о днѣ прибытія своего къ усть-ямъ Дона. По сему извѣщенію всѣ войска, находившіяся въ Черкасскѣ, двинулись рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ къ каланчинскимъ башнямъ. Между тѣмъ походное войско, выступивъ въ усть-ѣ Дона, увидѣло, что карага противу поставили ему многочисленныя силы; оно оставило суда свои на морѣ, подъ охраненіемъ 300 человѣкъ казаковъ, а само рѣшилось проложить себѣ путь сквозь непріятелей мечемъ. При рузвѣ Дона, называемомъ Свинымъ, завязалось сраженіе, татары, бывъ тѣсними съ тылу россійскими войсками, не въ состояніи были остановить стремительного нападенія казаковъ съ переди; наконецъ, послѣ кровопролитнаго боя, казаки соединились съ россійскими войсками и тѣмъ избѣгли грозившей имъ опасности (339).

Кутлумаметъ и Маметша князь ему сказывалъ: Донские казаки объявились, іюля въ 3 день, подъ Игелью, выходили на берегъ для добычи, и въ то время взяли у нихъ дву человѣкъ Донскихъ казаковъ и тѣ казаки въ распросѣ сказали, были они за моремъ на Акадольской сторонѣ подъ Транзономъ, въ Унгѣ многіе хѣста погибли.

(339) Тамъ же.

,Августа 4-го прїѣжалъ къ посланникамъ на станъ ближнаго человѣка Сеферъ Газы аги изычей Кутлумка и сказывалъ: присланъ изъ подъ Азова отъ караги царевича въ Крымъ къ царю копычей съ вѣстью, приходилъ съ Дону донские казаки большими собраніемъ, подъ новые городки (каланчинские башни) для пропуску съ моря Донскихъ казаковъ, которые были за морѣ и у караги царевича и у азовскаго паша съ Донскими казаки былъ бой, и за томъ боя уронъ ратныхъ людей учинился большой на обѣ стороны.“

Тамъ же.

,Августа 18-го прїѣжалъ къ посланникамъ на станъ, ёдучи изъ подъ Азова, Батырша мурза Сулемановъ и въ разговорахъ посланникамъ сказывалъ: карага царевичъ и карагея, всѣ которые были съ караго царевичемъ подъ Азовомъ, пришли въ Крымъ вмѣстѣ съ нимъ Батыршею мурзою, а Донские казаки, которые на морѣ, пошли на Донъ сухимъ путемъ, и у караги царевича и у азовскаго паша съ тѣми Донскими казаки былъ бой и у Синаго протокѣ Донские казаки большими боемъ прошли Донъ, а которые Донские казаки за томъ боя вѣти, и тѣ казаки въ распросѣ сказывали: оставлены они въ стру-

Оставившися же суда на море, вошли въ рѣчу Калмусъ, тамъ казаки, дождавшись товарищев изъ Черкаска, затопили суда въ оной и съ полученною добычею пошли къ Черкаску стеною.—Калга, извѣщеній объ этомъ движеліи казаковъ, выступилъ со всѣми войсками и нагналъ ихъ на рѣчу Тузловъ, гдѣ казаки заблаговременно успѣли окопаться. Эта предосторожность, предпринятая ими заблаговременно, избавила ихъ отъ совершиенной гибели: они нѣсколько дней мужественно выдерживали всѣ приступы татаръ, которые, наслучивъ неудачами, ушли въ Крымъ, а казаки благополучно доехали до Черкаска (340). Едва миновало два мѣсяца послѣ этого столь славно окончившагося похода, какъ 120 человѣкъ отважныхъ казаковъ предприняли еще разъ испытать своего счастія въ землѣ непріятельской; снарядили три струга погруженныя въ рѣчу Калмусъ и поплыли моремъ къ крымскимъ берегамъ. Недалеко отъ Кафы повстрѣчались они съ двумя турецкими кораблями, нагруженными хлѣбомъ для продовольствія азовскаго гарнизона и на коихъ, сверхъ того, находилось 100 человѣкъ турокъ, посланныхъ въ каланчинскія башни на перемѣну тамъ находившимся янычарамъ. Казаки устрѣмились на эти суда и овладѣли ими послѣ упорнаго сраженія, 40 человѣкъ турокъ положили на мѣстѣ, а прочие взяты въ плѣнъ. Затѣмъ, непредпринимая дальнѣйшихъ по-

гахъ на Азовскомъ морѣ 300 челов. и вѣзли итти въ Калмусъ и дожидаться съ Дону къ себѣ выручки.“

(340) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 16 декабря 1662 года.

„Да въ прошломъ, Государь, въ 170 году, какъ мы, холопи твои, или съ мора и сидѣли, Государь, въ окопѣ въ осадѣ на степи, на Тузловѣ рѣчи отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей и милостію Божію и помощію Пресвятаго нашаго Богородицы Одигитріе и всѣхъ святыхъ молитвами и помощію и твоимъ Государевымъ счастіемъ, твоего государскаго недруга крымскаго царевича калгу и многихъ турскихъ и вскихъ воинскихъ людей у него побили, а сами, Государь, мы, холопи твои, изъ осады отошли до своего Черкаскаго городка даль Богъ здорово.“

исковъ, казаки возвратились на Донъ съ богатою доби-
чей (341).

Переговоры съ Крымомъ о мире. Среди тако-
выхъ произшествий на Дону, Российскій Государь ревностно
продолжалъ войну съ польскимъ королемъ, коему помогали
крымскій ханъ, имѣвшій большое влияніе на худой успѣхъ
российскихъ войскъ въ продолженіи 1659 и 1660 годовъ. Да-
бы привлечь его на свою сторону, российскій дворъ отпра-
вилъ въ Крымъ 1660 года дьяка Ивана Татаринова, съ по-
рученіемъ, склонить первого царедворца ханскаго Сеферъ-
Газы-агу уговорить хана, калгу и нурадына отстать отъ
союза съ польскимъ королемъ, обѣщаю при томъ прислать
къ нимъ сверхъ обыкновенныхъ посылокъ 30/т. ефимковъ;
а если и на это несогласиться, то обѣщать 40, 50 и 60/т.
ефимковъ. Татариновъ, явясь къ Сеферъ-Газы-агу нашелъ
его неприклоннымъ взять на себя посредство въ заключенію
съ Россіею мира. Газы - ага, вместо благосклоннаго отвѣта,
отозвался Татаринову: „Российскій Государь въ грамотѣ
своей, присланной къ хану, именуетъ себя восточныхъ и за-
падныхъ странъ отичъ и дѣдичъ и наследникъ, напротивъ
того, на востокѣ и на западѣ, находится много независи-
мыхъ государствъ.“ Потомъ сей же царедворецъ объявилъ Татаринову: „Государь вашъ ищетъ дружбы у хана нашего, а
самъ послалъ на Донъ 8,000 войскъ и велѣлъ приготовить
500 струговъ, вместѣ съ Донскими казаками сдѣлать напа-

(341) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Корниля Яков-
лева, прѣхавшаго въ Москву 20 января 1663 года.

„А какъ де они пошли изъ войска и при нихъ нынѣшніе осени, посыпъ
отпуску станичниковъ ихъ, которые присланы передъ ними къ В. Государю,
посыпали изъ Міуса рѣчки войскомъ на море на крымскую сторону три стру-
га, а въ стругу по 40 человѣкъ казаковъ, и на море де близко Кафи сомлиса-
сь ними два корабля съ хлѣбомъ, а шли они съ крымской стороны въ Азовъ,
да на тѣхъ же корабляхъ было со 100 человѣкъ воинскихъ людей янычанъ, а
шли они на обмѣну къ башнямъ, и милостю Божию тѣ два корабля
вали, и на тѣхъ корабляхъ турецкихъ людей янычанъ живыхъ взяли 60 че-
ловѣкъ, а достальныхъ побили.“

деніе на Крымъ и на турецкія области. Объяви своему Государю, что мы дали повелѣніе азовскому коменданту разорить жилища Донскихъ казаковъ, а сами идемъ съ многочисленнымъ войскомъ въ россійскимъ границамъ и Москвѣ (342).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ханъ призывалъ къ себѣ Татаринова, говорилъ съ нимъ ласково и надѣвъ на него и переводчика его дорогие кафтаны, отпустилъ въ Россію съ гонцомъ своимъ и съ грамотою въ Россійскому Государю, въ коей требовалъ возвращенія польскому королю всѣхъ завоеванныхъ городовъ и вывести изъ Малороссіи войска, угрожая, въ случаѣ несоглашенія на сіи предложения, напасть совокупно съ польскимъ королемъ на Россію; далѣе, въ этой же грамотѣ пишетъ: „Вы всегда отговариваетесь, что казаки Донскіе воины, повелѣнія вашего не слушаютъ и что силъ вашихъ недостаетъ содѣржать ихъ въ границахъ повиновенія; какъ между тѣмъ по вашему же повелѣнію приготовлено на Дону 500 струговъ для завоеванія нашего государства; но мы силы твоей не боимся и вѣдѣли противустать имъ 15/т. войскъ; ты называешь себя обладателемъ обширныхъ земель и повелителемъ многочисленнаго войска, надѣвшись на множество, но мы уповаемъ на Бога и станемъ по возможности противиться“ (343).

Грамота сія была наполнена многими грубыми выраженіями, кои были слѣдствіемъ одержанныхъ ханомъ побѣдъ надъ россійскимъ войскомъ подъ Конотопомъ и Чудновымъ.

Россійскій Государь на сію грамоту отвѣчалъ хану въ благосклонныхъ выраженіяхъ; онъ писалъ: „что войска посланы на Донъ и струги не для нападенія на крымскія об-

(342) Дѣла крымскія, № 21, статейный списокъ дьяка Ивана Татаринова, отправленного въ Крымъ посланикомъ.

(343) Тамъ же, № 5, грамота крымскаго хана къ россійскому государю, привезенная въ Москву крымскимъ гонцомъ Магметъ-Ингельдеемъ 17-го апрѣля 1661 года.

прочихъ мурзъ и въ тужъ время, въ соединеніи съ ратными людьми, пошли на ногайскіе улусы, кочевавшіе около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайскій улусъ, положили на мѣстѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ пленъ 500 и отбили 100 челов. российскихъ людей, находившихся въ плену у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привязать къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ пленныхъ и отбитыхъ русскихъ людей, съ условиемъ, чтобы сихъ посдѣднихъ тайши ихъ отправили отъ себя къ Государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевьями своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненные ими казачимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черкасского и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Российскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичного атамана Терентія Павловъ 1661 г. октября 17 дн.

„А какъ де къ нимъ въ войско пріѣхали посыщики ихъ, атаманъ Федоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайскіе улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помощь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились различно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили болѣе 500 человѣкъ и взяли въ полонъ съ 500 же человѣкъ, да отбили русскаго полону болѣе 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впередъ повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везутъ они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошаютъ къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣлъ, грамота войску Донскому 1661 года въ іюль мѣсяцѣ.

Казаки вновь прокапываютъ ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводы уменьшилось, не насчитывали уже и 300 человѣкъ, а опасность напротивъ того оставалась также. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присыпкѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійский, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія непріязненныхъ дѣйствій татаръ, врваться въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кроме сего было отправлено къ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, какового доселѣ казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшею, коей дѣятельно помогалъ крымскій ханъ и имѣлъ болѣе всѣхъ влияніе на худой успѣхъ россійского оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу Украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственный владѣнія. „Сберите всѣ свои силы, писалъ къ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государя большаго голандскаго наряда и твої прибыльной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевої илесловутія Доку рѣки разбрестися будетъ всѣмъ ровно, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не въ ночь и корытися не тѣмъ.“

ниспровергните твердныи вражеския, побѣдите саму природу и возжгите пламень опустошения въ областахъ крымскихъ; слава поведеть вась на брань и мои щедроты покроютъ побѣдителей.“ Казаки закипѣли миценiemъ и въ короткое время снарядили 26 струговъ и выѣхѣ съ воеводою Яковомъ Хитрово двинулись, 17 апрѣля, къ устью Дона, коимъ для безопасаго прохода въ море сопутствовало все войско находившееся въ Черкасскомъ. На казачьемъ ерикѣ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ окоповъ, сдѣланныхъ турками незадолго предъ симъ на верхнемъ устьѣ ручья; здесь завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что казаки изгнаны турокъ изъ окоповъ и засѣли въ оныхъ сами. Поощренные первымъ успѣхомъ, они раскопали засыпанный турками ерикъ и провели по немъ назначенные къ походу суда. Гарнизонъ, сидѣвшій въ калачинскихъ башняхъ, нестыдъ воспрепятствовать имъ дѣйствію (336).

Азовцы, не въ состояніи будучи удержать казаковъ отъ предпринятаго ими намѣренія, вскорѣ послали гонцовъ къ крымскому хану съ просьбою о присылкѣ войскъ къ Азову

(336). Дѣла турецкія, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 12 мая 1662 года.

„Апрѣля въ 17 день, по твоему, Великаго Государи, указу отпустили мы, холопи твои, войска на твою Великаго Государи службу, стругами на море—изъ Крымъ и на крымскіе улусы, а твой государевъ столпникъ и воевода Яковъ Тимофеевичъ Хитрово и съ твоими государевыми ратными людми помѣшили съ войскомъ на Крымъ же—на крымскіе улусы, выѣхѣ, и мы холопи твои войско и твоего государева столпника и воеводу Якова Тимофеевича и твоихъ государевыхъ ратныхъ людей ходили провожать, и уѣдавъ, Государь, крымскіе и азовскіе люди, что войско идетъ на твою В. Государа службу на море, и наше они сдѣлали противъ казачьаго ерика, на Калачинскомъ острову, на устьѣ, и въ тѣхъ, Государь, шанцахъ, тѣ крымскіе и азовскіе люди съ огненнымъ боемъ и съ пушками сдѣлали и у насъ холопей твоихъ съ ними бой великий былъ, и затѣмъ, Государь, великимъ боемъ, милостю Божию и твоимъ Государевымъ Царевымъ и В. Князя Алексія Михайловича всѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца счастіемъ, тѣхъ крымскіхъ и азовскихъ людей изъ нашеї выѣхали и шанцы ихъ мы холопи твои взяли, а въ то, Государь, время, мы холопи твои казачій ерикъ раскопали и струги морскіе, 26 струговъ, съ войскомъ на море пропустили, даъ Богъ, здорово.“

для воспрепятствования казакамъ при обратномъ возвращеніи ихъ на Донъ; вслѣдствіе чего былъ отправленъ къ Азову Калга съ многочисленнымъ войскомъ, къ коему присоединились потомъ ногайцы, кочевавшіе по Кубани. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на помощь казакамъ пришелъ къ Черкасскому городку съ войсками Каспуратъ князь Черкасскій и нѣсколько калмыковъ. Калга, непочтая себя довольно сильнымъ противу стать казакамъ и вновь пришедшімъ войскамъ, убѣжалъ кримскаго царя прислать къ нему новыхъ войскъ. Въ ожиданіи этого всепомоществованія, онъ немедленно приступилъ къ построению новой крѣпости при устьѣ казачьяго ерика и въ засыпѣ онаго каменными и землею.

Между тѣмъ казаки спокойно производили свои морскіе поиски, сначала пристали они къ Керчи, разорили этотъ городокъ и все улусы, кочевавшіе около онаго, и захватили большое число пленныхъ россійскихъ людей (337).

Потомъ поплыли чрезъ Черное море къ Трапезону, около коего сожгли нѣсколько деревень и, нагрузивъ суда свои добычей, возвратились къ кримскимъ берегамъ; близь деревни Игельѣ вышли на берегъ, гдѣ получили нѣкоторую добычу и поплыли къ устьямъ Дона (338).

(337) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 16 октября 1662 г.

„Сентября въ 26 день писали къ намъ, В. Государю, вы атаманы и казаки съ станичниками своими съ атаманомъ съ Федотомъ Прокофьевымъ съ товарищи, что посыпали съ воеводою съ Яковомъ Хитрово и съ нашими Великаго Государи ратными людьми Донскихъ атамановъ и казаковъ на кримскіе улусы войною, и милостю Божію и нашимъ В. Государя и нашихъ государскихъ чадъ благог҃ернаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и благог҃ернаго Царевича и Великаго Князя Феодора Алексѣевича счастіемъ, кримскіе улусы Керчь съ уѣздомъ разорили и ясырь многой поимали и нашихъ В. Государя взятыхъ пленныхъ людей многихъ изъ пѣну свободили; да съ тѣми же своими станичниками прислали къ намъ Великому Государю въ азыкѣхъ дву человѣкъ татарь и мы, Великий Государь, наше Царское Величество, за вашу службу жалуемъ васъ—милостивно похвалимъ.“

(338) Кримскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму 1662 года посланникомъ Якова Якушина.

„Іюля въ 5 день посыпали посланника къ Маметие князю переводчику

Походное войско имѣло свѣдѣніе о всѣхъ препятствіяхъ, какія оно должно преодолѣть на казачьемъ ерикѣ, и потому заблаговременно дало знать о днѣ прибытія своего къ усть-ямъ Дона. По сему извѣщенію всѣ войска, находившіяся въ Черкасскѣ, двинулись рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ къ каланчинскимъ башнямъ. Между тѣмъ походное войско, выступивъ въ устьѣ Дона, увидѣло, что калга противу поставилъ ему многочисленныи силы; оно оставило суда свои на морѣ, подъ охраненіемъ 300 человѣкъ казаковъ, а само рѣшилось проложить себѣ путь сквозь непрѣтелей мечемъ. При руко-вѣ Дона, называемомъ Свинымъ, завязалось сраженіе, татары, бывъ тѣсными съ тылу россійскими войсками, не въ состоя-ніи были остановить стремительного нападенія казаковъ съ переди; наконецъ, послѣ кровопролитнаго боя, казаки соеди-нились съ россійскими войсками и тѣмъ избѣгли грозившей имъ опасности (339).

Кутломамет и Маметша князь ему сказывали: Донскіе казаки объявились, юля въ 3 день, подъ Игелью, выходили на берегъ для добычи, и въ то время взяли у нихъ дву человѣкъ Донскихъ казаковъ и тѣ казаки въ распросѣ съ-зали, были они за моремъ изъ Анадольской сторонѣ подъ Трапизономъ, въ Унгѣ и ногіе мѣста пожгли."

(339) Тамъ же.

„Августа 4-го прїѣжалъ къ посланикамъ на станъ ближняго человека Сеферъ Газы аги язычей Кутлумка . . . и сказывалъ: присланъ изъ подъ Азова отъ калги царевича въ Крымъ къ царю копычей съ вѣстью, приходили съ Дону донскіе казаки большими собраніемъ, подъ новые городки (каланчин-скіе башни) для пропуску съ моря Донскихъ казаковъ, которые были на морѣ и у калги царевича и у азовскаго паша съ Донскими казаки быль бой, и на томъ бою уронъ ратныхъ людей учинился большой на обѣ стороны.“

Тамъ же.

„Августа 18-го прїѣжалъ къ посланикомъ на станъ, бѣдчи изъ подъ Азо-ва, Батырша мурза Сулемановъ и въ разговорахъ посланикамъ сказывалъ: калга царевичъ и карагея, всѣ которые были съ калгою царевичемъ подъ Азо-вомъ, пришли въ Крымъ вмѣстѣ съ нимъ Батырше мурзою, а Донскіе каза-ки, которые на морѣ, пошли на Донъ сухимъ путемъ, и у калги царевича и у азовскаго паша съ тѣми Донскими казаки быль бой и у Синаго протоку Донскіе казаки большими боемъ прошли Донъ, а которые Донскіе казаки на томъ бою взяты, и тѣ казаки въ распросѣ сказывали: оставили они въ стру-

Оставшися же суда на морѣ, вошли въ рѣчу Калмусъ, тамъ казаки, дождавшись товарищѣй изъ Черкаска, затопили суда въ оной и съ полученою добычею пошли къ Черкаску степью.—Калга, извѣщеній єбъ этомъ движеніи казаковъ, выступилъ со всѣми войсками и нагналъ ихъ на рѣчу Тузловъ, гдѣ казаки заблаговременно успѣли окопаться. Эта предосторожность, предпринятая ими заблаговременно, избавила ихъ отъ совершенной гибели: они нѣсколько дней мужественно выдерживали всѣ приступы татаръ, которые, наскучивъ неудачами, ушли въ Крымъ, а казаки благополучно доехали до Черкаска (340). Едва миновало два мѣсяца послѣ этого столь славно окончившагося похода, какъ 120 человѣкъ отважныхъ казаковъ предприняли еще разъ испытать своего счастія въ землѣ непріятельской; снарядили три струга погруженныя въ рѣчку Калмусъ и поплыли моремъ къ крымскимъ берегамъ. Недалеко отъ Кафы повстрѣчались они съ двумя турецкими кораблями, нагруженными хлѣбомъ для продовольствія азовского гарнизона и на коихъ, сверхъ того, находилось 100 человѣкъ турокъ, посланныхъ въ каланчинскія башни на перемѣну тамъ находившимся янычарамъ. Казаки устрѣмились на эти суда и овладѣли ими послѣ упорнаго сраженія, 40 человѣкъ турокъ положили на мѣстѣ, а прочие взяты въ плѣнъ. Затѣмъ, непредпринимая дальнѣйшихъ по-

гахъ на Азовскомъ морѣ 300 челов. и вѣльми итти въ Калмусъ и дожидаться съ Дону къ себѣ выручки.“

(340) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 16 декабря 1662 года.

,Да въ прошломъ, Государь, въ 170 году, какъ мы, холопи твои, иши съ мора и сидѣли, Государь, въ оконѣ въ осадѣ на степи, на Тузловѣ рѣчкѣ отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей и милостію Божію и помощію Пресвятой нашей Богородицы Одигитріе и всѣхъ святыхъ молитвами и помощію и твоимъ Государевымъ счастіемъ, твоего государскаго недруга крымскаго царевича калгу и многихъ турскихъ и всѣхъ воинскихъ людей у него побили, а сами, Государь, мы, холопи твои, изъ осады отошли до своего Черкаскаго городка дахъ Богъ здорово.“

исковъ, казаки возвратились на Донъ съ богатою добычою (341).

Переговоры съ Крымомъ о мире. Среди таковыхъ произшествий на Дону, Россійскій Государь ревностно продолжалъ войну съ польскимъ королемъ, воему помогалъ крымскій ханъ, имѣвшій большое влияніе на худой успѣхъ россійскихъ войскъ въ продолженіи 1659 и 1660 годовъ. Да-бы привлечь его на свою сторону, Россійскій дворъ отправилъ въ Крымъ 1660 года дьяка Ивана Татаринова, съ порученіемъ, склонить первого царедворца ханскаго Сеферъ-Газы-агу уговорить хана, калгу и нурадына отстать отъ союза съ польскимъ королемъ, обѣщая при томъ прислатъ къ нимъ сверхъ обыкновенныхъ посылокъ 30/т. ефимковъ; а если и на это несогласиться, то обѣщать 40, 50 и 60/т. ефимковъ. Татариновъ, явясь въ Сеферъ-Газы-агѣ напечь его неприклоннымъ взять на себя посредство въ заключенію съ Россіею мира. Газы - ага, вмѣсто благосклоннаго отвѣта, отозвался Татаринову: „Россійскій Государь въ грамотѣ своей, присланной къ хану, именуетъ себя восточныхъ и западныхъ странъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ, напротивъ того, на востокѣ и на западѣ, находится много независимыхъ государствъ.“ Потомъ сей же царедворецъ объявилъ Татаринову: „Государь вашъ ищетъ дружбы у хана нашего, а самъ послалъ на Донъ 8,000 войскъ и велѣлъ приготовить 500 струговъ, вмѣстѣ съ Донскими казаками сдѣлать напа-

(341) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Корниля Яковлева, приѣхавшаго въ Москву 20 января 1663 года.

„А какъ де они пошли изъ войска и при нихъ нынѣшніе осени, посыпку станичниковъ ихъ, которые присланы передъ ними къ В. Государю, посыпали изъ Міуса рѣчки войскомъ на море на крымскую сторону три струга, а въ стругу по 40 человѣкъ казаковъ, и на море де близко Кафи сомлился съ ними два корабля съ хлѣбомъ, а шли они съ крымской стороны въ Азовъ, да на тѣхъ же корабляхъ было со 100 человѣкъ воинскихъ людей янычанъ, а шли они на обѣйну къ башнямъ, и милостю Божию тѣ два корабля вали, и на тѣхъ корабляхъ турецкихъ людей янычанъ живыхъ взяли 60 человѣкъ, а достальныхъ побили.“

деніе на Крымъ и на турецкія области. Объяви своему Государю, что мы дали повелѣніе азовскому коменданту разорить жилища Донскихъ казаковъ, а сами идемъ съ многочисленнымъ войскомъ къ российскимъ границамъ и Москвѣ (342).

Въ апрѣль мѣсяцѣ ханъ призывалъ къ себѣ Татаринова, говорилъ съ нимъ ласково и надѣвъ на него и переводчика его дорогие кафтаны, отпустилъ въ Россію съ гонцомъ свомъ и съ грамотою къ Российскому Государю, въ коей требовалъ возвращенія польскому королю всѣхъ завоеванныхъ городовъ и вывестъ изъ Малороссіи войска, угрожая, въ случаѣ несоглашенія на сіи предложенія, напасть совокупно съпольскимъ королемъ на Россію; далѣе, въ этой же грамотѣ пишетъ: „Вы всегда отговариваетесь, что казаки Донскіе во-ры, повелѣнія вашего не слушаютъ и что силъ вашихъ недостаетъ содѣржать ихъ въ границахъ повиновенія; какъ между тѣмъ по вашему же повелѣнію приготовлено на Дону 500 струговъ для завоеванія нашего государства; но мы силы твоей небоимся и вельми противустать имъ 15/т. войскъ; ты называешь себя обладателемъ обширныхъ земель и повелителемъ многочисленнаго войска, надѣвшись на множество, но мы уповаляемъ на Бога и станемъ по возможности противиться“ (343).

Грамота сія была наполнена многими грубыми выраженіями, кои были слѣдствіемъ одержанныхъ ханомъ побѣдъ надъ российскимъ войскомъ подъ Конотопомъ и Чудновымъ.

Российскій Государь на сію грамоту отвѣчалъ хану въ благосклонныхъ выраженіяхъ; онъ писалъ: „что войска посланы на Донъ и струги не для нападенія на крымскія об-

(342) Дѣла крымскія, № 21, статейный списокъ дѣла Ивана Татаринова, отправленного въ Крымъ посланикомъ.

(343) Тамъ же, № 5, грамота крымскаго хана къ российскому государю, привезенная въ Москву крымскимъ гонцомъ Магметъ-Ингельдеемъ 17-го апрѣля 1661 года.

ласти, но единственно для защиты границъ своего государства; не ты ли въ прошломъ 1659 г., нарушивъ мирныхъ постановлений, вторгнулся въ российские предѣлы и разорилъ множество городовъ и сель, и когда послѣ сихъ опустошений возвращался съ плѣномъ въ свои предѣлы, не ты ли писалъ ко мнѣ, что не только не прекратиши своихъ набѣговъ на границы наши, но даже похвальялся достигнутъ Москви и ею овладѣть; послѣ сихъ непріязненныхъ со стороны твоей дѣйствий, неужели не защищать мнѣ своихъ границъ вооруженными рукою. Впрочемъ для соблюдения типины на границахъ, мы повелѣли воеводамъ нашимъ и Донскимъ казакамъ не дѣлать нападеній на крымцевъ и азовцевъ, если только со стороны ихъ прекратятся набѣги. До сего времени на Дону было тихо и спокойно, но когда, по повелѣнию твоему, были поставлены на Дону крѣпости, тогда азовцы безпрерывными набѣгами начали утѣснить донскихъ казаковъ и российскія войска, которые для защиты своей принуждены были давать имъ отпоръ и преслѣдоватъ ихъ въ построенныхъ крѣпостяхъ, тебѣ известно, что Донскіе казаки живутъ на Дону издревле и на устьяхъ онаго никогда со стороны вашей крѣпостей не было, то почему же не защищать имъ свои предѣлы” (344).

Переговоры о мирѣ продолжались въ 1662 и 1663 годахъ, но чрезъ неумѣренныя требованія крымскаго хана миръ не былъ заключенъ. Ханъ требовалъ, что бы российскія границы со стороны Польши остались тѣ же, какія были при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, что бы отказаться отъ завоеванныхъ у Польши провинцій и не вступаться за Запорожскихъ черкасъ; что бы свестъ съ Дону российскія войска и унять казаковъ отъ нападеній на турецкія и крымскія владѣнія (345).

(344) Тамъ же, отвѣтная грамота крымскому хану, посланная въ Крымъ мал мѣсяца 1661 года.

(345) Тамъ же № 3, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниками Ивана Опухтина и подьячаго Фирса Байдакова.

Эти переговоры съ крымскимъ ханомъ замѣчательны тѣмъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ въ первый разъ рѣшился оправдывать казаковъ; до сего же времени, какъ мы уже видѣли выше сего, въ подобныхъ переговорахъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ называлъ ихъ дерзкими ослушниками и всегда предоставлялъ имъ за разоренія, причиняемыя казаками ихъ областямъ, поступать съ ними по ихъ собственному произволу.

На божность казаковъ. Побуждаемые набожностью, казаки въ 1656 году, находясь въ царскихъ полкахъ въ Польшѣ, взяли на рѣкѣ Виліе близъ города Вильны чудотворный образъ Богородицы Одигитріи, крестъ, евангеліе и книги; все это съ великою честію привезли въ Черкасскъ, гдѣ, по прошенію ихъ и по благословенію святѣйшаго патріарха Никона, построена церковь во имя Богородицы Одигитріи. Въ 1661 и 1662 годахъ, во дни притѣсненія казаковъ крымцами и ногайцами, многимъ набожнымъ изъ казаковъ нѣсколько разъ являлся въ сновидѣніяхъ образъ Божіей Матери Одигитріи и требовалъ, что бы онъ перенесенъ былъ въ Вильну и поставленъ на прежнемъ мѣстѣ; что казаки обѣщали сдѣлать, но медлили исполненіемъ. Наконецъ, въ послѣдній разъ явился онъ казаку Ивану Стародубцу, вскорѣ послѣ выдержанной Донцами атаки отъ крымскаго царевича на рѣч. Тузловѣ, и приказалъ объявить всѣмъ казакамъ, что если они неисполнять своего обѣщанія, то во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ не будетъ успѣха. Устрешенные такимъ видѣніемъ, казаки спѣшили привести обѣщаніе свое въ исполненіе: украсили образъ Богоматери золотомъ, жемчугомъ и дорогими камнями, нарядили станицу, подъ начальствомъ атамана Осипа Галактіонова, и при оной отправили его въ Москву съ великою честію, а вмѣстѣ съ станицею послали священника и діакона съ причтомъ для отправленія въ дорогѣ предъ образомъ ежедневно службы Божіей. Казаки просили Государя послать образъ этотъ изъ Москвы въ Вильну. Въ то время продолжалась война съ Польшею и по-

прочихъ мурзъ и въ тужъ время, въ соединениі съ ратными людьми, пошли на ногайские улусы, кочевавши€ около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайский улусъ, положили на мѣсцѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ пленъ 500 и отбили 100 челов. россійскихъ людей, находившихся въ плену у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привязать къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ пленныхъ и отбитыхъ русскихъ людей, съ условіемъ, чтобы сихъ посдѣднихъ тайши ихъ отправили отъ себя къ Государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевьями своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненные ими казачьимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черкасского и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Российскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичного атамана Терентія Павловъ 1661 г. октября 17 дня.

„А какъ де къ нимъ въ войско прїехали посыльщики ихъ, атаманъ Федоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайские улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помочь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились ратительно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили больши 500 человѣкъ и взяли въ полонъ съ 500 же человѣкъ, да отбили русского полону больше 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впредь повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везутъ они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошаютъ къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣлъ, грамота войску Донскому 1661 года въ іюль мѣсяцѣ.

Казаки вновь прокапываютъ ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводы уменьшилось, не насчитывали уже и 300 человѣкъ, а опасность напротивъ того оставалась также. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присыпѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійский, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скоромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія непріязненныхъ дѣйствій татаръ, врываться въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кроме сего было отправлено къ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, какового доселѣ казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшею, коей дѣятельно помогаль крымскій ханъ и имѣль болѣе всѣхъ влияніе на худой успѣхъ россійского оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу Украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственный владѣнія. „Соберите всѣ свои силы, писалъ къ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государа большаго голандскаго наряду и твоей прибыльной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевой плесковучія Дону рѣки разбрестися будетъ всѣмъ розно, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не мочь и кормити не тѣмъ.“

ниспровергните твердыни вражескія, побѣдите самую природу и воззгните пламень опустошения въ областяхъ кримскихъ; слава поведеть васъ на брань и мои щедроты покроютъ побѣдителей.“ Казаки закипѣли мѣдніемъ и въ короткое время снарядили 26 струговъ и вмѣстѣ съ воеводою Яковомъ Хитрово двинулись, 17 апрѣля, къ устью Дона, конимъ для безопасного прохода въ море сопутствовало все войско находившееся въ Черкасскомъ. На казачьемъ ерикѣ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ окоповъ, сдѣланныхъ турками незадолго предъ симъ на верхнемъ устьѣ ручья; здесь завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что казаки вытѣснили турокъ изъ окоповъ и засѣли въ оныхъ сами. Поощренные первымъ успѣхомъ, они раскопали засыпанный турками ерикъ и провели по немъ назначенные къ походу суда. Гарнизонъ, сидѣвшій въ Калачинскихъ башняхъ, несмѣлъ воспрепятствовать ихъ дѣйствію (336).

Азовцы, не въ состояніи будучи удержать казаковъ отъ предпринятаго ими намѣренія, вскоро послали гонцовъ къ кримскому хану съ просьбою о присылкѣ войскъ къ Азову

(336). Дѣла турецкія, отъска Донскихъ казаковъ, привезенная изъ Москву 12 мая 1682 года.

„Апрѣля въ 17 день, по твоему, Великаго Государа, указу отпустили мы, холопи твои, войска на твой Великаго Государа службу, стругами на море—на Крымъ и на кримскіе улусы, а твой государевъ стольникъ и воевода Яковъ Тимофеевичъ Хитрово и съ твоими государевыми ратными людьми помѣль съ войскомъ на Крымъ же—на кримскіе улусы, вмѣстѣ, и мы холопи твои войско и твоего государева стольника и воеводу Якова Тимофеевича и твоихъ государевыхъ ратныхъ людей ходили провожать, и уѣздѣть, Государь, кримскіе и азовскіе люди, что войско идеть на твой В. Государа службу на море, наланы они сдѣлали противъ казачьаго ерика, на Калачинскомъ острову, на устьѣ, и въ тѣхъ, Государь, шанцахъ, тѣ кримскіе и азовскіе люди съ огненнымъ боемъ и съ пушками сидѣли и у насть холопей твоихъ съ ними бой великий былъ, и загибъ, Государь, великихъ боемъ, милостію Божію и твоимъ Государевымъ Царевымъ и В. Князя Алексія Михайловича всѧ Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца счастіемъ, тѣхъ кримскихъ и азовскихъ людей изъ наланъ выбили и наланы ихъ мы холопи твои взяли, а въ то, Государь, время, мы холопи твои казачий ерикъ раскопали и струги морскіе, 26 стругами, съ войскомъ на море пропустили, даъ Богъ, здерово.“

для воспрепятствованиі казакамъ при обратномъ возвращеніи ихъ на Донъ; вслѣдствіе чего былъ отправленъ къ Азову калга съ многочисленнымъ войскомъ, къ коему присоединились потомъ ногайцы, кочевавшіе по Кубани. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на помощь казакамъ пришелъ къ Черкасскому городку съ войсками Каспуратъ князь Черкасскій и нѣсколько калмыковъ. Калга, неопчитая себя довольно сильнымъ противу стать казакамъ и вновь пришедшими войскамъ, убѣждалъ крымскаго царя прислатъ къ нему новыхъ войскъ. Въ ожиданіи этого вспомоществованія, онъ немедленно приступилъ къ построению новой крѣпости при устьѣ казачьяго ерика и въ засыпкѣ онаго каменьями и землею.

Между тѣмъ казаки спокойно производили свои морскіе поиски, сначала пристали они къ Керчи, разорили этотъ городокъ и всѣ улусы, кочевавшіе около оного, и захватили большое число плѣнныхъ россійскихъ людей (337).

Потомъ поплыли чрезъ Черное море къ Трапезону, около коего сожгли нѣсколько деревень и, нагрузивъ суда свои добычою, возвратились къ крымскимъ берегамъ; близъ деревни Игельѣ вышли на берегъ, гдѣ получили нѣкоторую добычу и поплыли къ устьямъ Дона (338).

(337) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 16 октября 1662 г.

„Сентябрь въ 26 день писали къ намъ, В. Государю, вы атаманы и казаки съ станичниками своими съ атаманомъ съ Федоромъ Прокофьевымъ съ товарищи, что посыдали съ воеводою съ Яковомъ Хитрово и съ нашими Великаго Государа ратными людьми Донскими атамановъ и казаковъ на крымскіе улусы войною, и милостю Божию и нашимъ В. Государемъ и нашихъ государскихъ чадъ благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Феодора Алексѣевича счастіемъ, крымскіе улусы Керчь съ уѣздомъ разорили и иссырь многой поимали и нашихъ В. Государя взятыхъ плѣнныхъ людей многихъ изъ пѣши свободили; да съ тѣми же своими станичниками прислали къ намъ Великому Государю въ языкахъ дву человѣкъ татарь и мы, Великий Государь, наше Царское Величество, за вашу службу жалуемъ васъ—милостивно похвалимъ.“

(338) Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму 1662 года посланникомъ Якова Якушина.

„Юля въ 5 день посыдали посланника къ Маметие кызы переводчика

Походное войско имѣло свѣдѣніе о всѣхъ препятствіяхъ, какія оно должно преодолѣть на казачьемъ ерикѣ, и потому заблаговременно дало знать о днѣ прибытія своего къ усть-ямъ Дона. По сemu извѣщенію всѣ войска, находившіяся въ Черкасскѣ, двинулись рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ къ каланчинскимъ башнямъ. Между тѣмъ походное войско, выступивъ въ устьѣ Дона, увидало, что карага противу поставилъ ему многочисленныя силы; оно оставило суда свои на морѣ, подъ охраненiemъ 300 человѣкъ казаковъ, а само рѣшилось проложить себѣ путь сквозь непрѣятелей мечемъ. При руко-вѣ Дона, называемомъ Свінымъ, завязалось сраженіе, татары, бывъ тѣсними съ тылу россійскими войсками, не въ состоя-ніи были остановить стремительного нападенія казаковъ съ переди; наконецъ, послѣ кровопролитнаго боя, казаки соеди-нились съ россійскими войсками и тѣмъ избѣгли грозившей имъ опасности (339).

Кутлуметя и Маметша князь ему сказывали: Донские казаки объявились, іоля въ 3 день, подъ Игелью, выходили на берегъ для добычи, и въ то время взяли у нихъ дву человѣкъ Донскихъ казаковъ и тѣ казаки въ распросѣ ска-зали, были они за моремъ на Анадольской сторонѣ подъ Трапизономъ, въ Унѣтѣ многіе мѣста пожгли.“

(339) Тамъ же.

„Августа 4-го прїѣжалъ къ посланикамъ на станъ ближняго человѣка Сеферь Газы аги изъчай Кутлумка и сказывать: присланъ изъ подъ Азова отъ караги царевича въ Крымъ къ царю копычей съ вѣстью, приходили съ Дону донские казаки большимъ собраніемъ, подъ новые городки (каланчин-скіе башни) для пропуску съ моря Донскихъ казаковъ, которые были на морѣ и у караги царевича и у азовскаго паша съ Донскими казаки былъ бой, и на томъ бою уронъ ратныхъ людей учинился большой на обѣ стороны.“

Тамъ же.

„Августа 18-го прїѣжалъ къ посланикомъ на станъ, ёдучи изъ подъ Азо-ва, Батырша мурза Сулемановъ и въ разговорахъ посланикамъ сказывать: карага царевичъ и караген, всѣ которые были съ караго царевичемъ подъ Азо-вомъ, пришли въ Крымъ вмѣстѣ съ нимъ Батыршо мурзовъ, а Донские каза-ки, которые на морѣ, пошли на Донъ сухимъ путемъ, и у караги царевича и у азовскаго паша съ тѣми Донскими казаки былъ бой и у Свінаго протоку Донские казаки большимъ боемъ прошли Донъ, а которые Донские казаки на томъ бою взяты, и тѣ казаки въ распросѣ сказывали: оставили они въ стру-

Оставшися же суда на морѣ, вошли въ рѣчу Калмусъ, тамъ казаки, дождавшись товарищев изъ Черкаска, затопили суда въ оной и съ полученою добычю пошли къ Черкаску степью.—Калга, извѣщеній объ этомъ движеніи казаковъ, выступилъ со всѣми войсками и нагналъ ихъ на рѣчу Тузловъ, где казаки заблаговременно успѣли окопаться. Эта предосторожность, предпринятая ими заблаговременно, избавила ихъ отъ совершенной гибели: они нѣсколько дней мужественно выдерживали всѣ приступы татаръ, которые, наслучивъ неудачами, ушли въ Крымъ, а казаки благополучно достигли до Черкаска (340). Едва миновало два мѣсяца послѣ этого столь славно окончившагося похода, какъ 120 человѣкъ отважныхъ казаковъ предприняли еще разъ испытать своего счастія въ землѣ непріятельской; снарядили три струга погруженныя въ рѣчу Калмусъ и поплыли моремъ къ крымскимъ берегамъ. Недалеко отъ Кафы повстрѣчались они съ двумя турецкими кораблями, нагруженными хлѣбомъ для продовольствія азовскаго гарнизона и на коихъ, сверхъ того, находилось 100 человѣкъ турокъ, посланныхъ въ каланчинскія башни на перемѣну тамъ находившимся янычарамъ. Казаки устрѣмились на эти суда и овладѣли ими послѣ упорнаго сраженія, 40 человѣкъ турокъ положили на мѣстѣ, а прочие взяты въ пленъ. Затѣмъ, непредпринимая дальнѣйшихъ по-

гахъ на Азовскомъ морѣ 300 челов. и вѣѣли итти въ Калмусъ и дожидаться съ Дону къ себѣ выручки.“

(340) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 16 декабря 1662 года.

,Да въ прошломъ, Государь, въ 170 году, какъ мы, холопи твои, шли съ мора и сидѣли, Государь, въ окопѣ въ осадѣ на степи, на Тузловѣ рѣчи отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей и милостію Божію и помощію Пресвятой нашей Богородицы Одигитріе и всѣхъ святыхъ молитвами и помощію и твоими Государевыми счастіемъ, твоего государскаго недруга крымскаго царевича калгу и многихъ турскихъ и всякихъ воинскихъ людей у него побили, а сами, Государь, мы, холопи твои, изъ осады отошли до своего Черкасскаго городка далъ Богъ здоровово.“

исковъ, казаки возвратились на Донъ съ богатою добычою (341).

Переговоры съ Крымомъ о мирѣ. Среди такихъ произшествій на Дону, Россійскій Государь ревностно продолжалъ войну съ польскимъ королемъ, которому помогалъ крымскій ханъ, имѣвшій большое влияніе на худой успѣхъ россійскихъ войскъ въ продолженіи 1659 и 1660 годовъ. Да-бы привлечь его на свою сторону, россійскій дворъ отправилъ въ Крымъ 1660 года дьяка Ивана Татаринова, съ порученіемъ, склонить первого царедворца ханскаго Сеферъ-Газы-агу уговорить хана, калгу и нурадына отстать отъ союза съ польскимъ королемъ, обѣщая при томъ прислать къ нимъ сверхъ обыкновенныхъ посылокъ 30/т. ефимковъ; а если и на это несогласиться, то обѣщать 40, 50 и 60/т. ефимковъ. Татариновъ, явясь къ Сеферъ-Газы-агу нашелъ его непреклоннымъ взять на себя посредство къ заключенію съ Россіею мира. Газы - ага, вместо благосклоннаго отвѣта, отозвался Татаринову: „Россійскій Государь въ грамотѣ своей, присланной къ хану, именуетъ себя восточныхъ и западныхъ странъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ, напротивъ того, на востокѣ и на западѣ, находится много независимыхъ государствъ.“ Потомъ сей же царедворецъ объявилъ Татаринову: „Государь вашъ ищетъ дружбы у хана нашего, а самъ послалъ на Донъ 8,000 войскъ и велѣлъ приготовить 500 струговъ, вместѣ съ Донскими казаками сдѣлать напа-

(341) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Корниля Яковлева, пріѣхавшаго въ Москву 20 генваря 1663 года.

„А какъ де они пошли изъ войска и при нихъ нынѣшніе осени, послѣ отпуску станичниковъ ихъ, которые присланы передъ ними къ В. Государю, посыпали изъ Міуса рѣчки войскомъ на море на крымскую сторону три струга, а въ стругу по 40 человѣкъ казаковъ, и на море де близко Кафы сошлись съ ними два корабля съ хлѣбомъ, а шли они съ крымской стороны въ Азовъ, да на тѣхъ же корабляхъ было со 100 человѣкъ воинскихъ людей янычанъ, а шли они на обѣйну къ башнямъ, и милостію Божию тѣ два корабля взяли, и на тѣхъ корабляхъ турецкихъ людей янычанъ живыхъ взяли 60 человѣкъ, а достальныихъ побили.“

деніе на Крымъ и на турецкія области. Объяви своему Государю, что мы дали повелѣніе азовскому коменданту разорить жилища Донскихъ казаковъ, а сами идемъ съ многочисленнымъ войскомъ къ россійскимъ границамъ и Москвѣ (342).

Въ апрѣль мѣсяцѣ ханъ призывалъ къ себѣ Татарина, говорилъ съ нимъ ласково и надѣвъ на него и переводчика его дорогие кафтаны, отпустилъ въ Россію съ гонцомъ своимъ и съ грамотою къ Россійскому Государю, въ коей требовалъ возвращенія польскому королю всѣхъ завоеванныхъ городовъ и вывестъ изъ Малороссіи войска, угрожая, въ случаѣ несоглашенія на сіи предложения, напасть совокупно съ польскимъ королемъ на Россію; далѣе, въ этой же грамотѣ пишеть: „Вы всегда отговариваетесь, что казаки Донскіе воры, повелѣнія вашего не слушаютъ и что силъ вашихъ недостаетъ содержать ихъ въ границахъ повиновенія; какъ между тѣмъ по вашему же повелѣнію приготовлено на Дону 500 струговъ для завоеванія нашего государства; но мы силы твоей небоимся и велики противустать имъ 15/т. войскъ; ты называешь себя обладателемъ обширныхъ земель и повелителемъ многочисленнаго войска, надѣвшись на множество, но мы уповаемъ на Бога и станемъ по возможности противиться“ (343).

Грамота сія была наполнена многими грубыми выраженіями, кои были слѣдствіемъ одержанныхъ ханомъ победъ надъ россійскимъ войскомъ подъ Конотопомъ и Чудновымъ.

Россійскій Государь на сію грамоту отвѣчалъ хану въ благосклонныхъ выраженіяхъ; онъ писалъ: „что войска посланы на Донъ и струги не для нападенія на крымскія об-

(342) Дѣла крымскія, № 21, статейный списокъ дѣла Ивана Татарина, отправленного въ Крымъ посланикомъ.

(343) Тамъ же, № 5, грамота крымскаго хана къ россійскому государю, привезенная въ Москву крымскимъ гонцомъ Магметъ-Ингельдеемъ 17-го апрѣля 1661 года.

случаю несоглашения российскихъ посланниковъ на предложенные условия, переговоры о мирѣ были прекращены и посланники разѣхались безъ всякаго успѣха. Подобные переговоры о мирѣ продолжались и въ 1669 году; наконецъ въ 1670 году заключенъ былъ въ Крыму на твердомъ основаніи миръ между тремя державами: Россіею, Польшею и Крымскимъ ханомъ. Въ этомъ мирномъ договорѣ между прочимъ постановлено было, чтобы со стороны Россійскаго Государя запрещено было Донскимъ и Запорожскимъ казакамъ производить морскіе поиски по Азовскому и Черному морю, и не давать никакихъ нападеній на улусы, подвластные Крымскому хану (355).

ГЛАВА XIII.

Разбои казаковъ по Волгѣ.—Нѣкоторыя изъ этихъ казачьихъ партій истреблены самыми Донцами.—Разинъ является на Волгѣ.—Причины его побѣга съ Дона.—Разбои Разина по Волгѣ.—Разбои его по Каспійскому морю.—Разинъ приноситъ Царю повинную.—Возвращеніе Разина на Донъ.—Разинъ вновь свирѣствуетъ на Волгѣ.—Разинъ въ Астрахани.—Жестокіе поступки Разина съ гражданами.—Походъ Разина въ Россію.—Войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ беретъ въ пленъ Разина.—Казаки приносятъ Царю повинную.—Примата казаковъ на вѣрность службы.—Произшествія въ Астрахани.—Атаманъ Шелудакъ разбить подъ Симбирскомъ.—Васька Усь умерщвляется въ Астрахани митрополита Іосифа и князя Львова.—Князь Милославский беретъ Астрахань.—Сообщникъ Разина донской казакъ Міуской представляетъ Запорожскимъ казакамъ самозванца.

Разбои казаковъ по Волгѣ. Безпрерывныя сношения российскихъ царей съ ногайскими князьями, кочевавшими съ улусами своими между Волгою и Ураломъ, и производимая въ то время торговля съ ними и съ персіянами, привлекали къ берегамъ этой рѣки многія партіи Донскихъ казаковъ, для нападеній и грабежей на проѣзжающихъ российскихъ и ногайскихъ посланниковъ и на купеческие караваны, шедшіе для безопасноти съ ними въ Россію.

(355) Дѣята крымскія, 1667 года, изъ книгъ № 9, 45 и 1670 г. изъ № 12 и дѣята турецкія, 1667 года, изъ книги № 8.

Завоевание царемъ Иоанномъ Васильевичемъ въ 1552 году царства Казанского, а чрезъ два года потомъ и царства Астраханского, весьма много способствовало къ распространению торговли россиянъ съ татарами, персиянами и бухарцами. Городъ Астрахань сдѣлался главнымъ мѣстомъ складки товаровъ европейскихъ и азійскихъ. Около этого времени, и именно въ 1553 г., англичане, открывая путь чрезъ Ледовитое море въ Китай и Индию, пришли нечаянно къ городу Архангельску, на мѣстѣ коего былъ тогда монастырь Св. Николая, здѣсь учредили они въ послѣдствіи времени свои конторы и производили по всей Россіи обширную торговлю, бывъ покровительствуемы Иоанномъ. Прибыточная торговля веденная россиянами съ Персіею, обратила ихъ вниманіе на эту страну: посланный ими туда въ 1565 году разнаго рода товары, были проданы весьма выгодно. Въ 1579 году они вновь отправили изъ Астрахани свои товары съ англичанами Ефреемъ Дукатомъ и Ліошемъ Шумтреемъ; 1578 года судно ихъ, нагруженное большимъ количествомъ шелку и другими персидскими товарами, возвращаясь изъ Персіи, было остановлено на морѣ казаками, которые подъ притворнымъ дружествомъ взошли на оное и, послѣ упорного со стороны англичанъ сопротивленія, овладѣли имъ и товарами на сумму отъ 30 т. до 40/т. фунтовъ стерлинговъ. Казаки оставили англичанамъ жизнь и дали стругъ, а на пропитаніе нѣсколько свинаго и лошадинаго мяса, дабы можно было доплыть имъ до Астрахани. Въ этомъ городѣ англичане прибѣгли подъ защиту астраханского воеводы, который въ то же время, отправилъ на 70 стругахъ стрѣльцовъ для преслѣдованія казаковъ; стрѣльцы нашли казаковъ на морскомъ берегу и столь удачно сдѣлали на нихъ нападеніе, что всѣхъ порубили на мѣстѣ. заграбленные ими товары, изъ коихъ нѣкоторая часть была зарыта въ землю, привезли въ Астрахань и возвратили англичанамъ (356).

(356) Описanie Каспійскаго моря, Г. Саймонова, помѣщеннное въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1768 года.

Около этого времени разбои казаковъ умножились до того, что торговля россиянъ съ бухарцами и персиянами на время прекратилась; извѣстные тогда по своему буйству и предпримчивости атаманы: Иванъ Кольцовъ, Богданъ Барбашъ, Никита Палпъ и Савва Болдырь, производя великия опустошения въ улусахъ ногайскихъ, грабили безъ всякаго различія по Волгѣ русскихъ и персидскихъ купцовъ. Российскій Государь посыпалъ на нихъ войска свои, но казаки скрывались на время и потомъ появлялись для новыхъ грабежей. Это обстоятельство было поводомъ къ учрежденію на Волгѣ, отъ того мѣста, гдѣ нынѣ Царицынъ, до Астрахани шести заставъ, на коихъ было поставлено по нѣсколько человѣкъ стрѣльцовъ; въ послѣдствіи времени эти заставы положили основаніе къ построенію крѣпостей Царицына и Чернаго Яра.

По разграбленіи казаками на Волгѣ въ 1587 году посланника персидскаго,ѣхавшаго изъ Россіи, разбои казаковъ прекратились до возникшаго въ Россіи междуцарствія; съ этого же времени своеевольства ихъ достигли до того, что Царь Михаилъ Федоровичъ не всегда имѣлъ успѣхъ въ удержаніи отъ нападеній на суда, шедшія изъ Астрахани съ товарарами.

Въ то время со стороны войска Донскаго не было никакой преграды казакамъ въ подобныхъ разбояхъ.

Но когда въ 1627 году былъ ограбленъ казаками большой караванъ, плывшій рѣкою Волгою въ Астрахань, на которомъ побито вѣсма много российскихъ купцовъ, то войсковой атаманъ Ешифанъ Родиловъ по приговору войска предписалъ явиться въ монастырской городокъ, для отвѣта, вѣсмъ тѣмъ атаманамъ и казакамъ верховыхъ городковъ, которые ссужали и продавали этимъ разбойникамъ порохъ и свинецъ и дозволяли зимовать въ своихъ городкахъ, тѣхъ же передержателей, которые находились въ то время на монастырскомъ яру, и русскихъ промышленниковъ, которые покупали у нихъ пограбленныя вещи, послѣ тѣлеснаго наказанія, по войсковому праву ограбили. Притомъ подтверждено было

по всемъ городкамъ, чтобы никто съ Дону на Волгу не ходилъ для разбоевъ; если же кто нарушить это постановление и послѣ того окажется на Дону, тотъ неминуемо казненъ будетъ смертю (357).

Таковыя мѣры были причиною, что разбойничавшіе верховыѣ казаки построили на Дону неподалеку отъ устья рѣки Чира особой городокъ, куда они обыкновенно сходились на зимовку и оттуда ежегодно производили разѣзы по Волгѣ и по Каспійскому морю для нападеній на российскихъ и персидскихъ купцовъ. Эта шайка разбойниковъ, состоявшая изъ 600 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Романа Хахра, не имѣла никакого сношенія съ прочими казаками и противилась власти войска Донскаго (358).

(357) Дѣла ногайскія, № 1, выписка изъ донесенія Астраханскаго воеводы Князя Юрия Буйносова Ростовскаго въ Посольскій приказъ 1627 года.

„А какъ де, Государь, на Дону вѣдомо учинилось, что воры казаки на Волгу приходили на караванъ и атаманъ де, Епиха Родиловъ съ товарищи послали въ верхніе городки къ атаманамъ, съ которыми въ городкѣхъ тѣ казаки, что нынѣ воруютъ на Волгѣ, атаманъ Данилко съ товарищи зимовали, и вѣдѣ тѣхъ атамановъ и казаковъ давать на поруки, чтобы имъ стать въ войскѣ на яру на урочищѣ монастырскомъ а иныхъ атамановъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ тѣми казаки, что нынѣ воруютъ, и ихъ сужали зельемъ и свинцомъ, а объявились тутъ же на урочищѣ монастырскомъ въ сѣздѣ и ихъ де, Государь, атаманъ Епиха Родиловъ съ товарищи были ослопляемъ и грабили при нихъ, а торговыхъ де, Государь, людей, которые съ тѣми же ворами зимовали и торговали съ ними у казаковъ покупали иссырь, а казакамъ продавали зелье и свинецъ, и тѣхъ де, Государь, торговыхъ людей Донскіе казаки были же и грабили и о томъ учили заказъ крѣпкой, чтобы отпюдь никто съ Дону на Волгу для воровства не ходили, а только де, Государь, кто съ Дону на Волгу пойдетъ, а послѣ объявится на Дону, и тому быть казнену смертью.“

(358) Ногайскія дѣла, № 1, выписка изъ отписки астраханскихъ воеводъ князя Юрия Буйносова-Ростовскаго съ товарищи въ Посольскій приказъ 1628 года.

„А Донскіе де казаки, которые воровали на Волгѣ нынешняго лѣта, на Дону у Чиру сдѣлали себѣ особой городокъ, а по смѣтѣ де тѣхъ воровъ казаковъ въ томъ городкѣ съ 600 человѣкъ, а съ Донскими де казаками съ нижними городки они не съезжаются и ни въ чёмъ Донскихъ казаковъ не слушаются.“

Съ 1637 года разбои казаковъ по Каспійскому морю до того умножились, что не только грабили купеческія суда, но дѣлали нападенія на мезандерганскія, гилянскія и другія прибрежныя персидскія провинціи, взяли городъ Фоработъ и разорили много деревень. Посыленные войска изъ Астрахани, Терска и отъ Персидского шаха, разсѣвали эти шайки, но немогли истребить ихъ совершенно. Персидскій шахъ въ присланной съ посломъ своимъ въ 1640 году грамотѣ къ Россійскому Государю, упрашивая послать на Каспійское море войска для общаго дѣйствія съ персидскими противу таковыхъ казачихъ шаекъ, между прочимъ писалъ: „казаки люди такие, въ какомъ бы они государствѣ ни находились, отъ нихъ нѣтъ никакого добра, кромѣ зла; у нихъ одно желаніе—убить человѣка и ограбить; о такихъ людяхъ сожалѣть нечево, кто такого человѣка щадить, тому отъ Бога ни въ чемъ добра не будетъ, а кто ихъ не жалѣть, тотъ получитъ отъ него милость“ (359).

Послѣ сильныхъ преслѣдований произведенныхъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, россійскими и персидскими войсками, разбои казаковъ прекратились до 1659 года, въ продолженіи этого времени въ современныхъ актахъ упоминается обь одной только партии (1650 г.) казаковъ, причинившей большія опустошения персидскимъ приморскимъ седеніямъ и грабительства проѣзжающимъ въ Астрахань моремъ купеческимъ судамъ.

(359) Персидскія дѣла, № 1, 2 и 3, 1640 года, грамота персидскаго шаха Софы къ россійскому царю Михаилу Федоровичу 1640 г. съ гонцомъ своимъ Алибекомъ.

„А казаки люди такие, въ которомъ они государствѣ небудуть, и они добра никакого недѣлаютъ, кромѣ дурина. казачье хотѣніе человѣка убить, да ограбить и такихъ людей жалѣть нечего, кто такого человѣка жалѣть и тому человѣку отъ Бога добра не будетъ, а кто такихъ людей не пожалѣть и тому за то отъ Бога милость будетъ, и нѣчто велить Богъ, гдѣ будетъ намъ срочно. и мы рати свои на нихъ послыкатъ и ихъ побивать учнемъ, а вами бы, брати нашему, похотя съ нами въ дружбѣ и въ любви быти, также съ своей стороны гдѣ кому будетъ ближе, на нихъ рати своимъ велѣть же послыкати и икъ побизти и дружбѣ то дѣло пригодится“

Нѣкоторыя изъ этихъ казачьихъ партій истреблены самими Донцами. Съ 1650 года разбой казаковъ по Волгѣ и Каспійскому морю увеличились съ большимъ ожесточенiemъ. Для содержанія себя въ безопасности отъ преслѣдованія, они основали въ скрытомъ мѣстѣ, между Паншинскою и Иловлинскою станицами, укрѣпленный городокъ и назвали его Рыгою. Отсюда они, въ маѣ мѣсяцѣ тогожъ года, перетащили суда въ рѣчку Камышенку и ограбили близъ теперешняго Дубовскаго посада нѣсколько россійскихъ купцовъ и возвратились съ добычею въ свой городокъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ эта самая партія, состоящая изъ 80 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана своего Василья Про-кофьевъ, сдѣлала другое нападеніе неподалеку отъ Царицына но суда, плывшія Волгою, умертвила нѣсколько узденей, везшихъ разныя вещи, принадлежащія Каспулату князю Черкасскому, и потомъ ограбивъ всѣ суда ушла на рѣч. Иловлю. Тутъ, нагрузивъ суда свои добычею, поплыла было эта шайка внизъ по рѣчкѣ въ свой городокъ, но на пути настигла ее партія стрѣльцовъ, посланная по извѣщенію отъ Саратовскаго воеводы, которая, впрочемъ, немогла причинить казакамъ никакого вреда, и послѣ многихъ нападеній, успѣла схватить только двухъ казаковъ, съ коими и возвратилась въ Саратовъ (360).

Государь предписалъ казакамъ разорить этотъ городокъ до основанія, разбойниковъ же съ ихъ атаманомъ и есауломъ по войсковому праву казнить смертію. По этому случаю наряжена была сильная партія, состоящая изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ, даны были ей изъ войска пушки и другіе припасы потребные къ осажденію городка; казаки осадили онъ въ зимнее время, били по землянымъ стѣнамъ изъ пушекъ, вели подкопы и наконецъ послѣ нѣсколькихъ приступовъ овладѣли городкомъ, захватили атамана Василья Про-кофьевъ и всѣхъ его сообщниковъ, оставшихся въ живыхъ;

(360) Дѣла Донскія, грамота войску Донскому 1659 года ноября 11 дн.

привезли ихъ въ главное войско гдѣ съ общаго приговора, повѣсили атамана, есаула и десять человѣкъ главнѣйшихъ изъ бунтовщиковъ; городокъ же сожгли и истребили до основанія (361).

Столь строгія мѣры, принятыя со стороны войска на истребленіе разбойничества по Волгѣ, не произвели никакихъ полезныхъ послѣдствій. Въ слѣдующемъ 1660 году сильныя партіи казаковъ, подъ начальствомъ атамана Парфена Иванова, раздѣльясь на многіе отряды, грабили купеческія суда по Волгѣ, около Царицына, Чернаго Яра и Астрахани, разорали училища и забирали силою рабочихъ людей для увеличиванія своихъ партій; производили разѣзды по Каспійскому морю до персидскихъ границъ и до устья реки Урала, и такимъ образомъ остановили торговыя сношенія съ Астраханью и Персіею.

Вѣсть о таковыхъ грабительствахъ скоро достигла до Государя; войску Донскому предписано было унять этихъ разбойниковъ или силою, или послать къ нимъ лучшихъ старшинъ уговорить къ возвращенію на Донъ. Изъ современныхъ актовъ невидно какой имѣли успѣхъ посланные изъ войска въ Астрахань и на Каспійское море атаманы Василій Гладкой и Фроль Минаевъ, известно только то, что съ 1661 года до 1667 года грабительства по Волгѣ и Каспійскому морю совершенно прекратились (362).

(361) Тамъ же, грамота Войску Донскому 1660 года мая 29 дн.

„Да въ нынѣшнемъ же въ 1660 году Апрѣля въ 14 день писали вы къ намъ, Великому Государю, съ станичниками своими съ атаманомъ съ Леонтиемъ Фроловымъ съ товарищи, что посыпали вы атаманы и казаки, для поиска за волжскими ворами, которые, воровавъ на Волгѣ, и перешли съ Волги на Донъ и городокъ было они себѣ воровской, межъ верховыхъ городковъ, поставили въ пустоѣ юртѣ, своихъ низовыхъ казаковъ многихъ людей конныхъ и пѣшихъ съ пушками. и тѣ ваши посыльщики тотъ городокъ взяли за большиимъ боемъ и подкопами и многихъ людей у нихъ воровъ въ приступѣ побили, а иныхъ живыхъ поймали и городокъ ихъ воровской сожгли и раззорили со всѣмъ, и старшинъ ихъ воровскихъ заводчиковъ сожгли, атамана и ясаула съ товарищи 10 человѣкъ привезли для вершенья къ вамъ живыхъ и, распроси тѣхъ воровъ, повѣсили.“

(362) Тамъ же, грамота на Донъ 1660 года декабря 5 дн.

„И нынѣ били чезомъ намъ, Великому Государю, гости изъ разныхъ горо-

Разинъ является на Волгѣ. Доселѣ являлись на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ одни немногочисленныя разбойничавшія партіи казаковъ, которыхъ существованіе тамъ было недолговременно: успѣшное нападеніе на караванъ или на судно заставляло ихъ немедленно возвращаться съ добычею въ свои жилища, опасаясь преслѣдованія россійскихъ войскъ. Поселенные въ Саратовѣ, Царицынѣ, Черномъ Ярѣ и Астрахани стрѣльцы преграждали этимъ разбойническимъ шайкамъ всѣ пути къ дальнѣйшимъ грабежамъ и нерѣдко истребляли ихъ совершенно. Теперь слѣдуетъ описание разбоевъ казака Степана Разина, которые отъ предыдущихъ имѣютъ ту разность, что они болѣе сопровождались убийствами, грабежами и наконецъ возмущеніемъ противъ отечества. Партия его при первоначальномъ появленіи на Волгѣ состояла изъ 1,500 человѣкъ и по мѣрѣ успѣховъ его въ разбояхъ увеличивалась приходившими съ Дона отважными казаками. Будучи извѣстенъ въ войскѣ по своей храбрости и опытности въ гражданскихъ того времени дѣ-

домъ торговые люди, у которыхъ промыслы въ Астрахани и Казылбаши и за которыми изъ откупу наши В. Государя учили и рыбные ловли, что де тѣ воровскіе казаки на морѣ персидскаго шаха купчихъ и всякихъ торговыхъ людей разбиваются и грабятъ и съ персидскими шахомъссорятъ и путь на морѣ въ Казылбаши отнимаютъ и ихъ гостей нашихъ и торговыхъ людей около Астрахани и утту на Волгѣ громятъ и разоряютъ, и впередъ всикихъ злому хвалятся и многихъ къ себѣ воровъ вновь прозываютъ и иныхъ работныхъ людей у промысловъ съ собою въ воровствѣ насилу смилютъ и отъ того своего воровства неистрашавшіе, чинить всикихъ злости пуще прежняго и какъ къ вамъ ся наша В. Государя грамота придетъ и вы бѣ атаманы и казаки по прежнему и по сему Великаго Государя указу на Волгѣ и на морѣ къ тѣмъ воровскимъ казакамъ послыали отъ себя изъ войска кого пригожъ, и велили ихъ отъ того ихъ воровства уговорить, что бы они отъ того своего воровства оставили и нашимъ Великаго Государя людямъ, также и персидскаго шаха торговыми людямъ, злости чинить перестали и межъ нась Великаго Государя и Казылбашскаго шаха тѣмъ своимъ воровствомъ ссоры не чинили; а буде они отъ того своего воровства не отстанутъ и въ томъ васъ непослушають, и вы бѣ атаманы и казаки послыали на нихъ отъ себя ратныхъ людей, и велили надъ ними чинить промыслъ, что бѣ ихъ тѣмъ отъ воровства усмирить.“

лахъ и имъ хитрый умъ, ему нестоило большихъ тру-
довъ набрать приверженцевъ изъ верховыхъ городковъ и
изъ Черкасса, тѣмъ болѣе, что Россія въ то время на-
ходилась въ миру со всѣми сосѣдними державами и ка-
заки скучали бездѣйствіемъ: все это въ совокупности спо-
собствовало преступному Разину привести въ исполненіе
замыслаемое имъ предпріятіе.

Голландецъ Янъ-Янсенъ Стрейсъ, видѣвшій Разина
нѣсколько разъ въ Астрахани, пишетъ о немъ, что онъ былъ
40 лѣтъ, высокій и дородный мужчина, крѣпкаго сложенія,
имѣлъ гордую поступь и лицо нѣсколько попорченное отъ
оспы. Всегда молчаливъ, строгъ къ подчиненнымъ; онъ умѣлъ
привязать ихъ къ себѣ и заставить безропотно ему повиновѣ-
ваться. Одевался точно также, какъ и прочие казаки и узнать
его можно было только по уваженію, какое показывали ему
мятежники. Всрѣчаясь съ нимъ, они кланялись ему до земли
и называли его неиначе, какъ батюшкою (363).

До появленія Разина на Дону было спокойно; но вдругъ
это общее спокойствіе было прервано восстаніемъ казаковъ,
подъ управлениемъ Степана Разина, для разбоевъ по Волгѣ.
Весною 1667 года, изъ верхнихъ и нижнихъ казачьихъ
городковъ, сходились партии казаковъ къ Паншинскому и
Качалинскому городкамъ, какъ въ мѣстамъ назначеннымъ
для ихъ собранія. Страхъ отъ этого вооруженія распростра-
нился въ окрестныхъ мѣстахъ, молва увеличивала число
казаковъ; полагали, что вся разбойническая шайка пойдетъ
на Царицынъ, возметъ силу суда и на нихъ двинится къ
Астрахани; но казаки пошли вверхъ рѣкою Иловлю, и по-
томъ, перетащивъ суда свои въ рѣчку Камышенку, выплыли
въ первыхъ числахъ мая на Волгу.

Объ этомъ замыслѣ казаковъ, россійскому двору предвари-
тельно было известно во всей подробности. Когда въ февра-

(363) Путешествіе по Россіи голландца Янъ-Янсена Стрейса, служившаго
на карабѣ Орѣ, построенному Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

хѣ мѣсяцѣ сего года одна небольшая партія казаковъ, разграбивъ царское судно съ рыбою и икрою, а другое купеческое съ разными товарами, похвалаилась прийти весною для грабежей въ большомъ собраніи, то по этому случаю предписано было войску Донскому, въ мартѣ мѣсяцѣ, выбрать атамана, есаула и послать ихъ съ лучшими казаками въ Паншинскій и Качалинскій городки, разогнать это скопище, съ тѣми же кои не послушаютъ увѣщаній поступить по воинскому праву (364). Но со стороны войска Донского, повидимому, не было принято никакихъ мѣръ къ удержанію Разина отъ замышляемаго имъ предприятия; это время онъ былъ столь силенъ и страшенъ для всего войска, что атаманъ Корнилій Яковлевъ съ старшинами не могли остановить его.

Причины его побѣга съ Дону. Какія дѣйствительно причины заставили бѣжать Степана Разина съ Дону на Волгу, неизвѣстно. Все, что можно только обѣ этомъ сказать, заключается въ томъ, что онъ въ войсکѣ имѣлъ уваженіе и былъ изъ числа лучшихъ того времени старшинъ. Въ 1661 году, когда присланный въ Черкасскъ отъ главнѣйшихъ калмыцкихъ тайшей Дайчина и сына его Мончака посолъ мурза Баатыръ Янгѣевъ, заключилъ съ казаками оборонительный и наступательный союзъ противу крымскихъ татаръ и азов-

(364) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1667 года, марта 22 дн.

„ Вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что на Дону въ Паншинѣ и въ Качалинскомъ городкахъ собираются на Волгу многіе воровскіе казаки, а чаѧть что будетъ ихъ съ 2000 челов., а хотятъ взять подъ Царицыномъ струги и лодки за боемъ и ити для воровства
и какъ къ вамъ ся наша Великаго Государа грамота придетъ, и выбъ послами отъ себя въ Паншинской и Качалинской городокъ, выбравъ изъ войска атамана и есаула и съ ними казаковъ добрыхъ сколько человѣкъ приложе и велѣли имъ заказъ учинить крѣпкой, чтобы они подъ Царицынъ и въ иные мѣста не ходили и задорожь никакихъ съ царицынскими стрѣльцами не чинили и струговъ неубийали и отъ всякаго дурия и воровства велѣли ихъ унять, а буде изъ тѣхъ казаковъ которые учинятся не послушны и выбъ тѣмъ за нихъ не послушанье велѣли учинить наказанье по нашему Великаго Государи указу по воинскому праву что чего доведется.“

цевъ, тогда, для подлинного удостовѣрѣнія и личныхъ переговоровъ съ тѣми тайшами, были посланы изъ войска казаки Федоръ Буданъ и Степанъ Разинъ; съ того времени до 1667 года о немъ въ современныхъ актахъ не упоминается. Голландецъ Стрейсъ полагаетъ слѣдующую причину его побѣга: „Во время войны Россіи съ Польшею предводительствовалъ царскими войсками полковой воевода князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, братъ Степана Разина привелъ ему на службу казаковъ. По наступленіи осени, когда войско готовилось разойтись, казаки требовали, чрезъ своего начальника, чтобы ихъ отпустили на Донъ, и получивъ отказъ, ушли самовольно.—Князь Долгорукій, негодуя на такое неповиновеніе, велѣлъ схватить предводительствовавшаго ими Разина и приказалъ его повѣсить.—Поступокъ этотъ послужилъ будто бы предлогомъ къ бунту (365).

Разбои Разина по Волгѣ. Появление Разина на Волгѣ сопровождалось грабежами и убийствами. Всѣ суда, какія только плыли внизъ Волгою съ разными товарами, онъ остановилъ, въ числѣ коихъ и судно, принадлежавшее Святѣйшему патріарху Іосифу; дворянъ находящихся на этомъ послѣднемъ суднѣ Алексѣя Золотарева и прочихъ велѣлъ повѣсить на мачтѣ, а съ ними прикащица гостя Василия Шорина Федора Черемиченова; потомъ всему этому каравану съ находящимися на ономъ людьми приказалъ слѣдовать за собою внизъ по Волгѣ. Остановясь на Сарпинскомъ острову, Разинъ раздѣлилъ добычу между вѣрными своими сподвижниками. Комендантъ царицынскій Унковскій, въ виду коего производимы были разбои Разинъ, несмѣть остановить буйную толпу его отъ грабительствъ и былъ весьма доволенъ, когда неистовое это скопище на другой день отправилось Волгою къ Астрахани; при этомъ слѣдованиіи своею Разинъ устроилъ такъ, что ни одно судно, плывшее

вверхъ или внизъ Волгою, немогло скрыться отъ него, и тѣмъ подать вѣсть о его поступкахъ на Волгѣ. Между Чернымъ Яромъ и Астраханью встрѣтился онъ съ воеводою Беклеми-шевымъ, разбилъ его, забралъ все его имущество и самаго повѣсилъ на мачтѣ.—Послѣ этого поплылъ онъ внизъ Волгою и рукавомъ Бузаномъ, мимо Краснаго Яра, вступилъ въ Каспійское море и потомъ направилъ путь свой къ устью Урала. Астраханскій воевода князь Хилковъ послалъ вслѣдъ за Разиномъ на судахъ изъ Астрахани нѣсколько стрѣлецкихъ полковъ, подъ предводительствомъ воеводы Безобразова, который нагналъ его близъ Яицкаго городка и желая склонить къ обратному возвращенію на Донъ, послалъ къ нему для увѣщанія стрѣлецкихъ головъ Янова и Нелюбова. Разинъ, не вступая съ ними въ переговоры, приказалъ ихъ повѣсить. Послѣ такового злодѣянія, Разинъ напалъ на стрѣльцовъ и въ кровопролитномъ сраженіи истребилъ ихъ совершенно, завладѣлъ лагеремъ, пушками, воинскими и продовольственными припасами; взятые же въ пленъ присоединены къ его скопищу. За тѣмъ ему нестоило большихъ усилий овладѣть Яицкимъ городкомъ, защищаемымъ достаточнымъ гарнизономъ, всѣхъ противившихся ему умерщвляя и оставляя живыхъ только тѣхъ, кои присоединились къ его скопищу. Успѣвшіе спастись бѣгствомъ отъ пораженія, одни перехватываемы были на пути калмыками и татарами и отводимы въ неволю, другіе должны были умирать въ безплодныхъ степяхъ голодною смертію. Такимъ образомъ весь посланный противу Разина отрядъ истребленъ совершенно, яицкій городокъ взять и разграбленъ, изъ коего одинъ только стрѣлецій голова по имени Богданъ Сѣверовъ успѣлъ уйти въ Астрахань на стругѣ съ нѣсколькими стрѣльцами и принести эту печальнную вѣсть тамошнему воеводѣ (366).

(366) Сказание яѣтолисное о градѣ Астраханї и списокъ съ приговора читанного предъ казнью Степана Разина въ Москвѣ.

Столь быстрые успехи Разина привели въ опасеніе весь южный край Россіи; въ огражденіе отъ злодѣяній и на совершенное уничтоженіе бродящей шайки Разина Россійскій дворъ послалъ знатное число войскъ въ Астрахань, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго, съ назначеніемъ его военнымъ губернаторомъ Астрахани и всего южнаго края; въ тоже время приписано терскому воеводѣ и калмыцкимъ тайшамъ стараться всѣми средствами истреблять бунтовщикъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дано знать персидскому шаху о принятіи осторожности отъ Разина, на случай если бы онъ позулся сдѣлать нападеніе на персидскія провинціи. Войску же Донскому, которое непоказывало успѣховъ въ удержаніи Разина отъ разбоевъ и неупотребляло рѣшительныхъ мѣръ къ прегражденію казакамъ пути къ побѣгу съ Дону, вновь подтверждено, поступать съ таковыми великою войсковою грозою по ихъ праву „доселѣ,—писалъ Государь къ казакамъ въ грамотѣ своей,—вы служили мнѣ и всему Россійскому Государству вѣрно и радѣтельно, многочисленные непріятели, окружавшіе васъ, страшились силы вашей; нынѣ, къ великому удивленію всей Россіи, небреженіе ваше къ спокойствію государства оказывается во всемъ своемъ видѣ; неужели вы немыслите, что таковое послабленіе къ пролитію невинной крови, не можетъ со временемъ обратиться на самыхъ васъ, я безпрерывно получаю донесенія отъ воеводъ о умноженіи разбойническихъ партій на Волгѣ, и вы взираете на все сіе равнодушно, и нетолько не стараетесь истреблять сіи скопища, но не пишите даже ни очемъ въ Москву и не уведомляете воеводъ о произшествіяхъ на Дону; вы забыли и нестрашитесь уже ни суда Божія, вы вручены мнѣ Богомъ и учинясь толико преслушны воли моей, гдѣ найдете себѣ прибѣжище, на кого полагаете надежду свою и кто вамъ будетъ обороною. Разсудите здраво о вашихъ поступкахъ въ настоящее время; пошлите рать свою на истребленіе возмутителей, или богоизгнанныхъ людей для увѣщанія заблудшихъ своихъ собратій къ возвращенію на День, покажите свою службу и предъ всѣмъ

Государствомъ и тѣмъ содѣлайте себя причастными премѣнѣи милости моей къ вамъ.” (367).

Разбой его по Каспійскому морю. Переименовавъ въ Яицкомъ городкѣ и укрѣшивъ онъ Степанъ Разинъ повеснѣ 1668 года со всѣмъ своимъ войскомъ отправился на судахъ къ устью Волги, взявъ съ собою пушки, военные и продовольственные припасы; тутъ разорилъ онъ всѣ учуги рыбныхъ промышленниковъ, ограбивъ и истребивъ огнемъ татарскіе юрты, расположенные около Астрахани, и потомъ направилъ путь свой къ Теркамъ; разоривъ окрестности этого городка, поплылъ далѣе моремъ къ персидскимъ провинціямъ, захватывая на пути суда съ товарами россійскихъ и персидскихъ купцовъ.

Междуда тѣмъ Донской казакъ Сергій Кривой, прельстясь успѣхами Разина, собравъ на Дону значительную партію казаковъ, поплылъ въ низъ Волгою къ Астрахани, производя на пути грабительства и убийства; Астраханскій воевода князь Хилковъ послалъ противу ихъ четыре роты стрѣльцовъ въ намѣреніи непропустить ихъ въ море. Казаки видя, что имъ преградили путь, заняли выгодное мѣстоположеніе въ протокѣ Карабузани и равнодушно ожидали приближеніе стрѣльцовъ; но лишь только они показались, казаки напали на нихъ, недавъ имъ построиться, многихъ побили, остальныхъ же сдались плѣнными и присоединились къ ихъ шайкѣ, всѣ суда, пушки, военные и прочіе припасы достались въ руки казаковъ, и съ этою добычею Сергій Кривой явился въ Персію къ своему предводителю Степану Разину. Шайка его еще болѣе увеличилась, когда стрѣльцы, посланные для занятія Яицкаго городка, по наущенію Разина, убивъ начальника своего Богдана Сакмышева, присоединились къ нему (368).

О походѣ Разина въ Персію Царь Алексій Михайловичъ извѣстилъ персидскаго шаха Аббаса чрезъ особое посольство,

(367). Дѣла Донскія. грамота войску донскому 1667 года безъ означенія мѣсяца и числа.

(368). Сказание языческое о градѣ Астрахани.

отправленное съ Томасомъ Брейномъ. Шахъ дѣйствительно велѣлъ во всѣхъ приморскихъ городахъ имѣть сильную предосторожность противу казачьихъ набѣговъ. Разинъ первоначально приступилъ къ городу Низабату, потомъ ограбилъ Баку, Шабранъ, Рищу, Ферабатъ Астрабатъ и многіе другіе города, истребляя на пути села, деревни и дѣла пощаду тѣмъ только, кои соглашались присоединиться къ его шайкѣ. Въ Рищѣ, какъ богатѣйшемъ городѣ гилянской провинціи, Степанъ Разинъ жилъ очень долго и вывезъ оттуда несмѣтное богатство. При появленіи его несчастные жители оставляли дома и скрывались въ горахъ; но Разинъ увѣрялъ ихъ, что онъ идетъ безъ всякаго злого намѣренія и что остановится у нихъ только для закупки нѣкоторыхъ вещей. Когда, положась на его обѣщаніе, они возвратились, вдругъ Разинъ подалъ знать къ грабительству, тогдѣ необузданная толпа его, бросилась на беззащитныхъ гражданъ, предала ихъ смерти, обогащаясь имуществомъ. Въ Баку Разинъ претерпѣлъ пораженіе отъ Персіянъ, которые нечаянно напали на него въ то время, когда казаки, напившись вина, предались сну; за эту беспечность Разинъ заплатилъ жизнью многихъ изъ своей шайки, и самъ едва могъ съ остальными казаками спастися бѣгствомъ (369).

Грабительства и варварское обращеніе казаковъ съ жителями распространили страхъ въ приморскихъ провинціяхъ Персіи, всѣ спѣшили вооружиться противу нихъ и прогнать изъ Персіи. Движимый таковыми чувствами опальный сановникъ персидскій Магмедъ Халбекъ, желая заслужить прежнюю къ себѣ милость шаха, собралъ Персіянъ, посадилъ ихъ на суда и поплылъ къ острову Сары, на коемъ находился Степанъ Разинъ съ своими казаками; эти столь храбро принали Персіянъ что по кратковременному сраженію смѣшили суда ихъ и обратили въ бѣгство, причемъ многие изъ Персіянъ лишились жизни, другіе взяты въ пленъ, въ

(369.) Путешествіе Стрейса (вышеупомянутое.)

числѣ коихъ и сынъ ихъ предводителя, который послѣ въ Астрахани былъ умерщвленъ Разинымъ (370).

Отъ частыхъ сраженій, которыхъ долженъ былъ выдерживать Разинъ, число казаковъ значительно уменьшилось. Это обстоятельство заставило его притворно смириться предъ шахомъ и послать къ нему казаковъ съ испрошеніемъ дозволенія поселиться имъ на рѣкѣ Курѣ, обѣщаясь служить ему вѣрно со всѣми при немъ находящимися казаками. Шахъ, почитая это посольство недостойнымъ себя, приказалъ оковать оное и содержать подъ крѣпкою стражею; одинъ же изъ этихъ казаковъ, по повелѣнію его, затравленъ собаками въ присутствіи подьячаго Наума Колесникова, который въ то время находился въ Испаганѣ и исправлялъ посольскія дѣла, по смерти посланника Томаса Брейна (371).

(370) Дѣла Персидскія, изъ книги № 15, листъ 94, письмо, персидскаго посланника Юсупа Ханбека, поданное имъ въ посольскій приказъ.

„ Еще бывъ человѣмъ и объявляю, что шахова величества былъ сотникъ въ опалѣ и изъ чину своего отставленъ имиениемъ Магмедита Ханбека собравъ къ себѣ полкъ, хотѣли шахову величеству послужить и вину свою покрыть, ходилъ на того вора Стеньку, и онъ, Стенька, послышавъ съ казыбашскія стороны, побѣжалъ на русскую сторону и поверотясь съ той стороны, пришелъ на шахаву же сторону на островъ Сари, тутъ выѣстился, и тотъ ональный сотникъ собрався, ходилъ на него стругами, съ боемъ и хотѣль ихъ побить и перенять, и Богъ ему не помогъ, грѣхомъ на стругу запалился порохъ и Стенька ихъ избралъ и разогнавъ и сына его сотниковъ взялъ, привезъ въ Астрахань и до астраханскаго взятъя, тотъ сотниковъ сынъ былъ въ Астраханѣ, а какъ Стенька воръ Астрахань взялъ и его убилъ.“

(371) Тамъ же № 3-й, распросные рѣчи подьячаго Наума Колесникова, бывшаго въ Персіи при посланнике Томасѣ Бренѣ, умершемъ въ Испаганѣ.

„ Послали по него ближній человѣкъ Ихтомо Дивлетъ, чтобы онъ къ нему былъ для государственного дѣла, и онъ де Наумъ къ нему ѿздили, и какъ у него былъ, и въ то де время при немъ, Наумъ, привели къ нему Ихтомо Дивлетю на дворъ 18 человѣкъ казаковъ перекованныхъ. И Ихтомо Дивлетъ расправишася тѣхъ казаковъ принемъ Наумъ порознь, для чего они въ государствѣ шахова величества и казаки де ему сказали, что царскому величеству измѣнили и городъ Янѣкъ взяли и ратныхъ людей многихъ побили и шахова величества въ государства войною ходили собою и распрося де тѣхъ казаковъ послать ихъ Ихтома Дивлетъ въ тюрьму. Да въ тѣхъ же де казакѣ

Степанъ, не видѣвъ возвращенія пословъ своихъ, побѣжалъ къ городу Теркамъ, откуда поплылъ къ Астрахани и остановился на островахъ „Четыре Бугра.“

Разинъ приноситъ Царю повинную. Воевода астраханскій князь Прозоровскій, узнавъ о приходѣ Разина, немедленно послалъ противъ него на 37 стругахъ 400 стрѣльцовъ, подъ предводительствомъ князя Львова. Разинъ, въ то время, претерпѣвалъ большой недостатокъ въ продовольственныхъ припасахъ; казаки, которыхъ было въ то время не болѣе 600 человѣкъ, перехвативъ караванъ съ лошадьми, посланными персидскимъ шахомъ въ даръ Русскому царю, питались ихъ мясомъ. Разинъ смирился, видя неравенство силъ и совершенный недостатокъ въ продовольствіи: послалъ къ князю Львову двухъ казаковъ просить отъ имени его и всѣхъ казаковъ прощенія въ убийственныхъ поступкахъ, обѣщаюсь служить Государю вѣрно и возвратиться на Донъ; посланные дали присягу за всѣхъ своихъ товарищѣй въ вѣрномъ выполненіи своихъ обѣщаній. Разинъ требовалъ, чтобы при вступленіи его въ Астрахань, князь Прозоровскій встрѣтилъ его какъ знатнаго сановника, но въ томъ ему было отказано; послѣ этого онъ со всею шайкою своею прибылъ къ Астрахани и остановился на острову, на полчаса южы отъ города. Отсюда послалъ онъ въ Москву семь человѣкъ казаковъ съ повинною къ Государю (372).

6 человѣкъ присланы были отъ вора Стенька къ шахову величеству въ послѣднѣхъ, съ тѣмъ, чтобы шахова величества велѣль ему жить въ своемъ государствѣ на рекѣ Курѣ и онъ учнетъ его шахову величеству служить. И тѣмъ же казакамъ отказано и перебояны они съ тѣми же казаками, и на завтра же того дни одного казака изъ нихъ выбравъ при немъ, Наумѣ, затравили собаками.“

(372) Списокъ съ приговора, читанаго предъ казнью Степана Разина.

„А въ 177 году по посыпѣ изъ Астраханіи боярина и воеводы князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, стольника и воевода князь Семенъ Львовъ и съ нимъ Великаго Государя ратные люди назморье васъ сошли и обстушили и хотѣли побить и ты воръ, Стенька, съ товарищи, видя надъ собою промыслъ Великаго Государя ратныхъ людей, присдалъ къ нему князь Семену двухъ человѣкъ выборныхъ казаковъ и тѣ казаки били челомъ Великому Госу-

Голландецъ Стрейсъ, какъ очевидный свидѣтель, описываетъ пребываніе Степана Разина въ Астрахани такимъ образомъ: „казаки, остановясь на острову близь Астрахани, ежедневно приходили въ городъ одѣтые въ кафтаны бархатные, шелковые или изъ золотой парчи и продавали на рынкахъ за треть цѣны шелкъ, золотыя вещи и разные драгоцѣнности, награбленныя ими во время поисковъ. Нѣкоторые носили на шапкахъ жемчугъ и драгоцѣнныя каменъя. Однажды капитанъ Бутлеръ приказалъ намъ приготовить шлюбку, чтобы Ѳхать навѣстить Степана Разина. Онъ взялъ съ собою два штофа водки, для поднесенія одного предводителю казаковъ, а другаго главному его совѣтнику, котораго Русские называли Чертовымъ Усомъ. Когда мы подошли къ его шатру, онъ велѣлъ спросить насъ, что мы за люди? мы отвѣчали: „нѣмцы изъ Голландской земли, находимся въ службѣ Его Царскаго Величества на кораблѣ Орлѣ, и пришли поклониться ему двумя штофами водки.“ Степанъ сидѣлъ въ шатрѣ своемъ съ Чертовымъ Усомъ и еще нѣсколькими казаками. Онъ принялъ милостиво нашъ подарокъ и посадивъ насъ, пилъ за здоровье Его Величества. Мы ему отблагодарили тѣмъ же, и какъ онъ не вступалъ въ дальнѣйшіе разговоры, то и мы откланялись. Онъ велѣлъ однакожъ сказать намъ, что будетъ намъ радъ во всякое время. Въ другой разъ мы выдѣли его на шлюбку раскрашеной и отчасти покрытой позолотою, пирующаго съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ. Подлѣ него была дочь одного персидскаго хана, которую онъ съ братомъ похитилъ изъ родительскаго дома во время своихъ набѣговъ на Кавказъ. Распаленный

дарю ото всего войска, чѣмъ Великій Государь пожаловалъ велѣль тѣ ваши вины отдать, а вы за тѣ свои вины обѣщались ему Великому Государю служить безъ всякихъ измѣнъ, и между Великимъ Государемъ и шаховымъ величествомъ ссоры и заводовъ воровскихъ никакихъ никогда нечинить и впредъ для воровства на Волгу и на море неходить и тѣ казаки на томъ на всемъ за все войско крестъ цѣловали. А къ Великому Государю къ Москвѣ прислали о томъ бить челомъ Великому Государю казаковъ Лазарку и Мишку съ товарищи семь человѣкъ, знатно обманомъ.“

виномъ, онъ сѣлъ на край шлюпки, и задумчиво поглядывалъ на рѣку, вдругъ вскрикнулъ: „о Волга славная! ты доставила мнѣ золото, серебро и разныя драгоценности, ты меня взлѣбъяла и вскоришила, ты начало моего счастья и славы, а я неблагодарный ни чѣмъ еще не воздалъ тебѣ; прими же теперь достойную тебѣ жертву!“ Съ этимъ словомъ схватилъ онъ несчастную персіанку и бросилъ ее въ волны. Впрочемъ Степанъ приходилъ въ подобное изступленіе только послѣ пировъ, когда вино затемняло въ немъ разсудокъ и воспламеняло страсти (373).

Добровольное смиреніе Разина предъ Государемъ было неискреннее,—находясь въ Астрахани онъ замышлялъ уже о новыхъ предпріятіяхъ, преклоняя стрѣльцовъ на свою сторону обѣщаніями и золотомъ, что производилъ онъ явно, ходя по улицамъ, и бросая народу золотые деньги. Это обстоятельство имѣло столь сильное вліяніе на умы астраханскихъ стрѣльцовъ, что нѣкоторые изъ нихъ въ то же время предались Разину и перешли въ его станъ. Астраханскій воевода князь Прозоровскій, желая освободиться отъ Разина и отъ дальнѣйшихъ послѣдствій, употреблялъ всѣ средства склонить его къ скорѣйшему отправленію на Донъ, и для того послалъ къ нему въ станъ капитана Видirosа требовать перебѣжавшихъ стрѣльцовъ, угрожая его, къ противномъ случаѣ, царскимъ гнѣвомъ. Разинъ, приведенный въ запальчивость таковыми предложеніемъ, отвѣчалъ капитану: „какъ смѣешь ты входить ко мнѣ съ такимъ недостойнымъ прошеніемъ, чтобы я товарищѣ моихъ, пришедшихъ подъ мое покровительство, добровольно могъ выдать и меня грозить царскимъ гнѣвомъ; скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро приду къ нему, и тогда онъ увидитъ, можетъ ли онъ повелѣвать мною.“ При этомъ случаѣ капитанъ Види-

(373) Путешествіе Голландца Янъ Янсена Стрейса, напечатанное въ журнале „Сѣверный Архивъ“ 1824 года № 5.

росъ едва не былъ изрубленъ отъ казаковъ саблями (374).

Возвращеніе Разина на Донъ. Въ исходѣ сентября мѣсяца 1669 года, Разинъ со всею шайкою потянулся рѣкою Волгою до Царицына, производя на пути грабительства, какъ и прежде. Царицынскій воевода, хотѣвши обуздатъ ихъ, былъ Разинымъ обезчестенъ и публично прибитъ до полусмерти; подчиненные же его грабили несчастныхъ жителей и производили различныя неистовства (375).

Отсюда Разинъ пришелъ на Донъ и остановился въ Кагальницкомъ городкѣ, укрѣпленномъ природою. Тутъ онъ остановилъ всѣ суда русскихъ промышленниковъ, плывшія въ Черкасскъ съ продовольственными припасами и другими товарами, для произведенія торговли и не дозволяль проходить въ Черкасскъ изъ верховыхъ городковъ казакамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что если бы, какъ онъ говорилъ произведено было на Черкасскъ со стороны азовцевъ или татаръ нападеніе, тогда онъ самъ со всѣмъ своимъ войскомъ пойдетъ для отраженія.

Всю зиму въ Кагальницкомъ городкѣ провелъ онъ спокойно, не имѣя впрочемъ никакого сношенія съ Черкасскомъ; только одинъ разъ послалъ онъ тайно казаковъ своихъ,

(374) Путешествіе Стрейса, рубопись хранящаяся въ библіотекѣ Графа Толстого.

„Въ Астрахани чрезъ улицу ходи, (Стенько) золотыхъ бросадъ, тѣмъ же онъ многихъ государевыхъ служилыхъ людей къ себѣ привлекъ; воевода болырнн визирь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій о томъ вѣдѣ, капитана Видеровса къ Стеньку посыпалъ и ему сказать нечѣль, что бѣ онъ государевыхъ людей тѣтъ часть отдалъ, и то отрицаючи снова быть въ государевой опалѣ и гнѣвѣ. Капитанъ повелѣніе сіе управляя, неимного что саблями начисто не срубили. Стенько ему такой отвѣтъ далъ, какъ ты мнѣ смѣешьъ такое недостойное прошеніе предложить, чтобы изъ приятелей моихъ, которые добровольно со мною ходить, измѣниль и сверхъ того грозитъ мнѣ государевою немилостию, скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро къ нему приду, и тогда увидимъ, кто мнѣ укажеть, онъ мнѣ яко холопу своему повелѣваетъ.“

(375). Дѣла Донскія; списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Разина.

чтобы увесь изъ онаго жену свою. На войсковыхъ атамановъ: Корнила Яковлева, Михайлу Самаринина и на нѣкоторыхъ старшинъ имѣль онъ сильную злобу за то, что они удерживали его отъ разбоевъ и преграждали пути своеувольнѣмъ казакамъ къ уходу къ нему на Волгу и на Каспійское море (376).

Проведя такимъ образомъ въ бездѣйствїи всю зиму, Разинъ отправился въ апрѣль мѣсяцѣ 1670 года съ сильною партіею своихъ приверженцевъ въ Черкасскъ и прибыль въ оный въ то самое время, когда войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ отправлялъ въ Москву съ отпискою жильца Герасима Евдокимова, присланнаго не задолго предъ этимъ съ государевою грамотою къ войску Донскому. — Разинъ, войдя съ своими приверженцами въ кругъ, спрашивалъ казаковъ, куда они выбираютъ станицу и по какому случаю. Ему отвѣчали, что станица выбирается для препровожденія въ Москву съ войсковою отпискою, жильца Евдокимова. Разинъ потребовалъ предъ себя Евдокимова и спросилъ его, отъ кого ты присланъ на Донъ—отъ великаго государя, или отъ бояръ? Евдокимовъ отвѣчалъ ему, что онъ присланъ отъ Государя съ милостивою грамотою къ войску Донскому. Разинъ, не говоря съ нимъ болѣе ничего, началъ его бранить и бить, называя лазутчикомъ, и полуживаго посадилъ въ воду. Корнило Яковлевъ, который хотѣль было отвратить это смертоубийство, едва не лишился жизни; Разинъ въ пылу гнѣва сказалъ ему при семъ случаѣ: „ты управляй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ“ (377).

Однадцатидневное нахожденіе Разина въ Черкасскѣ сопровождалось убийствами и разнаго рода неистовствами: онъ выгналъ изъ Черкаска всѣхъ священниковъ, богохульство-

(376) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Аверкіева съ товарищами, декабря 14 дня 1669 года.

(377) Тамъ же, распросныя рѣчи Валуйскаго станичнаго головы, Карла Бугускова, провожавшаго жильца Герасима Овдокимова, посыпаннаго на День съ государевымъ жалованьемъ Іюня 9 дня 1670 года.

валъ, приказалъ на Дону не строить церквей и велѣль вѣнчаться около вербы, запретилъ строить вновь сгорѣвшую церковь, умертвилъ многихъ старшинъ и тѣла ихъ побросалъ въ Донъ, ограбилъ дома убитыхъ и другихъ старшинъ, которые хотѣли было остановить его неистовства, прибилъ и ограбилъ воеводу Ивана Хвостова, находившагося въ Черкасскѣ съ войскомъ, отчего онъ вскорѣ умеръ, и наконецъ, преклонивъ на свою сторону многихъ казаковъ подарками и угрозами, вышелъ изъ Черкаска въ Кагальницкій городокъ (378).

Разинъ вновь свирѣпствуетъ на Волгѣ. Въ началѣ апрѣля мѣсяца 1670 года, Разинъ выступилъ съ своими единомышленниками изъ Кагальницкаго городка и пошелъ прямо къ Царицыну. Взятіе этой крѣпости Разинъ считалъ для себя весьма важнымъ: во первыхъ потому, что могъ онъ имѣть свободное сообщеніе съ Дономъ, откуда во всякое время могли безпрепятственно подходить къ нему прельщенныи его успѣхами казаки; во вторыхъ—овладѣть судами, порохомъ, продовольственными припасами и деньгами; и въ третьихъ—принудить силою или ласками стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ этихъ крѣпостей, присоединиться къ его шайкѣ. Въ этомъ намѣреніи послалъ онъ напередь

(378) Тамъ же, списокъ съ приговора, читанного предъ казнью Разина.

А въ 178 году ты же воръ Стенька Разинъ съ товарищи, забывъ страхъ Божій, отступи отъ святыхъ соборныхъ и Апостольскія церкви, будучи на Дону говорилъ про Спасителя нашего Іисуса Христа вслакія хульныя слова и на Дону церквей Божіихъ ставить и никакого пѣнія не велѣль, и священниковъ съ Дону сбить и велѣль вѣнчаться около вербы. Да ты же воръ абыль Великаго Государа милостивую пощаду, какъ тебѣ и товарищемъ твоимъ вмѣсто смерти животъ данъ, измѣнилъ ему Великому Государю и всему московскому государству, пошелъ на Волгу для своего воровства и старыхъ Донскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ людей, переграбилъ и многихъ побилъ до смерти и въ воду посажаль, да и жильца Герасима Овдоимова, который посланъ былъ на Донъ съ Его Великаго Государя милостивомъ грамотою къ атаману къ Корнею Яковлеву и къ казакамъ, убиль же и въ воду посадилъ, да и воеводу, который былъ на Дону, Ивана Хвостова били и изувѣчили и ограбили и отъ тѣхъ побой онъ умеръ.“

подъ Царицынъ находящихся при немъ стрѣльцовъ, кото-
рые, подъ предлогомъ вспомогательного войска, были вшуще-
ны воеводою въ городъ, но съ наступлениемъ ночи эти самые
стрѣльцы отворили городскія ворота и впустили Разина съ
его единомышленниками въ крѣпость. Воевода, обманутый та-
кимъ образомъ, храбро защищался съ вѣрными стрѣльцами,
но чрезъ измѣну большой части гарнизона, былъ опрокинутъ
многолюдствомъ бунтовщикъ, которые до такой степени
были озлоблены, что не только порубили всѣхъ вѣрныхъ Го-
сударю стрѣльцовъ, но безжалостно умерщвляли гражданъ,
кои не захотѣли пристать къ возмутителямъ. Воеводу Турге-
нева убили и тѣло его бросили въ Волгу; стоявшія на Вол-
гѣ суда съ казеннымъ провіантомъ и съ разными купечески-
ми товарами разграбили. Въ это время Разинъ получиль
свѣдѣніе, что для вспомоществованія Царицыну идутъ стрѣльцы
съ головою Лопатинымъ, выступилъ противу нихъ и разбилъ
совершенно; Лопатинъ съ прочими чинами, послѣ многораз-
личныхъ истязаній, былъ брошенъ въ Волгу; тѣ же, кои оста-
лись въ живыхъ, присоединены къ его скопищу (379).

Астраханскій воевода князь Прозоровскій, извѣщеній о
походѣ Разина къ Царицыну, выслалъ для защиты онаго изъ
Астрахани 400 человѣкъ стрѣльцовъ и 400—татарской кон-
ницы, подъ начальствомъ Леонтия Плахова, чо онъ прибыль

(379) Тамъ же.

„Ты же воръ Стенька пришель подъ Царицынъ, говорилъ царицынскіи
жителямъ и вмѣстѣ воровскую лесть и будто ихъ царицынскихъ жителей
ратные люди по Государеву указу посланы были на Царицынъ имъ же на обо-
рону и царицынскіе жители по твоей прелести своровали и городъ тебѣ сдали
и ты воръ воеводу Тимоѳею Тургеневу и царицынскихъ жителей, которые къ
твоему воровству не пристали побивъ и посажавъ въ воду и ходахъ противу
ратныхъ людей, которые шли на службу Великаго Государа на Царицынъ съ
головою стрѣлецкимъ съ Иваномъ Лопатинымъ и съ полу головою съ Федо-
ромъ Якишнимъ и съ ними бился и обманомъ ихъ побилъ и голову стрѣлец-
кого Ивана Лопатина и сотниковъ и десятниковъ мучъ разными муками,
посажалъ въ воду; и съ посадовъ Великаго Государа хлѣбные запасы и промы-
ленныхъ людей всякие товары поималъ.“

подъ Царицынъ въ то время, когда Разинъ овладѣлъ уже городомъ и производилъ тамъ неистовства, и потому Плаховъ принужденъ былъ съ поспѣшнотю возвратиться къ Черному Яру, уведомивъ въ тоже время князя Прозоровскаго, какъ о взятіи Царицына, такъ и о намѣреніи Разина идти къ Черному Яру; по этому случаю былъ составленъ въ домѣ астраханскаго митрополита Иосифа совѣтъ, на коемъ опредѣлено послать съ возможною поспѣшнотю къ Черному Яру войска подъ начальствомъ князя Львова. 2000 стрѣльцовъ, дѣйствительно, 25 мая выступили изъ Астрахани, управляемые российскими и нѣмецкими полковниками и ротмистрами, на 40 судахъ, имѣя на каждомъ суднѣ по одной пушкѣ и потребное число продовольственныхъ запасовъ. Войско это прибыло къ Черному Яру въ то время, когда Разинъ свирѣпствовалъ въ опомъ: умертвилъ воеводу Ивана Сергиевскаго, головъ, стрѣльцовъ, и грабилъ имущества несчастныхъ жителей. Стрѣльцы, пришедши къ Астрахани съ княземъ Львовымъ, прельщенны успѣхами и лестными обѣщаніями Разина, перешли всѣ на его сторону, умертвивъ своихъ начальниковъ, кроме князя Львова, котораго предали въ руки Разина живаго. (380).

(380). См. сказаніе лѣтописное о градѣ Астрахани. Путешествіе Стрѣса.
„Марта мѣсяца вѣсті пришли, что казаки опять возволновалися. Апрѣля мѣсяца въ 10 день по приказу воеводскому посланъ Леонтий Плаховъ къ Царицыну городу и съ нимъ 400 русскихъ рейтаръ и 400 ногайскихъ татаръ. Апрѣля мѣсяца въ 28 день вѣсті пришли отъ Леонтия Плахова, чрезъ языки казаки, что бунтовщики казаки городъ Царицынъ взяли и въ томъ мѣстѣ 1,200 московскихъ стрѣльцовъ убили и въ Волгу бросили, и иные вѣсті пришли, что стенные татары между собою войну имѣютъ; по тѣмъ вѣстямъ имѣнованный Леонтий къ городу Черному Яру поверотился, и того же времени изъ Астрахани всѣ суда уготавливается чтобы скоро Леонтию помочь учинить; изъ Астрахани посланъ былъ полкъ стрѣльцовъ, полковникомъ былъ Иванъ Русинскій полуполковникомъ Яковъ Виндрангъ и иные начальники иноземцы капитанъ Павелъ Рудольфъ съ пасынкомъ своимъ Людовикомъ Фабрициусомъ, капитанъ Робертъ Беннь, капитанъ Николай Шакъ, тѣ капитаны мѣсяца маія въ 25 день изъ Астрахани со княземъ Семеномъ Ивановичемъ Львовымъ въ 40 стругахъ пошли и на всякомъ суднѣ мѣдныя пушки и воинскіе запасы и 2,600 человѣкомъ.

Эта печальная вѣсть, привезенная въ Астрахань сотникомъ Тарлыкинымъ, имѣла сильное вліяніе на умы стрѣльцовъ, со ставлявшихъ гарнизонъ крѣпости; приближенные Разина, разглашавши о его подвигахъ, хвалили его дружеское обращеніе съ подчиненными, щедрость, и ставили его въ противуположность съ строгостю воеводы астраханского и надмѣнностию подвластныхъ ему бояръ. Неудовольствие противъ князя Прозоровскаго, раздуваемое наушниками, часъ—отъ часу болѣе возрастало: мятежническая восклицанія ежеминутно ждали новаго бунта внутри города; наконецъ стрѣльцы, приступивъ къ дому, требовали отъ него заслуженного ими жалованья. Князь Прозоровскій, неимѣя въ то время суммы потребной на удовлетвореніе ихъ, позаимствовалъ у митрополита Іосифа изъ монастырскихъ доходовъ 2,600 руб., и всѣ онны раздались возмутителямъ; но этимъ средствомъ не могъ привлечь ихъ къ вѣрному выполнению обязанностей.

Положеніе Астрахани день ото дня становилось опаснѣе. Движеніе Разина со всѣмъ его скопищемъ къ этому городу, еще болѣе волновало умы гарнизона астраханскаго, тайно преданного ему. Но невзирая на всѣ эти опасности, князь Прозоровскій не терялъ присутствія духа и дѣятельно занимался пріуготовленіемъ къ отраженію непріятелей, и въ тоже время о положеніи своемъ донесъ Государю съ посланнымъ въ Москву сотникомъ Тарлыкинымъ, который, къ несчастію, во время проѣзда чрезъ Терекъ на Донъ, утонулъ въ первой изъ этихъ рѣкъ (381).

„Іюня мѣсяца въ 4 день дворянинъ съ Чернаго Яру пришелъ и возвѣстилъ, что въ той же день какъ князь Семенъ съ своимъ войскомъ къ Чёрному Яру пришелъ, казаковъ много объявилось и его войско зачало бунтовать и къ казачкой сторонѣ здатися и всѣхъ начальниковъ своихъ побили.“

(381).См. лѣтоисное сказаніе о градѣ Астрахани.

„Того же году іюня въ 5-й день приѣжалъ въ Астрахань конными съ Чернаго Яру астраханскій сотникъ Данила Тарлыковъ съ черноярскими стрѣльцами и возвѣстили боярину, что астраханские стрѣльцы и всякие конные служивые на Чёрномъ Яру измѣнили предалися къ вору Стенькѣ и головъ стрѣлецкихъ и сотниковъ и всякихъ чиновъ людей, кон-

Разинъ въ Астрахани. Воевода астраханскій, не надѣясь болѣе на стрѣльцовъ, поручилъ всю артиллерию въ распоряженіе голландцевъ, которые служили на кораблѣ Орлѣ, персіанъ и черкасъ, на капитана корабля Орла Бутлера возложено было, сверхъ того, приведеніе въ надлежащую исправность всей артиллериіи, разставленной по стѣнамъ, а англичанину полковнику Билли исправленіе крѣпостныхъ валовъ. Персидскій посланикъ, который за нѣсколько дней до сего прибылъ изъ Персіи въ Астрахань, имѣлъ въ своемъ распоряженіи особую часть городской стѣны, а братъ астраханскаго воеводы князь Михаилъ Прозоровскій поставленъ былъ съ вѣрными стрѣльцами у Вознесенскихъ воротъ. Прочіе стрѣльцы и граждане равнымъ образомъ разставлены были

не предались, побили, токмо жива оставили князя Семена Ивановича Львова и того покинули на Черномъ Яру, а сами хотѣть итти на Астрахань. Бояринъ же и воевода князь Иоаннъ Семеновичъ Прозоровскій приходитъ къ преосвященному Иосифу митрополиту, что бы послать въ Москву къ государю царю и великому князю Алексію Михайловичу всія Росія съ отписками на скоро чрезъ Терекъ, того ради что въ то время на степи у черныхъ калмыковъ съ волжскими калмыками и у Едансанскихъ мурзъ Большаго и Малаго Ногаю съ Енбукаками междусобѣ велико и сѣча была, и степью никонми дѣмы проѣхать немочно, и посылаютъ съ отписками въ Москву сотника стрѣлецкаго Данила Тарлыкова, да съ нимъ двухъ человѣкъ стрѣльцовъ Иоанна Карапулова съ товарищемъ, да татарь юртоскихъ пять человѣкъ на Терекъ, а съ Терека на Донъ въ Москву, и оной Данило Тарлыковъ въ Теркѣ потонулъ, а Иоанна Карапулова казаки убила отъ Стеньки Разина. Астраханскіе же стрѣльцы приходи къ боярину и воеводамъ просить - денежного жалованія за прошлой годъ. Бояринъ же имъ рѣче: казны де велик. государи къ нему съ Москвы въ Астрахань небывало, токмо де нѣчто дастъ отъ себя взаймы преосвященный митрополитъ, или изъ Троицкаго монастыря, и азъ вамъ дамъ почему доведется, чтобы вамъ такого богоотступника и измѣнника Стеньку Разина не слушать и радѣть бы Великому государю и граду Астрахань остерегать, а на его измѣнничью прелесть неподлагаться И паки приходить бояринъ къ преосвященному митрополиту и совѣтуютъ о томъ имъ жалованье, преосвященный же видѣ ихъ таковую злобу, что они прельстилися къ нему богоотступнику и хотя утвердили ихъ на охраненіе града даде отъ себя келейныхъ своихъ денегъ 600 рублей да изъ Троицкаго астраханскаго монастыря взято 2. т. рублей и всѣ тѣ деньги разданы астраханскимъ стрѣльцамъ въ жалованье за четыре дни до взятия Астрахани отъ Стеньки Разина съ товарищи.“

въ надлежащихъ мѣстахъ, и такимъ образомъ день и ночь имѣли крѣпкую предосторожность отъ внезапнаго нападенія. Наконецъ 22 числа іюня мѣсяца астраханцы увидѣли со стѣнъ городскихъ толпы Разина, остановившіяся у Жаренаго бугра. Разинъ въ то же время послалъ въ Астрахань слугу князя Львова и попа по имени Василія, съ грамотами, одну къ астраханскимъ жителямъ и стрѣльцамъ, дабы они безъ сопротивленія впустили его въ городъ, а другую къ капитану Бутлеру, увѣщевая его и всѣхъ ему подчиненныхъ голландцевъ не воевать противу него, если они хотятъ остаться въ живыхъ. Князь Прозоровскій, распросивъ ихъ, приказалъ слугѣ князя Львова распороть ротъ и потомъ отсѣчь голову, въ виду казачьихъ струговъ, а полу заклеить ротъ и бросить въ тюрьму (382).

23 числа Степанъ Разинъ, по указанію астраханскихъ стрѣльцовъ Лебедева и Курятникова, со всѣмъ своимъ скопищемъ попыталъ въ проливъ волжскій Богду, оттуда въ Черешиху, Кутумъ и Кривушу и остановился лагеремъ съ противоположной стороны города у виноградныхъ садовъ. Въ

(382) Тамъ же.

„Онъ же богоотступникъ Стенька Разинъ, воръ и измѣнникъ, съ товарищи пришелъ подъ Астрахань и стала у Жаренаго бугра и прислали два струга съ воинскими людьми къ Астрахани и велиъ стать за рѣкою у Зеленаго городка, а къ Астраханіи въ лодкѣ прислали возвѣщенскаго попа Василья да князь Семенова человѣка Львова, а какъ его звали и что съ нимъ Стенька съ казаками говорилъ, про то увѣдать немогли, и бояринъ Прозоровскій съ товарищами распрашивали ихъ на крѣпко и повелъ пытать Львова человѣка, но онъ ничего не сказалъ, и велиъ ему голову отсѣть за гордомъ противъ ихъ воровскихъ струговъ, и полу Василью велиъ кляпъ въ ротъ вложить и посадить въ тюрьму до указа Государева.“

Путешествіе Стрейса.

„Въ 22 день іюня казаки близко къ городу пришли что мы ихъ увидѣли, и казакъ одинъ посланъ былъ въ городъ съ русскимъ попомъ, дабы поддались, тотъ же посолъщикъ ко мнѣ (капитану Бутлеру) имѣлъ яѣмецкую грамотку, съѣтутъ мнѣ и людемъ моимъ какъ намъ живымъ быть и невоевати противъ ихъ. Грамота та отъ воеводы раздрана и посолъщику ротъ распоротъ, а голову отсѣкли.“

такомъ опасномъ положеніи, митрополитъ Иосифъ приказалъ раскопать плотину у прудовъ своихъ ипустить воду, кото-рая затопила всю окрестность города на большое пространство. Въ этотъ же день ушли изъ города въ станъ къ бунтовщикамъ двое нищихъ; посылая ихъ обратно въ городъ, Разинъ приказалъ имъ зажечь Бѣлый городъ въ то время, когда войско его пойдетъ на приступъ; но эти нищіе были за городомъ пойманы и приведены къ князю Прозоровскому, коихъ, по распросѣ, приказалъ онъ казнить смертю (383).

Между тѣмъ какъ Разинъ въ виду города строилъ лѣстницы, ставилъ пушки и другія производилъ пріготовленія для приступа, митрополитъ Иосифъ созвалъ къ себѣ на дворъ сотниковъ и пятидесятниковъ и лучшихъ стрѣльцовъ, увѣща-валъ ихъ мужественно защищать городъ, обѣщаль имъ милость царскую и вѣчное блаженство падшимъ за вѣру, царя и отечество; стрѣльцы, выслушавъ это, дали честное слово не-щадить жизни своей за Государя и разошлись въ назначен-ныя имъ мѣста. По исходѣ этого дня князь Прозоровскій съ братомъ своимъ Михаиломъ Семеновичемъ и сыномъ Бори-рисомъ съ дьяками и головами стрѣлецкими, принявъ отъ митрополита Иосифа благословеніе, пошли со всѣмъ войскомъ и гражданами въ Бѣлый городъ къ Вознесенскимъ воротамъ,

(383). Тамъ же.

„Юна въ 19 день богоотступникъ Стенька Разинъ съ товарищи, забывъ страхъ Божій, по наученію астраханскихъ измѣнниковъ Андрющки Лебедева, да Сеньки Курятникова съ товарищи, проѣхали въ Болду, а изъ Болды въ протокъ Черепаху, а Черепаху въ протокъ Кривушу, со зади града Астрахани отъ пола и отъ протоку готовляху лѣстницы. Преосвященный же митрополитъ съ бояриномъ переговоряся, изъ своего огорода прокопати повелѣлъ и съ прудовъ воду испустить на солончикъ кругомъ Бѣлаго города и бѣ вода около града велика. Того же дни изъ Астрахани уѣжали къ вору Стеньки Разину двое нищихъ Тимошка Бизногой съ товарищемъ, Стенька же уѣзжахъ чтобъ они въ приступное время Бѣлый городъ зажгли, и они нищіе паки отъ Стеньки ко граду Астрахани полемъ идяху; ихъ же поймали казылбашскіе люди и привели въ Астрахань въ приказанную палату, бояринъ же повелѣлъ ихъ пытati и они повинились, сказали, что похвалились вору Бѣлой городъ ночю зажечь. Бояринъ же вида ихъ воровство понелѣ обоихъ казнить смертью.“

откуда ожидали приступа неприятельского. Князь Иоанн Семенович, обозривая въ это время всѣ мѣста крѣпостного вала и бойницъ, увѣщевалъ всѣхъ и каждого стоять мужественно противъ бунтовщиковъ, представляя имъ всю низость мятежниковъ, поднявшихъ оружіе на свое отечество (384).

Подъ 24 число іюня мѣсяца во второмъ часу ночи Разинъ повелъ войска свои на приступъ къ городу, въ Вознесенскими воротамъ, и началъ по низкимъ мѣстамъ городскихъ стѣнъ ставить лѣстницы и всходить на оныя; производимая въ это время сильная стрѣльба изъ орудій иностранцами и вѣрными своему отечеству стрѣльцами немогла остановить бунтовщиковъ, вспомоществуемыхъ стрѣльцами измѣнниками, которые, въ довершеннію своихъ преступныхъ дѣйствій, бросились на своихъ начальниковъ и иностранцевъ управлявшихъ артиллерию и всѣхъ ихъ умертили. Потомъ толпа эта, пользуясь темнотою ночи, устремилась вмѣсть съ казаками на пораженіе своихъ собратій и гражданъ, стоявшихъ на стѣнахъ. Въ этомъ общемъ замѣшательствѣ английскій полковникъ Билли, командовавшій отрядомъ стрѣльцовъ, не-премѣнно палъ бы подъ ударами своихъ подчиненныхъ, если бы не былъ защищенъ латами, и, пораженный копьями въ лицо и ноги, едва могъ дойти до батареи, изъ которой капитанъ Бутлеръ производилъ сильную стрѣльбу; тутъ онъ извѣстилъ его о измѣнѣ стрѣльцовъ и о умерщвленіи ими всѣхъ начальниковъ своихъ. Бутлеръ былъ изумленъ этимъ произшествіемъ и пораженный еще болѣе убийствомъ капитана Видироса, произведеннымъ слугою его, въ глазахъ ихъ, бросилъ батарею и ушелъ за городъ съ лекаремъ голландцемъ, служившимъ на кораблѣ Орлѣ (385).

(384) Тамъ же.

(385) Путешествіе Голландца Стрейса.

„Во вторникъ ночью (говорить Бутлеръ) и иные начальники на караулѣ стояли у вознесенскихъ и братъ воеводскій тутъ же. Три часа послѣ полуночи казаки пришли первой приступъ учинить и мы зачали изъ пушекъ крѣпко

Князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, пораженный измѣнниками копьемъ въ животъ, былъ отнесенъ на ковръ въ кремль и положенъ въ соборной церкви; братъ же его Михаилъ Семеновичъ, убитый изъ самопала, остался на мѣстѣ. Услышавъ что князь Иванъ Семеновичъ тяжело раненъ, митрополитъ Иосифъ, бывши искреннимъ другомъ его, немедленно пришелъ въ церковь и тамъ долго со слезами и рыданіями утѣшалъ страдальца надеждою вѣчныхъ благъ, говоря словами священного писанія, а наконецъ, послѣ исповѣди, пріобщилъ его святыхъ Христовыхъ тайнъ. Послѣ этого дьяки: Табунниковъ и Фроловъ, головы стрѣлецкіе и прочие чины, а равно и граудане, которые остались въ живыхъ, спасая жизнь свою, пришли въ эту же соборную церковь и затворились въ ней отъ измѣнниковъ. Между тѣмъ Разинъ, раскопавъ городскія ворота вошелъ въ городъ со всѣми своими возмутителями и началъ вламываться въ церковные двери, а другіе сквозь оныя стрѣлять изъ ружей; при этомъ случай убить пулею младенецъ полутора года, которого мать держала на рукахъ своихъ, и кровью его обагрился помостъ церковный. Наконецъ измѣнники вошли въ церковь, извлекли изъ оной князя Прозоровскаго и бросили съ городовой стѣны, дьяковъ же, головъ стрѣлецкихъ и про-

на нихъ стрѣлять; мало послѣ сего пришелъ къ намъ полковникъ англичанинъ Фома Балле и сказалъ, что весь городъ измѣненъ и стрѣльцы его полку лице и ноги ему копьемъ прокололи, потому что онъ весь былъ въ латахъ и для того невозможно было его до смерти убить, и то того ради, что онъ сказалъ имъ, чтобы вѣрно служили и не яко казаки бунтовали на крѣпко городъ обороны, а стрѣльцы ему молчать вѣльши. И скоро послѣ того всѣ начальницы отъ своихъ людей прирублены, какъ я своими очами видѣлъ и при мнѣ капитанъ Иванъ Видерось отъ своего слуги связанъ и убитъ. Лекарь подалъ меня стоящій то вида, съ стѣны броситься хотѣлъ, дабы онъ изъ рукъ такихъ воровъ ушелъ, а я отказалъ ему и мнѣ припамянутая, что подъ башнею бойница бывала, что наимъ можно чрезъ ту уйти, дабы наши стрѣльцы насъ всѣхъ не порубили, я всѣль лекарю и слугѣ его да двумъ матросамъ за собою ити, и какъ бойницѣ мы пришли, вѣльши я караульщикамъ насъ пропустить и лекарь чрезъ бойницу наперѣдъ и я за нихъ опустился, слуги и двухъ матросовъ не видѣли и припались такъ во рву градскому, где намъ въ водѣ бросить случилось съ городу изъ мушкетовъ крѣпко на насъ сгрѣвали, и насъ не понали, и то уже въ третій часъ дня.“

чихъ гражданъ, тутъ находившихся, приведя къ раскату и связавъ имъ руки и ноги, порубили саблями и бердышами на мелкія части. Послѣ этого Разинъ приказалъ Троицкаго монастыря братіи выкопать яму и всѣ тѣла свозить въ оную. Въ этотъ день погребено было убіенныхъ отъ рукъ варваровъ 441 человѣкъ (386).

(386) Лѣтописное сказание о градѣ Астрахані.

„Въ ту же ночь той воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ съ товарищи казаками и съ астраханскими измѣнниками пріодоша отъ Вознесенского монастыря ко вратамъ и по низкимъ мѣстамъ по стѣнѣ начаша приставляти гѣстницы. Астраханскіе же жители проклятыя измѣнники начаша тѣхъ воровъ на стѣну пріимати, только изъ башенъ и подоньевыхъ боевъ пушкари Томлю съ товарищи біаху по нихъ изъ пушекъ. Астраханскіе же измѣнники, которые къ нему вору приложишаася, кричаху во градѣ казачьимъ языкомъ и градскихъ людей начаша сѣщи во градѣ прежде ихъ воровъ и боярина и воеводу князя Ивана Семеновича Прозоровскаго у Вознесенскихъ вратъ въ нощи той раніши, прокололи ему чрево, люди его едва унесоса его въ кремль и принесоса на коврѣ въ соборную церковь, за нимъ же пріиде пятидесятникъ сърѣдецкій Фроль прозваниемъ Дура, той Фроль прообразъ иоантии, а не съ ними ворами сообщаися. Про брата же его князя Глаголють, яко тамо у Вознесенскихъ вратъ они воры и измѣнники убили изъ самопала поставя къ городовой стѣнѣ, что де онъ былъ гораздо раненъ. Преосвященный же Іоасифъ митрополитъ видя доблаго Христова воина Прозоровскаго вельми ранена, притече къ нему и приваде со слезами захлпнайся плакаша на долгъ часъ и глаголаша ему страдальцу отъ святаго писанія словеса утѣшительныя о надеждѣ вѣчныхъ благъ, бѣ бо между вми бѣла любовь во Христе величемѣрица, и причастивъ его святыхъ иречистыхъ страшныхъ Христовыхъ таинъ со исповѣданіемъ якоже обычай. Послѣ даже того въ соборную церковь приѣхаша дѣяки и подыачие и головы стрѣлецкие и соборныхъ церкви двери затвориша чтобы ихъ воровъ и измѣнниковъ не пустить.”

„Бѣ же свѣтающу дню они же воры у Пречистинскихъ воротъ вырубили каменку въ городъ вошли, а иные воры чрезъ житной дворъ вошли и начаша въ соборную церковь ломитися. Прежде рѣченный же пятидесятникъ Фроль прозваниемъ Дура многихъ тѣхъ воровъ рѣзаше ножемъ. Они же воры сквозь железные двери въ соборную церковь стрѣляша изъ пищали и за стольскимъ мѣстомъ у иконої жены на рукахъ убили младенца полутора года и помостъ церковной младенческой кровью обагрился, также пищаль пресбита кіотъ Пресвятаго ишадыци казанскія съ чудесы, и иныѣ та икона стоять за стольскимъ мѣстомъ, того же пятидесятника Фрола изъ соборныхъ церкви похвативши и близъ церкви всего изсѣкоша на части. Доблаго же страдальца Христова воина онъ злой воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ съ товарищи своими измѣнниками боярина и воеводу князя Ивана Семеновича Прозоровскаго вельми вести на раскату и съ раскату ринуть его на землю. И тако ринуши его на землю Іуна

Межу тѣмъ засѣвшіе въ двухъ башняхъ иностранцы и русскіе храбро отражали приступы бунтовщиковъ; въ одной изъ нихъ заперся персидскій посланникъ Юсуфъ Ханбекъ со всею свитою, но принужденъ былъ добровольно сдаться казакамъ, кои сняли съ него саблю, пограбили всѣ бывшія при немъ вещи; тѣхъ же изъ персіянъ, кои оборонялись, побили; въ другой изъ этихъ башенъ находилось 7 человѣкъ татаръ улуса князя Каспулата Черкасскаго и два русскихъ пушкаря; эти люди сопротивлялись дотолѣ, пока неразстрѣляли порохъ, тогда бросились они съ башни въ намѣреніи уйти, но были за городомъ казаками порублены (387).

Жестокіе поступки Разина съ гражданами. Овладѣвъ Астраханью, Разинъ поступилъ весьма жестоко съ гражданами онаго, первоначально разграбилъ онъ приказную палату, въ которой хранились казенные деньги; потомъ приказалъ ограбить дома князя Прозоровскаго, дьяковъ, головъ стрѣлецкихъ, прочихъ чиновъ и зажиточныхъ гражданъ, наконецъ буйные обратились въ гостинный дворъ, гдѣ лежали товары купцовъ: Россійскихъ, персидскихъ, индейскихъ и бухарскихъ, забрали все то, что только тамъ находилось, и потомъ раздѣлили оные между собою. Разинъ самъ распоряжался грабежомъ, разѣзжалъ по городу верхомъ на лошади изъ одной улицы въ другую, и всѣхъ тѣхъ

мѣсяца въ 22 день въ третій часъ дне въ среду. Дьяковъ же Романа Табунцова и Елистратія Фролова и голову стрѣлецкаго Алексѣя Соловцева и другихъ сотниковъ и пятидесятниковъ и подъячихъ и всякихъ астраханскихъ жителей всѣхъ посадахъ подъ раскатъ, связавше яко злодѣевъ руки крѣпко всѣхъ постѣюша саблями и бердыши и земля обагрилася кровю и течена кровь человѣкъ аки рѣка. Тѣло же новаго страдальца и мученика боярина князя Иоанна Семеновича и брата его роднаго князя Михаила Семеновича Прозоровскаго и многихъ убіенныхъ, онъ злый песь и измѣнникъ отдалъ въ Троицкой монастырь и велѣль ископать великую яму и безъ разборубросать въ нею, бѣ же числомъ и съ бояриномъ положенныхъ 441 человѣкъ, намъ же повѣдахъ сіе монахъ, который приставленъ былъ къ той могилѣ.“

(387) Тамъ же, смотри персидскія дѣла, въ столбцахъ № 5, распроснны рѣчи Помѣстнаго приказу подъячаго Наума Колесникова, бывшаго въ Персіи съ посланникомъ Томасомъ Брайномъ.“

изъ гражданъ, кои только попадались на встрѣчу, какого бы пола и возраста нибыли, приказывалъ иного колоть, другаго бросать въ воду, или отрубивъ руки и ноги, оставлять въ такомъ положеніи среди улицы (388). Ненасытясь такимъ звѣрствомъ, Разинъ, распаленный виномъ, приказалъ привести предъ себя старшаго сына воеводы астраханскаго, Бориса Прозоровскаго, и спрашивалъ его, гдѣ находятся деньги собираемыхъ таможнею; юный князь отвѣчалъ ему, что отецъ его деньги эти всегда отдавалъ казначею Алексѣю Алексѣевичу, отъ коего выданы были предъ этимъ на жалованье стрѣльцамъ. Разинъ, желая удостовѣриться въ истинѣ, приказалъ привести казначея, который подтвердилъ слова князя. Послѣ этого Разинъ спросилъ князя, гдѣ находится имущество отца его, который отвѣчалъ ему, что имѣніе отца забрано все безъ остатка есауломъ Хохлачемъ. Разинъ, приведенный эти-

(388) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„ По убіеніи же болгарина и другихъ пойде онъ воръ Стенька Разинъ съ единомышленниками своими въ приказанную палату и которыя ныбыла казна государева, и что взята у астраханскаго воротника Михаила Лаузина, золотые червонные ефимки, соболи и коты и всякой товаръ послѣ его смерти и которыхъ деньги по приводнымъ дѣламъ и ихъ боярскіе дворы и животы и головы стрѣлецкихъ, и дворянъ, и подьячихъ, и посадскихъ людей дворы ихъ и животы и въ рядѣхъ въ лавкахъ и гостиныхъ дворы: русской, гиляйской и индейской, бухарской, все безъ остатку пограбили и возили въ Япъ-Гурченевъ городокъ ради раздѣла своего.

„ Въ тоже время, какъ они воры взошли въ городъ Астрахань въ посты святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, Гуны въ 22 день, и въ тотъ постъ начаша мясо ясти и сыръ и яйца горши бусурмановъ, а кто по истинѣ обратится и что какое доброе слово промолвить, и они воры того туть часъ смерти предающе. Той де воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ Ѣзда на конѣ по граду за малое нѣчто людей всякаго званія кто бы ныбыль закалая, посѣкая, а иныхъ въ водѣ потопляя и иными же ноги и руки отрубивъ оставляя на сиѣденіе. На то же смотря астраханскіе измѣнники и дѣти тому же ревнующіе збирава круги и кто у нихъ непослушасть, бить палками и вѣшають за ноги и единаго повѣсили за шею и той умре. Жены же ихъ казачки дворянскихъ женъ и головы стрѣлецкихъ и подьяческихъ, которые побиты въ Астрахани отъ воровъ казаковъ, браѧще называюще ихъ измѣнничими женами и мѣста никогда никому недающе. Въ церковь же Божію мужья ихъ измѣнники и ихъ измѣннички жены и дѣти не ходили, отлучишаася въ конецъ отъ Бога и Великаго Государа.“

ми словами въ изступлениe, приказалъ этого юнаго князя, имѣшаго отъ рода 16 только лѣтъ, повѣсить чрезъ городскую стѣну за ноги; послѣ въ то же время повѣшеннъ былъ близъ него и меньшій 6-ти лѣтній братъ его. Казначей Алексѣевъ долженъ былъ понести лютѣшую смерть: его повѣсили на висилицѣ за ребра; въ такомъ положеніи они находились цѣлые сутки. На другой день Разинъ приказалъ старшаго Прозоровскаго бросить съ раската, а меньшаго отдать матери, предполагая что онъ мертвъ (389).

Разинъ въ особенности излилъ всю злость свою на приказныхъ служителей, которыхъ онъ, извлекая изъ домовъ ихъ, вѣшалъ за ребра. Женъ ихъ, а равно и прочихъ гражданъ, предавалъ на поругательство своимъ сподвижникамъ; иныхъ же приказывалъ вѣнчать насильно съ этими извергами; священниковъ, кои осмѣливались противурѣчить ему, бросалъ живыхъ въ воду.

(389) Тамъ же. Послѣ де же того Іуля въ 13 день, онъ же злый воръ и богоотступникъ и измѣнникъ Стенька Разинъ съ товарищи, напившися пьянь у кабака стоя, присыпалъ ясаулъ своего къ митрополиту Иосифу и велѣвъ взять и передъ себя привезти князя Бориса Ивановича большаго; приведену же ему бывшу предъ него, нача вопрошати его о таможенныхъ пошлинахъ деньгахъ, что де отецъ твой такими деньгами завладѣлъ и князь же ему отвѣща, тѣ пошлины деньги отнесены въ приказную падату служивымъ людямъ на жалованье а отданы въ денежному столѣ подъячему Алексѣю Алексѣеву, а отецъ мой тѣми деньгами некорыстовался, и повелѣвъ привести подъячаго и вопросы его о деньгахъ и онъ отвѣща, тѣми деньгами бояринъ некорыстовался, понеже разданы на жалованье служивымъ людямъ, а сколько ихъ раздано и кому именно, о томъ явствуютъ расходные книги. Злый же богоотступникъ Стенька рѣче князю Борису гдѣ ваши животы? И князь дерзновенно рече животы де отца моего вы потрябли и отдаваль тѣ животы казначей нашъ, а возилъ ихъ твой ясаулъ Ивашко Андреевъ Хохлачъ. Стенька же тому невнимая, повелѣвъ его на градовой стѣнѣ за ногу повѣсить. А подъячаго Алексѣя Прокофьевъ и захвати за ребро повѣсить на висилицѣ. Другаго же меньшаго князя Бориса такожде повелѣвъ за ногу жъ повѣсить на градовой же стѣнѣ подъ брата его; висѣли же они новые страдальцы отъ седьмого часа дни и доночи и всю нощь до свѣта, на утріе же проклѣтый еретикъ и богоотступникъ Стенька Разинъ пріѣхалъ о седьмомъ часу дни и повелѣвъ князя Бориса большаго снять и бросить съ раската, противъ Троицкаго монастыря, меньшаго же князя Бориса повелѣвъ отдать книгии его (матери) Нарасковѣ Федоровнѣ. А подъячаго Алексѣя повелѣвъ отдать матери его погребсти въ Троицкомъ монастырѣ.”

Монастыри и церкви, какъ и дома священнослужителей, разнымъ образомъ были ограблены. Среди расхищений, онъ дѣлалъ священникамъ, инокамъ и инокинямъ разныя истязанія (390).

Капитанъ Бутлеръ, который во время приступа Разина къ городу бѣжалъ изъ оного съ лекаремъ, былъ пойманъ стрѣльцами на Каспийскомъ морѣ, недалеко отъ устья Волги и приведенъ въ Астрахань къ Разину, который въ это время, сидя на улицѣ у воротъ дома митрополита Іосифа, пилъ съ приближенными своими водку. Разинъ распросивъ ихъ, велѣлъ лекарю лечить раненыхъ казаковъ, а капитана Бутлера приказалъ держать за карауломъ близъ своего шатра. Бутлеръ, находясь въ такомъ положеніи, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ смерти многихъ изъ гражданъ, которыхъ Разинъ призывалъ бросать живыхъ въ воду, другихъ вѣшать за ноги или отсѣвать руки и ноги. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Бутлеру связали руки и ноги и въ такомъ положеніи остали его подъ башнею. Послѣ онъ былъ освобожденъ по ходатайству лекаря и голландца Людовика Фабера, которые успѣли снискать отъ Разина нѣкоторое уваженіе, а по выходѣ Разина съ войсками на Саратовъ, отпущенъ съ персидскими и индейскими купцами въ Персію (391).

По ходѣ Разина въ Россію. Проведя такимъ образомъ среди варварства, опустошений и разграбленій Астрахани, около пяти недѣль, Разинъ съ большою частію своихъ сообщниковъ отправился 20 іюля сухимъ путемъ и рѣкою Волгою къ Царицыну, оставивъ въ Астрахани главными начальниками Васыку Уса, котораго обыкновенно называли Чертовымъ Усомъ и Федыку Шелудяка, давъ имъ полную власть надъ городомъ, войскомъ и жизнію беззащитныхъ гражданъ. Предъ выступленіемъ своимъ изъ Астрахани, Разинъ вызывалъ всѣхъ гражданъ за городъ, гдѣ и привелъ ихъ къ присягѣ служить единодушно Государю, ему Разину и войску

(390) Списокъ съ приговора читаннаго предъ казнью Разина.

(391) Письмо приложенное къ путешествію Стрейса, хранящееся въ библ. отекъ Графа Толстаго.

имъ предводительствомъ; измѣнниковъ же истреблять и тутъ же умертвилъ двухъ священниковъ, которые осмѣялись изобличать его въ государственной измѣнѣ (392).

Увеличивъ въ Царицынѣ число своихъ единомышленниковъ стрѣльцами и казаками пришедшими съ Дону, Разинъ отправился въ верхъ Волгою болѣе нежели на 200 судахъ къ Саратову. Городъ этотъ чрезъ измѣну стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ онаго и нѣкоторыхъ гражданъ, сдался безъ сопротивленія; тутъ забралъ онъ всѣ казенные деньги, проянтъ и прочія вещи, умертвивъ воеводу Казьму Лutoхина и многихъ изъ дѣтей боярскихъ (393).

Отсюда войско Разина усиленною стрѣльцами и другаго званія людьми, двинулось: одна часть судами къ городу Самарѣ, а другая половина къ Тамбову и Ломову, производя на пути многоразличныя неистовства. Разинъ разославъ по всѣмъ окрестнымъ городамъ и селеніямъ воззванія, коими увѣрялъ

(392) Дѣла персидскія, распроснныя рѣчи Помѣстнаго приказа подьячаго Наума Колесникова 1670 года сентября 26 дни.

„А какъ де онъ воръ Стенька взялъ Астрахань и жилъ въ Астрахани полчетверти недѣли, и астраханскіе жители, которые великому Государю измѣнили, приходи говорили ему Стеньѣ, многіе де дворяне и приказные люди перехоронились и чтобъ онъ повеѣль имъ сыскавъ ихъ побить для того, что де отъ великаго государя будеть въ Астрахань какак присылка, и они де имъ будуть первые непріятели, и Стенька де имъ сказалъ, какъ де онъ изъ Астрахань пойдетъ и они бѣ чинили такъ, какъ хотатъ: а для де расправы оставлять онъ имъ казака въ атаманы Ваську Уса Да онъ же де Стенька астраханскихъ жителей всѣхъ приводилъ за городомъ въ войску ко кресту въ томъ, что имъ за великаго государя стоять и ему вору Стеньѣ и всему войску служить, а измѣнниковъ выводить. А какъ де онъ ко кресту астраханцевъ приводилъ, и въ то де время были у него въ войску попы со кресты; а которые де священники его вора Стеньку обличали и тѣхъ онъ одного посадилъ въ воду, а другому руку да ногу веѣль отсѣчь.“

(393) Списокъ съ приговора читанного предъ взаплю Стеньки Разина.

„А учини такое кровопролитіе, изъ Астрахани пришелъ къ Царицыну, а съ Царицына къ Саратову и саратовскіе жители тебѣ городъ сдали по твоей воровской присылкѣ. А какъ ты воръ пришелъ на Саратовъ и ты государеву денежную казну и хлѣбъ и золотыя, которые были на Саратовѣ, и дворцоваго промыслу все пограбилъ и воеводу Козьму Лutoхина и дѣтей боярскихъ побилъ.“

всѣхъ гражданъ, что онъ по шовелѣнію Великаго Государя идетъ изъ Астрахани въ Москву, для истрѣбленія бояръ, думныхъ и приказныхъ людей, стрѣльцовъ, солдатъ и купцовъ за ихъ измѣну; что съ нимъ находится царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (который 17 января 1770 года въ Москвѣ умеръ) и бывшій патріархъ Никонъ, и потому приглашалъ всѣхъ и каждого вооружиться на защиту государя и отечества. Этому призванію послѣдовала вся чернь. Народъ и вообще всѣ воинскіе чины возстали противъ своихъ помѣщиковъ и начальниковъ и спѣшили присоединиться къ возмутителямъ, которыы безъ малѣйшаго сопротивленія грабили и жгли села и города, умерщвляли въ оныхъ начальниковъ и вѣрныхъ гражданъ. Слуги наперерывъ другъ предъ другомъ убивали своихъ господъ и въ ихъ платьяхъ являлись къ Разину; другіе приносили въ удостовѣреніе своей преданности ихъ головы, за что получали отъ него награжденія; нѣкоторые, умертвивъ въ семействѣ всѣхъ мужчинъ, вѣнчались насильно на госпожахъ своихъ и безчестили дочерей (394). Смятеніе и неустройство возрастало до величайшей степени

(394) Журналъ 1768 года, ноябрь, подъ названіемъ ежемѣсячныхъ сочиненій и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ, въ статьѣ извѣстіе о бунтѣ и злодѣйствіяхъ Донскаго казака Стеньки Разина, взятое изъ Россійскаго хронографа того же времени.

„И писалъ въ воровскихъ письмахъ будто съ нимъ воромъ сынъ великаго государя, благовѣрный государь царевичъ и великий князь Алексѣй Алексѣевичъ всемъ великии и малыи и бѣлыи Россіи и будто по указу великаго государя онъ идетъ съ нимъ Волгою отъ Астрахани и подъ Москву, для того, чтобы побить на Москвѣ и во градѣхъ бояръ и думныхъ ближнихъ и приказныхъ людей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и солдатъ и всякого чину служилыхъ людей и торговыхъ, и людей боярскихъ будто за измѣну Да онъ же воръ вымѣнилъ всякимъ людамъ на прелестъ, будто съ нимъ Никонъ монахъ, бывшій патріархъ, и тѣмъ прельщалъ всякихъ людей и собравшихся воры, называющиися воровскими посланниками, отъ него крестопреступника Стеньки многихъ простыхъ людей чернь возмутили, и многіе лжи и прелести ихъ послушали, и во многихъ городѣхъ воеводъ и всякихъ приказныхъ людей и дворянъ и дѣтей боярскихъ и торговыхъ людей побивали, и города покидали и дома грабили и разоряли, и честные жены и дѣвы обезвѣщены, и рабы госпожей своихъ имали за себя не подостоинству неволею и проч.“

къ главному предводителю всесообщаго возмущенія. „Братъ! говорилъ онъ имъ, я пришелъ избавить васъ, какъ дѣтей своихъ, отъ ига господъ вашихъ, которые мучили васъ и содержали въ неволѣ подобно иновѣрнымъ, мужайтесь на истребленіе ихъ.“ Прельщенные таковыемъ пріемомъ, толпы въ восторгѣ восклицали: „Отець нашъ! живи долго и будь побѣдителемъ всѣхъ бояръ и князей“ (395).

Вооружась таковыми средствами на преувеличение своего войска, Разинъ безбоязненно подвигался впередъ, оставляя по себѣ одно опустошеніе и истребленіе селъ и городовъ. Годъ Самара, къ коему онъ подступилъ съ большою частію войскъ своихъ, сдался безъ сопротивленія. Воевода этого города Иванъ Алфимовъ и многіе изъ гражданъ были жертвою спирѣаго его варварства. Умноживъ войска свои стрѣльцами и гражданами, и не встрѣчая на пути никакого препятствія, Разинъ поплылъ въ верхъ по Волгѣ въ г. Симбирску, который въ это время былъ защищаемъ храбрымъ воеводою Иваномъ Богдашевичемъ Милославскимъ.— Между тѣмъ, какъ Разинъ занимался осадою этого города, сообщники его, братъ его Фролка и астраханецъ Максимъ Осиповъ съ многочисленными шайками заняли Тамбовъ, Шацкъ, Темниковъ, Ломовъ, Алаторъ и многіе другіе города, даже до Нижняго Новгорода и ограбили монастырь Макарія Желтоводскаго. Молва о необыкновенныхъ успѣхахъ Разина распространилась по всѣмъ окрѣстностямъ странамъ, даже татары, мордва и чуваши толпами стекались съ оружіемъ къ измѣннику. Стрѣльцы, составлявшіе гарнизонъ изъ которыхъ городовъ, бывъ подстрекаемы возмутителями, предавали смерти своихъ начальни-

(395) Путешествіе Стрѣйса.

„Людямъ всѣмъ на два мѣсяца жалованья подавал, и имъ же возьмо нездѣ грабить и убить, и ихъ же тако жъ возбудивъ, говоря: братъ отмстися надъ вашими мучителями и непріятелями, которые васъ горше бусурмановъ и ногадыхъ въ холопствѣ держали, азъ пришелъ васъ всѣхъ свободить, вы мои братья и дѣти дерзайте мужественно и вѣрно; по такимъ словамъ всякъ за нихъ въ смерть идти хотѣлъ и единогласно воскликнули: Бачька нашъ! да жить долго и да будетъ побѣдитель всѣхъ боярамъ и князямъ.“

ковъ и съ радостю принимали ихъ, какъ своихъ избавителей. Среди такового опустошения южныхъ ировинцій, войска подъ начальствомъ князей: Юрія Алексѣевича Долгорукова, Борятинскаго и Щербатова, сближались на отраженіе многочисленной толпы Разина. Князь Щербатовъ, выступивъ изъ Азамаса съ знатною частію россійскихъ войскъ, разбилъ атамана Осипова при селѣ Мурашкинѣ и выгналъ его изъ села Лыскова и Макарьевскаго монастыря; Борятинскій выгналъ и истребилъ многочисленныя скопища возмутителей, разсѣянныя по лѣвой сторонѣ Волги, князь же Долгорукій, преслѣдуда ихъ вездѣ въ нижнихъ губерніяхъ: Симбирской, Пензенской и Тамбовской, водворялъ спокойствіе. Между тѣмъ Разинъ съ многочисленнымъ войскомъ осаждалъ Симбирскъ, валилъ земляной валъ къ городу и дѣлалъ нѣсколько приступовъ. Мужественный воевода Милославскій, стѣсненный со всѣхъ сторонъ измѣнниками, защищался съ вѣрными стрѣльцами и дѣтьми боярскими: положеніе осажденныхъ было самое отчаянное, если бы не подоспѣлъ къ нему на помощь князь Борятинскій; тутъ они успѣли соединиться, напали всѣми силами на бунтовщиковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Разинъ израненный бросился на суда съ частію преданныхъ ему казаковъ и стрѣльцовъ, бѣжалъ внизъ Волгою, прочее же его скопище разошлось по своимъ мѣстамъ. Такимъ образомъ, рушились всѣ замыслы Разина, брата его Фрола и ихъ сообщниковъ (396).

Войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ бѣретъ въ плѣнъ Разина. Преслѣдуемые страхомъ, Разинъ и братъ его прибѣжали на Донъ и заперлись въ Кагальницкомъ городкѣ, укрѣпивъ оный для своей безопасности. Тутъ Разинъ всю зиму проводилъ съ вѣрными ему сподвижниками спокойно, непосыгая ни на какія преступныя дѣйствія. Былъ на короткое время въ Черкасскѣ, бесѣдовалъ съ войско-

(396) Смотри списокъ съ приговора читанного предъ смертью Разина и журналъ подъ названиемъ ежемѣсячныхъ сочиненій 1769 года.

вымъ атаманомъ Корнилемъ Яковлевымъ, знатиѣшими старшиною Родиономъ Осиповыимъ и прочими старшинами, дарилъ ихъ вѣщами и наконецъ отпущенъ ими въ Кагальникъ съ честію. Хитрый Яковлевъ умѣлъ обольстить его своимъ ласковымъ обращеніемъ, притворствовалъ предъ нимъ, какъ будто бы не зналъ всѣхъ его дѣяній, и наконецъ до того вкрадся къ нему въ довѣrie, что Разинъ нималѣйше не подозрѣвалъ его въ предпринятомъ имъ намѣреніи (397).

Между тѣмъ войскової атаманъ съ Родиономъ Осиповыимъ и лучшими старшинами неусыпно дѣйствовали на истребленіе вора, собственного ихъ и всего отечества; готовили тайно пушки и суда, и собирали войско подъ другимъ предлогомъ. Устроивъ все нужное къ осадѣ Кагальника, онъ объявилъ наконецъ о своемъ намѣреніи; войско приняло его предложеніе съ радостію и выступило изъ Черкаска подъ предводительствомъ его. Кагальницкій городокъ, который они должны были брать приступомъ, основанъ на островѣ рѣки Дона (не въ дальнемъ разстояніи отъ пынѣшней Кагальницкой станицы), обнесенъ землянымъ валомъ, на коемъ разставлены были пушки. Разинъ, находясь съ своими единомыш-

(397) Да турецкія, распросныя рѣчи жильца Петра Быкова, посланного къ азовскому начальству грамотою.

„ Да онъ же, ага, сказывалъ ему, Петру: въ иныишиемъ де въ недавнемъ времени посланы къ Великому Государю всего войска Донскаго казаки станичнаго атамана Родиона Осипова, и онъ де Петръ того атамана въ которыхъ мѣстахъ встрѣтиль; а онъ де ага вѣдѣть про то, что онъ ёдетъ къ Великому Государю бить челомъ съ неправдою, чтобы Великій Государь пожаловать ихъ сукнами и хлѣбными запасы по прежнему и они де—онъ Родионъ и атаманъ Корнило Яковлевъ первые великому Государю измѣнники, и его вора измѣнника Стеньку Разина отпускали на воровство они. А какъ де его вора Великаго Государя ратные люди подъ Симбирскимъ побили, и онъ де видѣ свое безсиліе побѣжать на Донъ, въ Кагальникъ, и изъ Кагальника де въ Черкаской, къ атаману къ Корнилу Яковлеву и напившися пынѣ валялся къ шубѣ собольѣ, а ихъ де Корнила и Родиона въ то время дарили: Корнилу даљ шубу рысью, а Родиону котелъ серебренный, и они де, подчиваючи его вора, отпустили изъ Черкаскаго въ Кагальникъ на своей лошади, а еслиль де они Государю были вѣрные слуги, и они бѣ вора его въ то время у себя задержали и къ Великому Государю о томъ писали и его вора къ Москвѣ послали.“

ленниками въ городкѣ, безпечно пировала, какъ вдругъ приблизился къ Кагальницкому городку войсковой атаманъ съ войскомъ рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ; тутъ Разинъ принялъ за оружіе, билъ изъ пушекъ по осаждющимъ; но наконецъ, превозмогаемый превосходною силою, принужденъ былъ 14 апрѣля 1670 года сдаться съ братомъ своимъ Фроломъ. Вся шайка его была истреблена, городокъ разоренъ, а стѣны онаго срыты до основанія. Разина и брата его привезли въ Черкасскъ, откуда подъ охраненіемъ сильного конвоя, подъ начальствомъ войскового атамана Корнилія Яковлева, отправленъ былъ тогда же въ Москву, гдѣ за всѣ свои злодѣянія получилъ онъ достойную казнь: былъ распятъ на колы и четвертованъ, а брату его Фролу отрублена голова (398).

Казаки приносятъ Царю повинную. Выше упомянуто о бездѣйствіи войска Донского на усмирение возмутителей; но была ли это измѣна войсковой управы или безсиліе ея противъ скопищъ Разина, изъ современныхъ актовъ опредѣлить съ точностью трудно. Впрочемъ возмущеніе Разина возникло тогда, когда своеоліе казаковъ взяло верхъ надъ благоразумными совѣтами старшинъ; и это легко могло быть тамъ, гдѣ всякий, какого бы онъ состоянія нибыль, имѣлъ право говорить и дѣйствовать безотчетно. Находясь въ такомъ положеніи, войсковой атаманъ и старшины не могли принять рѣшительной мѣры и вооружить умы казаковъ

(398) Выписка изъ старыхъ приказныхъ дѣлъ 1671 года, изъ отписки тогодѣского воевода Андрея Непѣцьина въ приказъ Устюжскія четверти.

„Донскіе казаки атаманъ Корнелій Яковлевъ и все донское войско подъ Кагальникомъ воровъ многихъ побили, и вора взмѣнника Стеньку Разина и его единомышленниковъ, которые съ ними прошли въ Кагальникъ съ Царицына и на Дону къ его воровству пристали, взяли и его Стеньку привезли въ Черкасской, заковали въ кондалы, а товарищевъ его единомышленниковъ воровъ же въ Кагальнику и въ Черкасскомъ всѣхъ побили и перевѣшили, а его вора Стеньку послали къ тебѣ великому Государю съ нимъ атаманомъ Корнеліемъ Яковлевымъ съ товарищи апрѣля въ 24 день нынѣшняго 179 года.“

Смотри списокъ съ приговора, читанного предъ казнью Разина и грамота войску Донскому 1671 г. Илья мѣсца.

противу возмутителей, въ особенности тогда, когда и въ самомъ Черкасскомъ, среди ихъ, приверженцы Разина превозносили его мужество и щедрость, хвалились богатствомъ, добтымъ ими на поискахъ, и неограниченной свободою въ своихъ дѣйствіяхъ. И такъ войсковой атаманъ и старшины молчали, ничего не предпринимая, и ожидали развязки преступнымъ дѣйствіямъ Разина. Посылка легкихъ станицъ въ Москву прекратилась и при дворѣ ничего не знали, что дѣлаеться на Дону; наконецъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1670 года войско Донское отправляло въ Москву зимовую станицу, состоящую изъ 26 человѣкъ, съ атаманомъ Иваномъ Аверкьевымъ, просить Государя о денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ на будущій 1671 годъ. Атаманъ этотъ и вся станица была взята въ Москвѣ по повелѣнію Государя и отослана по подозрѣнію во всеобщей измѣнѣ войска Донского въ Архангельскъ.

Это событіе служило яснымъ доказательствомъ немилости царской къ войску Донскому. Казаки рѣшили наконецъ отправить къ Государю умнаго старшину Осипова и есаула Львова, съ нѣсколькими лучшими казаками, бить челомъ отъ всего войска Донского о всепрощеніи въ винахъ ихъ. Въ это время Разинъ былъ разбитъ уже россійскимъ войскомъ подъ Симбирскомъ. Старшину Осипова позвали въ Казанскій дворецъ, распросили въ присутствіи бояръ о всѣхъ дѣйствіяхъ войска Донского, и потомъ отъ имени Государя объявили: „Изъ показаній вашихъ усматривается, что многіе изъ Донского войска казаки, забывъ присягу къ Государю и милость его, присоединились къ бунтовщику Стенькѣ Разину; иные же хотя и не пристали къ нему, но не употребляли никакихъ средствъ къ прекращенію бунта и не доносили Государю о походѣ Разина съ Дону на Волгу и о другихъ произшествіяхъ; изъ всѣхъ сихъ дѣйствій вашихъ хотя и не открывается измѣна войска Донского, но по вѣрноподданнической присягѣ въ Государю должны вы были употребить всѣ зависящія отъ васъ средства на истребленіе сихъ скопищъ, чрезъ каковое небреженіе ваше произошло кровопролитіе; и

изъ гражданъ, кои только попадались на встрѣчу, какого бы пола и возраста нибыли, приказывалъ иного колоть, другаго бросать въ воду, или отрубивъ руки и ноги, оставлять въ такомъ положеніи среди улицы (388). Ненасытясь такимъ звѣрствомъ, Разинъ, распаленный виномъ, приказалъ привезти предъ себя старшаго сына воеводы астраханскаго, Бориса Прозоровскаго, и спрашивалъ его, гдѣ находятся деньги собираемыхъ таможнею; юный князь отвѣчалъ ему, что отецъ его деньги эти всегда отдавалъ казначею Алексѣю Алексѣевичу, отъ коего выданы были предъ этимъ на жалованье стрѣльцамъ. Разинъ, желая удостовѣриться въ истинѣ, приказалъ привести казначея, который подтвердилъ слова князя. Послѣ этого Разинъ спросилъ князя, гдѣ находится имущество отца его, который отвѣчалъ ему, что имѣніе отца забрано все безъ остатка есауломъ Хохлачевъ. Разинъ, приведенный эти-

(388) Дѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„ По убеніи же боларина и другихъ пойде онъ воръ Стенька Разинъ съ единомышленниками своими въ приказанную палату и которыми ныбыла казна государева, и что взята у астраханскаго воротника Михаила Даузина, золотые червонные ефимки, соболя и коты и всякой товаръ послѣ его смерти и которыхъ деньги по приводнымъ дѣламъ и ихъ боярскіе дворы и животы и головы стрѣлецкихъ, и дворянъ, и подьячихъ, и посадскихъ людей дворы ихъ и животы и въ рядѣхъ въ хавлахъ и гостиныхъ дворы: русской, глиняной и индейской, бухарской, все безъ остатку пограбили и возвели въ Янь-Гурченевъ городокъ ради раздѣла своего.

„ Въ тоже время, какъ они воры взошли въ городъ Астрахань въ посты святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, Гуна въ 22 день, и въ тотъ постъ начаша мясо ясти и сыръ и яйца горши бусурмановъ, а кто по истинѣ обратится и что какое доброе слово промолвить, и они воры того туть часъ смерти предающе. Той де воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ Ѣздя на конѣ по граду за малое нѣчто людей всякаго званія кто бы видѣть закалая, посѣкай, а иныхъ въ водѣ потопляи и иными же ноги и руки отрубивъ оставляи на сиѣденіе. На то же смотря астраханскіе измѣнники и дѣти тому же ревнующіе збирай круги и кто у нихъ непослушасть, бьють палками и вѣшають за ноги и единстваго повѣсили за шею и той умре. Жены же ихъ казачки дворянскихъ женъ и головы стрѣлецкихъ и подьяческихъ, кофорые побиты въ Астрахани отъ воровъ казаковъ, браняще называюще ихъ измѣнничими женами и мѣста никогда никому недающе. Въ церковь же Божію мужья ихъ измѣнники и ихъ измѣннички жены и дѣти не ходили, отлучишаася въ конецъ отъ Бога и Великаго Государя.“

Слѣдствіемъ этого всепрощенія было возвращеніе сосланнаго въ Архангельскъ станичнаго атамана Ивана Аверкіева и всѣхъ станицы его казаковъ (400).

Приисяга казаковъ на вѣрность службы. Въ отвращеніе же подобныхъ на Дону возмущеній посланъ былъ изъ Москвы стольникъ и полковникъ Григорій Касаговъ и

напередъ сего того у вѣсъ въ войскѣ небывало, а служили вѣрно и воровъ уничтожали и всегда на Дону и въ полкахъ у бояръ и воеводъ служба ваша и радицѣ бывало, и такихъ воровъ по войсковому праву указъ имъ чинить; а нынѣшнее кровопролитіе учинилось все вашимъ нерадѣніемъ. И великий Государь царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всѣя великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указать вамъ сказать, что въ томъ во всемъ многія ваши вины объяснились и за такія свои вины достойны быть во всѣя чужи его государской милости и жалованья, однакожъ онъ великий государь, по своему государскому милосердію, возложа тѣ всѣ дѣла на волю Всемогущаго Бога, видѣ ваше нынѣшнее человѣчье и отпущеніе вашихъ винъ и нынѣшнее ваше начатое дѣло къ добруму на разореніе Стенькина воровства и его совѣтниковъ, буде вы всѣмъ войскомъ истинно ему великому Государю бьете челомъ и безо всякаго лукавства вины своихъ приносите, пожаловать вѣсъ, вины ваши вѣлько отдать; и вамъ бы видѣ къ себѣ такую его государскую милость служить вѣрно, такъ какъ до нынѣшняго лукаваго Стенькина воровства служили, и прѣѣхавъ въ войско, тое его государскую милость всему войску сказать, и учини войскомъ совѣтъ, чинить промыселъ надъ воромъ Стенькою и братомъ его Фролкою и надъ иными зачинателями воровству, и поймавъ тѣхъ воровъ Стеньку и Фролку привестъ къ Москвѣ, а иныхъ бы пущимъ заводчикамъ учинить указъ по войсковому праву, а съ Дону о всемъ писать вамъ къ великому Государю почисту и станицы присыпать противъ прежнаго, а великаго Государа милость къ вамъ и ко всему войску будеть смотря по вашей службѣ."

(400) Тамъ же, грамота на Донъ 1671 г. Іюля два.

„Въ прошломъ во 178 году къ намъ Великому Государю, къ нашему Царскому Величеству прислали вы, атаманы и казаки и все донское войско, станичнаго атамана Ивана Аверкіева съ товарищи 26 человѣкъ бить челомъ намъ великому Государю что бѣ мы, великий государь, вѣсъ атамановъ и казаковъ пожаловали, вѣли къ вамъ послать нашего великаго Государи денежное жалованье и хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ, и въ то время за измѣнью вора и богоотступника Стеньки Разина, недовѣривалъ той вашей станицѣ, по нашему великаго Государи указу были въ ссылкѣ у Архангельского города. И въ нынѣшнемъ во 179 году Іюля въ 10 числѣ, понакему къ великаго Государи милостивому указу, тѣ станичный атаманъ Иванъ Аверкіевъ и казаки взятые отъ Архангельского города изъ ссылки къ Москвѣ, и пожалованъ нашиши великаго Государа жалованьемъ, отпущенны къ вамъ атаманамъ и казакомъ въ войско.“

дьякъ Андрей Богдановъ, вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ Корнилиемъ Яковлевымъ и старшиною Родіономъ Осиповымъ, находившимися въ то время въ Москвѣ, для приведенія всѣхъ атамановъ, есауловъ и казаковъ на вѣрность службы къ присягѣ; имъ поручено было сверхъ того объявить царскую милость всему войску Донскому за доставленіе въ Москву Стеньки Разина и за истребленіе его сообщниковъ, увѣрить ихъ во всеобщемъ прощеніи и настаивать о скорѣйшей высылкѣ изъ войска казаковъ противу астраханскихъ возмутителей. Стольникъ Касаговъ и дьякъ Богдановъ прибыли въ Черкасскъ 24 августа 1671 года, вмѣстѣ съ зимоюю станицею и съ государевымъ жалованьемъ. Когда Касаговъ объявилъ по наказу причину своего посольства, казаки были обрадованы столь милостивому ко всему войску вниманію, но лишь только началъ онъ настаивать о присягѣ, то встрѣтилъ некоторое затрудненіе. „Мы ради служить Государю безъ крестнаго цѣлованія, говорили многіе изъ нихъ, и намъ присягать не для чего.“ Споръ продолжался четыре дня, наконецъ положено было присягнуть Государю на вѣрность службы; если же кто неучинитъ присяги, того казнить смертію, а имущество грабить (401).

Присяга произведена была на площади, близъ соборной церкви, въ присутствіи стольника Касагова и дьяка Богданова, и всѣ присягнувшіе казаки вписывались въ книгу, присланную изъ Посольского приказа; другая книга оставлена была ими въ войску, для вписыванія въ ону именъ тѣхъ казаковъ, кои впредь придутъ служить въ войско, и всѣмъ тѣмъ, кои родятся на Дону и достигнутъ совершенного возраста.

Главныя статьи присяги заключались въ томъ, чтобы старшинамъ и казакамъ, всѣ открывшіяся на Дону возмущенія, и тайные заговоры противу Государа и отечества, въ тожъ

(401) Тамъ же, распросный рѣчи стольника Григорія Касагова и дьяка Андрея Богданова, ноября 8 дня 1671 года.“

время укаращать, главныхъ заговорщиковъ присыпать въ Москву, а ихъ послѣдователей по войсковому праву казнить смертю, если же кто изъ нихъ въ нарушениі этой присяги, измѣня Государю и отечеству, начнетъ ссыльаться съ непріятелями своего отечества, или съ поляками, нѣмцами или татарами, съ таковыми предателями, не щадя жизни своей, сражаться, самимъ къ таковымъ злоумышленникамъ не приставать и даже не помышлять о томъ, съ калмыками дальнѣйшихъ сношений не имѣть, кромѣ увѣщаній служить Государю съ казаками вмѣстѣ; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить, никого не грабить и не убивать и во всѣхъ дѣлахъ ни на кого ложно не показывать. На здравіе Государя и всей его царской фамиліи не посягать, и кромѣ Его Величества Государи, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и всея Россіи Самодержца, другаго государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другихъ земель царей и королей или принцовъ иноземныхъ и россійскихъ, на царство всероссійское никого не призывать и не желать, а ежели услышатъ или узнаютъ на Государя и всю его царскую фамилію скопъ или заговоръ или другой какой умыселъ, возникшій у россіянъ или у иноземцевъ, и съ такими злоумышленниками, не щадя жизни своея, биться (402).

Произшество въ Астрахани. По выступленіи Разина изъ Астрахани съ болѣею частію возмутителей, 3-го августа произошло въ этомъ городѣ неизвѣстно отъ какихъ причинъ волненіе; разъяренные измѣнники съ оружіемъ въ рукахъ бѣгали по улицамъ, вламывались въ дома чиновниковъ, оставшихся еще въ живыхъ, извлекали ихъ изъ оныхъ на площадь и предавали смерти; другіе бросились въ домъ митрополита Іосифа искать скрывшагося тамъ главнаго смот-

(402) Дѣла Донскія, наказъ отправленному на Донъ стольнику и полковнику Григорію Косагову и дьяку Андрею Богданову, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1671 года. Запись, по которой атаманы и казаки приведены къ присягѣ въ Москвѣ и на Дому.“

ритея государевыхъ рыбныхъ промысловъ Ивана Турчанинова, съ намѣреніемъ убить его и всѣхъ служителей митрополита, которому грозили смертю и которого поносили дерзкими словами, за то, какъ они говорили, что онъ угощается боярамъ, а не имъ; и потомъ разошлись безъ дальнѣйшихъ послѣствій, сказавъ напослѣдокъ митрополиту: „только тебѣ у насъ не уѣзжай“ (403).

Послѣ этого произшествія до 6 ноября въ Астрахани все было спокойно, хотя и имѣли вѣрное свѣдѣніе о разбитіи подъ Симбирскомъ главного своего предводителя Разина. Въ этотъ день принесъ къ митрополиту мурза Енаметъ, государеву грамоту, полученную имъ на доставленіе отъ Каспулата князя Черкасскаго; грамота эта писана 27 сентября къ возмутителямъ: донскимъ казакамъ и астраханскимъ, о томъ, чтобы они принесли государю повинную во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ. Митрополитъ приказалъ съ этой грамоты списать три списка и положить одинъ въ олтарь соборной церкви, другой въ домовой церкви, а третій оставилъ въ своей кельѣ. Послѣ этого приказалъ онъ ключарю своему, призвавъ къ себѣ Донскихъ есауловъ: Андрея Лебедева, Сергѣя Чупкина и другихъ казаковъ, объявить имъ милостивую государеву грамоту и уговорить принести ему повинную во всѣхъ своихъ измѣнническихъ дѣлахъ. Казаки, выслушавъ грамоту, не только не пришли въ раскаяніе, но еще болѣе озлобились на митрополита, объявляя всѣмъ товарищамъ своимъ, что онъ составляетъ подложныя грамоты, имѣя намѣреніе предать ихъ въ руки бояръ. На другой день возмутители пришли въ движеніе и собрались на дворѣ къ атаману Василью Усу. Митрополитъ приказалъ звонить въ большой колоколъ соборной церкви для собранія народа: ключарь, вышедъ изъ церкви, прочелъ собравшемуся народу и некоторымъ бунтовщикамъ, находившимся тутъ же въ присутствіи митрополита, подлинную Государеву грамоту, и по-

(403) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

ми словами въ изступлениѣ, приказалъ этого юнаго князя, имѣвшаго отъ рода 16 только лѣтъ, повѣсить чрезъ городскую стѣну за ноги; послѣ въ то же время повѣшеннѣ былъ близъ него и меньшій 6-ти лѣтній братъ его. Казначей Алексѣевъ долженъ былъ понести лютѣшую смерть: его повѣсили на висилицѣ за ребра; въ такомъ положеніи они находились цѣлые сутки. На другой день Разинъ приказалъ старшаго Прозоровскаго бросить съ раската, а меньшаго отдать матери, предполагая что онъ мертвъ (389).

Разинъ въ особенности излилъ всю злость свою на приказныхъ служителей, которыхъ онъ, извлекая изъ домовъ ихъ, вѣшалъ за ребра. Женъ ихъ, а равно и прочихъ гражданъ, предавалъ на поругательство своимъ сподвижникамъ; иныхъ же приказывалъ вѣнчать насильно съ этими извергами; священниковъ, кои осмѣливались противуриѣтить ему, бросалъ живыхъ въ воду.

(389) Тамъ же. Послѣ же того 17ля въ 13 день, онъ же злый воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ съ товарищи, напившися пьянь у кабака стоя, присыпалъ ясаулъ своего къ митрополиту Иосифу и велѣлъ взять и передъ себя привезти князя Бориса Ивановича большаго; приведену же ему бывшу предъ него, нача вопрошати его о таможенныхъ пошлинахъ деньгахъ, что де отецъ твой такими деньгами завладѣлъ и князь же ему отвѣща, тѣ пошлинныя деньги отнесены въ приказную палату служивымъ людямъ на жалованье а отданы въ денежному столѣ подьячemu Алексѣю Алексѣеву, а отецъ мой тѣми деньгами некорыстовался, и повелѣлъ привести подьячаго и вопроси его о деньгахъ въ онъ отвѣща, тѣми деньгами бояринъ некорыстовался, понеже розданы на жалованье служивымъ людямъ, а сколько ихъ роздано и кому именно, о томъ явствуютъ расходныя книги. Злый же богоотступникъ Стенька рѣче князю Борису гдѣ ваши животы? И князь дерзновенно рече животы де отца моего вы пограбили и отдаваль тѣ животы казначею нашу, а возиль ихъ твой ясауль Ивашко Андреевъ Хохлачъ. Стенька же тому невинная, повелѣлъ его на градовой стѣнѣ за ногу повѣсить. А подьячаго Алексѣя Про-кофьеву и захватя за ребро повѣсить на висилицѣ. Другаго же меньшаго князя Бориса также повелѣлъ за ногу же повѣсить на градовой же стѣнѣ подъ брата его; висѣли же они новые страдальцы отъ седьмого часа дни и доночи и всю ночь до свѣта, на утрѣ же проклиты еретикъ и богоотступникъ Стенька Разинъ приѣхалъ о седьмомъ часу дни и повелѣлъ князя Бориса большаго снять и бросить съ раската, противъ Троицкаго монастыря, меньшаго же князя Бориса повелѣлъ отдать книгии его (матери) Нараскевѣ Федоровѣ. А подьячаго Алексѣя повелѣлъ отдать матери его погребсти въ Троицкомъ монастырѣ: “

увѣщанія, удалились съ угрозами и бранью. На другой день, т. е. въ великую субботу, стрѣльцы привезли сами государевы граметы къ митрополиту въ церковь; онъ, распечатавъ, началь было ихъ читать собравшимся стрѣльцамъ и казакамъ, между коими находился атаманъ Васъка Усть; но стрѣльцы, не выслушавъ, удалились на площадь, где находились въ съборніи всѣ возмутители. Ревностный архипастырь, нещадя жизни своей для спокойствія отечества, рѣшился самъ пойти со всѣмъ духовенствомъ въ разбойническій кругъ, и велѣлъ въ присутствіи всѣхъ ихъ протоіерею Иоанну читать государевы грамоты громогласно. Содержаніе этихъ грамотъ заключалось въ томъ, что бы астраханскіе стрѣльцы схватили всѣхъ Донскихъ казаковъ и содержали бы ихъ подъ стражею впередъ до повелѣнія, за что имъ обѣщано прощеніе въ камѣнѣ противу Государя и отечества. Возмутители выслушавъ грамоты пришли въ сильное волненіе: кричали, что грамоты эти присланы отъ бояръ, а не отъ Государа, иначе они были бы за красною печатью; что можетъ быть эти грамоты составлены самъ митрополитъ съ своимъ духовенствомъ. Послѣ этого кричали и угрожали митрополиту: „если бы не такие дни наступили, ты бы узналъ, какъ возмущать наше спокойствіе;—тужитъ по тебѣ раскатъ! ты причиною нашего несогласія съ Донскими и Терскими казаками, и ищешь нашего несчастія, переписываясь съ Москвою и боярами“.

Неустранимый архипастырь съ твердымъ духомъ говорилъ имъ: для чего вы, не выполняете воли своего Государя, для чего не берете подъ стражу возмутителей Донскихъ казаковъ, какъ виновниковъ вашихъ несчастій, для чего отвергаете отъ себя милость царя вашего, который, по врожденному своему сердоболію, проститъ всѣ ваши злодѣянія, если только выполните его волю и принесете ему повинную; я за васъ ходатай у престола, положитесь на меня и тѣмъ спасете себя, семейства свои и имущества. Но бунтовщики невнимали прізванию архипастыря и кричали: „кого мы возьмемъ подъ стра-

жу, мы все измѣнники." За тѣмъ разошлись, оставивъ у себѣ царскую грамоту.

Въ продолженіи святой недѣли, въ Астрахани все было тихо и спокойно. Въ Фомино воскресенье, буйное скопище собралось на площадь, послало въ соборную церковь за ключаромъ Федоромъ, который въ это время совершилъ литургію. Оттуда привели его въ толпу и спрашивали кто составлялъ грамоты, читанныя имъ митрополитомъ. Федоръ увѣрялъ ихъ, что эти грамоты неподложны, а действительно приславшіе къ немъ отъ Государя и увѣщавшіе ихъ исполнить волю его и принести повинную. Разъяренные этими словами бунтовщики отвели Федора за городъ и тамъ отрубили ему голову.

Высочайшая грамота къ астраханцамъ привела атамановъ Василья Уса и Федора Шелудяка въ осторожность, заставившую ихъ для безопасности вызвать изъ Царицына въ Астрахань 500 человѣкъ казаковъ (404).

Атаманъ Шелудякъ разбить подъ Симбирскомъ. Между тѣмъ главнѣйшие мятежники Василій Усь и Федоръ Шелудякъ, извѣщенныя о взятии Донскими казаками главнаго ихъ предводителя Степана Разина и объ отправлении его за карауломъ въ Москву, принали мѣры на освобожденіе его вооруженною рукою, писали во всѣ города, преданные Разину, о его несчастномъ положеніи и требовали всеобщаго вооруженія на истребленіе бояръ, думныхъ людей, солдатъ и купцовъ за ихъ измѣну противу Государя и недоброжелательство къ немъ. Мятежники нашли всѣхъ гражданъ и стрѣльцовъ поволжскихъ городовъ готовыми на защиту, по ихъ мнѣнію, праваго дѣла. Въ этой увѣренности астраханскіе возмутители, подъ предводительствомъ атамана Федора Шелудяка, двинулись изъ Астрахани на 170 стругахъ рѣкою Волгою къ Царицыну, отсюда къ Саратову, а потомъ отплыли въ Самарѣ. Возмутители, по мѣрѣ приближенія ихъ къ Симбирску, безпрерывно увеличивались при-

(404) Тамъ же.

ходившими изъ разныхъ мѣстъ Донскими и Уральскими казаками, стрѣльцами и крестьянами. Въ городѣ Самарѣ вся шайка эта раздѣлилась на три части: конница и часть пѣхоты, состоявшая изъ 1,000 человѣкъ, отправлена была въ Симбирску сухимъ путемъ, подъ начальствомъ атамана Ивана Константинова, и передовые 3,000 человѣкъ, подъ начальствомъ особаго атамана, на 70 стругахъ рѣкою Волгой; предводитель же ихъ Федоръ Шелудякъ слѣдовалъ за ними на 370 судахъ со всѣмъ своимъ скопищемъ. Мая 29 дня возмутители обложили со всѣхъ сторонъ Симбирскъ, въ коемъ заперся съ малымъ числомъ войскъ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметьевъ. 9-го числа іюня въ 1-мъ часу ночи, возмутители всѣми силами приступили къ городу и пошли на приступъ; осажденные мужественно приняли своихъ непріятелей на всѣхъ пунктахъ, сраженіе было жаркое и упорное; осаждающіе гибли подъ ударами осажденныхъ и неотступали. Наконецъ, на разсвѣтъ дня возмутители, утомленные неудачнымъ приступомъ и кровопролитнымъ боемъ, отступили отъ города. Осажденные сдѣлали вылазку, бросились на бѣгущихъ враговъ своихъ и отняли у нихъ пушки, порохъ и ружья. Главный предводитель ихъ Федоръ Шелудякъ съ большими силами бѣжалъ съ великою поспѣшнотю въ Астрахань; прочие же мятежники, преслѣдуемые страхомъ, разбрѣжались въ свои мѣста (405).

(405) Грамота войску Донскому 1671 года іюня 21 дня.

„ Въ нынѣшнемъ во 179 году, іюня въ 23 день, писали къ намъ Великому Государю изъ Симбирска бояринъ нашъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи, а въ отпискахъ его написано: маія въ 29 день воровскіе казаки собрався съ Бѣлаго яру приходили подъ Симбирскъ въ 70 стругахъ полтореты тысячи человѣкъ, да того же числа приходили съ Самары конные и пѣшие съ 1,000 человѣкъ съ атаманомъ съ Иваномъ Константиновымъ, да снизу приходили воровскіе казаки астраханскіе, красноярскіе, черноярскіе, царицынскіе, саратовскіе жители въ 370 стругахъ, и болграи нашего и воеводы и ратныхъ людей и города Симбирска жителей въ старомъ въ Симбирскѣ городѣ осадили самою крѣпкою осадою и іюня въ 9 числѣ въ ночи приступили же стокимъ приступомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ 1 часа ночи, до отдачи

Атаманъ Усъ умерщвляетъ въ Астрахани митрополита Іосифа и князя Львова. Атаманъ Федоръ Шелудякъ, по выступлениі съ мятежниками изъ Астрахани подъ Симбирскъ, извѣстился на пути о всѣхъ подробностяхъ несчастія случившагося на Дону съ Разинымъ и его сообщниками; что все и относилъ онъ къ дѣйствіямъ тайного внушенія со стороны астраханского митрополита Іосифа, князя Львова и чиновниковъ, кои остались еще въ живыхъ; почему, дабы освободиться навсегда отъ нихъ, послалъ отъ себя въ Астрахань къ Василью Усу и ко всѣмъ астраханскимъ мятежникамъ стрѣльца Алексея Качановскаго сказать, что Разинъ скваченъ на Дону и отправленъ въ Москву по наущенію митрополита Іосифа, князя Львова и приказныхъ людей; что безопасность на будущее время требуетъ того, чтобы умертвить всѣхъ ихъ; и что дотолѣ не пойдетъ въ походъ, пока не получить отъ нихъ свѣдѣніе о ихъ умерщвленіи (406).

часовъ ночныхъ, и милостію Божію и заступлениемъ Пречистыя Богородицы надежды христіанскія и нашимъ великаго Государа и нашимъ государскихъ дѣтей счастьемъ тѣхъ воровскихъ казаковъ, которые послѣ вора и измѣнника Стеньки Разина остались и его злому воровству послѣдовали, и которые забывъ страхъ Божій къ нимъ въ таковое же воровство уклонились, и имъ ворамъ и богоотступникамъ, за ихъ къ намъ Великому Государю въ винахъ своихъ не- обращеніе, милостивый Господь Богъ не потерпѣвъ, тѣхъ казаковъ, которые собрався съ Бѣлого яра и съ Самары съ атаманомъ съ Ивашкомъ съ Константиновымъ приходили подъ Симбирскъ, также и тѣхъ, которые приходили въ 370 стругахъ, на приступахъ бояринъ нашъ и воевода Пётръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи, съ нашими Великаго Государа ратными людьми, многихъ побили.“

(406) Грамота Вологодскому и Бѣлозерскому Архіепископу Симону.

„По нашему Великаго Государя указу къ тебѣ Богомъ нашему Симону архіепископу писано о ворѣ и измѣнникѣ и клятвопреступнику Стенькѣ Разинѣ и о его воровствѣ, и что онъ за то воровство четвертованъ, и послѣ того оставши воры въ Астрахани увѣдали, что заводчики ихъ, всякому злу тотъ воръ и измѣнникъ и клятвопреступникъ, Стенька Разинъ привезенъ къ Москвѣ, собирались тѣ воры вновь Донской казакъ Федъка Шелудякъ и помили изъ Астрахани къ Симбирску и отшедъ отъ Астрахани учини себѣ кругъ и приговорили астраханского Іосифа митрополита и воеводу князя Семена Львова убить, что бъ въ Астрахани впередъ имѣть надежное пристанище“

потому Великий Государь приказалъ сказать вамъ, что въ семъ возмущеніи Стеньки Разина открываются многія вины ваши, за что хотя и должны вы быть чужды царской милости и жалованья, но Государь, по врожденному своему милосердію, всѣ сіи дѣла предаетъ на волю Всемогущаго Бога, снисходя на ваше прошеніе, если только оно искреннее и непрітворное, и для того повелѣль вины ваши простить въ полномъ увѣреніи, что войско Донское заслужитъ таковую царскую милость своимъ раченіемъ и пошлетъ казаковъ на истребленіе Стеньки Разина и его сообщниковъ, стараясь всѣми средствами его и брата его Фролку поймать и представить въ Москву, съ прочими же злѣйшими его сообщниками поступить по войсковому праву (399).

(399) Дѣла донскія, списокъ съ сказки, какова сказана въ Казанскомъ дворцѣ станичному атаману Родіону Колуженнину.

„ Великій государь царь и великий князь Алексій Михайловичъ всел великия и малыя и бѣзы Россіи самодержецъ велиль вамъ, станичному атаману Родіону Колуженнину, да есаулу Марку Льзову съ товарищи сказать: въ нынѣшнемъ въ 179 году пріѣхали вы къ Великому Государю быть челомъ ему великому Государю Донскаго войска отъ всѣхъ старшинъ въ видахъ своихъ, что Донскаго войска многіе люди пристали къ воровству вора и измѣнника Стеньки Разина и многое кровопролитіе учинили. И великий государь царь и великий князь Алексій Михайловичъ всел великия и малыя и бѣзы Россіи самодержецъ, указалъ васъ распросить про то про все въ Казанскомъ дворцѣ, и по распроснѣмъ вашимъ рѣчамъ и по войсковому челобитью великому Государю донесено и въ распросныхъ вашихъ рѣчахъ объявилось ваше многое неисправление, что забывъ Бога и его государское крестное цѣлеваніе и его государскую къ себѣ милость многіе люди къ вору пристали, а которые и не пристали и тѣ надѣ воромъ поиску не чинили и отъ воровства его не унимали и никакихъ вѣстей къ великому Государю не писали и станиць не присыпали. А въ Михаила Самарина присыпали въ то время, какъ еще воръ съ Дону не пошелъ, а какъ воръ съ воровскими людьми собрався и пошелъ на воровство, и о томъ ни о чёмъ вы не писали и станиць не присыпали, и сами бѣ вы, памяту его государево крестное цѣлеваніе и его государскую милость, про то Стенькино воровство, и по его бѣ великаго государя указу посланы бѣ были на Царицынъ его государевы ратные люди, и тому вору иройти въ нынѣ не дали и воровство бѣ неможилось, и то все учинилось вашимъ передѣніемъ, хотя вашей намѣни и нѣбыло въ томъ дѣлѣ, однако жъ было вамъ всѣмъ о томъ мыслить и вора Стеньку къ воровству недопускать и воровству бѣ множиться недавать, а въ то было время можно вамъ всячески тѣ его воровскіе замыслы разорить, а

Слѣдствіемъ этого всепрощенія было возвращеніе сослан-
шаго въ Архангельскъ станичнаго атамана Ивана Аверкіева
и всѣхъ станицы его казаковъ (400).

Прияга казаковъ на вѣрность службы. Въ отвращеніе же подобныхъ на Дону возмущеній посланъ былъ изъ Москвы стольникъ и полковникъ Григорій Касаговъ и

наперед сего того у васъ въ войскѣ небывало, а служили вѣрно и воровъ унимали и всегда, на Дону и въ полкѣ у бояръ и воеводъ служба ваша и радѣнье бывало, и такихъ воровъ по войсковому праву указъ имъ чинить; а нынѣшнее кровопролитіе учинилось все вашии нерадѣніемъ. И великий Государь царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всемъ великии и малыи и бывши Россіи самодержецъ указалъ вамъ сказать, что въ томъ во всемъ многія ваши вины объяснились и за такія свои вины достойны быть во всемъ чужи его государской милости и жалованья, однакожъ онъ великий государь, по своему государскому милосердію, возложа тѣ всѣ дѣла на волю Всемогущаго Бога, видя ваше нынѣшнее человѣбіе и отпущеніе вашихъ винъ и нынѣшнее ваше начатое дѣло къ добруму на разореніе Стенькина воровства и его совѣтниковъ, буде вы всемъ войскомъ истинно ему великому Государю блгете челомъ и безо всякаго лукавства вины свои приносите, покажовавъ васъ, вины ваши вѣрѣ отдать; и вамъ бы видѣть себѣ такую его государскую милость служить вѣрно, такъ какъ до нынѣшняго лукаваго Стенькина воровства служили, и прїѣхать въ войско, тое его государскую милость всему войску сказать, и учини войскомъ совѣтъ, чинить проклятие надъ воромъ Стенькою и братомъ его Фролкою и надъ иными зачинатели воровству, и поймавъ тѣхъ воровъ Стеньку и Фролку привестъ къ Москвѣ, а иныхъ бы пущими заводчиками учинить указъ по войсковому праву, а съ Дону о всемъ писать вамъ къ великому Государю почисту и станицы присыпать противъ прежняго, а великаго Государа милость къ вамъ и ко всему войску будеть смотря по вашей службѣ.”

(400) Тамъ же, грамота на донъ 1671 г. Іюля дни.

„ Въ промлъвъ во 178 году къ намъ Великому Государю, къ нашему Царскому Величеству прислали вы, атаманы и казаки и все донское войско, станичнаго атамана Ивана Аверкиева съ товарищи 26 человѣкъ бить челомъ намъ великому Государю что бъ мы, великий государь, въсъ атамановъ и казаковъ пожаловали, всѣми къ вамъ послать нашего великаго Государи денежное жалованье и хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ, и въ то время за измѣною вора и богоотступника Степаны Разина, недовѣризая той вашей станицѣ, по нашему великаго Государи указу были въ ссылкѣ у Архангельского города. И въ нынѣшнемъ во 179 году Іюля въ 10 числѣ, понашему же великаго Государи милостивому указу, тѣ станичный атаманъ Иванъ Аверкиевъ и казаки взятые отъ Архангельского города изъ ссылки къ Москвѣ, и пожалованъ наименъ великаго Государи жалованьемъ, отпущены къ вамъ атаманамъ и казакомъ въ войско.“

рополита погребенію, которое и положено въ соборной церкви. Послѣ этого убийства злодѣи привели въ свою толпу князя Семена Ивановича Львова, дѣлали ему многоразличныя истязанія и отрѣзали ему голову; а вмѣсть съ нимъ лишили жизни стрѣлецкаго голову Ивана Протопопова, подъячаго Ивана Перьякова, многихъ дворянъ и нѣкоторыхъ лучшихъ посадскихъ людей (407).

(407) Історисное сказание о градѣ Астрахани.

„Лѣта 7170, мая въ 21 день, пріодоша въ соборную церковь посланнія атамана Васыки Уса, исауль Васыка Кабанова съ товарищи, Иванка Севрина и Иванка Горюкова и иныхъ воровъ и измѣнниковъ немало по великаго господина преосвященнаго митрополита астраханскаго и терскаго во время божественныхъ літургій, и призываю съ великими невѣжествомъ въ свое богомерское сонмище въ кругъ. Преосвященный же отвѣща имъ добре: пріодосте чадо ко мнѣ, пождите мало, да облачуюсь въ святительскую одежду и мѣдь начать облачаться И облачуся онъ великий господинъ новейѣ благовѣстити въ большой колоколь и въ другія переборомъ, что бы сходилися священники идти съ нимъ къ казакамъ въ кругъ. И какъ онъ великий господинъ преосвященный Йосифъ митрополит астраханскій и терскій пріимѣль въ кругъ и стала говорить атаману Васыку Усу, почто, рѣче, вы воры и крестопреступники меня презываете, и атаманъ Васыка рѣче Коченовскому что ты сталъ, выступай, съ чѣмъ ты прѣѣхалъ отъ войска, говори теперь. А Коченовскій начать глаголати великому святителю, присланъ рѣче, отъ что ты воровски переписываешься съ Терекомъ и съ Дономъ и по твоему письму Терекъ и Донъ отъ часъ отложились. Преосвященный же рѣче, азъ съ ними не переписывалъ И они воры многие съ круга закричали, тантъ де онъ воровство свое, яко бы не переписывалъ, какой де онъ правой человѣкъ, что пріимѣль въ кругъ со крестомъ, да мы и сами христіяне, а то яко бы пріимѣль ко иновѣрьимъ, и начаша тѣ воры изъ круга выступать, что бы съ него святительскую одежду снять. Тогда изъ ихъ же воровскаго сонмища выступилъ казакъ донской именемъ Миронъ и начать имъ глаголати, почто вы братія на такой великой санѣ хощете руки возложить, намъ бы къ тому великому сану и привоснуться невозможно. А казакъ Алешка Грузинецъ кинуся на Мирона и ухватилъ его за власы и съ нимъ многие казаки и начаша его колоть и рубить предъ нимъ, святителемъ, и извлекоша его Мирона за кругъ до смерти убиша. И потомъ приступиша они воры къ протопопу и къ священникамъ и начаша ихъ толкать и бранить скаредною бранью и глаголюще спнимайте съ митрополита санъ Палачъ же Ларька снялъ съ него святителя двѣ рясы и связавъ ему руки и ноги и поваливъ его на огонь въ единой черной свиткѣ суконной, и та свитка на немъ загорѣлась, и онъ спекуляторъ на немъ святителѣ ту свитку въ доскутье изорвалъ и начать

Князь Милославскій беретъ Астрахань. Наконецъ наступилъ часъ возмездія за всѣ злодѣянія, произведенныя мятежниками въ продолженіи пяти лѣтъ сряду.

Толпы ихъ, разбитыя подъ Симбирскомъ, устряшась правосудія, спѣшили принести повинную Государю чрезъ своихъ депутатовъ; другіе, въ страхѣ и отчаяніи, незнай чѣмъ все это кончится, бродили по деревнямъ и пустынамъ; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали на Донъ, въ надеждѣ найти тутъ безопасное пристанище, но были изловлены и казнены въ Черкасскѣ; злѣйшіе же изъ нихъ отосланы въ Москву, гдѣ получили достойное своимъ преступленіямъ наказаніе. Для искорененія разбойническаго гнѣзда въ Астраханіи, Государь отправилъ сильное войско, подъ начальствомъ князя Ивана Богдановича Милославскаго, который, плывя Волгою, водворялъ по всѣмъ городамъ спокойствіе. Между тѣмъ предписано было и войску Донскому вооружиться на астраханскихъ бунтовщиковъ; но движение произведенное крымскимъ ханомъ съ измѣнникомъ Дорошенкомъ на калмыцкихъ владѣльцевъ Бока и Дувара, кочевавшихъ съ улусами своими между Дономъ и Волгою, остановило отправленіе съ Дона войскъ на помощь Милославскому (408).

его жещи, нагаго на огнь, наступи на чрево его ногою, глаголюще, скажи ты и митрополитъ свое воровство, како ты переписывался къ Москвѣ и съ Дономъ и съ Теркомъ. Онь же великий святитель ничего ему отвѣту недаде, точю молитву творяше леже на огнѣ и его Ларьку проклинаше; съ нимъ же палачемъ на огнѣ жесть святителя солдатъ прозваніемъ Ветчина, а имъ его невѣдомо. Таке поведоша его святителя на раскатъ и идучи онъ хромалъ, понеже, пытаючи, ногу ему помяли. Едуа же великий святитель преосвященный Иосифъ митрополитъ астраханскій и терскій идяше мимо, убіеннаго казака Мирона и обвѣрѣся на тѣло его, осѣвши рукою въ поклоніи. А вѣтъ его, святителя на раскатъ воровской ихъ казакъ Алешка Грузинкинъ, и мимо идучи на соборную церковь, о великой господине, взирая, помозился, и возведши на раскатъ его, святителя, на край раската положиша, связавше, ринуши его; и упаль онъ великий святитель къ востоку къ собору правою щекою и тое щеку сбились до крови, да изъ носа вышли крохи немало. А какъ онъ великий господинъ на землю ринуше, и въ то время велики стукъ и страхъ бысть; они же воры въ кругу вси устришиша и замолчаша на долгое время, стояще повѣся головы и ничего другу другу непромолвиша и изумишаася.“

(408) Грамота на Донъ 1671 года Іюля 28 дні.

По приближениі россійскихъ войскъ къ Астрахани, возмутители вышли противъ оныхъ въ судахъ въ намѣреніи недопустить въ городу, но были опрокинуты обратно въ городъ. Князь Милославскій 1 сентября остановился со всѣмъ своимъ

„ Въ инышиемъ 181 году іюля въ 12 день писалъ къ намъ Великому Государю изъ Симбирска бояринъ нашъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи: Июна де въ 27 день, писали они память на Самару къ самарскимъ и Самарскаго уѣзду всакихъ чиновъ къ жителямъ, и къ воровскимъ казакамъ, которые подъ Симбирскомъ и остановились на Самарѣ, чтобы они, помни страхъ Божій и наше Великаго Государа крестное дѣлованіе и милость, намъ Великому Государю въ винахъ своихъ да били челомъ вскорѣ, и іюля де въ 1 день объявился предъ ними въ приказной палатѣ воровской казакъ Лукоњка Сергѣевъ, а въ распросѣ тотъ казакъ сказалъ, пришелъ де онъ въ Симбирскъ нарочно, намъ Великому Государю въ видѣ своей добить челомъ и отъ своей браты 2,000 человѣкъ, которые хотѣли остататься въ Наденинскомъ усолье, и изъ Наденинского усоля хотѣли прѣдти въ Симбирскъ, добить челомъ намъ Великому Государю, только де итти въ Симбирскъ опасались и остановились на Самарѣ и ожидали къ себѣ нашу Великаго Государя милость, и усольскіи жители всѣ идутъ въ Симбирскъ въ винахъ своихъ намъ Великому Государю добить челомъ, а какъ де собрався всѣхъ низовыхъ городовъ жители и онъ Лукоњка ходили подъ Симбирскъ и къ городу приступали, хотя его взять вскорѣ, а итти въ иные верховые города, и какъ де ихъ на приступѣ у города и въ посылкѣ, которые ходили противъ нашихъ Великаго Государа ратныхъ людей, и они воры побиты многіе, а ихъ осталось только тысячи съ три, и какъ изъ города выходили на вылазки на ихъ воровскіе шанцы и ихъ многихъ же побили, и они служавши изъ подъ Симбирска побѣжали и пришли на Самару А астраханцы де и красноярцы, и черноярцы, и царицынцы, и саратовцы, съ Самары пошли всѣ по домамъ своимъ; а оставши де отъ себѣ астраханцовъ дву человѣкъ лучшихъ людей намъ Великому Государю въ винахъ своихъ добить челомъ, а самаряне де остались всѣ въ домахъ своихъ, а лицкихъ казаковъ пошло на Яикъ съ полтораста человѣкъ. Изъ подъ Симбирска де тѣ воровскіе люди бѣжали съ великимъ страхомъ· нигдѣ не приставал, потому что подъ Симбирскомъ всѣ разбиты, и пушки и ружье, и порохъ всѣ отбиты.“

„ Распросный рѣчи Донскаго станичнаго атамана Анфиногена Иванова, прибывшаго въ Москву 26 августа 1671 года.

„ Приходить къ намъ на Донъ царицынскіе жители на житѣе, а сказываютъ, что у нихъ еще на Царицынѣ несмирно, и они де атаманы и казаки тѣхъ людей къ себѣ не принимаютъ, да и въ верховые де городки писано, чтобы ихъ безъ указу Великаго Государа не принимали жъ; а подлинно де они атаманы и казаки тѣхъ царицынскихъ жителей, которые къ нимъ приходять, распрашивали, что у нихъ на Царицынѣ дѣлается, и всѣ хъ они въ винахъ сво-

войскомъ въ трехъ верстахъ отъ Астрахани, при устьѣ протоки Болды и въ тожъ время окопался. 10 числа казакъ Алексѣй Карташной, сдѣлавъ вылазку, схватилъ гонца везшаго къ князю Милославскому государевы грамоты. 12 числа по повелѣнію главновомандующаго построили въ одну ночь земляную крѣость на другой сторонѣ Волги на усть-солиной протокѣ и посадили въ оную сильный гарнизонъ. Съ разсвѣтомъ дня возмутители, увидѣвъ вновь выстроенную крѣость, сдѣлали сильную вылазку, подъ начальствомъ того же казака Алексѣя Карташнаго, въ намѣреніи уничтожить оную, но были съ урономъ отбиты; при этомъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ плѣнъ. Послѣ таковыхъ попытокъ измѣнники не дѣлали уже болѣе вылазокъ.

Въ это время главный ихъ предводитель Василій Чертовъ Усь умеръ, а на мѣсто его избранъ былъ атаманъ Федоръ Шелудякъ. Князь Милославскій употреблялъ всѣ мѣры уговорить возмутителей смириться предъ Государемъ, обѣщая имъ прощеніе въ ихъ злодѣйскихъ поступкахъ, но всѣ старанія его были тщетны. Возмутители терпѣли величайшій недостатокъ въ хлѣбѣ, гибли отъ голоду и не сдавались; нѣкоторые изъ нихъ, побуждаемые болѣе голodomъ, нежели чистосердечнымъ раскаяніемъ, приходили въ станъ князя Милославскаго просить помилованія; Милославскій принималъ ихъ ласково и снабжалъ пищею. Разъяренные мятежники въ лютомъ звѣрствѣ своеемъ хотѣли было умертвить женъ, дѣтей и родственниковъ перебѣжавшихъ; но не исполнили своего намѣренія. Среди этого отчаяннаго положенія князь Каспуръ Муцаловичъ Черкасскій, приведшій татаръ своихъ на помощь Милославскому, успѣлъ заманить въ свой станъ подъ

ихъ Великому Государю добили чelомъ? и они де въ допросѣ сказали, что многіе царицынские жители Великому Государю въ винахъ своихъ добити чelомъ ради, а иные де еще многіе жъ и донныѣ въ прежней шатости живуть и между де собою у нихъ великое несогласie и другъ друга побивають, и они де отъ того съ Царицына уходить, чтобы имъ гдѣ свои головы въ то время спасти.“

видомъ переговоровъ Федора Шелудяка, схватилъ его, оковалъ въ желѣза и доставилъ князю Милославскому. Мятежники, узнавъ объ участіи своего предводителя, пришли въ отчаяніе и раздѣлились на партіи. Милославскій, щадя жизнь своихъ воиновъ, не дѣлалъ приступа къ городу, но употребляя при семъ случаѣ всѣ средства склонить возмутителей смирииться предъ Государемъ и принести повинную, въ чемъ онъ послѣ того и успѣлъ. Возмутители доведенные до отчаянія недостаткомъ жизненныхъ припасовъ и лишеніемъ предпримчиваго и отважнаго своего атамана Федора Шелудяка, послѣ многихъ споровъ, рѣшились наконецъ сдать городъ и присягнуть на вѣрность службы Государю, предоставивъ жребій свой его милосердію. Милославскій принялъ депутатовъ ~~городскихъ~~ съ радостію и обнадеживалъ ихъ въ царской милости. 27 ноября, по отпѣніи благодарственнаго Господу Богу молебствія, все войско въ стройномъ порядке, вступило въ Астрахань, неся передъ собою образъ Божія Матери. Возмутители со всѣми гражданами и со всѣмъ духовенствомъ встрѣтили войско за стѣнами города, и, увидѣвъ образъ Пресвятой Богородицы, пали на колѣни предъ онимъ, со слезами славы Бога; даровавшаго имъ миръ и спокойствіе послѣ толикихъ бѣдствій. По вступленіи князя Милославскаго съ войсками въ Астрахань, разставлены были по стѣнамъ, башнямъ и у воротъ городскихъ сильные караулы, а самъ Милославскій, принеся Господу Богу въ соборной церкви благодарность, приступилъ къ водворенію порядка; главнѣйшихъ возмутителей, какъ изъ Донскихъ казаковъ, такъ и астраханскихъ жителей иныхъ приказалъ повѣсить, а другимъ отрубить головы; прочихъ же менѣе виновныхъ велѣно было, по указу Государеву, разослать на поселеніе въ отдаленные россійскіе города (409).

Такъ кончилось возмущеніе Разина и его сообщниковъ,

(409) Лѣтописное сказание о градѣ Астрахани.

См. журналъ подъ названіемъ „ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ, 1763 года, № 111 за ноябрь.“

стоившее жизни илькоихъ тысячъ гражданъ, вовлеченыхъ безразсудными его поступками.

Сообщникъ Разина Донской казакъ Міускій представляетъ Запорожскімъ казакамъ самозванца. Послѣ пораженія Степана Разина и Федора Шелудяка подъ Симбирскомъ всѣ толпы ихъ были или побиты или разстрѣлены. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ сообщникъ Разина Донской казакъ по прозванию Міускій; онъ, собравъ болѣе 200 человѣкъ единомышленниковъ, пришелъ на рѣку Донецъ, тутъ грабилъ проѣзжающихъ купцовъ съ товарами, разбивалъ лартки ратныхъ людей и тѣмъ прекратилъ всякое сообщеніе съ войскомъ Донскимъ (410).

Грабительства эти вскорѣ сдавались известны Государю.

(410) Дѣла Донскія, грамота на День 1678 года октября 8 дн.

„Въ нынѣшнемъ во 182 году октября въ 4 день вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что въ степи, на рѣкѣ Донцѣ, объявилось воровство, а воруетъ прежнихъ воровъ Стенькина собранія Разина казакъ Міускій, да съ нимъ тогожъ воровскаго собранія многіе люди, человѣкъ ст 200 и болѣе, и проѣздѣ отъ нихъ нашмы, Великаго Государа, ратныхъ и всякихъ чиновъ людей становятся труденъ, да и виредъ отъ нихъ по рѣкамъ по Дону и по Волгѣ и въ степи чалты многоаго воровства, потому что многіе воры Стенькина собранія Разина, которые ушли изъ Астрахани и изъ Чернова Дру, живутъ нынѣ по Дону въ верхніхъ казачьихъ городкахъ. И какъ къ вамъ си наша Великаго Государи грамота придется, и выѣѣ, атаманы и казаки и все войско Донское, служа намъ Великому Государю и пословѣтоваръ съ думными камінъ дворяниномъ и воеводами съ Иваномъ большими Савостыновичемъ Хитрово съ товарищи, учинили о тѣхъ ворѣхъ всякой промыслъ сопта, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ вашему службою и промысломъ и радѣніемъ на Донцѣ и въ иныхъ мѣстахъ по Дону и въ степи воровства не было и чтобъ тѣхъ воровъ перенянить и пристанища ихъ разори тъ.“

Распроснны рѣчи Володимирской чети подъимчего Кирилла Федотова и Посольского приказа Толмача Леонтия Тороманова, прибывшихъ съ Дону въ Москву октября 14 дн 1678 года.

„На Сѣверскомъ Донцѣ объявилось воровство и вскихъ прѣїзжихъ людей грабить и побивають, а слыхали они отъ Донскихъ казаковъ, что воруютъ на Донцѣ хохлачи, и казаки де степью и Дономъ въ судахъ брать имъ не вѣдѣли. А грабить де тѣ воры на Донцѣ торговыхъ людей, которые ходятъ на Донъ съ товарами, съ Бѣлогорода, съ Осека, съ Манка и изъ иныхъ управлениихъ городовъ.“

Войску Донскому вѣльно истребить бродящую шайку; это было дѣйствительно исполнено, но Міускій скрылся и, не находясь найти на Донцѣ болѣе приверженцевъ, рѣшился сѣять новую смуту въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ намѣреніи подговорилъ онъ одного изъ своихъ сообщниковъ, человѣка молодаго, по имени Матвѣя наименовать себя царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, сыномъ Царя Алексѣя Михайловича. Съ этимъ то самозванцемъ и съ восемью человѣками приверженными къ нему казаковъ явился онъ 1673 года въ Запорожскую Сѣчь къ наказному кошевому атаману, управлявшему Сѣчью за отсутствіемъ кошеваго атамана Сѣрко, и представилъ ему самозванца, убѣждая принять несчастнаго царевича подъ свое покровительство, гонимаго будто бы матерью своею Царицею Марьею Ильиничною и боярами. Міускій рассказалъ со всею подробностію вымыщенную имъ исторію, между прочимъ объявилъ за тайну кошевому атаману, что у царевича на правомъ плечѣ и руکѣ есть знакъ, изображающій царскій вѣнецъ, двуглаваго орла и мѣсяцъ со звѣздою.

Чрезъ нѣсколько дній послѣ этого Кошевой атаманъ Запорожскихъ казаковъ Иванъ Сѣрко, находившійся въ походѣ, возвратился съ войскомъ въ Сѣчь; самозванецъ съ распущенными знаменами почтилъ его встрѣчей. Сѣрко, желая услышать лично отъ самозванца несчастное его приключеніе и удостовѣриться болѣе въ истинѣ, призвалъ его къ себѣ и въ присутствіи знатѣйшихъ казаковъ спросилъ, дѣйствительно ли онъ есть сынъ Царя Алексѣя Михайловича; самозванецъ вставъ съ мѣста и снявъ шапку отвѣчалъ со слезами: „Богъ мнѣ свидѣтель, что я есьмъ истинный сынъ Цара вашего Алексѣя Михайловича.“ Сѣрко и прочіе казаки, услышавъ изъ устъ самозванца столь искреннее признаніе, сняли предъ нимъ шапки и поклонились ему до земли (411).

(411) Дѣла Малороссійскія, въ столбцахъ изъ № 40. Донесеніе Гетмана Малороссійскихъ казаковъ Ивана Самойловича Царю Алексѣю Михайловичу, декабря 10 дні 1673 года.

Тутъ самоозванецъ рассказалъ имъ вымыщенную исторію своего изъянія: „находясь однажды, говорилъ онъ, въ домѣ дѣда своего Ильи Даниловича Милославскаго, я по неосторожности помѣшилъ ему вести переговоры съ нѣмецкимъ посланникомъ о дѣлахъ государственныхъ, за что онъ невѣжливо отвелъ меня въ сторону. Возвратясь во дворецъ къ матери своей Царацѣ Марьѣ Ильиничнѣ, я въ пылу гнева сказаль ей: „если бы я хотя три дня былъ на царствѣ, то перевелъ бы всѣхъ недоброжелательныхъ бояръ.“ Царица мать моя спросила кого бы я перевелъ? во первыхъ Илью Даниловича, сказалъ я, а потомъ и другихъ. Царица мать моя разсердясь, бросила по мнѣ ножемъ и поранила мнѣ ногу, отъ чего я занемогъ; а потомъ приказала стряпчemu Михаилу Савостьяннову отравить меня ядомъ; но Савостьянновъ изъ состраданія ко мнѣ отравилъ вместо меня пѣвчаго весьма похожаго на меня. По истеченіи трехъ дней пребыванія въ его домѣ онъ, нанявъ двухъ нищихъ за 100 червонцевъ, велѣлъ вывести меня изъ Москвы. Потомъ нищіе эти передали меня неизвѣстному человѣку, который отвезъ меня въ Ар-

„А когда вѣдомо учинилось, что Сѣрко на Запорожье, и онъ царевичъ, распустилъ знамена, почтилъ Сѣрка встрѣчей, котораго Сѣрко тако же принялъ, какъ и иныхъ товарищевъ а когда пришелъ, посадилъ меѧ себѣ и Шелеха, и спрашивалъ его: слышаъ де я отъ наказнаго своего, что ты называешься какова будеть царя сыномъ, скажи Бога боясь, потому что земо холодъ, истинную правду, нашего ль Великаго Государа и великаго Князя Алексѣя Михайловича всеса Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца ты сынъ, или иного, которые подъ его Царскаго Величества высокодержавно рукою пребывають, что бъ мы и тобою обманны не были, какъ иными будучими въ войскѣ шутами? И онъ вставъ, что видѣлъ Дзубъ Гнилица, Кваша, Черкесъ и шапку снявъ и ябо бы черезо плать говорилъ: ненадѣлся я того, что бъ ты меня страшити сталь, а вижу, что надо мною чинится, Богъ мнѣ свидѣтель, правдивый сынъ всеса Великаго Государа Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеса Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, а не иного. И то услышавъ Сѣрко, снявъ шапку съ иными товарищи до земли поклонились, и учали подчиватъ его питьемъ, тогда и онъ, царевичъ, литья рядового не упустилъ, а потомъ опустя руки къ землѣ и смотрѣлъ; а послѣ того колико кратно къ Сѣрку прѣбажалъ.“

шантельскъ. Переходя изъ одного мѣста на другое, я наконецъ пришелъ на Донъ и находился съ Разинымъ во всѣхъ его походахъ подъ именемъ Матвѣя, отправляя при немъ должность кашевара. Послѣ отправленія Разина въ Москву, находился на Дону съ царскимъ жалованьемъ чиновникъ, не имѣніи и прозванію мнѣ неизвѣстный, коему я открылъ настоящее свое происхожденіе, чиновникъ этотъ дарилъ меня деньгами, и я послалъ съ нимъ въ отцу своему Великому Государю письмо, но бояре письма этого до него недопустили. Будетъ время, когда я найду вѣрнаго человѣка, который отдастъ письмо мое отцу моему Великому Государю въ собственный руки; до того же времени содержите меня тайно и необъявляйте обо мнѣ ни кому (412).

Самозванецъ увѣривъ такимъ образомъ кошеваго атамана и старшинъ въ бѣдственномъ своемъ положеніи, объѣзжалъ имъ, по возвращеніи въ родительский домъ, исходатайство-

(412) Статейный списокъ посланныхъ въ томъ же году въ Запорожіи сотника московскихъ стрѣльцовъ Василия Чадуева и приказа малаго Россіи подъимѣщего Семена Щоголева.

„А сказываетъ де онъ, самозванецъ, что онъ съ Москви изогнанъ такимъ подобиемъ: нѣкоторое время будто онъ, самозванецъ, былъ по илоты дѣда своего Ильи Даниловича Милославскаго въ палатахъ, при немъ Илья Даниловичъ, а въ тоже де время былъ у него, боярина, иѣменскій посолъ и говорилъ о дѣлахъ, а онъ де, самозванецъ, будто ту ихъ рѣчь помѣшилъ и Илья де Даниловичъ незѣмово отвелъ свою рукой, и онъ де, самозванецъ, будто въ царскія палаты примиеръ блаженнаго памяти къ государинѣ царицѣ и Великой Княгинѣ Марѣ Ильиничнѣ и говорилъ; еслибы ему на царствѣ хотя три дни побить, и онъ бы бояръ нежелательныхъ всѣхъ перевезъ, и будто государыня царица и великая княгиня Марья Ильинична спрашивала его, ковбъ онъ бояръ перевезъ, и онъ де сказалъ, пергѣ всѣхъ боярина Ильи Даниловича, потомъ къ винамъ, и государыня де царица и Великая Княгиня Марья Ильинична, будто кинула, но немъ можемъ и тотъ вожъ воткнулся въ ногу и онъ де будто отъ того залемогъ, а государыня де царица бодто всѣхъ стряпчимъ Михаилу Савостяннову сыну его окормить, и тотъ де стряпчий окормилъ вмѣсто его пѣнзичаго такимъ же подобиемъ въ лицѣ и возрастѣ, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а иное на того мертваго, и его самозванца будто хранилъ въ тайѣ три дни, и наливалъ дву человѣкѣ иныхъ старцовъ: одинъ безъ руки, другой кривъ, а далъ имъ сто золотыхъ червонныхъ, и тѣ де старцы изъ города вы-

вать у Государя ежегодного жалованья: на три тысячи че-
ловѣкъ кармазинныхъ суконъ, по 10 аршинъ на человѣка,
значительное прибавлѣніе пороха, свинцу и ежегодно при-
сылатъ большія пушки, ядра и струги, и сверхъ того масте-
ра умѣющаго стрѣлять изъ тѣхъ пушекъ; „Государь мило-
стивъ къ вамъ и къ войску Донскому,—присовокупилъ самозва-
нецъ, ежегодно приказываетъ посыпать къ вамъ свое боль-
шое жалованье, но бояре оное удерживаютъ (413).

Гетманъ малороссийскихъ казаковъ Иванъ Самойловичъ,
узнавъ о нахожденіи самозванца въ Запорогахъ и о по-
кровительствѣ оказываемомъ ему казаками, донесъ о семъ
произшествіи Государю, по этому извѣщенію посланы были
къ Запорожскимъ казакамъ два чиновника, сотникъ москов-
скихъ стрѣльцовъ Василій Чадуевъ и подъячій Семенъ Ще-
голевъ съ тѣмъ, чтобы самозванца привезли въ Москву.
Чиновники эти, прибывъ въ Запороги, нашли сильное сопро-
тивленіе отъ кошеваго атамана Сѣрка и отъ куренныхъ ата-
мановъ, собравшихся по этому случаю въ Сѣчь. Сѣрко, увѣ-
ренный въ дѣйствительномъ происхожденіи самозванца отъ
царской зорви, въ пылу гибѣя сказалъ однажды посланнымъ:
„вы достойны казни за намѣреніе ваше поднять руки на си-
на Царя нашего, намъ Богъ послалъ съ неба многоцѣнное
сокровище и самоцѣнный камень, какого не бывало у насъ

везли ево на малой тележкѣ подъ рогожею и отданъ посадскому Мужику, а толь-
ку Мужикъ свезъ его къ Архангельской пристани, и онъ скитался тамъ многое
время, пришелъ на Донъ и былъ съ Стенькою Разинимъ на морѣ не сказывалъ
про себя и былъ у него Стеньки камешаромъ, а имъ себѣ сказывалъ Матюшка,
и передъ взятиемъ его Стенькинымъ къ Москвѣ, онъ, самозванецъ, ему Стеньки
брѣ себѣ сказывалъ за присягою. А послѣ де Стеньки былъ на Дону отъ
Царского Величества съ казною, а кто ими не сказали, и онъ де самозва-
нецъ тому посланному такожъ за присягою сказался, и тотъ де посланный
его самозванца дарилъ и онъ де съ тѣмъ посланнымъ послалъ отъ себѣ, на-
писавъ себѣ рукою письмо, а тогдѣ ево самозванца письмо бояре до Цар-
ского Величества не допустили. И какъ де время дойдетъ, пошлетъ онъ къ
Царскому Величеству о себѣ письмо съ такимъ человѣкомъ, который самъ до
его Царского Величества ходитъ.“

(413) Тамъ же.

со времени существованія Запорожскихъ казаковъ (414).

Между тѣмъ самозванецъ постился въ великой постѣ, Сѣрко приказалъ священнику подъ клятвою спросить у самозванца о его происхожденіи, самозванецъ притворясь ялся на исповѣди священнику, что онъ есть истинный сынъ Царя Алексія Михайловича, и былъ допущенъ къ причастію. Сѣрко услышавъ отъ священника слова эти перекрестился и сказалъ: „дѣйствительно онъ есть сынъ царскій и я не зарекаюсь защищать его!“ Послѣ этого Сѣрко приказалъ одинадцати куреннымъ атаманамъ и священнику осмотрѣть на тѣлѣ самозванца знаки; по осмотрѣ оказалось, что у него на груди и на обѣихъ плечахъ вмѣсто царскаго вѣнца, двуглаваго орла и мѣсяца со звѣздою, какъ удостовѣрялъ Міускій, находилось восемь бѣлыхъ пятенъ и одно большое бѣлое пятно, произшедшее отъ бывшей раны (415).

Такое несправедливое показаніе Міускаго нимало ни от-

(414) Тамъ же.

„И марта въ 13 день 1673 г. также и до самаго отпуска кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко созывъ къ себѣ въ курень куренныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ радcovъ и призывалъ Василья и Семена Чадуева и Щеголева, при генеральномъ лсаудѣ Алексія Черничинѣ, говорилъ: много вы пріѣхали изъ Запорожья наворовали на великаго человека, хотѣли руки поднять государича убить, досгойны де они Василій и Семенъ смерти. А ихъ де Богъ далъ съ неба многоцѣнное сокровище жемчужное зерно и самоцѣнный камень, никогда искони вѣковъ у нихъ на Запорожье не бывало.“

(415) Тамъ же.

„А въ нынѣшней де великой постѣ онъ, самозванецъ, постился и онъ Сѣрко вѣдѣль священнику ево, самозванцу, на исповѣди чрезъ клятву свидѣтельствовать, поданино лѣ такъ сказываетъ, и онъ чрезъ клятву сказаъ, что иправда истинная и причащаися. И нынѣ де кто что ни говориши пили, всѣ они въ томъ ему вѣрять, и перекрестясь онъ Сѣрко говорилъ, что истинный Царевичъ, не зарекаемся де мы за его промысломъ.“

„И марта въ 17-й день, 1674 г., предъ обѣднею кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко послыпалъ священника да 11 человѣкъ куренныхъ атамановъ того самозванца осматривать что на немъ за признаки; и на немъ де на плечахъ . . на подобіе царскаго вѣнца и двоглаваго орла и мѣсяца съ звѣздою пѣтъ, только на груди отъ плеча до другова плеча восемь пятенъ бѣлыхъ какъ перстомъ ткнутыя, а на правомъ плечѣ подобіемъ какъ линій бываетъ запроко и бѣло.“

клонило кошеваго атамана и прочихъ старшинъ отъ приверженности къ самозванцу, покрайней мѣрѣ дало поводъ царскимъ посланникамъ Чадуеву и Щеголеву съ большюю смѣлостю утверждать, что выдающій себя за царевича дѣйствительно есть обманщикъ, и послѣ многихъ споровъ, наконецъ успѣли склонить Сѣрка и старшинъ запорожскихъ послать самозванца въ Москву. По этому случаю была собрана рада, на коей съ общаго согласія опредѣлено было отправить самозванца въ Москву въ сопровожденіи знатныхъ старшинъ: Процына, Золоторя, Трофима Троицкаго и войскового писаря Пелепелицы.

По прибытіи этихъ посланцовъ въ Москву, самозванецъ представленъ былъ въ Посольскій приказъ, гдѣ въ присутствіи бояръ, думныхъ людей и запорожскихъ старшинъ, самозванецъ съ пыткою начально показалъ, что онъ родомъ по-якъ, звать его Сенькою, 20 лѣтъ, родился въ городѣ Лохвицѣ, откуль пришель въ Варшаву, былъ силою взятъ нѣмцами и проданъ глуховскому купцу, у коего проживши недѣль пять, бѣжалъ въ Чугуевъ, тамъ познакомился онъ съ донскимъ казакомъ Міускимъ, и былъ съ нимъ на Дону подъ именемъ Матвѣя; потомъ показалъ, что онъ сынъ подданнаго князя Вишневецкаго, а имя ему Иванъ Андреевъ Воробьевъ; наконецъ сознался, что онъ находясь на Дону, буда онъ бѣжалъ изъ подъ Лохвицѣ, познакомился тамъ съ казакомъ Міускимъ, который подговоря еще семь человѣкъ казаковъ, пошли въ Запорожье; на рекѣ Самарѣ принялъ онъ имя царевича Симеона по наущенію Міускаго, который руководилъ имъ и во время нахожденія его въ Запорогахъ; въ Москвѣ онъ никогда не бывалъ; имя же его Матвѣй (416).

(416) Дѣла Малороссійскія, грамота запорожскаго войска комлевому атаману Ивану Сѣрку и всему запорожскому войску 18 сентября 1674 года.

„А воръ и обманщикъ и самозванецъ по нашему Царскаго Величества указу расправливать при нашихъ Царскаго Величества боярахъ и думныхъ людяхъ и мучень и онъ воръ и явный обманщикъ и самозванецъ, какъ клуталь и то ко-
свенци вами поданныю видѣли и слышали, въ начагѣ сидящею породы польской

Послѣ допросовъ самозванецъ этотъ былъ въ Москвѣ четвертованъ; Міускій же и семь человѣкъ его товарищѣ бѣжали, и за всѣми розысками производимыми послѣ того нѣсколько лѣтъ сраду, на Дону и въ Запорожахъ, отыскать его нигдѣ не могли.

ГЛАВА XIV.

Взглядъ на политическія отношенія Россіи къ Портѣ, Тавридѣ и Польшѣ.—Отправленіе на Донъ ратныхъ людей, для совокупнаго дѣйствія съ казаками противъ Азова.—Воззваніе о собраніи всѣхъ казаковъ въ Черкасъки ссылка калмыками.—Военныя дѣйствія казаковъ совокупно съ ратными людьми противъ азовцевъ и на морѣ.—Приготовленіе къ построению на устьѣ Міуса крѣпости для воспрепятствованія прохода туркамъ и крымцамъ въ Азовъ.—Побѣда ратныхъ людей изъ подъ Черкасскаго городка.—Перемѣна въ прежнемъ языке и исполненіе новыхъ мѣръ.—Военные поиски казаковъ.—Повелѣніе строить крѣпость на казачьемъ ерѣ и углубить оный протокъ.—Препятствія встрѣченныя при исполненіи сего дѣла.—Поиски казаковъ противъ Азова и Крыма.—Присяга казаковъ Царю Федору Алексѣевичу.—Разборъ казаковъ по Волгѣ.—Приступъ казаковъ къ Темрюку и къ Азову.—Походъ казаковъ въ соединеніи съ россійской арміею и дѣйствія въ оной.—Новое вооруженіе казаковъ въ составѣ дѣйствующей россійской арміи.—Набѣги азовцевъ.—Грамота крымскаго хана къ донскимъ казакамъ и отвѣтъ на ону.—Разборъ казаковъ.—Походъ казаковъ противъ калмыковъ.—Второй походъ казаковъ на калмыковъ.—Поиски атамана Максима Скалоузба противъ калмыковъ.

Взглядъ на политическія отношенія Россіи къ Портѣ, Тавридѣ и Польшѣ. Долговременная война Россіи съ поляками окончена была 1670 года перемиріемъ на 13 лѣтъ съ половиною, по которому Малороссія и другие отнятые у Польши города остались за Россіею, до заключенія на прочномъ основаніи мира; учрежденъ такъ

и вѣры японкой, зовутъ Сенькою князей Вышневецкихъ, жилъ въ Лохинѣ внизъ по Даїпру, а отца его звали Еремѣемъ, и сшелъ въ Варшаву, а хѣта себѣ сказалъ двадцать, и въ Варшавѣ взяли его пѣнцы и подъ Вислой предали куницу глуховскому жителю, и въ Глуховѣ жилъ недѣль съ каты и бѣжалъ изъ Чугуевъ, и на Донце спознался съ Міусскимъ, а Міуско де съ Дону пократелъ лѣнщи бѣжалъ даиро и быть онъ самозванецъ на Дону, а звался Маркеловъ.

же союзъ противъ крымскаго хана и турокъ. Но пребѣгшая выгода съ сей стороны, Россія теряла съ другой: гетманъ малороссійскихъ казаковъ (по ту сторону Днѣпра) Дорошенко, со всѣмъ войскомъ своимъ добровольно призналъ надъ собою власть турецкаго султана и неотступно склонялъ Константинопольскій дворъ къ объявлению войны Польшѣ. Турецкій султанъ, употребивъ безуспѣшно всѣ поиски, чтобы разрушить союзъ поляковъ съ Россіею, радъ былъ открывшемуся случаю, онъ охотно поднялъ оружіе противъ поляковъ и въ томъ же году самъ съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ въ походъ. Взятіе важной крѣпости Каменецъ-Подольска и нѣкоторыхъ городовъ, съ другой стороны разоренія, причиненные крымскимъ ханомъ польскимъ провинціямъ, заставило поляковъ заключить съ турками унизительный миръ, по которому Польша обязалась платить ежегодно большую дань Портѣ, отреклась отъ городовъ: Каменецъ - Подольска, Меджабожа и другихъ и отъ всѣхъ требованій на Украину, Подолію и Россію. Этимъ послѣднимъ условиемъ Порта надѣялась успокоить Россію и тѣмъ разрушить поставленный съ Польшею миръ (417).

Но Россійский Государь мыслилъ иначе: какъ вѣрный союз-

А послѣ того сказаъ мужій сынъ подданнаго Выннавецкаго князя Еремѣя мѣщанина Варшавскаго, а звали его Иванка Андреевъ по прозвищу Воробьевъ; въ третій сказаъ, что отецъ его жилъ подъ Лохвицею въ селѣ, а съ Дону де случасъ онъ съ Міоскою и съ иными товарищи семь человѣкъ пошли на Запорожье, а на Москвѣ де онъ никогда не бывалъ и ничего московскаго не знаетъ, а имъ де царевичево наложилъ онъ на себя по налогу и наущенію Міоскову на рѣкѣ Самарѣ и всякия непристойныя слова про бояръ и о своихъ воровскихъ замыслахъ говорилъ онъ все по наученію Міоскову, да и всѣ де товарищи его про то вѣдали, что ему имъ Матюшка, и тому вору и явному обманщику и самозванцу за его вину и плутовство учинена смертная казнь такова жъ, какова богоотступнику и клятвопреступнику Стенькѣ Розину. И вами бы кошевому атаману и всему войску Запорожскому, Міоску и иныхъ товарищъ его конечно ссыкать всячески, а ссыкать потому жъ притѣль къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству“

(417) Дополн. къ дѣян. Петра Великаго, часть 3, листъ 142, и дрэзи. Азовскіи и Крымскіи извѣстія листъ 104 и слѣд.“

никъ Польши, онъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправилъ чрезъ Азовъ чиновника Даудова съ грамотою къ турецкому султану, убѣждая его оставить свои предприятия на Польшу и угрожая въ противномъ случаѣ отправленіемъ на помощь полякамъ войскъ своихъ и позволеніемъ донскимъ казакамъ громить Крымъ и турецкія владѣнія; съ такимъ же предложеніемъ былъ посланъ чиновникъ въ августѣ мѣсяцѣ къ крымскому хану (418).

Независимо отъ этого предписано было казакамъ, проводивъ Даудова въ Азовъ, тотчасъ открыть военные дѣйствія противъ этого города и готовиться судами въ море, гдѣ соединясь съ запорожскими казаками, употреблять всѣ средства на разореніе турецкихъ и крымскихъ владѣній (419).

Но всѣ эти предприятия, родившія только временный страхъ, не произвели особыхъ дѣйствій на дѣла Порты. Донскіе казаки, удерживаемые Россійскимъ Государемъ съ 1668 г. отъ плаванія по Азовскому и Черному морямъ, были столь обрадованы царскимъ повелѣніемъ, что чрезъ пять дней по

(418) Крымскія дѣла № 2, Турецк. дѣла листъ 284, грамота на День 1672. „И мы Великій Государь о сдержаніи того турецкаго султана отъ войны послали къ нему султану съ нашимъ Великаго Государа грамотою, Василия Даудова, а въ грамотѣ съ нимъ писано, что бы онъ султанъ съ братомъ нашимъ съ Михайломъ королемъ польскимъ съ его королевскими величествомъ отъ войны престанѣ и войны не вчинатъ; а если онъ султанъ отъ того своего намѣренія не престанетъ и учнетъ войну вестъ, и мы, Вел. Государь, наше царское Величество съ братомъ нашимъ его королевскими величествомъ учиненную братскую дружбу и любовь, освидѣтельствовався Господомъ Богомъ и сослався со всѣми окрестными великими государы, учнемъ противъ его промыслъ чинить, и наше Царское Величество повелѣніе къ вамъ атаманамъ и казакамъ пошлетъ и укажемъ всякой воинской промыслъ чинить на Черномъ морѣ.“

(419) Тамъ же.

„А о слученіи съ вами атаманы и казаки Запорожскому атаману и всему при немъ поспольству нашъ Великаго Государа указъ посланъ, вѣтно ему атаману и всему при немъ поспольству для отвращенія той турецкой войны, случасъ съ вами атаманы и казаки, чайками на Чёрное море выходить и всякой воинской промыслъ вонѣ съ вами турского султана и крымскаго хана надъ житѣемъ чинить вѣтно.“

отправлениі изъ Черкасского городка въ Азовъ россійскаго чиновника, явились подъ стѣлами Каланчинскихъ башенъ и столь удачное сдѣлали на оный нападеніе, что одну изъ нихъ сбили до подошвы и непремѣнно овладѣли бы этимъ мѣстомъ, если бъ случившійся въ то время разливъ воды отъ морскаго вѣтра не принудилъ казаковъ отступить, впрочемъ они вознаградили потерю разореніемъ всѣхъ окрестностей Азова, гдѣ однихъ турокъ взяли они въ пленъ 400 человѣкъ, въ числѣ коихъ брата азовскаго паша, и отогнали девять стадъ разнаго рода скота (420).

Послѣ этого казаки отправили въ море 34 струга; слухъ о походѣ ихъ вскорѣ достигъ до Константинополя, молва увеличила число казачьихъ судовъ до 700, вездѣ распространился ужасъ и никто не хотѣлъ записываться во флотъ, снаряженый для вспомоществованія Азова и отраженія казачьихъ судовъ, разѣзжавшихъ по Чёрному морю (421).

Съ другой стороны Запорожцы пришедъ ночью въ Перекопи, засыпали ровъ и размѣставъ каменную стѣну у Перекона, ворвались во внутрь Крыма, но были татарами прогнаны (422).

(420) Статейный списокъ Даудова; отправленного въ Константинополь въ апрѣль мѣсяцѣ 1672 года.

„Послѣ того (послѣ прїезда его на Донъ 27 июня), сдуста дней съ пять, донскіе казаки съ азовцы размѣрились и подходили подъ Каланчинскія башни, и одну каланчу, по правой сторонѣ Дона, сбили до подошвы и только было турки хотѣли покинуть каланчу бѣжать въ Азовъ, и въ то время отъ тѣхъ казачей отогнала донскихъ казаковъ морская вода, а послѣ того казаки же подходили подъ Азовъ и съ каланчами побрали въ поломъ турокъ съ 400 человѣкъ, да девять стадъ отогнали всякихъ скота.“

(421) Тамъ же.

„И при немъ турки были въ великомъ страху . . . , а туркамъ учинилось вѣдомо, что казаковъ на морѣ съ 700 струговъ и для того охочіе люди никто не напоминались, и многіе хлѣбомъ и всякимъ запасомъ готовились впередъ.“

(422) Дѣлѣ Крымскія № 2, дневныя записи задержанного въ Крыму подъличаго Гаврилы Михайловъ 1672 года.

„Сентября де въ 5 день приходили къ Перекопи нижнихъ комей казаки 100 т. человѣкъ Демко съ товарищи и пришедъ подъ Перекопъ ночью ровъ за-

Эти дѣйствія, хотя съ великою ревностію производимыи казаками, были слабы чтобы остановить турокъ и крымцевъ отъ похода на Польшу и 'Украину.

Отправление на Донъ ратныхъ людей для совокупнаго дѣйствія, съ казаками противъ Азовъ. Российскій дворъ, желая усилить военныя дѣйствія подъ Азовомъ для отвлечения крымскихъ войскъ отъ похода противъ Польши, вызвалъ съ Дона для совѣщанія знатнаго старшину Фрола Минаева съ нѣсколькими лучшими и умными казаками, а какъ въ то же время предполагалось сдѣлать нападеніе и на самый Крымъ, то разнымъ образомъ призваны были въ Москву нѣсколько человѣкъ запорожскихъ казаковъ для выслушанія ихъ мнѣній, какимъ образомъ удобнѣе сдѣлать нападеніе на крымцевъ и на турецкій владѣнія (423).

Фроль Минаевъ объявилъ боярамъ, что на Дону можетъ собраться самыхъ отважныхъ казаковъ 5,000 человѣкъ, и что если къ нимъ присоединить 8/т. российскаго войска, то не только можно будетъ привести въ страхъ Азовъ но и самыи Константинополь, и что турецкій султанъ, оставивъ Польшу, обратится на защищеніе своихъ владѣній. Запорожцы объявили, что если имъ приказано будетъ дѣлать нападеніе судами, то могутъ они выйти на Черное море, гдѣ сбединясь съ донскими казаками на островѣ Кенорѣ, съ общаго согласія могутъ решить о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ; если же походъ назначится и сухимъ путемъ, то всего удоб-

нѣстали я загороду каменную размѣстили, и съ ними въ то время быть бою на обѣ стороны побито много!"

(423) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1672 г. ноября 5 дні.

"А о походѣ на Крымскіе улусы, также и на Черное море какійъ обычаетъ идти и о присыпкѣ знающихъ людей иѣ тѣ походы къ замъ атаманамъ и казакамъ въ нашей Великаго Государя грамотѣ написано съ толмачемъ же съ Иваномъ Кутуковыи, а вѣлько прислатъ двукъ или третѣ человѣкъ, а именно: Михаила Самаренина, Фрола Минаева, Родиона Осипова ииѣ иѣхъ котораго однаго человѣка, а съ ними двухъ человѣкъ казаковъ такихъ же стащиковъ ииѣдъ."

и ѿ прислать къ нимъ донскихъ казаковъ, калмыковъ и полѣ малороссийскихъ казаковъ: тогда они раздѣлясь на три части, одною съ моря, а двумя съ сухаго пути, могутъ ворваться въ Крымъ и причинить въ ономъ великое разореніе. Главное же начальство надъ всѣми этими дѣйствіями поручить ихъ кошевому атаману Сѣрку, который изъ всѣхъ атамановъ счастливѣе противъ татаръ и столько для нихъ страшенъ, что во всѣхъ мечетяхъ молять Бога о изловленіи его (424).

Мнѣнія этихъ воиновъ были приняты и въ то же время предписано думному дворянину Ивану Хитрово и стольнику Касагову съ 8,000 российского войска двинуться на Донъ къ Черкасскому городку. Все было сдѣлано съ хорошею предусмотрительностію; войско снабжено провіантомъ на два года, достаточнымъ количествомъ воинскихъ снарядовъ и всѣми нужными вещами для взятія и построенія крѣпостей. Всё это отправлено съ Воронежа на 338 судахъ, собственно для казаковъ послано было 30 морскихъ струговъ оснащенныхъ и готовыхъ для похода и 50 судовъ трубокъ (*) съ принадлежащими къ нимъ вещами.

Планъ дѣйствій воеводѣ и стольнику предписанъ былъ слѣдующій: по приходѣ съ войскомъ на Донъ, съ общаго согласія съ донскими казаками взять Каланчинскія башни и на мѣстѣ томъ поставить новую крѣпость, снабдивъ ее артиллерию и достаточнымъ гарнизономъ. Когда построена будетъ крѣпость, велѣно воеводѣ по данной формѣ писать къ азовскому пашѣ письмо, въ которомъ по объясненіи всѣхъ несправедливыхъ поступковъ турецкаго султана и крымскаго хана противъ Россіи и Польши, между прочимъ, требовать, чтобы паша азовскій донесъ турецкому султану о пре-

(424) Такъ же.

Отвѣты Фрола Минаева и старшинъ Запорожскихъ казаковъ 30 декабря 1672 года.

(*) Маленькие чехлы, которые дѣлаются изъ одного куска дерева.

кращеніи военныхъ дѣйствій противу Польши и возвраше-
ніи ей Каменецъ-Подольска и всѣхъ городовъ, забранныхъ
турками въ прошломъ году, угрожая въ противномъ случаѣ
тотчасъ вступить всѣми войсками своими сухимъ путемъ и
моремъ въ предѣлы Порты и Тавриды. Сверхъ того предпи-
сано было Хитрово употреблить всѣ средства на склоненіе
калмыцкихъ тайшей и въ особенности сильнейшаго изъ нихъ
Аюку къ совокупному дѣйствію противъ азовцевъ и крым-
цевъ (425).

Воеводѣ особенно подтверждалось, что бы онъ ни въ ка-
комъ случаѣ ничего не предпринималъ безъ свѣдѣнія и со-
гласія войскового атамана Корнилія Яковлева и стар-
шинъ (426).

Войска россійскія прибыли на Донъ 13 іюля и укрѣп-
лись близъ Черкасскаго городка на мѣстѣ водою не затопля-
емомъ.

Воззваніе о собраніи всѣхъ казаковъ въ Чер-
касскѣ и ссылка съ калмыками. Между тѣмъ донскіе
казаки, извѣщенные грамотою о походѣ къ Черкаску рат-
ныхъ людей съ воеводою, въ то же время писали изъ войска
во всѣ казачьи городки войсковыя грамоты, чтобы казаки
шли въ Черкасскъ изъ каждого городка по три части, остав-
ляя четвертую для храненія жилищъ (427).

Обрадованніе этою вѣстю Донцы по первому возванію
стеклись въ Черкасскъ и 12 іюня находилось уже ихъ въ

(425) Турецкія дѣла, наказъ данный думному дворянину Ивану Хитрово
ъ генварѣ мѣсяца 1673 г.

„И буде за помощію Божією и В. Государя счастіемъ тѣ Каланчинскія
башни будуть взяты и имъ думному дворянину и воеводамъ на тѣхъ Калан-
чинскихъ башняхъ сдѣлать городъ, какъ пристойно и укрѣпить накрѣпко, и
войсковыми людьми осадить, чтобы во время непріятельскаго приходу сдѣлать въ
нихъ было безстрашие, а какими обычая укрѣпить и сколькими людьми осадить
и о томъ имъ думному дворянину и воеводамъ посовѣтовать съ войсковыми
атаманомъ и старшинами.“

(426) Тамъ же.

(427) Войсковая грамота, изъ Донскихъ дѣлъ 1673 года.

главномъ войскѣ около 10/т. человѣкъ, за исключеніемъ обитавшихъ по Хопру и Медвѣдцѣ (428).

Итакъ со стороны казаковъ все было готово къ открытию военныхъ дѣйствий, но въ планѣ этого предпріятія входили также и калмыки, которые нужны были и на Дону подъ Азовъ и запорождамъ для вторженія въ Крымъ. Надежда на ихъ помошь была тщетная.

Для отклоненія калмыковъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлого года былъ посланъ на Донъ чиновникъ съ грамотою къ калмыцкимъ тайшамъ, которую велѣно было отправить къ нимъ съ казаками; чиновнику предписано было, если тайши пожелаютъ съ нимъ лично говорить, то не иначе рѣшиться на сіе, какъ по совѣту съ казаками и взять аманатовъ, да и самые переговоры вести для безопасности въ близкомъ мѣстѣ къ Черкаску.

Въ это время знатнѣйший и сильнѣйший изъ калмыцкихъ тайшей Аюка кочевалъ съ своимъ улусомъ между рѣкъ Сала и Мадыча, съ нимъ-то царскій чиновникъ началъ переписку и употреблялъ всѣ средства къ соглашенію его противъ крымцевъ. Сначала переговоры шли удачно: Аюка тайша чрезъ посланцевъ своихъ завѣрялъ царскаго чиновника, что онъ по повелѣнію Государа неумедлитъ выслать войска свои къ воеводѣ Хитрово, а къ Донскимъ казакамъ писалъ чтобы они готовились къ походу и кормили своихъ лошадей. Во время этихъ переговоровъ казаки, недовѣрявшіе никогда калмыкамъ, нарочно сблизили себя съ ними: ъздили другъ къ другу повеселиться, мѣняли и продавали имъ ясырь, возили на продажу различные товары; въ городѣ Черкасѣ калмыки слыша про посылку царскихъ войскъ на Донъ радова-

(428) Дѣла Донскія, распроснныя рѣчи станичнаго атамана Алексѣя Ермѣева, прибывшаго въ Москву 12 июня 1671 г.

„ И по тѣмъ де ихъ посыпкамъ изо многихъ городковъ и изъ куреней казаки по вся дни въ войско собираются многіе и съ запольной съ Донца рѣки собрались всѣ и нынѣ де въ войскѣ казаковъ близко 10/т., а какъ де будуть съ Хопромъ и съ Медвѣдцѣ и въ то де время будетъ больши и десяти тысячъ.“

лись, поднимали руки на небо и говорили: „мы теперь всегда будемъ кочевать близъ вашихъ жилищъ безопасно, вы наши друзья и намъ нечего васъ бояться, пойдемъ противъ враговъ нашихъ, куда велить намъ Царь Русскій“ (429).

Такъ думалъ народъ калмыцкій, но хитрый Аюка тайша, обнадеживая своими обѣщаніями царскаго чиновника и казаковъ, не заботился о приготовленіи къ походу, и наконецъ, когда думный дворянинъ Иванъ Хитрово прибылъ съ войсками на Донъ, Аюка тайша со всѣми своими улусами покочевалъ къ Тереку, подъ предлогомъ вспомоществованія князю Каспулату Черкаскому противъ его враговъ; Государю же Россійскому, жалуясь на Донскихъ казаковъ, писалъ, что онъ не выслалъ войскъ своихъ подъ Азовъ изъ опасенія Донскихъ казаковъ, которые въ прошломъ году возвращавшихся изъ Крыму подданныхъ его убили на Дону 67 челов. и трехъ взяли въ плѣнъ (430).

Но не взирая на эти обоюдныя неудовольствія, казаки, выполняя волю Государя своего, посылали въ Аюка тайша на Терекъ двухъ человѣкъ казаковъ, которыхъ онъ, продержавъ у себя два мѣсяца, отпустилъ на Донъ и съ ними 400 человѣкъ калмыковъ подъ начальствомъ Мазана-Батыра, который, когда потребовали отъ него аманатовъ, для вѣрнаго служенія подъ знаменами россійскими, огорчившись тѣмъ,

(429) Тамъ же.

„И Аюкай де тайша къ нимъ въ войско и къ Леонтию Коннику присыпаетъ улусныхъ своихъ людей почасту, человѣкъ по 8 и по 10, а съ ними приказываетъ, что они Царскому Величеству служить съ ними за одно ради, и чтобы они казаки къ службѣ съ ними готовились и кормили коней А которые де улусные Аюкаевы люди къ нимъ въ войско пріѣзжаютъ и они де, слыша про посыпку Царскаго Величества войскъ на Донъ, радуются, поднявъ руки на небо; а говорятъ, что они ихъ казаковъ ни въ чёмъ не опасны, и надѣяются на государскую милость, кочуютъ безстрашно и ни отъ кого не опасаются. А какъ де Царск. Велич. будутъ войска, и они съ ними, гдѣ позѣльные государское будетъ, служить готовы.“

Достойно замѣчанія, что въ сіе время, по повелѣнію Государа, начали отправлять въ войско, для приема калмыкъ, по 200 и по 300 вед. вина горячаго.

(430) Донскій дѣлъ, грамота на Донъ 1673 года сентября 19 дnia.

чрезъ пять дней возвратился въ свои улусы, ограбивъ казаковъ стоявшихъ на караулѣ. И такъ, не дожидая помощи калмыковъ, надлежало приступить къ дѣлу.

Военные дѣйствія казаковъ совокупно съ ратными людьми противъ азовцевъ и на морѣ. Прежде нежели русскія войска, находившіяся на Дону, вообщѣ съ Донскими казаками открыли подъ Азовомъ военные дѣйствія, Государь послалъ къ крымскому хану грамоту, въ которой упрекая его за нарушеніе мирныхъ постановленій и за причиняемыя разоренія украиннымъ городамъ, грозилъ соединиться съ королемъ польскимъ на уничтоженіе его замысловъ. „Вспомни, писалъ онъ въ этой грамотѣ къ хану, что одна горсть Донскихъ казаковъ покорила русской державѣ городъ Азовъ, и что только по неотступной просьбѣ и дружескому расположению отца моего къ турецкому султану былъ оный возвращенъ ему обратно, съ условіемъ, впрочемъ, воспретить наивсегда крымскому ханамъ вступать для грабежей въ россійскіе предѣлы; ни одинъ изъ хановъ не выполнилъ приказанія турецкаго султана и кровь лилась безпрестанно; неужели ты не знаешь силы и могущества Донскихъ казаковъ, которые не только брали города: Трапезонъ, Мисервию, Ахеило, Сизополи и другіе, но и подъ самый Константинополь неоднократно подступали (431).

(431) Крымскія дѣла, грамота Россійскаго Государя къ крымскому хану, лист. 174.

„ При отцѣ нашемъ блаженнымъ памяти Великомъ Государѣ Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ всея Россії Самодержцѣ, государя вашего муратъ салтанова величества, преславной городъ Азовъ отъ малыхъ людей отъ донскихъ казаковъ взять, и какъ Азовъ былъ за наши Государи и въ то время намъ, Великимъ Государемъ, государя вашего муратъ салтанова величества многое прошеніе обѣ отдать Азова было и по многому его прошенію Азовъ ему отданъ, а за то обѣцѧлъ заказъ крѣпкой учинить вамъ крымскимъ ханомъ, чтобы на дали Царскаго величества украинные города войною не ходили и разоренія не чинили, и тотъ его заказъ и повелѣніе предка ваши крымскіе ханы ни во что ставили, и единъ правды и шерти недодержаль, всѣ на наши Цар. Всѧ украинные города войною ходили и разореніе чинили, за которую неправду и разореніе и возмездіе воспріимали: тѣль донскіе казаки преславной городъ

Но эти угрозы и укоризны нимало не перемѣнили расположение хана. Между тѣмъ Порта получила извѣстіе о предприятияхъ россійского двора, приготовлялась противустать сильно и предпринимала къ тому возможныя мѣры: уже въ маѣ мѣсяцѣ азовцы получили значительное подкѣпленіе войскомъ и для предосторожности выѣзгли на десять верстъ въ окрестностяхъ камыши, изъ коихъ казаки обыкновенно хватали людей. Очевидно было, что Порта нимало нерасполагалась склониться къ исполненію требованій россійского двора и потому надлежало взять оружіе.

5 августа россійское войско въ числѣ 4,912 человѣкъ, подъ начальствомъ думнаго дворанина Хитрово и 5,000 казаковъ, подъ предводительствомъ войскового атамана Корнилія Яловлева и старшинъ Михаила Самарянина и Родиона Осицова выступило изъ Черкаска къ Каланчинскимъ башнямъ, оставивъ значительные гарнизоны въ Черкаскѣ и во вновь состроенной воеводою Хитрово крѣпости. Въ 300 саженяхъ отъ башень устроили они редутъ, поставили вблизи шанцы, размѣстили на оныхъ 22 пушки и начали бомбардировку, которая безпрерывно продолжалась три недѣли; этою стрѣльбою сбили съ башень верхнія и среднія батареи по самый валъ, но не имѣли возможности идти на приступъ потому что башни окружены были глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою. Во все время осады была сдѣлана одна только вылазка изъ Азова, въ числѣ 100 человѣкъ; но когда стрѣльцы и казаки выступили противъ нихъ изъ шанцевъ, то турки въ тоже время побѣжали обратно въ городъ. Воевода Хитрово по дѣйствительной невозможности или по неопытности своей не находя никакихъ средствъ овладѣть башнями, отступилъ къ Черкасскому городку, а казаки бывшіе въ этомъ походѣ раскопавъ засыпанный азовцами казачій ерикъ, отпустили на море 11 струговъ подъ начальствомъ атамана

Трапезонъ, Мисервію, Ахенло, Сазополи и иные поимали, и подъ самой царствующій градъ Константинополь многажды прихаживали.“

Михайла Самарянина, которому приказано было, по возвращеніи изъ поисковъ, остановиться при устьѣ рѣчки Міуса, поставить тамъ крѣпость и остаться въ ней на всю зиму. Намѣреніе казаковъ состояло въ томъ, чтобы изъ той крѣпости производить набѣги на Крымъ и не пропускать въ Азовъ транспортовъ, посылаемыхъ изъ Константиноополя моремъ съ войскомъ, провіантомъ и деньгами. Прочіе казаки возвратились также въ Черкасскъ.

Такимъ образомъ намѣреніе Царя уничтожить Каланчинскія башни не имѣло успѣха. Бывшій при этомъ приступъ инженеръ Альбрехтъ Шневенцъ, присланный съ воеводою для устроенія крѣпостей, въ случаѣ если бы взяты были Каланчинскія башни, доносилъ Государю, что между Азовомъ и башнями нѣть возможности строить крѣпость чрезъ низменное и песчаное мѣстоположеніе и безпрерывныя наводненія, бываemыя въ сутки до два раза, такъ что вода выступаетъ изъ береговъ и покрываетъ землю человѣку въ поясъ и больше (*). (432).

Приготовленія къ построенію на устьѣ Міуса крѣпости для воспрепятствованія прохода Туркамъ и Крымцамъ въ Азовъ. Одна неудача сопровождалась другою: отправленный отъ Каланчинскихъ башенъ на море атаманъ Самарянинъ также не имѣлъ значительного успѣха. Только что вышелъ онъ въ море, какъ увидѣлъ 18 турецкихъ судовъ проходившихъ изъ Константиноополя въ Азовъ съ войскомъ и рѣшился въ удобномъ мѣстѣ на берегу мор-

(*) Здѣсь надобно замѣтить, что донесеніе инженера Шневенца не совсѣмъ справедливо, мѣсто, где прежде находились Каланчинскія башни до самаго Азова, хотя и низменное, но не песчаное; разливъ воды дѣйствительно бываетъ и теперь, но только тогда, когда сильный вѣтеръ дуетъ со стороны моря, что случается не болѣе двухъ или трехъ разъ въ годъ; доказательствомъ тому служитъ то, что находящаяся нынѣ между казачьимъ ерикомъ и каланчинскими башнями Елизаветовска станица не претерпѣваетъ значительного разоренія отъ наводненій, хотя и часто бываетъ окружаема разливами воды.

(432) Дѣла Донскія, распросный рѣчи станичного атамана Ивана Харитонова и инженера Альбрехта Шневенца.

скомъ выжидать пока они уйдутъ назадъ, дабы свободнѣе действовать по преднамѣренному плану. Когда корабли турецкіе проплыли въ Черное море, казаки направили путь свой къ крымскимъ берегамъ и пристали къ урошицу Казань-Рогъ; но жители уже были извѣщены объ нихъ азовцами и прошедшими обратно въ Константинополь судами, и всѣ удалились отъ береговъ со всѣмъ имуществомъ, такъ что казаки находили одинъ только пустыя села, они захватили нѣсколько татаръ, сожгли нѣсколько сель и обратились на лѣвую сторону Азовскаго моря, но и тамъ не получили ни какой добычи, кроме что убили нѣсколькихъ человѣкъ и захватили 6-ть азовскихъ татаръ въ плѣнъ. Испытавъ на обѣихъ сторонахъ моря неудачи, казаки поплыли къ устью рѣчки Міуса, стояли тамъ шесть недѣль, дожидаясь турецкихъ судовъ, кои обыкновенно каждый годъ приходили къ Азову съ амуницію и воинскими припасами, но увидѣвъ что ожиданія ихъ тщетны, приступили къ исполненію главнаго дѣла, т. е. къ учрежденію крѣпости. Для этого поплыли вверхъ по рѣкѣ Міусу до рѣчки Некленовки, тамъ избравъ удобное мѣсто для построенія крѣпости, дали знать о томъ думному дворянину Хитрово и войску Донскому, отъ коихъ немедленно отправлено было къ нимъ на помощь 300 стрѣльцовъ и 300 же казаковъ съ полуголовою Засѣцкимъ и атаманомъ Родиономъ Осиповымъ, они совокупными силами поставили тамъ кѣрносцу, оставили въ ней 150 человѣкъ казаковъ, двѣ пушки и возвратились въ Черкасскъ (433).

О всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ думный дворянинъ писалъ къ Государю, а стольникъ Касаговъ къ Артемону Сергеевичу и оба увѣрили ихъ, что построенная на Міусѣ крѣпость совершенно заградить путь въ Азовъ какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ (434). Россійскій дворъ предполагалъ найти

(433) Донскія дѣла, распросныхъ рѣчи атамана Михаила Самарянина бывшаго въ Москвѣ въ декабрѣ мѣсяца 1673 года.

(434) Тамъ же, донесеніе Матвееву полковника Касагова.

„А въ Міусѣ и городу быть пристойно и на море ходить оттуда свободно, и

въ этомъ дѣлѣ существенную пользу для государства, вызывавъ въ Москву атамана Самарянина и нѣсколько человѣкъ казаковъ знающихъ основательно устья рѣки Міуса и окрестности оной. Эти совѣтники представляли боярамъ, что для стѣсненія азовцевъ гораздо выгоднѣе будетъ построить крѣпость на устьѣ рѣки Міуса, откуда и свободнѣе выходить въ море и удобнѣе преграждать путь судамъ идущимъ въ Азовъ; впрочемъ, говорили они, вся невыгода этого мѣста заключается въ томъ, что въ ономъ нѣтъ лѣсовъ и гарнизонъ будетъ нуждаться въ дровахъ; сверхъ того весьма затруднительно будетъ доставлять туда изъ Черкаска провиантъ и другія вещи и не иначе какъ только съ большими партіями; что же относится до выстроенной на устьѣ рѣчки Некленовой крѣпости, то въ случаѣ непріятельскаго на оную нападенія, а особенно въ осеннеѣ времена, весьма затруднительно будетъ дѣлать оной всjomоществованіе и доставлять пушки, по той причинѣ, что рѣка Міусъ за десять верстъ до построенной крѣпости не судоходна (435).

Набѣги ратныхъ людей изъ подъ Черкасскаго городка. И такъ первый планъ нашего двора и первыи предпріятія россійскихъ войскъ съ казаками не имѣли желаемыхъ послѣствій. Государь не доволенъ былъ воеводою Хитрово, хотя ему и не давалъ замѣтить своего огорченія; а воевода, въ самомъ дѣлѣ слабо дѣйствовавшій, старался оправдывать не удачи свои, то дурными мѣстоположеніями, то своеобразствомъ ратныхъ людей, то потворствомъ казаковъ. Силь даже не удержалъ въ полкахъ своихъ должное повиновеніе: едва открылись первыя трудности походовъ, начались побѣги ратныхъ людей. Весною сдѣлалось въ Черкаскѣ большое наводненіе, такъ что россійское войско принуждено было болѣе 2-хъ мѣсяцевъ жить на стѣнахъ крѣпости своей и

Крыму отъ того города будетъ великая напасть, и къ Азову крымскимъ малыми людьми приходить будетъ не мочно, мѣста крѣпкія и лѣсовъ много.

(435) Тамъ же, распросныи рѣчи вышеннанного атамана Самарянина.

на кровляхъ домовъ, эти непріятности еще болѣе умножили побѣги изъ стана Хитрово, такъ что съ апрѣля мѣсяца по 4 октября 1673 г. разновременно бѣжало 1,402 человѣка; смертность также была довольно значительная: умерло 221 человѣкъ (436).

Воевода при самыхъ первыхъ побѣгахъ писалъ къ двору, что оные происходить съ повода казаковъ, кои принимаютъ бѣглецовъ въ свое сословие или укрываютъ въ верховыхъ казачьихъ городкахъ. Поэтому предписано было казакамъ, чтобы они уходившихъ къ нимъ ратныхъ людей немедленно возвращали воеводамъ и всѣхъ бѣглецовъ, кои найдутся теперь по всѣмъ казачьимъ городкамъ, тотчасъ высыпали бѣ въ станъ Хитрово. Казаки исполнили это безпрекословно. Но побѣги еще болѣе усилились, и казаки нѣкоторыхъ верховыхъ городковъ непереставали снабжать бѣглецовъ провіантомъ, оружиемъ и судами для отплытия въ Украину; поэтому воевода снова приносилъ къ двору жалобу, слагая всю вину на казаковъ, и снова казакамъ прислана была царская грамота о употреблении всѣхъ средствъ къ изловленію бѣглецовъ. Вслѣдствіе этого казаки написали во всѣ свои верховые городки строгую грамоту слѣдующаго содержанія: „вамъ предписано было отъ всего Великаго войска Донскаго, чтобы бѣжавшихъ со службы царской ратныхъ людей ловили и присыпали въ войско, но вы не только не стараетесь преграждать имъ пути, но даже дѣлаете всякосъ вспомоществованіе, снабжаете ихъ провіантомъ, судами и такимъ образомъ отпускаете ихъ въ украинные города, а иныхъ держите по городкамъ вашими для своихъ работъ; неужели вы забыли Бога, царскую милость и данную ему присягу? Подтверждаемъ въ послѣдній разъ: если явятся въ станицахъ вашихъ бѣжавшихъ отъ воеводъ люди, то непремѣнно ловите ихъ и представляйте въ войско съ станицами безъ малѣйшаго замедленія; кто не послушаетъ нашей войсковой грамоты и на той

(436) Донскія дѣла, выписки, сочиненные въ посольскомъ приказѣ, для доклада Царю Алексѣю Михайловичу.

станицѣ наша войсковая пена: вѣкъ бить и грабить и суда имъ не будетъ и впредъ въ такой нашей войсковой пени милости не просить” (437).

Но русскій дворъ для одолѣнія турокъ и крымцевъ располагалъ привести въ исполненіе новыя мѣры, начертанныя по тѣмъ свѣдѣніямъ, кои доставили воевода Хитрово, стольникъ Касаговъ и донской атаманъ Самарянинъ съ товарищами.

Перемѣна въ прежнемъ планѣ и исполненіе новыхъ мѣръ. Полагаясь на увѣренія воеводы и донского атамана, дворъ рѣшился построить на устьѣ Miуса крѣпость. Исполненіе этого предпріятія возложено было на стольника князя Хованскаго, коему поручено и главное начальство надъ всѣми войсками, бывшими тогда на Дону; сверхъ того, для усиленія его корпуса, отправлено было съ нимъ 3,180 человѣкъ, онъ снабженъ былъ всѣми нужными материалами для крѣпостной работы; съ нимъ же посланъ инженеръ Лимъ.

Новому военачальнику предписано было убѣдить казаковъ къ построенію крѣпости, представляя имъ, что отъ того произойдетъ двоякая польза: во первыхъ, имъ удобно будетъ выходить въ море для опустошенія крымскихъ береговъ, и во вторыхъ, этимъ преградится путь судамъ, приходящимъ изъ Константинополя въ Азовъ съ провіантомъ, амуниціею и деньгами; въ особенности же подтверждалось князю Хованскому, чтобы онъ съ казаками ни какихъ ссоръ не заводилъ и все то, что только нужно предпринимать на пользу службы, приводилъ въ исполненіе не иначе, какъ съ согласія казаковъ; какъ объ этомъ обстоятельствѣ, такъ и о вспомоществованіи при построеніи крѣпости, предписано было казакамъ особою грамотою (438).

(437) Тамъ же, войсковая грамота въ верхніе казачы городки.

(438) Донскія дѣла, наказъ князю Петру Хованскому.

„А для лучшаго и скораго промыслу указалъ Его Царское Величество на Miусъ рѣкѣ сдѣлать городъ для того, извѣстно В. Госуд. Его Царскому

Но только что князь Хованский хотѣлъ приступить къ дѣлу, встрѣтилъ на первомъ шагу затрудненіе: казаки зная основательно устье рѣки Миуса представляли ему, что почти нѣтъ возможности строить въ томъ мѣстѣ крѣпость по причинѣ песчанаго грунта; да если бы при чрезмѣрныхъ усиленияхъ и удалось поставить укрѣпленіе, то отдаленность отъ Черкасскаго городка, трудность въ снабженіи гарнизона провиантомъ и воинскими снарядами, неимѣніе по близости лѣсовъ и прѣсной воды, сдѣлали бы оное совершенно бесполезными. Въ подкѣрѣпленіе доводовъ своихъ казаки говорили, что если бы тамошнія мѣста удобны были для устроенія крѣпости, то они при тогдашнемъ стѣсненіи устьевъ Дона, давно бы утруждали Государя своею просьбою о дозвolenіи имъ тамъ укрѣпиться (439).

Князь Хованскій, не довѣряя казакамъ, требовалъ настоятельно помочи ихъ для работы, и въ то же время, желая

Величеству учинилось, что прежде сего которыми мѣсты они атаманы и казаки для промыслу надъ непріятеля хаживали за море, и тѣ всѣ мѣста укрѣплены, и на морѣ ходить имъ нынѣ не возможно, и чтобы имъ атаманомъ и казакомъ построй на Миусѣ рѣкѣ города, для промыслу надъ непріятеля ходить было на море свободнѣе и пристойнѣе и безопасно . . . а около де тое Миуса рѣки пришли мѣста крѣпкие съ лѣсами и озапасить тотъ городъ всякими запасами изъ иныхъ украинныхъ городовъ податно и въ проѣздѣ безопасно.

„А розни бѣ и несогласія между иими (между княземъ Хованскимъ и думнымъ дворяниномъ Яковомъ Хитрово) ни въ чёмъ не было, такъ же и съ донскими атаманами и казаками, обѣ всякихъ дѣлахъ совѣты вать и ихъ къ себѣ призывасть, и мысль свою, что пристойно надъ непріятеля къ промыслу, имъ объявлять, и у нихъ что покажется годно принимать.“

(439) Тамъ же, грамота на Донъ отъ 20 октября 1674 г.

„И атаманъ де Корнило Яковлевъ съ войскомъ своимъ противъ того говорили, что на Миусѣ города дѣлать и въ немъ ратнымъ людемъ быть не для чего, потому что де Азову и Лютину и калачинскими башнями и кораблемъ и катограмъ, которые ходить изъ Азова и въ Азовъ моремъ тѣсности туркамъ никакой отъ того не будетъ, да и быть де тому городу на Миусѣ не пристойно, лѣсу и воды близко нѣть; да хотя де на Миусѣ и городъ будетъ сдѣланъ, и они въ немъ сидѣть не стануть и на Миусѣ они Донскіе казаки съ вами столыникомъ нашимъ (княземъ Хованскимъ) и воеводы не пошли, а послали только для указанія пути и на Миусѣ мѣста атамана Михаила Самаренина да съ ними казаковъ только 150 человѣкъ.“

самъ осмотрѣть устья Miуса, выступилъ въ походъ со всѣми войсками, находившимися тогда въ Черкасскѣ съ артиллерию, назначенную для новой крѣпости и провіантомъ; казаки же отправили отъ себя только для указанія мѣста знатныхъ старшинъ: Махайлу Самарянина и ѡрола Манаева съ 150 человѣками казаковъ.

Казаки негодовали на Самарянина за совѣтъ о построеніи крѣпости, но онъ увѣрялъ, что хотя бояре и спрашивали его, обѣ этомъ предметѣ, однако жъ онъ рѣшительно говорилъ имъ, что на Miусѣ крѣпости нельзя строить (440).

Князь Хованскій осмотрѣвъ мѣста, нашелъ представленія казаковъ справедливыми и возвратясь въ Черкасскѣ, отправилъ въ Москву инженера Лима, съ подробнымъ описаніемъ найденныхъ имъ неудобствъ и съ планомъ устья рѣки Miуса (441).

Такимъ образомъ и второй планъ двора къ утѣсненію турокъ и татаръ не приведенъ въ исполненіе. Къ довершенію же неудачъ и та крѣпость, которую казаки построили въ прошедшую осень при устьѣ Некленовой рѣчки и въ которой оставили они достаточный гарнизонъ, весною была вся затоплена водою, такъ что въ ней никакимъ образомъ нельзя было держаться людямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ открылся здѣсь и недостатокъ въ провіантѣ.

Военные поиски казаковъ. Казаки, оставивъ укрѣпленіе это, пустились въ море для добычи, взяли турецкій куническій корабль, раздѣлили богатства онаго и возвратились

(440) Тамъ же, распросный рѣчи станичного атамана Родиона Калуженя на 24 декабря 1674 года.

„И они въ войско къ себѣ атамана Михайла Самаренина призывали и спрашивали, онъ ли такие слова о строеніѣ на Miусѣ города, будучи на Москвѣ, говорилъ, и въ томъ В. Госуд. чинилъ убытки, и онъ де Михайло въ томъ во всемъ запирался, что о строеніѣ Miусского городка, будучи на Москвѣ, не говорилъ, а говорилъ, что де въ тѣхъ мѣстахъ городу быть не можно, для того, что въ тѣхъ мѣстахъ мѣста песчаные и лѣсовъ нѣть.“

(441) Тамъ же, донесеніе князя Хованскаго въ посольской приказѣ отъ 4 ноября 1674 года.

въ Черкасъ, а турки какъ бы въ заплату за это сожгли срыли до основания Некленовское укрепление (442).

Тогда какъ князь Хованскій находился съ войскомъ своимъ на Міусѣ, казаки пошли подъ Азовъ двумя партиями: Минаевъ съ 250 казаками пошелъ сухимъ путемъ, Родонъ Осиповъ почти съ такимъ же числомъ людей—въ стругахъ рѣкою Дономъ. Но они скоро возвратились назадъ безъ всякаго успѣха, встрѣтивъ готовыхъ въ оборонѣ и сильныхъ непріятелей; въ командѣ Орола Минаева убито 15 человѣкъ казаковъ.

Казаки не имѣя почти возможности проходить въ море по той причинѣ, что главные рукава Дона были заняты турецкими крѣпостями, получили вѣсти о новыхъ для нихъ затрудненіяхъ по замысламъ Константинопольского двора. Когда князь Хованскій отправленъ былъ съ войскомъ изъ Москвы на Донъ, о походѣ его скоро распространился слухъ по всему Крыму; заключали, что Россійскій Государь имѣть намѣреніе взять Азовъ и для того послалъ на Донъ 40/т. войска. Встревоженный ханъ, поспѣшилъ уведомить о томъ турецкаго султана, который немедленно отправилъ 33 судна съ войскомъ для поправленія Азовской крѣпости, кримскій же ханъ придалъ въ помошь къ тому значительный корпусъ татаръ (443).

(442) Тамъ же, распросныя рѣчи посольского толмача Кучумова, прибывшаго въ Москву съ Дону юна 18 дня 1674 года.

„Міуской де новой городокъ потопила вода и которые Донскіе казаки въ томъ городкѣ бызы, и тѣ для водного потопленія и хлѣбные скудости, остави тотъ городокъ, для промыслу надъ непріятели ходили на море и будучи на морѣ разгромили бусу и многихъ турчанъ побили да живьемъ 25 человѣкъ взяли, и тѣхъ языковъ въ Черкасской привезли они при немъ Цолухетѣ (Кучумовѣ).“

(443) Кримскія дѣла, дневная записка бывшаго въ Крыму подьячаго Гаврилы Михайлова.

„Май во 5 день пріѣзжалъ на станъ приставъ Арсланъ-газы и въ разговорѣ сказывалъ Гаврилу, пригнанъ въ Крымъ къ Бакчи—сарай къ хану изъ Азова татаровъ сухимъ путемъ семымъ днемъ и писать съ нимъ къ Селимъ-Гирею хану азовской паша-мулла Гиней ага пришли на Донъ В. Государи.

Приводимые пѣнныe говорили въ Черкасскѣ, что турки имѣютъ твердое намѣреніе укрѣпить Азовъ, поставить новую крѣпость на устьѣ казачьяго ерика, дабы этимъ совершенно отнять у казаковъ и послѣдній путь въ море по малому числу казаковъ; вѣсти эти крайне ихъ беспокоили, одинъ разъ они даже попытались было соединенными силами разогнать пришедшія суда непріятельскія, но бывъ встрѣчены превосходнымъ числомъ враговъ, принуждены были отступить. Князь же Хованскій съ своимъ войскомъ въ то время только что тронулся въ походъ отъ Miуса къ Черкаску, турки не имѣя ни малѣшато препятствія, начали укрѣплять Азовскую крѣпость, а казаки въ крайности своей послали гонцовъ къ князю Хованскому съ просьбою о скорѣшемъ приходѣ къ Черкаску; но онъ не успѣлъ въ свое время подать помощи, и турки укрѣпивъ Азовъ, спокойно возвратились на пришедшихъ судахъ обратно, къ великому удовольствію казаковъ (444).

Кромѣ многочисленныхъ войскъ, бывшихъ при укрѣплѣніи Азова, крымскій ханъ велѣлъ еще привочевать, какъ къ сему городу, такъ и въ устью Miуса, нѣсколькимъ татар-

ратныхъ людей и казаковъ 40 т. и хотятъ ити войною на Азовъ и чтобъ ханъ прислали къ нему паше на помощь крымскихъ ратныхъ людей; и тогожде дни ханъ послалъ изъ Крыму сухимъ путемъ въ Царь-городъ къ турецкому салтану гонцовъ своихъ и писаль о томъ къ турскому салтану и по тѣмъ дѣйствіемъ посылаетъ ханъ изъ Крыму къ азовскому паше на помощь калагу Селеметъ-Гирея салтана и съ нимъ крымскихъ ратныхъ людей мурзы и татаръ.“

(444) Донскія дѣла, отписка войска Донскаго къ воеводамъ князю Хованскому и Якову Хитрово.

„ Пришли къ Азову изъ моря многіе каторги и комаги съ воинскими людьми для обереженія Азова и стоять въ гирлахъ, а хотятъ де худы мѣста починять и по проточнымъ мѣстамъ вновь многія крѣпости ставить, и казаки наши пошли было на море стругами, и Азовскіе люди собрався всѣмъ городомъ и съ каторгами на море струговъ не пропустили, а нашихъ малоюдно стоять противъ нихъ не въ мочь, и мы ожидаемъ вашего здоровыя безпрестанно, а кой казаки были въ сѣвѣрѣ и они поразѣхались, а нынѣ де азовцы съ прибыльными людьми припасаютъ къ городовой подѣлѣ и къ иныхъ крѣпостямъ всякие припасы и каменья возить.

скимъ улусамъ. Это было поводомъ, къ безпрерывнымъ обояднымъ набѣгамъ, продолжавшимся до самой зимы, въ теченіи котораго времени казаки успѣли разновременно взять у татаръ 300 человѣкъ плѣнныхъ.

Къ числу произшествій, случившихся въ семъ году на Дону, должно отнести еще разбитіе знатной партіи татаръ на рѣкѣ Крынѣѣ, впадающей съ правой стороны въ Міусъ: татары сіи въ числѣ 250 человѣкъ были отправлены азовскими комендантомъ для добычи подъ Торъ и Валуйку: князь Хованскій узнавъ о нихъ отъ плѣнныхъ, послалъ отборныхъ стрѣльцовъ и казаковъ подъ начальствомъ полковника Касагова, который встрѣтясь въ сказанномъ мѣстѣ, разбилъ ихъ совершенно, многихъ убилъ, 10 человѣкъ взялъ въ плѣнъ и отбилъ 20 человѣкъ российскихъ плѣнныхъ и нѣсколько взятаго татарами скота (445).

Князь Хованскій съ корпусомъ своимъ зимовалъ на Дону, ожидая дальнѣйшихъ приказаний.

Повелѣніе строить крѣпость на казачьемъ ерикѣ и углубить онъ и протокъ. Неудачное предпріятіе на Міусѣ, российскій дворъ вознамѣрился исправить построениемъ крѣпостей близъ самого Азова и Каланчинскихъ башней. Къ этому подальше мысль пріѣхавшій осенью изъ войска въ Москву знатный въ то время старшина Родионъ Калуженинъ: онъ представлялъ боярамъ, что для совершенного утѣсненія азовцевъ необходимо построить двѣ крѣпости на двухъ устьяхъ Казачьяго ерика (*) и третью на Каланчинскомъ протокѣ. Старшина ручался, что крѣпости эти, снабженныя артиллерию и достаточными гарнизонами, уничтожать такъ сказать существованіе Азова и Каланчинскихъ башней, откроютъ казакамъ свободное плаваніе по морю до самого Константинаополя, заградятъ входъ въ Азовъ.

(445) Тамъ же, распросыня рѣчи рейтарскаго строя ротмистра Швана, прибывшаго съ Дона 18 декабря 1674 года.

(*) Верхнемъ и нижнемъ устьѣ.

ское море турецкимъ судамъ, не будуть позволять выходить азовцамъ и ногайцамъ партіями для добычи подъ украинскіе города, ибо они обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ переходятъ Донъ. Относительно гарнизона Калуженинъ полагалъ, чтобы въ ту крѣпость, которая поставлена будетъ на верхнемъ устьѣ Казачьяго Ерика, помѣстить 5,000 человѣкъ, а которая будетъ на нижнемъ устьѣ 6,000, для третьей крѣпости онъ находилъ достаточнымъ гораздо меньшее число людей. Сверхъ того для поощренія войскъ къ ревностной службѣ, онъ за необходимое почиталъ обложить весь гарнизонъ достаточнымъ жалованьемъ: каждому воину въ годъ по 10 руб. и по 5 или по 6 четвертей хлѣба. Калуженинъ совѣтывалъ боярамъ предпріятіе это приводить въ исполненіе скрытно, дабы турки не могли проникнуть ихъ намѣренія и не предупредили бы сами построеніемъ на тѣхъ мѣстахъ своихъ крѣпостей; для этого предлагалъ онъ дать секретное повелѣніе князю Хованскому, который напередъ долженъ призвать къ себѣ войскового атамана Корнилія Иковлева и лучшихъ старшинъ для совѣщенія обѣ этомъ дѣлѣ, и когда уже условится съ ними о всѣхъ мѣрахъ исполненія, тогда объявить всѣмъ казакамъ царскую о томъ грамоту. Пользуясь этимъ случаемъ, Калуженинъ, для пользы государства, настаивалъ у бояръ: дать позволеніе свободнымъ людямъ безвозвратно приходить на Донъ для поступленія въ казачью службу, дабы казаки могли тѣмъ пополнять происходившую у нихъ ежегодно убыль на войнѣ, а калмыкамъ позволить кочевать около Азова, они, говорилъ старшина, могутъ преградить татарамъ всѣ пути къ Азову (446).

Россійскій дворъ находилъ предположеніе Родиона Калуженина во всѣхъ частяхъ основательнымъ и приказалъ дѣлать распоряженія о приведеніи плана этого въ дѣйствіе. Какъ скоро открылась весна, послали на Донъ вдобавокъ

(446) Тамъ же, извѣтъ донского станичного атамана Родиона Калуженина въ посольскомъ приказѣ въ февралѣ мѣсяца 1675 года.

къ находившимся тамъ войскамъ еще нѣсколько полковъ подъ начальствомъ князя Кольцова - Масальскаго, дали се-cretно знать о всемъ князю Хованскому, который призвалъ къ себѣ войскового атамана Корнилія Яковлева и лучшихъ старшинъ, нашелъ ихъ готовыми содѣйствовать этому пред-приятію. Казаки немедленно послали во всѣ свои городки грамоты о собраніи всего войска въ Черкасскій городокъ. Между тѣмъ 12 іюня получена войскомъ царская грамота, въ которой объяснялся весь планъ; когда войсковой атаманъ объявилъ казакамъ немедленно исполнить царскую волю, они, нимало не противясь тому, просили атамана дождаться всѣхъ казаковъ изъ станицъ, за коими въ то же время послали на-рочныхъ; и атаманъ извѣстилъ князя Хованскаго, что каза-ки по указу Царскому пойдутъ на Казачій Ерикъ строить крѣпости коль скоро дождутся верховыхъ казаковъ, а те-перь идти имъ невозможно, потому что въ Черкасскѣ весьма мало людей (447). Но атаманъ ошибся, какъ ниже увидимъ.

Препятствія встрѣченныя при исполненіи се-го дѣла. Наконецъ собрались въ Черкасскѣ всѣ казаки. Вой-сковой атаманъ нѣсколько разъ объявлялъ имъ волю цар-скую, требовалъ согласія и исполненія, но казаки отвѣчали:

(447) Тамъ же, грамота на Донъ 23 сентября 1671 года.

„ И послали вы атаманы и старшины въ верхъ по всему Дону для высыпки казаковъ въ войско къ тому промыслу, выбравъ добрыхъ молодцовъ на скоро. И 16 июня въ 12 день посланы наши В. Государя грамоты къ стольнику нашему и воеводамъ и къ вамъ атаманамъ и казакамъ, а вѣдѣно вамъ атаманамъ и казакамъ, цосовѣтovавъ съ нашими В. Государя воеводы, идти для промыслу на Казачій ерикъ и для строенія городковъ, съ тѣми казаками, которые въ Чер-касскомъ и въ Скородумѣ и въ Прибыломъ городкахъ, безо всякихъ мѣшкотъ со всякимъ радѣньемъ неоплощно; а въ верхніе городки всѣмъ послать другихъ высылщиковъ, чтобы по тому же къ намъ шли не мѣшкай; и стольникъ нашъ и воеводы о томъ скоромъ на Казачій ерикъ походѣ и строенїѣ городковъ вамъ говорили же, были въ то время они стольникъ пашъ и воеводы къ тому походу со всѣмъ въ готовности; и вы атаманы и казаки имъ стольнику и воеводамъ говорили, что въ тотъ промыслъ итти вы готовы и служить намъ В. Государю ради, только у васъ казаки не въ сборѣ, и какъ сберутся и вы въ тотъ промыслѣ пойдете вскорѣ,“

„при теперешнемъ малолюдствѣ нашемъ строить и защищать крѣпости мы не въ силахъ.“ И за тѣмъ съ неудовольствиемъ расходились изъ собранія, не решивъ ни чѣмъ дѣла. На конецъ Корнилій Яковлевъ, созвавъ ихъ въ послѣдній разъ, настоятельно требовалъ, чтобы всѣ они, не расходясь изъ собранія, решительно сказали: строить или нѣтъ крѣпости, дабы обѣ этомъ решеніи донести Государю. Казаки, не окончивши дѣла, стали снова расходиться, Корнилій разсердясь укорялъ, бралиль непослушныхъ и трехъ человѣкъ зашибъ палкою. Тутъ все собраніе пришло въ волненіе, буйные изъ казаковъ начали бить атамана, смѣнили съ должности и на мѣсто его избрали Михайлу Самарянину. Въ яности толпа обратила мѣщеніе свое на Родиона Калуженина, какъ на главнаго виновника въ этомъ дѣлѣ, хотѣла убить его; но онъ, обороняясь паходящимся при немъ ножемъ, успѣлъ уйти въ свой домъ; откуда, по повелѣнію князя Хованскаго, перевезенъ былъ головою Скрабинимъ въ Ратный городокъ. По прошествіи трехъ дней князь Хованскій, желая помирить казаковъ съ старшиной, Ѵздилъ въ Черкасскъ, взявъ съ собою Родиона Калуженина; онъ успѣлъ уговорить казаковъ дать позволеніе жить ему по прежнему въ своемъ домѣ (448).

Неповиновеніе казаковъ не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій; скоро все утихло, и новый атаманъ Самарянинъ чрезъ нѣсколько дней созвалъ вновь собраніе, на которомъ положено было: идти всѣмъ войскомъ на Казачій Ерикъ для осмотра тамошнихъ мѣстъ; въ этомъ походѣ находился и князь Хованскій. Осмотрѣвъ мѣста, нашли, что двѣ крѣпости на Казачьемъ Ерикѣ построить удобно, но третью на Каланчинскомъ протокѣ нельзя, по причинѣ низменнаго мѣстоположенія. Затѣмъ князь Хованскій убѣждалъ казаковъ приступить къ построенію крѣпостей, но ни какимъ образомъ не могъ склонить ихъ къ тому; они между прочимъ въ

(448) Выписанная грамота и распросныя рѣчи сотника Стрѣлецкаго Василья Ярцова, прїехавшаго съ Дону въ Москву 19 сентября 1675 года.

Гос.
Доп. док.
св. X. 16
N. 12.

оправданіе свое представляли, что для охраненія этихъ крѣпостей необходимо нужно будетъ 13,000 воиновъ, а ихъ казаковъ всѣхъ на Дону находится не болѣе 3,000. „Ради мы, говорили они князю Хованскому, за Цара своего умереть и безъ городковъ“ (449). Послѣ этого всѣ войска возвратились въ свои городки.

Государь такимъ поведеніемъ казаковъ былъ весьма не доволенъ, укоряя ихъ въ ослушности; онъ грозилъ имъ, что если будутъ упорствовать далѣе, то на всегда откажетъ имъ въ денежнѣмъ и хлѣбномъ жалованьї и подъ смертною казнью запретить привозить къ нимъ изъ Россіи провіантъ и другія необходимыя вещи. Но казаки остались непріклонны и такимъ образомъ предпріятіе это было оставлено (450).

Поиски казаковъ противъ Азова и Крыма. Казаки какъ бы желая загладить свое ослушаніе предъ Царемъ, отправили нѣсколько судовъ на море, ихъ провожало все войско, находившееся съ княземъ Хованскимъ и казаки бывшіе тогда въ Черкасскѣ; но лишь только войска эти приблизились къ Казачьему Ерику, какъ были встрѣчены сильнымъ огнемъ съ батарей, поставленныхъ на лѣвой сторонѣ Каланчинскаго протока.

(449) Тамъ же, отписка князя Хованского, привезенная въ Москву 13 сентября.

,, И какъ мы холопи твои пришли на Казачій ерикъ и мѣсто осмотря, въ которыхъ мѣстахъ пристойно быть городкамъ, и мы стали имъ казакамъ говорить, что мы станемъ тѣхъ городки строить, а имъ бы въ тѣхъ городкахъ сидѣть и твое Велик. Государя денежнное и хлѣбное жалованье имати. И они намъ холопямъ твоимъ, въ томъ во всмѣт отказали, строить городки и сидѣть въ нихъ не похотѣли, хотя бы де В. Государя жалованья намъ было и по 100 и мы де въ городкахъ сидѣть не хотимъ; ради де мы за В. Государа такъ помереть и безъ городковъ, а въ тѣхъ городки надобно людей 13,000, а ихъ де казаковъ тысячи съ три.“

(450) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 23 сентября 1675 года.

,, И къ вамъ нашей государской милости и присылки нашего В. Государя денежнаго жалованья, какъ посыпало къ вамъ на предъ чого, никогда не будетъ и изъ нашихъ В. Государя верховыхъ городовъ о непропускѣ къ вамъ на Донъ всякихъ запасовъ нашъ В. Государя.... учиненъ будетъ крѣпко подъ смертною казнью.“

Князь Хованский сиился сбить ихъ поставленными на противоположномъ берегу своими батареями; но бесполѣзно производя стрѣльбу по онымъ пять дней сряду, не могъ заставить молчать непріятельскую артиллерию. Въ то же время получивъ свѣдѣніе, что къ Азову пришли турецкія суда съ войскомъ, наши войска принуждены были оставить свои усиія и возвратиться въ Черкасскъ (451).

Дѣйствуя со стороны Азова, Россійскій дворъ въ тоже время вооружалъ на Крымъ всѣхъ подвластныхъ ему татаръ и калмыковъ; князь Каспулать Черкаскій первый выступилъ съ улусниками своими въ походъ и, остановясь близь Дона, ожидалъ главнаго калмыцкаго владѣльца Аюку тайшу; но этотъ вмѣсто того, чтобы идти самому въ походъ, послалъ брата своего Замсу, который выступилъ съ значительнымъ корпусомъ калмыковъ, съ дороги возвратился въ свои улусы, оставилъ только 1,000 человѣкъ калмыковъ съ мурзою Мазанть-Батыремъ. Донскіе казаки, узнавши о поступкахъ калмыковъ и о томъ, что съ княземъ Черкаскимъ находится небольшое число татаръ, послали къ нему на помощь изъ войска старшину Фрола Минаева съ 300 человѣками лучшихъ

(451) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи сотника стрѣлецкаго Василья Ярдова, прѣѣхавшаго съ Дону въ Москву 13 сентября 1675 года.

„ И собрався казаки 3,000 человѣкъ присыпали къ стольнику и воеводамъ, чтобы имъ дали въ помощь В. Государя ратныхъ людей, и стольникъ де и воеводы, по той ихъ посыпѣ, выходили изъ Черкасскаго къ ерику сами, а съ ними Великаго Государя ратныхъ людей было стъ 4,000. И какъ де пришли на ерикъ въ тѣ мѣста, гдѣ прежде того осматривали, и тутъ нашли по другую сторону Каланчи отъ Азова построены шанцы, и въ нихъ сидѣть азовцы съ пушками и со многими иными воинскими наряды и учали азовцы изъ тѣхъ своихъ шанцовъ В. Государя по ратнымъ людемъ стрѣлять изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья, чтобы ихъ не пропустить въ Каланчу, и стольникъ и воеводы В. Государя съ ратными людьми и съ Донск. казаки на своей сторонѣ построили жъ шанцы жъ, и изъ тѣхъ шанцовъ стрѣляли съ ними чрезъ рѣку патеры сутки, и милостію Божію, а В. Государя и его государскихъ наслѣдниковъ счастіемъ многихъ азовцевъ побили, да живыхъ взяли двухъ человѣкъ, и стояль въ шанцахъ провѣдали, что на морѣ есть близь Азова каторги и казаки на морѣ тѣхъ итти опасались и возвратились по прежнему въ Черкаской.“

казаковъ, соединясь съ княземъ, они пошли прямо къ Запорожскимъ казакамъ, где ожидалъ уже ихъ славный атаманъ Иванъ Сѣрко съ отважною дружиною, отсюда общими сизами двинулись на Крымъ: перешедъ Переяславъ, который засыпали землею и каменьями, они вторгнулись во внутрь Тавриды, разграбили 37 сель и деревень, пленили множество татаръ и захватили большія стада. Ханъ выслалъ противъ российскихъ войскъ значительный корпусъ подъ начальствомъ трехъ султановъ, но ихъ разбили на голову; побѣдителямъ досталось: бунчугъ, нѣсколько шатровъ, знатный мурза Батырша-Минсировъ, взятый въ плѣнъ казаками. Отсюда всѣ наши войска возвратились въ свои жилища съ добычами.

Российскій Государь, похваляя ревность казаковъ, писалъ къ нимъ: „хотя за непостроеніе на Міусѣ и на Казачьемъ Ерикѣ крѣпостей, вы заслужили всю нашу немилость и опалу, но за вышеписанную службу опалы на васъ не налагаемъ и впредь вамъ тѣ вины ваши вспомянованы не будуть“ (452).

Въ то самое время, когда Фролъ Минаевъ съ 300 казаковъ былъ въ Крыму, на Дону одинъ отважный старшина Беркулатъ съ малою дружиною не давалъ покоя азовцамъ. Однажды съ 500 казаковъ напалъ онъ на 20 судовъ турецкихъ, производившихъ на Дону рыбную ловлю, всѣхъ людей побилъ, кроме четырехъ человѣкъ взятыхъ въ плѣнъ, забрая сѣти, а самыя лодки привезъ въ Черкасскъ. Въ другой разъ ночью, приплывъ къ Каланчинскимъ башнямъ, засѣль въ

(452) Дѣла Донск. Грамота на Донъ въ декабрѣ мѣсяца 1675 года.

„И что вы атаманы и казаки, по нашему В. Государа указу и по указаннымъ грамотамъ и по твоему Михайлову (Михайлы Самаренина В. атамана,) и атамана же Родиона Калуженина объявленію, на Міусѣ рѣѣ и на Казачьемъ Ерикѣ на страхъ непріятелемъ турскимъ и крымскимъ людемъ городковъ не построили и промыслу ни какого не учинили и учинились въ томъ намъ В. Государю непослушны, за что вы были достойны всякой нашей государской немилости и опалы И тѣ ваши вины, за тоежъ вашу вышеписанную службу, (что ходили съ княземъ Черкасскимъ на Крымъ) жалуемъ отпускаемъ, а впредь тѣ ваши вины вспомянованы не будуть.“

шанцахъ, которые построены были напередъ сего русскими войсками; привелъ въ трепетъ гарнизонъ, схватилъ двухъ языковъ и, не надѣясь на дальнѣйшій успѣхъ, отошелъ назадъ. Этотъ неутомимый старшина, перетащивъ ночью суда свои чрезъ Казачій Ерикъ, залегъ по Каланчинскому протоку и по Дону въ камышахъ и, выбравъ удобный случай, разбилъ партію турокъ, иѣсколько человѣкъ положилъ на мѣстѣ, другихъ взялъ въ плѣнъ и съ торжествомъ пришелъ въ Черкасскъ. Наконецъ, пришедъ къ самимъ стѣнамъ Азова, произвелъ въ ономъ страшную тревогу и захватилъ града лошадей и рогатаго скота, съ этою добычею возвратился въ Черкасскъ (453).

Присяга казаковъ Царю Федору Алексѣевичу. Въ описанныхъ произшествіяхъ минули лѣто и осень 1675 года. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ явилась въ Москву зимовая станица, при войсковомъ атаманѣ Корнилѣ Яковлевѣ, дать отчетъ въ дѣлахъ и бить челомъ о жалованьї. Но первый мѣсяцъ новаго года былъ послѣднимъ въ жизни мудраго и кроткаго Государя Алексѣя Михайловича. Россія, оплакавъ смерть его, присягнула новому Цару Федору Алексѣевичу.

До этого времени, при возшествіи царей россійскихъ на престолъ, донскіе казаки не давали присяги: имъ обыкновенно присыпалась грамота отъ нового вѣнценосца, коею требовали отъ нихъ усердія и радѣнья, какое оказывали они прежнимъ Государамъ. Царь Федоръ Алексѣевичъ первый изъ россійскихъ монарховъ повелѣлъ всѣхъ казаковъ привести на вѣрность службы къ присягѣ и видѣлъ безмолвное исполненіе; войсковой атаманъ Корнилій Яковлевъ, съ станичнымъ атаманомъ Иваномъ Семеновымъ и находившимися при нихъ есаулами и казаками, первые въ Москвѣ дали присягу. На Донѣ былъ посланъ столыпикъ Семенъ Колтовскій, который, въ присутствіи князя Хованскаго, приведя къ при-

(453) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Семенова генваря 17 дnia 1676 года.

сягъ всѣхъ казаковъ въ городъ Черкасскъ, отправился во всѣ казачьи городки съ головою московскихъ стрѣльцовъ и съ тремя выборными казаками, гдѣ равнымъ образомъ всѣ казаки послѣдовали примѣру Черкасскихъ казаковъ и старшинъ своихъ (454).

Государь похвала я вѣрность казаковъ, приказалъ отправить въ ознаменование своей милости къ нимъ большое жалованье: 4,500 руб. денегъ, 6/т. четвертей хлѣба, 400 половиноекъ суконъ, 400 ведръ вина, пороху и свинцу противу прежнихъ дачъ.

Разбой казаковъ по Волгѣ. Послѣ неудачныхъ покушеній для удержанія Порты и Тавриды отъ вторженія въ Польскіе предѣлы и послѣ тщетныхъ приступовъ къ Каланчинскимъ башнямъ, Россійскій дворъ не предпринималъ болѣе никакихъ дѣйствій на Дону; вызвалъ кназя Хованского съ большою частью войскъ россійскихъ, оставилъ въ Черкасскѣ стольника Волынского съ нѣсколькими полками для подкрепленія казаковъ и повелѣвъ симъ послѣднимъ тревожить безпрерывными набѣгами Крымъ и Азовъ. Верховые казаки, скучая бездѣйствіемъ, изрѣдка стали нападать на калмыковъ, тревожившихъ набѣгами на ихъ городки. Но буйные удальцы, стекаясь со всего Дона въ городки Панышинъ и Качалинъ, составляли партии малыя и большія и оттуда подъ начальствомъ отважнѣйшихъ атамановъ переходили на Волгу для грабежей. Скоро буйство ихъ содѣялось известнымъ Государю и войсковой атаманъ Самарянинъ получилъ строгое повелѣніе унять этихъ нарушителей общей тишины: казаки точно не повторствовали разбойникамъ, преслѣдовали ихъ, и отвѣтствовали Государю: что злодѣи разсѣяны и во дворенъ прежній порядокъ, что по всѣмъ казачьимъ жилищамъ разосланы строгія войсковая грамоты, дабы присыпать въ Черкасскій городокъ всѣхъ тѣхъ, кто только похвалится воровствомъ или станетъ подговаривать кого на подобный

(454) Донскія дѣла, грамота на Донъ 1676 г. февраля 3-го.

преступлениј и что на страхъ другимъ одинъ изъ буйныхъ, имѣвшихъ намѣреніе идти на Волгу грабить персидскій караванъ, казненъ въ войсковомъ кругу (455).

Но эти строгости не могли удержать казаковъ отъ разбоевъ: шайка, состоящая изъ 30 человѣкъ, вновь явилась на Волгѣ, подъ начальствомъ отважного казака Василія Гладкова, напала на судно, плывшее Волгою съ государевымъ жалованьемъ Терскому войску, связала стрѣльцовъ, провожавшихъ оное, и захватила 1,000 руб. денегъ, 827 золотыхъ 41 золотой двойныхъ и 70 половиночъ суконъ (456).

Парицынскій воевода послалъ на казаковъ войско, но ихъ не настигли: одни побѣжали на Украину, другіе разошлись по казачьимъ городкамъ, но были пойманы вѣрными казаками и привезены въ Черкасскъ вмѣстѣ съ начальникомъ ихъ Гладковымъ, где по войсковому приговору казнены смертію. Государь похвалилъ усердіе войска, писалъ чтобы оно и впредь съ таковыми злодѣями поступало по своему войсковому праву, и чтобы чрезъ послабленіе „имъ не наводило стыда и безчестія на все войско.“

Отъ таковыхъ преслѣдований, казаки мало помалу совершенно прекратили грабежи по Волгѣ; но своевольство ихъ скоро изобрѣло другой родъ разбоевъ, приврываемый благовидными причинами: сосѣди казаковъ калмыки беспокоили ихъ городки своими набѣгами, рѣзали казаковъ и отгоняли стада ихъ, хотя и взаимно были разоряемы; ссоры эти, время

(455) Тамъ же, память изъ Казанского дворца въ Посольскій приказъ 1677 г. мая 25-го.

„А инышишней де весны въ Качалинѣ городкѣ казакъ, Сенькою его зовутъ, молъ, что онъ пойдетъ съ Дону на Волгу разбивать казыбашскихъ купчинъ, а другой де казакъ въ томъ словѣ на него доводилъ, и по письму де изъ Черкасскаго городка атамана и всего войска взяты тѣ казаки оба скованы въ Черкасской, а въ войску де, въ Черкасскомъ городкѣ, никакое воровство не потакаютъ и во всѣ городки пишуть, будеть кто какимъ воровствомъ похвалится и промолышся, и такихъ де велико имать и присыпать въ Черкасской городокъ.“

(456) Тамъ же, память изъ Казанского дворца въ Посольскій приказъ 1677 года июня 28-го.

отъ времени увеличивалась, достигли наконецъ до того, что они другъ въ другъ видѣли однихъ враговъ своихъ. 300 казаковъ безъ вѣдома войскового атамана и старшинъ, подъ начальствомъ Голубинского городка атамана Зота Иванова, двинулись къ Царицыну, везя съ собою на колесахъ 14 легкихъ судовъ, остановились въ семи верстахъ отъ города и требовали чрезъ посланныхъ своихъ отъ царицынского воеводы Пущина свободного пропуска себѣ на Волгу, представивъ что они посланы отъ войска разорять калмыцкіе улусы по указу Государеву. Пущинъ не вѣра расказамъ, уговаривалъ казаковъ воротиться въ свои городки, угрожая имъ гнѣвомъ царскимъ, но ограничясь словами, не употребилъ силы и допустилъ, что казаки ниже Царицына спустили суда свои на Волгу и поплыли къ Астрахани (457). Тамъ кочевавъ мирный ауль Едисанского мурзы Ислама; казаки ночью подкрались къ аулу, бросились на ставки самого мурзы, схвати-

(457) Такъ же, память изъ Казанского дворца въ Посольской приказъ 1677 года июня 28.

„Письмо къ В. Государю съ Царицына воевода Кирило Пущинъ, майя де въ 1 день приѣжалъ на Царицынъ два человѣка донскихъ казаковъ, одинъ Черкасского городка Петрушка Осиновъ, а другой Голубинского—Онистия Шубинъ и говорили ему тѣ казаки: прислали де ихъ на Царицынъ съ урочища съ Ключа, отъ Царицына за 7 верстъ, быть членомъ Великому Государю Донскіе казаки атаманъ Голубинского городка казакъ Зотко Ивановъ съ товарищи, чтобы В. Государь пожаловалъ ихъ, вѣгъ ии чрезъ рѣку Волгу перевестись на луговую сторону и идти на калмыковъ войною, а всѣкъ де ихъ казаковъ изъ разныхъ городковъ въ сборѣ съ 300 человѣкъ, въ сборѣ де у нихъ былъ въ Голубинскомъ городкѣ. И по указу де В. Государя тѣль Донскими казаками присыпщикомъ онъ Кирило говорилъ съ великии подкрепленьемъ, чтобы они на калмыковъ не ходили и ссоры и задоровъ ии въ ченъ съ ними не чинили и В. Государя указу ослушны не были, и тѣ казаки присыпщика ему сказали: по указу де В. Государя на калмыковъ войною ииходить велико. Да майя въ 3 день сказывалъ ему Кирилу ниже де Царицына на маломъ острову въ полночи съ нагорной стороны отъ Лишанки рѣки погребли внизъ рѣкою Волгою мимо ихъ стану въ 14 лодкахъ человѣкъ по 15 и по 20 въ лодкѣ да въ тужъ де пору на нагорной сторонѣ тележные колеса скрипѣли, а чайть де тѣ люди Донскіе казаки, потомужъ, что на нагорной сторонѣ выше верхней Лишанки рѣки о урочище у Красной горы въ стени къ рѣкѣ Волгѣ ташены лодки.“

ли жену его и дочь, взяли въ плѣнъ 45 душъ, забрали Исламова имущества на 600 руб. и съ сею добычею пошли на Донъ. Съ дороги отпустили плѣнного татарина сказать Исламу, что отадутъ ему жену и дочь, если онъ пришельть къ нимъ къ Черному Яру или къ Царицыну 250 лошадей, обѣщаюсь также договориться и о прочемъ захваченномъ имуществѣ. Князь Щербатовъ, воевода Астраханскій, узнавъ о семъ насильственномъ поступкѣ казаковъ, высыпалъ противъ нихъ 200 человѣкъ стрѣльцовъ, которые однакожъ не могли остановить казаковъ, спокойно шедшихъ съ добычею на Донъ. Огорченный Государь, запрещая казакамъ въ грамотѣ своей нападать на подвластныхъ калмыковъ, велѣлъ: „своевольникамъ учинить по своему войсковому праву, кто до чего дowieдетсѧ,“ возвративъ при томъ все пограбленное въ аулѣ Ислама (458).

Приступъ казаковъ къ Темрюку и къ Азову. Казаки, бывши въ городѣ Черкасскѣ, по обычаю пускались въ набѣзы: храбрый старшина Родіонъ Калуженинъ съ 700 казаковъ поплылъ моремъ въ Таврическій проливъ, подступилъ подъ г. Темрюкъ, выжегъ предмѣстіе онаго и взялъ въ плѣнъ 150 человѣкъ, заплатя за то собственною жизнью: онъ былъ убитъ подъ стѣнами города вмѣстѣ съ есауломъ Федоромъ Мурзиномъ и 20 храбрыми казаками (459). Прочие оставшиеся въ Черкасскѣ казаки также не были въ бездѣствіи:

(458) Тамъ же, грамота на Донъ 1677 г. июля 31 дня

(459) Тамъ же, грамота на Донъ 1677 г. сентября 6 дня.

„Явился въ Посольскомъ приказѣ станичный вашт атаманъ Потапъ Поникратьевъ да есауль Назарь Захарьевъ съ товарищи 14 человѣкъ, а съ собою привезли въ изымахъ дву человѣкъ татаръ, а въ распросѣ они атаманъ и казаки сказали: въ прошломъ де 186 году до Свѣтлова Христова Воскресенія ходили изъ войска въ промыслъ на морѣ, съ атаманомъ съ Родіономъ Калуженинымъ, казаковъ съ 700 человѣкъ на Ногайскую сторону на турской городъ Темрюкъ моремъ на судахъ, и приступали того города къ посаду и взяли тутопинихъ жителей мужеска и женска полу челов. со 150 и виныхъ многихъ побили, а бою было у нихъ два дня и на томъ бою убить атаманъ Родіонъ Калуженинъ да есауль Федоръ Мурзинъ да казаковъ 20 человѣкъ.“

они всѣмъ войскомъ приступили къ Каланчинскимъ башнямъ, и, оставивъ тамъ бывшіе съ ними россійскіе полки подъ осады, сами бросились на Азовъ. Гарнизонъ этой крѣпости думалъ противустать имъ подъ стѣнами, но былъ прогнанъ въ крѣпость; кромѣ убитыхъ казаки успѣли схватить 7 человѣкъ азовцевъ въ пленъ (460). Предпріятіе это невылѣко за собою никакихъ дальнихъ слѣдствій; по большой осторожности азовцевъ, казаки даже безъ добычи возвратились въ Черкассы.

Походъ казаковъ въ соединеніи съ Россійскою арміею и дѣйствія въ оной. Тревожа сосьдей своихъ, казаки уже нѣсколько десятковъ дѣтей не участвовали совокупно съ Россійскою арміею въ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи; но въ 1678 году, когда турецкій султанъ и крымскій ханъ вооружили народы свои на отечество наше, собралась грозная рать московская въ украинскихъ городахъ подъ главнымъ предводительствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго; туда стеклись воины изъ области Россіи. Царь требовалъ на защиту отечества донскихъ казаковъ, калмыковъ и князя Каспулата Черкасскаго съ подвластными ему татарами. Россійскій дворъ, имѣя основательныя свѣдѣнія о ненависти казаковъ къ калмыкамъ, и находя нужнымъ, чтобы въ это время прекращены были между ними ссоры, не выгодные для обѣихъ сторонъ, послалъ на Донъ къ казакамъ въ генварѣ мѣсяцѣ бѣлогородскаго жителя Ивана Маслова съ увѣщательною грамотою о примиреніи ихъ съ калмыками;

(460) Тамъ же.

„А посль того спустя недѣли съ двѣ ходили вы атаманы и казаки Михаила Самаренинъ всѣмъ войскомъ подъ Азовъ; да съ вами же посыпалъ стольникъ нашъ и воевода Иванъ Волынскій съ товарищи для береженія нашихъ В. Государя ратныхъ людей на шести стругахъ съ пушками и стоялъ на Казачьемъ Еркѣ для обереганія въ Каланчинскихъ башняхъ, и выходили подъ Азовъ за каланчинскія башни и учинилъ бой подъ Азовомъ, были у самыхъ городовыхъ воротъ азовскихъ и взяли 7 челов. татаръ азовскихъ жителей, а взяты тѣхъ азовцевъ съ нашими В. Государя ратными людьми, возвратились на Донъ въ цѣлости.“

а на этихъ послѣдніхъ дѣйствовалъ князь Каспуратъ Черкасскій и стольникъ Козловъ, находившійся тогда при немъ. Послѣ многихъ затрудненій наконецъ согласили балыковъ и казаковъ выслать на назначенное мѣсто депутатовъ, где они утвердили примиреніе свое клятвою (461).

Начались приготовленія къ походу; со стороны войска Донского послано было 1,000 человѣкъ пѣхоты, подъ начальствомъ атамана Конона Кирилова и столько же коннicy подъ предводительствомъ атамана Михаила Самарянинъ и полковника Фрола Минаева; войско сіе достигло дѣйствующей арміи и участвовало въ Чигиринскомъ дѣлѣ (462).

Въ слѣдующемъ 1679 г. Государь, собирая вновь ополченіе на отраженіе турокъ и татаръ, хотѣвшихъ ворваться въ Малороссію, требовалъ отъ войска Донскаго большаго числа конницы для защиты отечества. Съ открытиемъ весны казаки начали собираться: низовые въ Черкасскѣ, верховье же въ одномъ изъ верховыхъ городковъ, по удобности оттуда похода. Но въ то самое время три тысячи ногайцевъ, черкесовъ и азовцевъ, подъ начальствомъ азовскаго паши, перешли Донъ, остановились въ виду Черкасскаго при нижнемъ устьѣ рѣчки Аксая и послали оттуда двухъ мурзъ Урака и Дивлета съ 1,000 человѣками татаръ подъ Черкасскъ. Казаки, выждавъ удобный случай, сдѣвали на непріятеля столь стремительное нападеніе, что на мѣстѣ положили 100 человѣкъ, убили мурзу Урака и взяли въ пленъ Дивлета мурзу

(461) Наказъ бѣлогородцу Ивану Маслову, отправленному на Донъ генваря 9 го 1678 г. и грамота на Донъ 1679 года декабря 14 го.

(462) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Петра Евдокимова и есаула Ивана Федорова 1678 г. юля 17 дн.

„А съ Дону пошли они, В. Государь, на службу, къ боярству и воеводамъ ко князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ товарищами, затѣмъ Петрова посту на первой недѣлѣ пѣмѣни строемъ; атаманъ у нихъ Кононъ Кирилловъ, а казаковъ съ ними 1,000 человѣкъ А конною ратью пошли съ Дону атаманъ Михаилъ Самаринъ да полковникъ Фроль Минаевъ, а съ ними казаковъ съ 1,000 изъ человѣкъ, прежде ихъ походу за недѣлью.“

съ 16 человѣками татаръ. Встрѣтивъ здѣсь неудачу, азовскій паша, спустя болѣе недѣли, обратился на украинскіе города и билъ на Чугуевъ и Печенѣгъ, гдѣ истребилъ и въ плѣнъ взялъ многихъ жителей, но близъ Валуекъ былъ застигнутъ и разбитъ харьковскимъ полковникомъ Донцомъ, который многихъ татаръ положилъ на мѣстѣ и отнялъ 150 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, а прочихъ татары въ бѣгствѣ своеемъ порубили (463).

Отразивъ непріятелей войско Донское, состоявшее изъ 3,000 человѣкъ, подъ начальствомъ войскового атамана Корнилія Яковлева и старшины Григорія Петрова, двинулось къ украинскимъ городамъ и остановилось подъ Царевымъ Борисовымъ городомъ, гдѣ поступа подъ главное начальство князя Каспулата Черкасскаго обязано было по распоряженію начальства оберегать Украину эту отъ непріятельскихъ набѣговъ. Здѣсь казаки получили свѣдѣніе, что многочисленная толпа татаръ опустошаетъ окрестности Чугуева и Печенѣгъ, дали знать объ этомъ князю Каспулату Черкасскому, стоявшему съ войсками въ окрестностяхъ Валуйки, и общими силами спѣшили на отраженіе враговъ. Но узнавъ,

(463) Дѣла Донскія, распросные рѣчи сталичнаго атамана Іаріона Федорова 1679 г. августа мѣсяца.

„ Послѣ де Петрова дни приходили къ намъ подъ Черкасскъ ногайцы чerkесы и азовцы съ 3|т. челов., а начальный надъ ними азовскій паша да съ нимъ 15 человѣкъ мурзъ, и стояли за Оксаемъ у верхнаго перевоза и переходили къ нимъ на островъ человѣкъ съ тысячу, а съ ними два мурзы Уракъ да Дивлетъ, и милостію де Божію и В. Государи щастіемъ изъ тѣхъ людей побили они человѣкъ со ста, да Урака мурзу убили же, да живѣемъ взяли Дивлета мурзу Асланбекова сына, да татаръ 16 человѣкъ и стоять де тѣ татарови послѣ бою съ подніи или больше пошли назадъ къ Азову, и стоять подъ Азовомъ съ недѣлю, пошли подъ государевы украинныя города и были подъ Чугуевъ, подъ Печенѣгъ, и слышали де они, что тѣ татарови подъ тѣми городами многихъ людей побили и въ полонъ поимали, и какъ де они пріѣхали на Вайлуку, и на Вайлуку слышали, что ходилъ за тѣми татары собрався харьковскій полковникъ Григорій Донецъ и какъ ихъ догналъ и учина съ ними бой, многихъ побрали и русскаго полону человѣкъ съ полтораста отбылъ и изъковъ побрали, и какъ де тѣ татарови видя свою немочь побежали и русской полонъ, который у нихъ остался, многихъ порубили. „

что неприятель свирѣпствуетъ уже около Зміева и Соколова, поспѣшно устремились туда и настигли враговъ въ степи, возвращавшихся съ добычею и плѣномъ; нападеніе казаковъ и войскъ князя Черкасского столь было удачно, что вромъ убитыхъ взято было нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, отбито множество лошадей и взять весь обозъ (464). Въ этомъ году со стороны турокъ и татаръ не было предпринимаемо противъ Россіи никакихъ важныхъ дѣйствій, и потому войска собранные подъ Киевомъ находились чрезъ все лѣто безъ всякого дѣйствія; съ наступленіемъ осени корпусъ князя Каспулата Черкасского былъ весь распущенъ, и донскіе казаки возвратились въ свои жилища.

Въ концѣ 1679 г. явились въ Москвѣ отъ крымскаго хана Муратъ Гирея послы съ мирными предложениями; Государь Россійскій, желая съ своей стороны прекратить тягостную для обѣихъ сторонъ войну, отправилъ въ Крымъ для дальнѣйшихъ переговоровъ, какъ съ Муратъ Гиреемъ, такъ и съ турецкимъ султаномъ, чиновника Ивана Сухотина и дьяка Василія Михайлова вмѣстѣ съ крымскими послами (465).

(464) Тамъ же, похвальная грамота на Донъ 1679 года въ августѣ мѣсяцѣ.

„По нашему В. Государа указу вышли вы на нашу В. Государя службу на Царевъ Борисовъ и вѣдомо вамъ учинилось, что многіе азовскіе воинскіе люди съ ногайцы пошли подъ наши В. Государя украинскіе города, подъ Харьковъ, подъ Чугуевъ, подъ Печенѣгу воину и вы по тѣмъ вѣстямъ писали съ Царева Борисова на Валуйку къ подданному нашему ко князю Каспулату Мудаловичу Черкасскому и къ стольнику нашему и воеводѣ къ Кузьмѣ Козлову, чтобы за помощью Божію соединясь онъ съ вами учинилъ надъ тѣми неприятельскими людьми промыселъ, и пошли вы подъ Чугуевъ наскоро, чтобы тѣхъ неприятельскихъ людей въ тѣхъ мѣстѣхъ застать, и сошлись вы съ княземъ К. М. Черкасскимъ августа въ 11 день, а неприятельскихъ людей въ нашихъ В. Государя украинскіхъ городѣхъ до приходу своего подъ Чугуевъ за многіе дни не застали, и въ иныи же году въ августѣ мѣсяцѣ тѣхъ азовцы и ногайцы приходили воину подъ украинскіе города подъ Зміевъ, подъ Соколовъ большими собраніемъ, и соединясь вы съ княземъ Каспулатомъ Муц. Черкасскимъ и съ стольникомъ нашимъ и воеводою съ Казьмой Козловымъ и съ иными казаками, за тѣми неприятельскими людьми ходили и догнали ихъ въ степѣ на рѣчкѣ Берекѣ августа въ день и многихъ ихъ побили и перебили и изыгновъ . . . и людей побрали.“

(465) Тамъ же, грамота на Донъ 1679 года сентября 16 го.

Между тѣмъ, какъ переговоры о мирѣ продолжались въ Крыму, подъ Киевомъ вновь собиралась армія россійская, подъ главнымъ начальствомъ князя Голицына, и потому вновь требовались въ составъ оной: князь Каспуратъ Черкасскій и донскіе казаки. Уже было прислано къ этимъ послѣднимъ 10,000 руб. на жалованье, полагая атаманамъ по 7 руб., есауламъ по 6 и рядовымъ казакамъ по 5 руб., уже казаки начали стекаться въ Черкасскій и другія сборныхъ мѣста, какъ вдругъ чрезъ пленныхъ, взятыхъ подъ Азовомъ, казаки узнали, что главный калмыцкій владѣлецъ Аюка тайша имѣть тайные сношенія съ азовцами и послать къ крымскому хану пословъ просить о принятии его въ свое подданство и о разрешеніи кочевать между Азовомъ и Кубанью, или между Крымомъ, Азовомъ и Донцомъ; что къ Азову пришло уже 500 человѣкъ ногайцовъ и черкесовъ и столько же калмыковъ, что войска около Азова временно отъ времени увеличиваются и собралось уже болѣе двухъ тысячъ, и что вскорѣ ожидаются Капланъ пашу съ войскомъ на 70 судахъ неизвѣстно для какихъ намѣреній. Въ сie же самое время и Россійскій дворъ получилъ вѣрнѣшія свѣдѣнія о замышляемой измѣнѣ тайшою Аюкою, а потому предписано было казакамъ оставаться на Дону и наблюдать за движеніемъ непріятелей (466). Но прежде нежели повелѣніе это было получено Дон-

„ Въ нынѣшнемъ 188 году къ намъ В. Государю прислали Крымскій Муратъ Гирей ханъ и халга и нурадинъ султанъ гонцовъ своихъ Алихъ агу съ товарищи и съ ними писали, чтобы намъ В. Г. быти съ салтаномъ турскимъ и съ нимъ ханомъ въ дружбѣ и любви, и для того указали мы В. Государь послать въ Крымъ посланниковъ, и мы В. Государь по той хана крымскаго присыпѣ указали, для обновленія съ салтаномъ турскимъ и съ нимъ ханомъ дружбы и для размѣнъ пленныхъ людей послать въ Крымъ нашихъ Ц. Величества посланниковъ Ивана Иванова сына Сухотина да дьяка Василы Михайлова и съ ними отпустить и крымскихъ гонцовъ и велико имъ съ Москвоюѣхъ къ вамъ въ Черкасской, а съ Черкасска въ Азовъ.“

(466) Тамъ же, грамота на Донъ 1680 г. июня 16 дня.

„ И въ нынѣшнемъ же 189 году къ намъ В. Государю писали вы съ ставленниками своимъ атаманомъ съ Алексѣемъ Наумовымъ съ товарищи, что вы за

цами, передовой полкъ подъ начальствомъ атамана Самойлы Лаврентьевы находился уже подъ городомъ Волуйкою, прочие полки были войсковымъ атаманомъ возвращены на Донъ. Но сіи собранныя подъ Азовомъ войска непріятельскія не показывали никакихъ движеній; заключенный же тогда міръ съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ на время удалилъ эти толпы хищныхъ непріятелей; вмѣстѣ съ тѣмъ утвердились дружеское согласіе между казаками и азовцами.

На бѣгъ азовцевъ. Въ это время находился въ Азовѣ комендантъ Сенинъ-Бей, человѣкъ корыстолюбивый и жадный къ добычамъ; вскорѣ послѣ замиренія азовцевъ съ казаками, при размѣнѣ пленныхъ, отнялъ у Донцовъ 36 человѣкъ татаръ, переранилъ казаковъ, бывшихъ при семъ случаѣ, и отнялъ у нихъ ружья, послыпалъ азовцевъ подъ городки хватать казаковъ, другихъ грабить на звѣриныхъ ловляхъ и наругалъ надъ ними, инымъ обстригалъ бороды и

нашу В. Государи службу въ полки подъ Кіевъ ити готовы. Да въ той же вашей отпискѣ написано, что пришедь въ Азовъ Магмѣдъ-паша, а съ нимъ ногайцовъ и черкесъ 500 челов., да и Капланъ паша со многими воинскими людьми будетъ же; а мая въ 22 день къ намъ В. Г. выжъ атаманы и казаки писали и нарочныхъ своихъ посыльщиковъ на Волуйку съ тою отпискою прислали, что пришло подъ Азовъ изъ калмыцкихъ улусовъ, отъ Аюка тайши, съ азовскимъ Сеникаемъ агою 500 челов. калмыковъ, да съ ними юровскіе астраханскіе татарова, а которого улуса муромъ и сколько челов., того вамъ неизѣдомо, и собираются подъ Азовомъ ногайцовъ, черкесовъ и азовцевъ тысячинъ съ двиѣ и больше и идуть подъ наши В. Государи украинные города воиню вскорѣ, и нынѣшнимъ же лѣтомъ ждутъ въ Азовѣ Каплана пашу съ большими собраніемъ на 70 каторгахъ."

„Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму посланника подъячаго Гаврилы Михайлова и распросныя рѣчи узденей Илімъ-Аги и Ишехай Сейдалова, присланныхъ княземъ Каспулагомъ Черкасскимъ въ Казанскій приказъ.

„Да въ нихъ уздени сказали: какъ де они были въ Крыму и при нихъ де зимо пріѣзжали въ Крымъ изъ Азова съ азовскими татарами калмыцкаго Аюка тайши присыльщики чтобы крымскій ханъ быль съ нимъ Аюкаемъ въ соединеніи, а у крымскаго хана прошли, чтобы Аюка тайшѣ дали кочеватъ място межъ Азова и Кубани рѣки.“ По показанію же посла Михайлова Аюка тайша просилъ подъ кочевыя земли, лежащія между Крымомъ, Азовомъ и Донцомъ.

усы (467). Казаки винили мщениемъ, но скрѣпясь сносили обиды, исполняя строгое повелѣніе Цара Россійскаго не дѣлать никакихъ нападеній на азовцевъ и крымцевъ. Семь Бей простирая свою дерзость еще далѣе: онъ собралъ ногайцевъ, черкесъ и азовцевъ, послалъ ихъ для грабежей подъ Торъ, Изюмъ и другіе города и самъ выступилъ съ артилеріею для подкрѣпленія ихъ. Несчастные жители, приведенные въ безпечность миромъ, не могли предвидѣть въроломства хищныхъ татаръ, которые напавъ на нихъ нечаянно захватили большой плѣнъ и отогнали стада ихъ въ Азовъ.

Войсковой атаманъ, свѣдая гнусный поступокъ азовскаго боя, послалъ къ нему знатныхъ старшинъ съ выговоромъ и требованіемъ, чтобы онъ прекратилъ набѣги на россійскіе пограничные города и освободилъ плѣнныхъ; бей отвѣтствовалъ: „хотя турецкій султанъ съ Россійскимъ Государемъ заключили миръ; но онъ и впредь будетъ посыпать азовцевъ на украинные города, для того, что имъ провориться будетъ не чѣмъ.“ Старшины говорили, что если азовцы не уймутся, то войско Донское станетъ отражать силу силою. Бей отвѣчалъ, вмѣсто удовлетворенія: „дѣлайте надъ нами все, что вамъ угодно, мы васъ винить не станемъ; но не имѣйте и вы на насъ гнѣва, если намъ удастся взять у васъ что силою“ (468). Послѣ этого старшины требовали отъ него оку-

(467) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи стаиничнаго атамана Федора Егорова.

„А азовцы де имъ донскімъ казакамъ за миромъ многіе неправды починали и нынѣ чинять непрестанно, а у нихъ Донскихъ казаковъ, какъ привозили къ Азову для размѣны и на окунь, старыхъ взятыхъ татаръ отбили безъ окупу 36 челов. и многихъ казаковъ переранили и ружья отобрали, а которые де казаки ходить на звѣриной промыслъ и тѣхъ де казаковъ грабить и, наругались, бороды и усы остригаютъ.“

(468) Тамъ же.

„Бей старшинамъ говорилъ: хотя де у В. Государя ст. салтаномъ ихъ и миръ, а ему де азовцовъ подъ государевы украинные города для полону и впредь посыпать для того, что де азовцамъ, кромѣ того кормитись нечѣмъ, и отъ войска де посыплики тому бею говорили, что и они казаки войскомъ становуть надъ ними промыслъ чинить, и бей войсковымъ посыльщикомъ сказать, что де они надъ нами учинить, того де они спрашиватъ надъ ними не станутъ, а на нихъ бы де такъ же не спрашивали.“

па деньгами или плѣнными россиянами за отнятыхъ у казаковъ на размѣнномъ мѣстѣ татаръ; бей отговаривался неимѣniемъ денегъ, потомъ сказалъ имъ, что заплатить въ то время, когда возможность будетъ, въ противномъ случаѣ предоставляемъ казакамъ взять станицу татаръ, гдѣ имъ оная попадется въ руки (469).

Старшины по возвращеніи въ Черкасскъ, рассказавъ о поступкахъ бея, присовокупили, что Азовъ наполненъ плѣнными российскими людьми, что эти несчастные терпятъ поруганіе, бывъ водимы по улицамъ Азова связанные человѣкъ по десяти, что они безпрерывно вывозятся покупателями въ Крымъ, Тамань и къ черкесамъ. Тронутые положениемъ ихъ казаки единодушно положили отмстить азовцамъ и требовали отъ войскового атамана вести ихъ на враговъ, предлагая, чтобы часть казаковъ, перетащивъ суда изъ Донца на Міусъ, бросилась на посады азовскіе моремъ, а другая сухимъ путемъ; но предпріятіе сie остановлено было твердостію атамана Фрола Минаева, который убѣждалъ ихъ не нарушать царскаго повелѣнія и тѣмъ не наводить гнѣва его на все войско Донское, впрочемъ положили казаки о враждебныхъ поступкахъ азовскаго бея, донести Государю и ожидать царскаго повелѣнія (470).

Непріятельскіе набѣги азовцевъ, ногайцевъ и черкесовъ не только не прекратились, но еще увеличились; одна изъ партій ихъ схватила въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1682 г. чиновника Мезен-

(469) Тамъ же, распросныи рѣчи станичного атамана Пахома Сергеева 1682 г. апрѣля 10 дн.

„ И бей де Семъ тѣмъ ихъ мировщикомъ сказалъ, что онъ за тѣхъ татаръ окупу нынѣ платить не станеть, а заплатить онъ послѣ какъ времія будетъ, а будетъ де онъ имъ окупу не заплатить, и они бѣ сами противъ того взды станицу гдѣ имъ попадется; да и для де того окупу и размѣны за нихъ не дастъ, что они казаки не продаютъ имъ, по прежнему, дровъ и уголья.—А войскомъ де приговорили и постановили накрѣпко, что имъ отнюдь никому явно и тайно дворовъ и уголья не продавать и не возить.“

(470) Тамъ же, распросныи рѣчи атамана Федора Егорова.

цова, бывшаго въ Торскую крѣпость воеводою съ 170 человѣками, отправленными съ нимъ же для увеличенія тамошняго гарнизона. Другая партія татаръ, состоящая изъ 500 человѣкъ, ворвалась было въ Торской уѣздъ, но узнавъ, что изъ Черкаска выступили противъ нихъ казаки, возвратилась въ Азовъ. Не одна украина была опустошена азовцами; въ іюль мѣсяца 1683 года многочисленная партія ихъ, разграбивъ окрестности Чернаго Яра и Царицына, подходила подъ казачьи городки Паншинъ и Качалинъ, гдѣ убила нѣсколько человѣкъ казаковъ и отогнала весь скотъ, но посланными изъ Черкаска казаками была совершенно разбита (471).

Грамота крымскаго хана къ донскимъ казакамъ и отвѣтъ на ону ю. Обиды азовцевъ казаки сносили съ удивительнымъ терпѣніемъ. Желая вполнѣ сохранить покой, они послали изъ войска во всѣ свои городки войсковые грамоты съ предписаніемъ, чтобы никто изъ казаковъ на подданныхъ крымскаго хана и на самой Крымѣ не дѣлалъ нападенія, въ которомъ же городкѣ окажутся послушники, тотъ городокъ будетъ сожженъ, жители его сгннятся съ Дону, а защитники будуть казнены смертю (472).

(471) Грамота царей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича крымскому хану Муратъ-Гирею, 1683 года августа 11-го.

„Писали къ намъ В. Государемъ къ нашему Ц. В. съ Дому донскіе казаки, что іюня мѣсяца въ разныхъ числахъ приходили войной азовскіе татары, совокупясь съ горскими черкесами, подъ ихъ казачьи верховые городки подъ Паншинъ и подъ Качалинъ и многихъ казаковъ побили и скотъ весь отогнали, въ они казаки увидя такое отъ тѣхъ татаръ разореніе и многіе досады, посыпали казаковъ за тѣми татары въ погоню, и тѣ казаки дошли ихъ въ стени у рѣки Дона на рѣчкѣ Лискѣ, и былъ у тѣхъ казаковъ съ тѣми ворами съ азовскими татары и горскими черкесы, которые подъ ихъ казачьи городки приходили и погромили, бой, и на томъ бою казаки взятой русской полонъ и скотъ у нихъ отбили и въ полонъ ихъ самыхъ взяли нѣсколько человѣкъ.“

(472) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичного атамана Пахома Сергеева.

„По его государеву указу разосланы изъ войска во всѣ въ нижніе и въ верхніе заезжіи городки подъ смертную казнь приговоры, чтобы никто съ азовцами и съ калмыками не ссорился и на морѣ и на Волгу для воровства и добычи не ходили, а

Но маловажный случай подалъ поводъ къ нѣкоторымъ неудовольствіямъ между ханомъ и Донцами, кои однакожь окончились одною письменною размолвкою: одна партія, посланная войсковымъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ для обыкновенныхъ наблюдательныхъ разъездовъ, по правую сторону Донца, состоящая изъ 60 человѣкъ казаковъ и 50 калмыковъ, рѣшилась испытать своего счастія подъ Перекопомъ и пустилась во внутрь Крыма.—Около Торскихъ озеръ встрѣтились малороссийскихъ и запорожскихъ казаковъ, возвращавшихся съ солью, удальцы взяли отъ нихъ проводниковъ, достигли окрестностей Перекопа, захватили тамъ 800 лошадей и спокойно пригнали ихъ на Донъ (473). Успѣхъ сей возжегъ другихъ храбрецовъ; ходило еще нѣсколько малыхъ партій въ Крымъ и возвратились съ добычами и плѣномъ; но одинъ отрядъ, изъ 70 человѣкъ состоявшій, былъ подъ Перекопомъ разбитъ татарами. Раздраженный Муратъ Гирей прислалъ къ войсковому атаману Фролу Минаеву грозную грамоту: „тебѣ известно, писалъ онъ, что у меня съ Россійскимъ Государемъ миръ и условіе другъ другу обидъ и разореній не дѣлать. Ты не желаешьъ покоя, непрестанно посылая казаковъ и калмыковъ подъ Перекопъ для грабежей. Я же ни одному изъ подданныхъ моихъ не вѣлю нападать на границы Русского царства. Если скажешьъ, что татары приходятъ подъ ваши городки и хватаютъ казаковъ, то вѣдай, что тѣ люди посылаются азовскимъ беемъ, а не мною; изъ моихъ подданныхъ ни одинъ человѣкъ не осмѣлитъся на то, ибо смертю казненъ будетъ. Достойное письмо сіе посылаю къ тебѣ съ однимъ изъ великихъ аговъ моихъ; съ нимъ возврати мнѣ весь пограбленный казаками скотъ и взятый плѣнъ; если же не исполнишь сего, то повелю моимъ подданнымъ

буде изъ котораго городка такое дѣло учинится, и за то того городка казаковъ выбить вонъ и съ рѣки Дону сослать, чтобы имъ нигдѣ пристанища не было, а городокъ сжечь, а заводчиковъ вѣшать и рубить.“

(473) Крымскія дѣла № 71; распросныя рѣчи малороссийскаго старшины Ивана Мазэы.

дѣлать безпрерывныя нападенія на казачи жилища, а зимою по льду самъ приду на Донъ съ несмѣтными силами татаръ и ногайцевъ, нападу на ваши тридцать два городка, и если всѣхъ ихъ истреблю, то и тогда дружба моя съ Россійскимъ Государемъ прервана не будетъ. Ежели хочешь исполнить мое требование, то все взятое пришли ко мнѣ съ знатнымъ человѣкомъ.“ На такія угрозы казаки отвѣчали хану: „скотъ угнали отъ Черекопа не мы, а калмыки; ты упрекаешь насъ нарушеніемъ мира, но вспомни сколько разъ жаловались мы тебѣ на азовскаго Сеинъ-бая, который, вопреки мирнымъ договорамъ, разоряетъ и насъ и Украину. Теперь повторяемъ тебѣ если и за симъ не запретишь Сеинъ-бю злодействовать, то и мы войско Донское будемъ вооружаться. Что жъ касается до угрозъ твоихъ разорить жилища наши, то они некорыстны, а надобно ихъ доставать твердо головами, стадъ же у насъ конскихъ и животинныхъ мало, даромъ тебѣ забиваться въ столъ дальній путь“ (474). Послѣ сей письменной браніи набѣги съ обѣихъ сторонъ прекратились

Разбой казаковъ. Спокойное поведеніе казаковъ не долго продолжалось: въ верховыхъ городкахъ, какъ и въ самомъ Черкасскѣ, начали проявляться охотники къ поискамъ, изъ коихъ одни хотѣли рѣкою Волгою пробраться до Персидскихъ предѣловъ и тамъ искать добычи, а другіе идти подъ Азовъ и Крымъ; но всѣ эти замыслы отвращены были твердостю атамана Фрола Минаева и старшинъ (475).

(474) Дѣла кримскія, грамота Муратъ Гирея хана Кримскаго войску Донскому и отписка войска Донскаго на сю грамоту.

(475) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1682 г. апреля 7-го.

„А изъ Панина городка казаки Васька Пятізбскій съ товарищи, помѣши вверхъ по Дону, по Кримской сторонѣ и хотѣли собраться въ Кременскѣ и Клещкомъ и въ иныхъ верховыхъ городкахъ, и собравшися хотѣли итти подъ Азовъ войною, а изъ Черкасскаго городка пошли казаки и калмыки и татары подъ Крымъ войною, а иные хотѣли итти Волгою на морѣ въ Шахову область, да и впередъ въ тѣ мѣста ходить хотѣть же, и отомъ въ Черкасскѣ были преговоры въ кругахъ, что нынѣшней весны итти съ Дону въ тѣ вышеупомянуты мѣста на Волгу.“

Однакожъ два буйные казака Илья Ивановъ и Астахъ Грековъ, убѣжавъ изъ Черкаска въ верховые городки, набрали тамъ шайку до 150 человѣкъ и отъ устья рѣки Хопра пошли вверхъ по Дону: на пути приставали къ нимъ разныхъ станицъ казаки и пока дошли они до рѣчки Калитвы, то партія ихъ увеличилась до 300 человѣкъ; разграбивъ на пути всѣ селенія и шесть барокъ, плывшихъ по Дону, умноживъ число свое еще 40 человѣками русскихъ бродягъ, они обратились назадъ къ казачимъ городкамъ; брали изъ проходившихъ по Дону брокъ гребцовъ для увеличива-
ния своей партіи, подступали къ казачимъ городкамъ: Старому и Новому Мигулину, Тишанскому и Рѣшетовому, взяли ихъ приступомъ, забрали силою многихъ казаковъ въ свою шайку и обратились къ Вешенскому городку; но сосѣдніе казаки собрались уже къ нему на помощь и выshedъ подъ начальствомъ вешенскаго атамана, разбили сю разбойничью партію наголову, такъ что изъ 400 человѣкъ осталось въ живыхъ только 115 человѣкъ, тутъ же убить и буйный атаманъ Илья Ивановъ. Остатки сей партіи побѣжали внизъ по Дону, остановились на рѣчкѣ Еланѣ, изрубили здѣсь по общему приговору всѣхъ раненыхъ своихъ товарищѣй и выбравъ въ атаманы Ивана Терского, бросились на ногайскую (лѣвую) сторону рѣки Дона; но ихъ настигъ сильный отрядъ казаковъ, посланный изъ главнаго войска, и истребилъ почти всѣхъ бунтовщиковъ, къ совершенному же ихъ искорененію посланы во всѣ городки войсковая грамоты, что если кто изъ сихъ разбойниковъ окажется въ какомъ либо городкѣ, въ то же время поймать его казнить смертію; оставшагося въ живыхъ одного изъ зачинщиковъ сего бунта Ивана Длиннаго въ Черкасскѣ повѣсили на якорь, прочихъ предали смерти по войсковымъ правамъ. И такимъ образомъ водворено по прежнему общее спокойствіе (476).

Походъ казаковъ противъ калмыковъ. Но къ совершенному прекращенію новыхъ своевольствъ всего болѣе

(476) Тамъ же, грамота на Донъ 1682 г. июня 18 дн.

способствовала открывшаяся война против калмыковъ. Еще въ 1679 г. главный калмыцкій владѣлецъ Аюка тайши замышлялъ поддаться со всѣми подвластными ему калмыками крымскому хану, посыпалъ отъ себя пословъ въ Крымъ, согласился дать въ вѣрности аманатомъ роднаго сына своего и брата; но не успѣлъ склонить хана на свою сторону; ибо послѣдній справедливо опасался ихъ непостоянства, когда видѣлъ ясно, что Аюка, получая большое жалованье отъ Россійскаго Государя, не перестаетъ разорять его городовъ; и следовательно былъ увѣренъ, что онъ, кочуя близъ Тавриды, не проминетъ нападать на подвластные ему народы (477).

Не исполнивъ здѣсь своихъ замысловъ, Аюка съ братомъ своимъ Замсою ись прочими тайшами, собравъ до 40/т. калмыцкаго войска, ворвался въ 1682 г. въ россійскія границы, по призыву взбунтовавшихся тогда башкирцевъ и чуваший. Они причинили большія опустошенія какъ россіянамъ, такъ и неприставшимъ къ возмущенію башкирамъ и чувашамъ, подступали подъ г. Уфу и Мензелинскъ и отогнавъ стада обратились на югъ, захвативъ на пути множество пленныхъ.

Государь получивъ о томъ донесеніе, хотѣлъ наказать мятежниковъ; 10 августа войско Донское имѣло уже грамоту о походѣ противъ калмыковъ; въ первыхъ числахъ сентября походный атаманъ Любимъ Архиповъ съ 2,600 казаковъ двинулся къ Царицыну; ему предписано было соединиться съ

(477) Дѣла Крымскія, № 61. Распросныя рѣчи въ Казанскомъ приказѣ, присланнѣя княземъ Каспулатомъ Черкасскимъ узденей Илімъ Ага да Ишкай Сейдалова.

„Крымскій де ханъ прошаль у него Аюка тайши въ Крымъ въ аманаты сына своего да брата и въ помощь калмыцкимъ ратнымъ людямъ на войну, и калмыцкіе де посланники то все дать хотѣли, и крымской де ханъ говори о томъ съ своими ближними людьми, калмыцкимъ посланникомъ вовсе отказали . . . а говориъ, что де они калмыки люди непостоянны и правды никогда недержатся, и у В. Государя многое жалованье деньгами и сукнами емлють, а всего государства города разоряютъ; такъ же де они калмыки и ему крымскому хану чинить учнуть тоже, и тѣ де калмыцкіе присыльщики изъ Крыму отпущены при нихъ.“

тамошнимъ воеводою, съ черноярцами и астраханскими войсками и дѣйствовать по повелѣнию астраханского воеводы Головина. Ниже Чернаго Яра казаки получили отъ воеводы двухъ плѣнныхъ калмыковъ, которые сказали имъ, что Аюка съ улусами своими кочуетъ около Урала, а едисанскіе и другие татары, которые были съ нимъ подъ Уфою близъ Астрахани, что злѣйший измѣнникъ мурза Ишней Иширинъ еще до прибытія въ Астрахань войскъ донскихъ, собравъ разныхъ улусовъ татаръ, побилъ подъ стѣнами города сего 300 человѣкъ воинскихъ людей, а съ плѣнными поступалъ варварски: инымъ разрѣзывалъ груди, другихъ, прибивая къ доскамъ, пускалъ по Волгѣ, а многихъ умерщвлялъ разными мученіями. На сихъ то вѣрныхъ союзниковъ Аюки казаки сдѣлали нечаянно нападеніе, разбили ихъ, разграбили ихъ улусъ, и узнавъ, что самъ мурза Ишней стоитъ съ улусомъ своимъ на правой сторонѣ Волги, пониже Астрахани, бросились на него, обратили въ бѣгство всѣхъ его людей, преслѣдуя ихъ семь верстъ; въ обѣихъ этихъ сраженіяхъ казаковъ убито 60 человѣкъ, татаръ же погибло и захвачено въ плѣнъ обоего пола большое число.

Поощренный столь блистательнымъ успѣхомъ и свѣдавъ отъ плѣнныхъ, что 600 человѣкъ едисанскихъ татаръ и калмыковъ идутъ на Красный Яръ, съ намѣреніемъ взять оный приступомъ, походный атаманъ Архиповъ послѣшилъ послать на освобожденіе города донского старшину Пахома Сергиева съ 1,300 казаковъ, которые приплыли подъ Красный Яръ въ одно время съ непріятелями; казаки давъ калмыкамъ свободу переплыть рѣку Бузунъ и подойти къ городу, вдругъ напали на нихъ внезапно и прогнали обратно за рѣку, побивъ 40 человѣкъ и еще болѣе потопивъ въ рѣкѣ (478).

Атаманъ изъ подъ Астрахани перешелъ зимовать въ Кра-

(478) Дѣла Донскія, распроснныя рѣчи прѣхавшаго въ Москву отъ походнаго атамана Любима Архипова, станичнаго атамана Семена Стеканова и есаула Федора Фролова.

сный Яръ и спасть городъ этотъ отъ разоренія, ибо многіе улусы Люкины и братьевъ его, находясь не въ дальнемъ разстояніи отъ города, производили на оный безпрерывные набѣги, не давая казакамъ во всю зиму ни малѣйшаго отдыха. Съ открытиемъ весны, большая часть калмыковъ покочевала къ устьямъ рѣки Урала, ауль же брата Аюки Замсы перешелъ на правую сторону Волги, и хотя казаки преслѣдовали его всѣми своими силами, но не успѣли воспрепятствовать ему переправиться по льду.

Между тѣмъ какъ все это происходило близъ Астрахани, войско Донское зимою выслало на защиту Царицына другую партію казаковъ, съ станичнымъ атаманомъ юномъ Савостьяновымъ, которая много способствовала къ отраженію калмыковъ, кочевавшихъ въ 120 верстахъ отъ Царицына (479). Въ мартѣ мѣсяцѣ 1683 г. походное войско, бывшее противъ калмыковъ, получило повелѣніе, прекративъ военные дѣйствія, возвратиться на Донъ (480). При дворѣ думали, что калмыцкій владѣлецъ или успокоится или удалится, но вышло на-противъ.

Второй походъ казаковъ на калмыковъ. Аюка явился опять съ оружіемъ въ пограничныхъ нашихъ областяхъ, казаки по повелѣнію царскому, снова пошли противъ калмыковъ болѣшимъ отрядомъ, подъ начальствомъ походнаго атамана Максима Лашепова; въ августѣ мѣсяцѣ заняли они по Волгѣ всѣ мѣста, на кои ожидали набѣгъ непріятелей. Атаману предписано было войскомъ соблюдать самую строгую дисциплину, никакихъ не дѣлать обидъ промышленникамъ по Волгѣ и не разорять тамошнихъ жителей; если же

(479) Тамъ же, похвальная грамота походному атаману юну Савостьянову

(480) Тамъ же, распросная рѣчи станичного атамана Казими Родионова, прибывшаго въ Москву маѣ 16-го 1683 года отъ походнаго атамана Любника Архипова.

„ Великаго Государя грамота дошла къ атаману, по которой велико имъ ити въ дома свои, апрѣля въ 6 числѣ и по тому В. Государа указу помель нъ атаманъ съ Краснаго Яру, тогожъ числа, водомъ къ Царицыну“

казаки будуть въ этихъ поступкахъ замѣшаны, то не найдутъ уже себѣ пристанища на Дону, домы ихъ будуть разрушены, а кого поймаютъ того казнить смертю (481).

Всѣдѣ за тѣмъ, для подкрѣпленія ихъ, отправленъ былъ изъ Черкаска другой отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ Максима Скалозуба. Атаманъ этотъ, по прибытии въ Цятинь-башкій городокъ, имѣлъ отрядъ свой до 3,000 человѣкъ. Здѣсь онъ съ состоящими подъ начальствомъ его казаками рѣшились было буйствовать, идти въ верхъ по Дону, громить россійскіе города и селенія, но удержались отъ этого потому, что Донъ въ тѣхъ мѣстахъ не слишкомъ широкъ и казакамъ будетъ опасно отъ россійскихъ войскъ. Но наконецъ казаки въ общемъ совѣтѣ положили: перейти Волгу, взять городъ Терекъ и перезимовать въ немъ, идти весною на Персидскія владѣнія и ожидать тамъ призыва отъ Россійскаго двора, также какъ призывали Степана Разина (482).

Въ этомъ намѣреніи войско раздѣлилось на двѣ части: одна подъ начальствомъ Калины Родіонова, другая Максима Скалозуба, двинулись къ городу Царицыну, таща за собою 60 лодокъ; за десять верстъ отъ сего города встрѣтили ихъ чиновники, посланные отъ царицынского коменданта съ требованіемъ, чтобы они если не имѣютъ государева указа или

(481) Дѣла Донскія, распросима рѣчи Посольскаго проказа толмача Тараса Иванова 1683 г. сентября 21 дня.

„И въ тоже де время, каково письмо послали къ Максиму Лашенову, въ кругу чли; а въ чемъписано, чтобъ онъ Максимъ и всѣ при немъ будуще казаки по указу великихъ государей надъ калмыцкими улусы и надъ ихъ улусными людьми, гдѣ ихъ прозвѣаютъ, промыслѣ чинили всически радѣтельно и неоплошно; а на Волгѣ русскими людемъ, которые пойдутъ съ верху на низъ, и съ низу въ верхъ, водяными и сухими путемъ, ии какого разорію и дурия и грабежу не чинили, и не воровали, такъ же и на Хваль иское море для грабежу и на юртовскихъ астраханскихъ татаръ, которые кочуютъ близко Астрахани, не ходили жь, не побивали и не грабили жь; а буде въ томъ воровствѣ онъ атаманъ или кто изъ казаковъ объявится, а буде и всѣ имъ за то, отъ великихъ государей будетъ смертная казнь, а у нихъ въ войску и во всѣхъ городкахъ пристанища не будетъ.“

(482) Тамъ же, грамота на Донъ 1683 г. октября 24-го.

войсковой отписки въ нему о походѣ своемъ, не приблизились къ городу, въ противномъ случаѣ онъ остановить ихъ вооруженною рукою. Скалозубъ послалъ сказать коменданту, что у него есть и Государевъ указъ и отписка отъ войска; но не успѣлъ обмануть коменданта, который, свѣдавъ о коварствѣ его, приказалъ всему гарнизону царицынскому вооружиться и стать за городомъ съ артиллерию. Казаки также готовились къ отпору; сначала показалась партия Максима Скалозуба, но будучи встрѣчена артиллерию, повернула на лѣвую сторону города и тамъ спустила суда свои въ Волгу; партия же Калины Родионова должна была выдержать сраженіе и, не взирая на пушечную стрѣльбу, успѣла пройти мимо Царицына на правую сторону онаго, гдѣ равнымъ образомъ спустила суда свои на Волгу. Раздѣленные городомъ, они должны были соединиться. Родионовъ, посадивъ казаковъ на суда, пошелъ вверхъ Волгою мимо города; здѣсь завязалось у нихъ сраженіе, продолжавшееся пять часовъ, которое кончилось тѣмъ, что казаки отбили гарнизонъ царицынскій отъ берега и соединились съ войскомъ атамана Скалозуба; на семъ сраженіи убито много царицынцевъ.

Соединеніе казаковъ привело коменданта въ страхъ, онъ полагалъ, что они навѣрно поплынутъ вверхъ по Волгѣ и причинятъ тамъ великія разоренія, какъ судамъ находившимся на Волгѣ, такъ и прибрежнымъ селеніямъ. Желая отвратить гибель сю, онъ началъ съ казаками переговоры: представилъ имъ всю гнустность ихъ предпріятія, то угрожая царскимъ гнѣвомъ, то смягчая милость его, успѣлъ онъ многихъ обратить на службу честную, и весь отрядъ Родионова возвратился въ дома; но Скалозубъ былъ непреклоненъ: онъ съ 1,000 человѣкъ казаковъ на 62 лодкахъ прокрался мимо Царицына и поплылъ внизъ по Волгѣ (483).

Разгнѣванный Государь далъ повелѣніе войску Донскому: если Скалозубъ на Дону, поймавъ его, прислать въ Москву,

(483) Дѣла Донскія, грамота на Донъ того же года октября 24-го.

другихъ злѣйшихъ его соумышленниковъ казнить по воинскому праву; если же онъ находится на Волгѣ, то послать въ нему лучшихъ старшинъ уговорить о возвращеніи на Донъ, съ обѣщаніемъ прощенія винъ ему и товарищамъ его, если они принесутъ повинную Государю; въ противномъ же случаѣ сказать, что послана будетъ за ними многочисленная рать и истребить ихъ (484).

Поиски атамана Максима Скалозуба противъ калмыковъ. Атаманъ Скалозубъ, можетъ быть опасаясь послѣствій, смирился и заслужилъ не опалу, но милость царскую. Миновавъ Царицынъ, онъ тихо плылъ рѣкою Волгою въ Астрахань, не тронувъ на пути ни одного судна купеческаго, вышелъ въ Каспійское море и направилъ плаваніе свое въ Уралу. Отъ устья Урала казаки пошли вверхъ мимо Гурьевъ города, и отойдя отъ него на пространство двухъ дней юзды, увидѣли кочующихъ калмыковъ: то былъ улусъ Аюкина брата Замсы, казаки напали на оный, разгромили ауль, забрали въ немъ весь скотъ, 30 человѣкъ плѣнныхъ, и нагруживъ суда свои мясомъ, поплыли далѣе вверхъ по Нику; на пути встрѣтился съ ними сильнейший калмыцкій ауль Аюки тайши; самъ владѣлецъ онаго жилъ въ земляномъ укрѣплѣніи. Казаки бросились на ауль, разбили собранныя калмыцкія войска и потомъ осадили Аюку тайшу въ его укрѣплѣніи; по долгому и кровопролитному сраженію, казаки наконецъ взяли это укрѣплѣніе приступомъ, и вытѣснивъ оттуда Аюку тайшу, сѣли въ ономъ сами. Но дорого заплатили за эту крѣость, ибо лишились на сраженіи храбраго и отважнаго своего атамана Скалозуба; на мѣсто его избранъ былъ Иванъ Беркулатъ.

Взятiemъ Аюкина укрѣплѣнія, казаки дѣйствительно спасли себя отъ совершенной гибели, ибо эготъ тайша, какъ главнейший изъ всѣхъ калмыцкихъ владѣльцевъ, вскорѣ

собралъ многочисленное войско, простирающееся до 40/т. человѣкъ и осадилъ казаковъ; положеніе ихъ было самое опасное, но они одолжены спасеніемъ своимъ мужеству своему и неустрашимости. Аюка 15 дней сряду приступалъ къ нимъ, наконецъ, потерявъ брата своего и значительное число войскъ, принужденъ былъ отступить и уйти въ Волгъ. На всѣхъ сраженіяхъ они лишились 110 человѣкъ убитыми, калмыки же потеряли, по словамъ пленныхъ, до 5,000 человѣкъ.

Избавившись такимъ образомъ отъ сильнаго непріятеля, казаки снова попытили вверхъ по Уралу, но не доходя за 6 дней до Яицкаго городка застигли ихъ морозы. Рѣка замерзла и они принуждены были, вытащивъ суда на берегъ, бросить ихъ и идти пѣшкомъ. Отдохнувъ въ Яицкомъ городкѣ двѣ недѣли отъ долгаго и утомительного похода, посланъ Беркулатъ отъ себя въ Москву станицу съувѣдомленіемъ о дѣйствіяхъ своихъ противъ калмыковъ, испрашивая дальнѣйшихъ повелѣній (485), которыхъ ожидалъ онъ въ городкѣ съ 900 казаками.

(485) Тамъ же, распросный рѣчи станичнаго атамана Ивана Разматѣса 1684 г. марта 3 дн., посланнаго съ Урала въ Москву походнымъ атаманомъ Иваномъ Беркулатомъ.

„А Волгою де рѣкою ѹдучи въ назъ, пришли они въ Бузанъ рѣку, которая впада въ морѣ, и ѹхавъ изъ Бузана рѣки, шли моремъ до Яика днѣ съ 10-ть. А какъ пришли они на Яикъ къ Гурьеву городку и мимо сего городкашли они Яицкъ рѣкою вверхъ поздна днѣ и отпѣдь отъ Гурьевы городка сутки ѹдучи по Яику рѣкѣ нашли Аюка тайши брата Самса улусъ, и тотъ улусъ всѣ они разгромили и взяли ясырь женска полу и малыхъ робить челов. съ 30 и тутъ у нихъ съ калмыки былъ бой и съ того бою Самса съ калмыки ушли, а достальныхъ калмыковъ порубили. А послѣ того въ тожъ время Самса съ калмыки собралися и пришли къ нимъ казакамъ къ тому же мѣсту, и тотъ ясырь робить и женокъ отдавали имъ же калмыкамъ на окунь, а бою не было. Да оهى же Донскіе казаки у тѣхъ калмыковъ боемъ отбили лошадей и верблюдовъ и всякого рогатаго скота съ 20,000 и тѣ лошади и верблюды и скотъ порезали и помѣтили на стена, а достальну рогатую скотину для пропитанія себѣ поклали въ струги и отъ тѣхъ калмыковъ по обѣ стороны рѣки Яикашли берегомъ отводомъ въ верхъ къ яицкому войску отводомъ, а струги не большие люди проживали на гребѣкъ. И идучи Яицкъ рѣкою ниже Индейскихъ горъ (Индерскихъ) нашли они на самого Аюка тайшу и на весь его Аюкаевъ улусъ и съ ними Аюкаевъ и съ

Государь прощаи самовольные поступки ихъ подъ Царичанымъ, велѣлъ имъ идти на Донъ; а для облегченія пути приказано было приготовить для нихъ на рѣкѣ Самарѣ 4 струга. Походъ этотъ съ Урала до Самары былъ для казаковъ столь отяготителенъ, что они принуждены были бросать на дорогѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Въ юнѣ мѣсяцѣ походное войско прибыло на Донъ къ Паншинскому городку.

ГЛАВА XV.

Сношенія Донскихъ казаковъ съ запорожцами.—Военные дѣйствія ихъ противъ азовцевъ и крымцевъ.—Пожаръ истребляетъ Черкасскъ.—Казаки вновь открываютъ военные дѣйствія противъ азовцевъ и крымцевъ.—Скора казаковъ съ калмыками.

Сношенія Донскихъ казаковъ съ Запорожцами. По заключеніи въ 1680 г. мира между Россіею, Турціею и Крымомъ до 1685 г., казаки принуждены были сносить всѣ обиды азовцевъ и крымцевъ; въ теченіе этого времени слышны были одни только жалобы ихъ, а Российскій дворъ, для

калмыки были у нихъ бой, и изъ землянаго городка его Аюкахъ тайшу и калмыковъ выбили и сѣли въ томъ городкѣ въ осадѣ, сами и на томъ бою атамана Максима Скалозубова и 100 челов. казаковъ изъ огненнаго ружья убито, а на его Максимово мѣсто выбрали они атаманомъ походнымъ изъ рядовыхъ казаковъ Ивана Романова сына Беркулата, и сидѣли они въ томъ городкѣ 15 дней до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ отъ того городка калмыки не отступили, а будучи въ осадѣ, пытались они тою скотиною рогатою, что побрана была на первомъ бою, да оинъ казаки за томъ же бою и самого Самсу убили, а было съ тѣмъ Аюкахъ узусныхъ его калмыковъ съ 40,000 человѣкъ.

„А какъ Аюкахъ тайша отъ того городка отступилъ прочно и пошелъ кочевать на зимовье къ Волгѣ и они изъ того городка вышли, пришли Яикомъ рѣкою вверхъ же къ Яицкому войску, и идучи къ Яику дорогою взяли дву че-ловѣкъ Башкирцовъ и одного человѣка убили, а другаго съ собою на Яикѣ привезли, котораго съ Яика походной атаманъ съ нимъ языка къ Москвѣ послалъ, и не доходя Яицкаго войска за 6 дней подъ Мергеневыми струги у нихъ на Яикѣ рѣкѣ замерали, и тѣ струги вытащивъ они на берегъ и покинувъ на берегу, пошли сами пѣши къ Яицкому городку и пришли на Яикъ . . . Николина дни, и пришедъ жили они до отпуска своего на Яикѣ двѣ недѣли и походной атаманъ Иванъ Беркулатъ съ казаки съ Яику отпустили ихъ съ отпискою и со взятыми языкомъ къ Великимъ Государемъ къ Москвѣ, а самъ онъ атаманъ Иванъ и съ нимъ 900 челов. казаковъ остались на Яику и ожидають о походѣ за тѣмиъ азъ калмыки ихъ Великихъ Государей указу.“

охраненія мира, строго запрещаю казакамъ мстить за свои обиды. Казаки недовольны были такимъ положеніемъ, скучали бездѣйствіемъ, и некоторые изъ нихъ порывались искать новыхъ приключений и добычи по Волгѣ и въ Крыму.

Въ такомъ положеніи дѣлъ на Дону въ маѣ мѣсяцѣ 1684 г. неожиданно явились въ Черкассы посланцы отъ Запорожскаго кошеваго атамана Григорія Сагайдачнаго, просить казаковъ на службу Польскаго короля, который имѣть въ то время войну съ крымцами и турками и съ просьбою пропустить ихъ же къ Аюкѣ тайшѣ для врученія ему королевской грамоты, коею онъ возбуждалъ калмыковъ сдѣлать нападеніе на Крымъ, объщая какъ Аюкѣ, такъ и казакамъ за таковое вспомоществованіе большое жалованье. Но казаки отрицнули приглашеніе Запорожцевъ и отобрали даже отъ посланныхъ грамоту, везеннюю ими къ Аюкѣ тайшѣ, подъ предлогомъ, что они безъ царской воли не смѣютъ послать къ польскому королю войскъ своихъ и дозволить пропустить грамоту отъ иностранного государя къ россійскому подданному; грамоту эту отправили въ Москву съ атаманомъ Дмитріевымъ. Впрочемъ не запрещали симъ посланцамъ отправиться безъ грамоты въ калмыцкіе улусы (486).

(486) Дѣла Донскія, распросныхъ рѣчи Донскаго станичнаго атамана Вододимера Дмитріева іюля 26 для 1684 года.

„ Какъ были на Дону, и при нихъ посыпалъ изъ Запороговъ съ комою атаманъ Григорій Сагайдачной къ нимъ въ войско посланцовъ своихъ 6 человѣкъ листомъ своимъ да съ ними же де присыпалъ онъ же кошевой атаманъ листъ Польскаго короля, каковъ онъ писалъ къ калмыцкимъ тайшамъ, чтобы они шли противъ турокъ и татаръ и говорили чтобы ихъ съ тѣхъ листомъ Польскаго короля пропустить чрезъ Донскіе городки къ калмыцкимъ тайшамъ атаманъ и казаки кошеваго атамана листъ слушали, а выслушавъ тѣмъ посланникамъ сказали, что они войскомъ въ калмыцкіе улусы отпустить ихъ однихъ и листа Польскаго короля имъ не отдашутъ, для того, что у нихъ въ войску такого Великаго Государя указу, чтобы изъ иныхъ государствъ пропускать грамоты и листы и иные письма къ калмыцкимъ тайшамъ и къ инымъ ихъ государскимъ подданнымъ несть и осторегаютъ они войску того начрѣнко. А листъ де Польскаго короля къ тайшамъ о чёмъ писанъ, того не вѣдомо и ни когда такихъ листовъ отъ короля къ калмыкамъ

Вѣсть о прибывшихъ въ Черкасскъ оть Запорожцевъ посланцахъ и о приглашениіи польского короля на службу противу крымцевъ и турецкаго султана за деньги вскорѣ распространилась по всему Дону. Охотники идти въ эту службу стекались изъ верховыхъ городковъ въ Черкасскъ для получения дозволенія; но войско рѣшительно имъ въ этомъ отказало и запретило отлучаться съ Дону, представляя, что оно можетъ чрезъ это навлечь на себя гнѣвъ Государя (487). Не ограничиваясь симъ запрещеніемъ, войско послало во всѣ городки грамоты, угрожая казакамъ подъ смертною казнью не только не вступать въ службу польского короля, но не пропускать и не принимать даже по городкамъ посылаемыхъ чрезъ войсковыя земли отъ польского короля къ калмыкамъ, а отъ нихъ въ Польшу посланцевъ.

Въ началѣ 1685 г. войско Донское вторично получило письмо отъ запорожского полковника Семена Палея о томъ, чтобы дозволено было охотникамъ вступить въ службу польскаго короля, обѣщаю имъ жалованье, которое уже хранится у него, присовокупляя къ тому: „если намъ на Днѣпрѣ будеть худо, то и вамъ на Дону не видать добра“ (488).

чрезъ Донское войско не бывало и калмыки издавна въ подданствѣ служить Великому Государемъ а не Польскому королю и того листа запорожскихъ присыльщикомъ войскомъ не отдали и нераспечатавъ прислали съ ними Володимеромъ съ товарищи къ Великому Государемъ къ Москвѣ, а запорожскихъ присыльщиковъ отпустили изъ войска въ калмыцкіе улусы однихъ.“

(487) Тамъ же.

(488) Дѣла Донскія, письмо запорожского полковника Семена Палея къ войсковому атаману Фролу Минаеву и ко всему войску Донскому, 1685 г. маѣ 24 дн.

„Будучи азъ у короля его милости и рѣчи послполитой съ товариствомъ моимъ воспріять есмъ милость, не только себѣ, но и всему полку моему, который при мнѣ прибываетъ, при томъ же что и къ калмыкамъ письмо мнѣ дано, которое посыпаю на Донъ съ товариствомъ и донскихъ 4-хъ человѣкъ, которое письмо явно писано, чтобы всякъ вѣдать гдѣ то письмо дойдетъ, чего ради прошу вашей милости и всего войска Донского изволите и свое письмо послать къ калмыкамъ противъ того жъ королевскаго листа; а колѣ скоро приѣдуть въ Немировъ, то въ рукахъ моихъ имъ готово есть жалованій отъ коро-

Войско Донское хотя не рѣшилось по сему приглашению послать казаковъ въ Польшу, но приступало въ тожъ время къ разорванію тѣжкаго для нихъ перемирия съ азовцами, по-водомъ къ сему нарушенію долговременного мира служило разорвѣніе причиненное азовцами въ прошломъ 1684 г. двумъ казачьимъ на Донцѣ городкамъ Каменскому и Луганскому и разграбленіе купеческихъ судовъ, плывшихъ во рѣкѣ въ Черкасскъ съ разными товарами.

Казаки немедленно снарядили флотилію, посадили на ону 1,000 человѣкъ и отправили въ море подъ начальствомъ атамана Корниля Матвеева. Въ устьяхъ Дона войско это напало на два судна турецкія, нагруженныя сѣйстными припасами и разными товарами и разграбило оныя; узнавъ объ этомъ азовцы высыпали на казаковъ 500 человѣкъ конныхъ, съ которыми они имѣли бой и многихъ азовцевъ побили; отсюда проникли казаки до Темрюка, но жители окрестныхъ мѣстъ, заблаговременно извѣщенныя о походѣ казаковъ, удалились въ безопасныя мѣста съ имуществомъ своимъ, и потому казаки, не предпринимая дальнѣйшихъ поисковъ, возвратились на Донъ. На Казачьемъ ерикѣ азовскій коменданть встрѣтилъ ихъ всѣмъ своимъ гарнизономъ, но послѣ кратковременного сраженія принужденъ былъ отступить, потерявъ довольно число убитыми турокъ и татаръ, казаки же, безпрепятственно перетащивъ суда свои чрезъ Казачій ерикъ, благополучно достигли до Черкаска (489).

иа, его милости, и отъ рѣчи посполитой; а еще ли такъ какъ прошлаго года даль Богъ счастіе, какъ и нынѣ надѣемся на Бога и милость его получить, ибо какъ около Днѣпра будетъ не добро, такъ и вамъ худо, чего ради прому вашей милости, не изволите возбранять охотникамъ къ намъ и тѣмъ калмыкамъ и татарамъ, такъ же и казакамъ, что отъ короля его милости милостиво воспріто будетъ.“

(489) Дѣла Донскія, распроспѣя рѣчи станичнаго атамана Якова Данилова, 1685 г. ноября 12-го.

„Въ прошломъ де 193 году маѣтъ мѣсяцъ выходили съ Дону на Черкеское море подъ Азовъ и подъ иные турскіе города и кримскія села въ судахъ для добычи Донскихъ ихъ казаковъ съ 1,000 человѣкъ идучи на море

Въ сіе время находились уже въ Черкаскѣ посланцы отъ польского короля и отъ запорожскаго кошеваго атамана Григорія Ерем'єва. Польский король не преставалъ льстить себя надеждою получить отъ нихъ помощь, въ чемъ отчности и не обманулся: хотя и не были отправлены къ нему сухимъ путемъ войска, но казаки обѣщались съ большею дѣятельностю производить набѣги на Крымъ: „мы ради жить съ вами въ дружбѣ, писали они къ кошевому атаману Ерем'єву, но къ польскому королю на службу не пойдемъ, весна и лѣто уже миновали, а при томъ боимся и царскаго гнѣва; впрочемъ мы нынѣ размирились съ азовцами, безпрерывно посылаемъ на нихъ сухимъ путемъ партіи: 4/т. казаковъ выходили разновременно въ море и разоряли много деревни татарскія, и взяли нѣсколько судовъ съ припасами; симъ движениемъ мы отвлечемъ силы крымскаго хана отъ предѣловъ Польши. Нынѣ мы для этой же причины посылаемъ вновь на море войска свои“ (490).

взяли два судна турскихъ съ харчемъ и съ товары, а какъ де тѣ суды взяли, и въ то время выходила на нихъ изъ Азова конница человѣкъ съ 500 и былъ съ ними бой, и на томъ бою побили они многихъ азовцевъ и пошли къ Темрюку и подъ Темрюкомъ били на темрюцкіе села и взяли 2 челов. русскихъ полонениковъ а татарь въ тѣхъ селахъ ни кого не было, потому что, послыша про ихъ походъ, уѣхали всѣ въ горы и они де войскомъ гнались за тѣми татары берегомъ ишли верстъ съ 10 и ни гдѣ не догнали и повернулись назадъ на море, а взяли де подъ тѣми темрюцкими селами лошадей и быковъ съ 200 и то все на дорогѣ сѣли и пошли назадъ моремъ на Донъ и какъ де были противъ Казачья Еръка, и въ то де мѣсто выходили на нихъ изъ Азова паша азовской, а какъ его зовутъ, того не вѣдаютъ, со всѣми азовскими жителями, и были на нихъ изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ, а они де казаки такъ же по нихъ стрѣляли, а сколько де непріятельскихъ людей на томъ бою убито то не вѣдаютъ, а у нихъ де, казаковъ, убить одинъ кормщикъ, и переволокши суды чрезъ Казачій Еръкъ пришли на Донъ на канунѣ Петрова дни.“

(490) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго запорожскому кошевому атаману Григорію Ерем'єву 1685 года.

„А что присланъ къ намъ къ войску королевской листъ о походномъ дѣлѣ и то перевовешняя пора и лѣтняя прошла, итить намъ къ нему неколи, и мы о томъ супротивъ свое письмо къ королю послали и о всемъ отписались, что о прежнемъ походѣ Великихъ Государей былъ на насъ гнѣвъ и нынѣ мы тогожъ

Казаки обещание свое выполнили въ точности. Атаманъ Осип Голодный, предводительствуя 1,500 казаковъ, двинулся на судахъ къ устьямъ Дона, но былъ остановленъ на Казачьемъ ерикѣ превосходными силами азовцевъ, принужденъ быть возвратиться въ Черкасскъ, потерявъ на мѣстѣ сраженіи 50 челов. казаковъ (491); взамѣнъ этой неудачи партия казаковъ, состоящая изъ 150 челов., успѣла пробраться къ Переяславу и захватить тамъ 700 лошадей.

Въ Москвѣ о сихъ сношеніяхъ войска Донского съ королемъ польскимъ и запорожскими казаками, какъ равно о нарушѣніи мира съ азовцами узнали въ то же время; перехваченное письмо, писанное казаками къ кошевому атаману Еремѣеву, служило яснымъ доказательствомъ; Россійскій дворъ въ то же время отправилъ гонцовъ къ крымскому хану съ извѣстіемъ о самовольномъ поступкѣ казаковъ и съ увѣреніемъ въ дальнѣйшей дружбѣ, на Донъ же грамоту, въ коей укоряли казаковъ въ непостоянствѣ и нарушеніи данной ими царю клятвы (492).

опасны; а чуючи его королевскую войну съ непріятелями, мы войскомъ съ азовцами размѣрились и ходили многіе казаки конною въ походы и мужиковъ брали; также и судовою на море ходили тысячи съ 4 и войскомъ промысьль надъ ими чинили, суды брали и на улусы били и деревни разорали и всяку помѣшку изъ войнѣ мы чинили, для того мы съ азовцами и размѣрились, чтобы королевской войнѣ его непріятельскими людемъ отъ похода помѣшку учинить, а имъ изъ судовою на Азовское море идемъ многими людьми для поиска надъ непріятелемъ и для помѣшкіи его жъ королевскимъ непріятельскимъ людемъ и воинскому ихъ промыслу для остановки, а товарища вашего мы войскомъ съ Дону отпустили къ вамъ юля въ 20 день.“

(491) Дѣла Донскія, распросный рѣчи станичнаго атамана Якова Данилова, 1685 г. ноября 12 дня.

„ Да въ прошломъ де во 193 году за недѣлю до Семена дни выходило съ Дону изъ войска для добычи подъ непріятельскіе города и села Донскихъ ихъ казаковъ на 35 стругахъ съ 1,500 человѣкъ, а какъ де пришли къ Казачью ерику, и стали переволакивать суда въ море и азовцы де увида ихъ выходили на нихъ всѣмъ городомъ и бились, и на томъ де бою побито съ 150 человѣкъ и тѣ де азовцы чрезъ Казачей ерикѣ на море ихъ не пропустили и достальныи Донскіе казаки пришли назадъ на Донъ безъ добычи.“

(492) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1685 г. октября 14 дня.

„ И замъ было атаманамъ и казакамъ безъ нашего великихъ государей ука

Грамота сія была прочтена въ войсковомъ кругу въ присутствіи чиновника привезшаго оную; старшины какъ будто въ изъявленіе своей покорности къ волѣ царской говорили ему, что они желаютъ прекратить ссоры съ азовцами, но для договора о мирѣ къ нимъ ни кого не посыпютъ. Отважные же изъ казаковъ явно говорили, что не пожелаютъ мира съ азовцами, будуть нападать на нихъ и на крымскіе улусы за ихъ нестерпимыя обиды, а безъ того имъ не чѣмъ будетъ прокормиться. Войсковой атаманъ Фроль Минаевъ, который повидимому недоволенъ былъ разрывомъ мира съ азовцами, для удаленія отъ себя подозрѣнія отъ со участія въ семъ дѣлѣ съ казаками, изъяснялся тайно съ царскимъ чиновникомъ, что онъ со слезами упрашивалъ казаковъ не нарушать перемирия съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ, но его не послушали, что здѣсь множество есть разнаго званія людей, которымъ совершенно не достается царского жалованья, въ такомъ случаѣ они ищутъ добычи и ихъ отъ того удержать невозможно (493).

за, съ Польскимъ королемъ ссыпаться и совѣтоватъ помочь ему королю для отвращенія непріятельской войны походомъ своимъ на Азовское море въ судахъ и конницею на непріятельскіе улусы и деревни, не токмо чинить, но и мыслить о томъ не годилось, потому, что у насъ великихъ государей съ турецкимъ Султаномъ и съ крымскимъ ханомъ учиненъ миръ.“

(493) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Посольскаго приказа толмача Ивана Никитина 1685 г. ноября 27 дн.

„ И атаманъ де Фроль Минаевъ и старшины и все чернь, принявъ въ государей грамоту, говорили, что они на помочь польскому королю не ходили и ни кого не посыпали, и указъ о томъ посланъ войсковой по всѣмъ донскимъ городкамъ, чтобы ни кто къ польскому королю не ходилъ, а кто пойдетъ и имъ за то будетъ войсковая казнь, а листъ де польского короля, каковъ къ нимъ бытъ, послали они къ великихъ государемъ къ Москве съ станичными своимъ атаманомъ съ Яковомъ Даниловичемъ съ товарищи, а съ азовцы де они въ миру быть желаютъ, а къ нимъ посыпать для договора о мирѣ не будуть.

„ И атаманъ де Фроль Минаевъ взялъ его изъ круга къ себѣ въ домъ и обѣдали; а по обѣду отдали ему къ великихъ государемъ отписку и говорили, что онъ со слезами Донскихъ казаковъ унималъ, чтобы перемирия съ турецкимъ султаномъ и съ крымскимъ ханомъ не разрушали, только де они его не послушали, потому что много гоньбы и наброду, и присланное къ нимъ жалованье многимъ не достается и для того унять ихъ невозможно.“

Въ отпискѣ же своей, посланной въ посольской присыпѣ, казаки извинялись различными обидами, причиненными имъ азовцами и крымцами, свидѣтельствовались опустошенными изъ Донцѣ городками, множествомъ убитыхъ и тяжкую неволю терпящими казаками, которые въ глазахъ ихъ, отягченные оковами, отправляемы были для продажи за море.

Военные дѣйствія ихъ противъ азовцевъ и крымцевъ. Казаки за самовольные поступки ожидали грозной опалы царской; но вместо оной имъ отписали только, чтобы они помирились съ азовцами и перестали нападать на крымскіе улусы. Въ сіе времена находились въ Москвѣ послы отъ польского короля Криштофа Гримультовскаго воевода познанскаго и канцлеръ великаго княжества Литовскаго князь Огинскій, которые по долговременному совѣщанію съ полномочными съ Россійской стороны наконецъ заключили вѣчный миръ, но коему вся Малороссія, Киевъ и Смоленскъ уступлены Россіи на вѣчныя времена; Россія же взамѣнъ того обязалась вспомоществовать имъ въ войнѣ противу турокъ, которые рѣшительными побѣдами сильно тѣснили поляковъ и причинили великія опустошенія въ Подолії.

29 іюля 1686 г. войско Донское неожиданно получило царское повелѣніе о заключенномъ мирѣ съ Польшею и о дозволеніи имъ сухимъ путемъ и моремъ нападать на владѣнія турецкаго султана и крымскаго хана (494). Казаки приняли

(494) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1686 г. іюля 29 дн.

„А въ нынѣшнемъ де во 194 г. къ намъ великимъ государемъ, къ нашему царскому величеству присыпалъ братъ нашъ наилѣпшій вел. государь его королевское величество Польской съ своею королевскаго величества грамотою, великимъ и полномочнымъ пословъ своихъ криштофа Гримультовскаго воеводу Познанскаго, да Марціана Александра князя, съ Козельска, Огинскаго, канцлера великаго княжества Литовскаго съ товарищи, и будучи изъ Москвѣ тѣ его королевскаго величества и рѣчи посланной великихъ и полномочныхъ послы учинили между нами В. Г. и королемъ Польскимъ вѣчной миръ и отдали въ нашу царскаго величества сторону вѣчно: Киевъ съ Запорожьемъ и со всѣми Черкаскими городами, такоже и Смоленскъ со всѣми жъ городами и ѿздами во всѣи неподвижно, и вѣль къ вамъ съ наша великихъ государей

царское повелѣніе съ радостю и въ то же время дали о семъ знать во всѣ свои городки. Между тѣмъ какъ удальцы со всѣхъ городковъ стекались въ Черкасскъ, 800 отборныхъ казаковъ, подъ предводительствомъ атамана ѡомы Голодного, проникнувъ Азовскимъ моремъ до Темрюка, грабили и опустошали окрестности онаго; оставшися же въ Черкасскѣ дѣятельно занимались пріуготовленіемъ къ походу противу турецкой крѣпости Лютика, стоявшей на Донцѣ (одномъ изъ рукавовъ Дона). Дождавшись казаковъ изъ верховыхъ городковъ, войсковой атаманъ Фроль Минаевъ немедленно повелъ ихъ къ той крѣпости; но предпріятіе это не имѣло ни малѣйшаго успѣха, за мелководiemъ рѣки Донца, по коей не могли пройти суда съ артиллерию; впрочемъ этотъ походъ увѣнчанъ былъ взятиемъ въ пленъ нѣсколькихъ турокъ и знатившаго того времени набѣзника Аги Резепа, о которомъ турки и татары говорили: „легче взять казакамъ Азовъ, нежели пленить Резепа.“ Но не столь счастливъ былъ походъ 600 человѣкъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ, которые подъ стѣнами Казы-Керменъ были совершенно разбиты турками и татарами; атаманъ же ѡома Голодный, при возвращеніи своемъ на Донъ, встрѣтилъ въ устьяхъ онаго сильное сопротивленіе отъ татаръ и азовцевъ, которые въ самое то время, какъ казаки опустошали окрестности Темрюка и другія мѣста, стеклись со всѣхъ сторонъ къ Азову, дабы въ устьяхъ Дона остановить ихъ и отнять пограбленныя ими пожитки. Казаки при проходѣ сихъ мѣстъ имѣли всегда крайнюю осторожность, и потому для лучшей безопасности вступали они въ устья Дона на утренней

грамота придетъ, и выбѣ атаманы и казаки о постановлениі между нами В. Государей и королемъ польскимъ того вѣчнаго миру вѣдали и воздавъ Господу Богу хвалу, по вѣрной своей службѣ, служили намъ Великимъ Государемъ, собрався всѣмъ войскомъ надъ непріятеля всѣхъ христіанъ, турского салтана и Крымскаго хана и подъ Крымъ и на иные города и села и деревни, за тѣхъ неправды, шли воиню и воинской промышль надъ ними моремъ и сухимъ путемъ чинили и побивали и корысть себѣ и вольной проходъ на море по прежнему получали, сколько вѣнь Всемогущій Господь помощи подастъ.“

зарѣ; азовцы бдительно караулившие ихъ въ этихъ мѣстахъ стремительно сѣѣли на нихъ нападеніе; цѣлый день продолжалось сраженіе и наконецъ въ вечеру, казаки, тѣснѣмые не-пріятелемъ, принуждены были уступивъ мѣсто сраженія удалиться для безопасности на рѣку Міусъ; тамъ оставилъ для сбереженія судовъ своихъ 300 человѣкъ казаковъ, возвратились сухимъ путемъ со всею добычою въ Черкасскъ. Препятствіе со стороны азовцевъ не имѣло ни малѣшаго вліянія на отважный духъ казаковъ; сыскалось вновь 600 человѣкъ предпринимчивыхъ, которые подъ начальствомъ атамана Ивана Бѣлки, прошедь осторожно до Міуса, сѣли на суда, оставленныя тамъ казаками и къ удивленію азовцевъ явились подъ стѣнами самаго Азова, гдѣ въ виду непріятелей, разоривъ нѣсколько жилищъ ихъ, возвратились безпрепятственно въ Черкасскъ (495). Столь неожиданное движеніе казаковъ ни мало не казалось удивительнымъ азовцамъ, которые предполагали, что эти нападенія производятся самовольно, но сколько они были изумлены.

(495) Дѣла Донскія, распросыны рѣчи войскового атамана Фрола Минеева 1686 года лѣкабря 3 дни.

„ А какъ дѣ присягъ къ нимъ о размѣрѣ съ Азовскыи Великихъ Государей
указъ и чтобы надъ ними моремъ и сухимъ путемъ . . . и въ то дѣ время ешъ
Фроль Мишаевъ и все войско Донское послыали изъ войска казаковъ съ 800
челов. судами, съ атаманомъ съ юмою Голоднымъ, и на море де онъ юмъ
быль и подъ Темрюцкіе мѣста бывъ, и сколько Господь Богъ помочи подалъ,
подъ Темрюкомъ села и деревни разорилъ и разогнанъ и побитъ.

„А какъ пошли они съ моря, и изъ Азова де выходилъ на нихъ казакъ самъ бей судами и конницею, съ пушками, всѣмъ городомъ и съ иными многими прибыльными людьми, и не допустя устья всрѣтили и учинили бой, и бились съ утра до самаго вечера и на бою татаръ побили много однако же де тѣ азовцы изъ морскаго устья въ Донъ ихъ не пропустили и тѣ де казаки поворотили назадъ въ Міось, а азовцы де дайтъ за ними не пошли и за Божію помощію пришли сухимъ путемъ пѣши на Донъ въ добромъ здоровье, а суды оставили на Міось и съ ними для бережи казаковъ человѣкъ съ 300, чалали на себя и для струговъ азовскихъ татаръ приходу.

„ И того же де времени послалъ онъ Фроль Минаевъ на телѣгахъ тѣль остальными казакамъ запасы и на перемѣнку сѣйшихъ людей 500 человѣкъ, а съ ними атамана Ивана Бѣлля, и изъ тѣхъ де остальныхъ казаковъ иные пришли на Донъ, а достаильные остались при атаманѣ и собрали ихъ съ 600 человѣкъ.

вогда узнали, что на границахъ россійскихъ находился съ сильнымъ войскомъ князь Козловскій, это обстоятельство сильно тревожило гарнизонъ азовскій, который въ сie время состоялъ не болѣе какъ изъ полуторы тысячи янычаръ. Крымскій ханъ имѣлъ уже свѣдѣніе о предиріятіяхъ россіянъ, и потому велѣлъ готовиться войскамъ своимъ для защиты Крыма, а между тѣмъ послалъ въ Азовъ 1,200 татаръ, которые и находились въ ономъ до наступленія зимы.

Междуда тѣмъ Россія дѣятельно приготавлялась къ открытию военныхъ дѣйствій противу Крыма. Съ появлениемъ весны 1687 г. многочисленная россійская армія уже собиралась въ Малороссіи, подъ начальствомъ князя Голицына; въ составъ оной войско Донское должно было выслать 500 человѣкъ конницы, прочимъ же казакамъ предписано было сдѣлать нападеніе на Крымъ со стороны мора. Воля верховнаго правительства была выполнена казаками съ величайшою ревностію; немедленно снарядили они флотъ и посадивъ въ оный 800 отборныхъ казаковъ отправили въ море. Флотилію сею командовали атаманъ Пётръ Калмыкъ и есаулъ Василій Кутейниковъ. Войсковой атаманъ Фроль Минаевъ, коему предписано было взять начальство надъ сухопутнымъ донскимъ войскомъ, соединясь съ калмыками изъ улусовъ Аюки-тайши, выступилъ въ походъ изъ Черкаска въ апрѣлѣ мѣсяца и направилъ путь свой прямо чрезъ степь къ арміи, которая въ то время находилась уже въ походѣ къ Крыму, имѣя направление лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣпра. На пути повстрѣчали они на овечьихъ водахъ сильную партію, состоящую изъ 1,000 человѣкъ отборныхъ татаръ, посланныхъ изъ подъ Переокона самимъ ханомъ для развѣданія о движениі и числѣ россійскихъ войскъ. Враждующія стороны не долго пребывали въ бездѣствіи: татары усмотрѣвъ казаковъ немедленно выстроились; по кратковременной перестрѣлкѣ казаки и калмыки сдѣлали столь стремительное на татаръ нападеніе, что въ тужъ время раздѣливъ ихъ ряды на двое, обратили ихъ въ бѣгство; поле сраженія усыпано было татарскими трупами, коихъ найдено

на мѣстѣ 500 человѣкъ, кроме убитыхъ при преслѣдовании, причемъ взяли въ плѣнъ 50 человѣкъ, забрали весь конь и отбили до 90 человѣкъ плѣнныхъ российскихъ людей (496).

Между тѣмъ, какъ казаки на стенахъ крымскихъ разили непріятелей, походный атаманъ морского войска громил окрестности Темрюка и истреблялъ татарскія селенія, разорилъ улусы ихъ по рѣкѣ Кубани и обоготась добычею, возвращался уже къ устьямъ Дона: пользуясь темнотою ночи, казаки прошли устье до Казачьяго ерика и начали уже по оному перетаскивать суда свои, какъ вдругъ нападаютъ на нихъ многочисленныи непріятели, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и производятъ страшную сѣчу; казаки дрались чрезъ всю ночь отчаянно, но принуждены были уступить превосходству силъ; 400 казаковъ пало на мѣстѣ сраженія, остальные же едва могли избѣгнуть подобной участіи, 40 судовъ нагруженныхъ добычею достались въ руки побѣдителямъ, походный ихъ атаманъ Петръ Калмыкъ отягченный ранами былъ взять въ плѣнъ и казненъ въ Азовѣ (497).

(496) Дѣла Донскія, отписка князя Голицына въ Посольской приказѣ отъ 9 июня 1687 года.

„ Сего настоящего июня 8 числа писали ко мнѣ въ полкъ войсковой атаманъ Фроль Минаевъ да полковники Иванъ Семеновъ, Кирилъ Матвеевъ съ тѣмъ по мѣзу вышепомянутымъ посланнымъ (Алексѣемъ Дуровымъ), что они идучи изъ вашу В. Г. Г. службу ко мнѣ ходочу вашему въ полкъ, наѣхали татарскія сакмы, которыми пошли подъ ваши В. Г. Г. украинные города и къ нимъ полкомъ, и тѣми сакмами за татары шли, и июня 3 дня тѣхъ татаръ домы возвращающихся отъ вашихъ великихъ государей украинныхъ городовъ и отъ нашихъ полковъ, къ Овчечимъ водамъ и на тѣхъ Овчечихъ водахъ былъ у нихъ съ ними бой. . . . на томъ бою тѣхъ татаръ побили съ 500 человѣкъ да въ азицехъ взяли 50 человѣкъ, и изъ тѣхъ отъ ранъ лоперло 16 человѣкъ, а 34 человѣка въ отсталкѣ да съ 400 лошадей, да вашихъ же В. Г. Г. взятыхъ людей мужеска и женска полу, которые пойманы подъ вашими В. Г. Г. украинными городами, отбили 90 человѣкъ; и съ тѣми своими вышепомянутыми станичниками прислали ко мнѣ х. в. въ полкъ прежъ своего приходу для вѣдома и распросу изъ тѣхъ взятыхъ дву человѣкъ татаръ, а было де ихъ въ посыпѣ по ханскому указу съ Маметжаномъ мурзою переконскимъ тысяча человѣкъ.“

(497) Дѣла Донскія, челобитная Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 1687 года.

„ Въ нынѣшнемъ В. Г. Г., во 7195 году по вашему В. Г. Г. указу и по гра-

Столь значительная потеря въ людяхъ крайне опечалила казаковъ, они пылали мщениемъ и только дожидались изъ похода Фрола Минаева, съ коимъ въ то время находились знатнейшие старшины Иванъ Семеновъ и Кирилл Матвѣевъ. Въ августѣ мѣсяцѣ казаки обрадованы были приходомъ ихъ на Донъ, и въ то же время на общемъ совѣщаніи положено было идти подъ Азовъ.

Пожаръ истребляетъ Черкасскъ. Къ сему предпріятію склонили они союзника своего Чаганъ - тайшу, который къ великой радости казаковъ не замедлилъ явиться къ Черкаску съ 3,000 калмыковъ; но неожиданное происшествіе

мотъ, посыпали мы холопи ваши на вашу великихъ государей службу казаковъ своихъ на море судовою многое число, и они ходили на крымскіе сели и деревни и ногайскіе улусы, были у Чернаго моря и подъ Темрюкъ городъ приходили, на посадъ были и многие имъ школы учинили, сели и деревни разорили я многихъ побили и въ полонъ побрали, и русскаго ясыря много отбили, и многихъ людей побили, и ясырь поимали, и всикимъ боришиемъ добылись и пошли назадъ домовъ, и они крымскіе люди и ногайскіе, провѣдали про ихъ оборотъ и видѣ у нихъ великую добычу, посыпали для людей по многимъ своимъ мѣстамъ и сбиралися всѣ къ Азову, а которые были прибывше люди въ Азовѣ девять категоръ да два сultана съ конными людьми, для обережи города, и тѣ всѣ не рослушены, да тутъ же государи посыпали и отъ Крымскаго хана въ Азовѣ по вѣстямъ многое люди и ждали нашихъ казаковъ съ моря денно и ночно, а наши не вѣдалъ такого ихъ великаго собранія и не чалилъ нашихъ великихъ государей полкомъ распуску, шли домовъ и пришли въ тѣсныя мѣста и стали перетаскивать суды и какъ будучи на срединѣ сухаго мѣста, и они оплоши нашихъ людей изгодились, со всѣмъ снарядомъ и ночнымъ временемъ ударили на нихъ всѣ конною и судовою и пѣши, и обошли кругомъ. И дрались съ ними во всю ночь, и мочи нашихъ съ ними не стало, супротивъ такой великой силы, многихъ нашихъ побили и живыхъ побрали и варугательство великое чинили и суды отбили сорокъ судень большихъ, а которые были суды на переди перетаскили и тѣ за великимъ боемъ отъ нихъ отошли, а иныхъ отъ судовъ отбили, пришли наги и босы, а иные приходили разбиты раненые и топчево страждуть, а достальныхъ побрали живьемъ терпить не волю.“

Распросный рѣчи атамана Ивана Семенова, привезшаго въ Москву вышесказаний отписку.

„А было де въ томъ походѣ 800 человѣкъ добрыхъ молодцовъ, а назадъ пришло изъ нихъ 400 человѣкъ, атаманомъ былъ Петър Калмыкъ, ясачъ Василій Кутейниковъ, и атамана де взяли на бою израненного въ полонъ и въ Азовѣ казнили.“

едва не остановило предприятие: въ предмѣстії Черкаска, гдѣ обитали татары, загорѣлся домъ, пламя, распространившееся во всему предмѣстію, немедленно перенеслось и въ самій городъ и истребило оный до основанія; при семъ несчастномъ случаѣ пороховой магазинъ взорвало на воздухъ, а деревянныя стѣны вокругъ, бастіоны и церковь превращены въ пепель (498).

Это всеобщее несчастіе не истребило у казаковъ духа ищущія за побѣдѣ ихъ собратій азовцами на Казачьемъ еркѣ; Чаганъ-тайша, вѣрный союзникъ казаковъ, клялся не оставлять ихъ при семъ несчастіи и въ то же время поощрялъ вооружиться противу Азова, предлагая имъ великую добычу, если удастся соединенными силами овладѣть Азовомъ; предложеніе это было принято казаками съ охотою. Но счастіе оставило ихъ и при семъ случаѣ; азовцы, предваренные перебѣжчикомъ изъ Черкаска, приняли всѣ мѣры осторожности и храбро отразили приступы казаковъ и калмыковъ безъ малѣйшаго впрочемъ нанесенія вреда осаждавшимъ. Вся добыча полученная ими подъ Азовомъ состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ рогатаго скота, захваченнаго калмыками (499).

(498) Дѣла Донскія, членитная войска Донского, привезенная въ Москву атамацомъ Кирѣемъ Матвѣевымъ 1687 г. декабря 25 дн.

„Да въ нынѣшнемъ во 196 году, ноября въ . . . день, во землю Божію, на славу на насть Владыко праведный свой гнѣвъ, погорѣли мы всѣмъ войскомъ безъ остатку и всѣмъ до конца разорялися, церкви Божіи и колоколы въ городѣ и раскаты и ванне государское жалованье, снарядъ, пушки большия и полковые и скинданъ—все погорѣло, и пороховая казна поднялася и у торговыхъ людей запасы и всякой борошнѣ погорѣли, всѣмъ разориляся, пить-ѣсть не чѣго, а кепрѣтельскіе люди вѣсль близко, а намъ обороняться нечѣть, пушкѣ, скину и пороху нѣть, и отъ того разоренія многіи люди разомъшлися и остроду покидуть хотѣли, и . . . надѣялись на Господа Бога и на ванне великихъ государей милостивое разсмотрѣніе и жалованье, еду на остроду удержалися и окопалася землею, живемъ въ великой тѣснотѣ и терпимъ всѣную нужду и голодъ и ване великимъ государемъ служимъ незамѣнио.“

(499) Донскія дѣла, распросные рѣчи станичного атамана Кирѣя Матвѣева и есаула Ивана Рабинина, прѣхавшихъ въ Москву съ отписками отъ войска Донского 1687 г. декабря 25 дн.

„А какъ де Чаганъ тайша пришелъ къ намъ на День, а съ ними калмыковъ съ 8,000 челов. и больше и они говорилъ чтобъ они о томъ пожаре измѣнили разорѣ.

Черкасъ, въ который они возвратились, представить не съ себя огромное пожарище; не было ни одного дома, въ которомъ можно бы было укрыться отъ осенней погоды; казаки еще никогда не находились въ столь бѣдственномъ положеніи, ибо не только лишены были всѣхъ средствъ защищаться, но принуждены терпѣть величайшій недостатокъ въ хлѣбѣ, который при этомъ несчастіи погорѣлъ безъ остатка; но они не предавались отчаянію, немедленно выстроили себѣ земляныхъ избы, а для безопасности отъ винѣшихъ непріятелей оградили городъ Свой временнымъ укрѣщеніемъ. Слухъ о постигшемъ несчастіи казаковъ распространился во всѣ соседнія орды татарскія; выходившіе изъ плену казаки и русскіе люди безпрерывно подтверждали о намѣреніи крымскаго хана и кубанскихъ татаръ сдѣлать нападеніе на Черкасъ; это обстоятельство все-го болѣе тревожило казаковъ, ибо большая часть городскихъ пушекъ, стоявшихъ на бастіонахъ, растопилась отъ пожара, остальные же не были способны въ дѣйствію за сгорѣніемъ лафетовъ.

ни не сковали и опасенія никакого не имѣли, хотя де они и погорѣли и пурди расстроились, однако жъ бы уповали въ томъ на Бога и на милость великихъ государей, ихъ царскаго величества; а онъ де того походу за тѣмъ ихъ разореніемъ не отставливается.

„И на другой де день послѣ того пожару, войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ да полковникомъ наилѣпшій ихъ станицы атаманъ Кирей Матвѣевъ, да ясаулы Илья Григорьевъ да Лукьянъ Максимовъ, а съ иными казаковъ ст 2,000 челов., собрався и молебствованіе къ совокуплію съ Чаганомъ тайшю и съ его улусными людьми, пошли подъ Азовъ того жъ дні конною въ ветеру, а пѣхоту, которой вѣти было съ ними, оставили для осторожности около окопу на пожаридѣ, и по утру, де пріимѣдъ подъ Азовъ къ земляному валу, и на тотъ валъ били всѣмъ войскомъ и за тѣмъ де валомъ азовцы были въ готовности и били по нихъ изъ пушекъ и изъ всякаго ружья, и было у нихъ того бою съ напусками часа съ три, и бывши раззѣхались въ цѣломъ, и ни кто изъ нихъ казаковъ и калмыцкогъ не убитъ и не раненъ, а азовцевъ де на томъ бою по вѣдомости отъ перекетчиковъ и отъ выходцовъ къ нимъ на Донъ убито челов. съ 10, да въ той же время калмыки отогнали у нихъ азовцевъ многую скотину, ко торая была съ ихъ Донскихъ казаковъ стороны, а вѣдомость въ Азовѣ о походѣ ихъ учредилась въ скорыхъ дніахъ отъ перебѣщица ихъ Донскаго казака отъ Ивана Мурзинка, и на томъ де бою они Иванка съ ними азовцы были же.“

Въ такомъ положеніи казаки всю надежду имѣли на милость царскую; послали въ Москву зимовую станицу и въ оной атаманомъ знатнаго старшину Кирѣя Матвѣева съ убѣдительною просьбою о присыпѣвъ къ нимъ годового жалованья пушекъ и другихъ вещей нужныхъ къ оборонѣ отъ непрѣятелей. Государь приказалъ отпустить войску Донскому годовое жалованье, три полковыя пушки и сто рублей для постройки собора, а въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ прислано было сверхъ еще три пушки, 50 пуд. пороха, нѣсколько лодокъ для морскихъ поисковъ и 200 руб. денегъ на сооруженіе собора и нѣкоторыя другія вещи, не входящія въ составъ обыкновенаго жалованья. Такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ Черкасскъ былъ выстроенъ вновь, поставили вокругъ онаго стѣны и выстроили новый деревянный соборъ. Въ продолженіи всего 1688 г. войско Донское было занято усмирениемъ возмущившихся раскольниковъ, не предпринимая ни какихъ походовъ противу азовцевъ и Крыма.

Казаки вновь открываютъ военные дѣйствія противъ Азовцевъ и Крымцевъ. Въ началѣ 1689 г. Россія вновь вооружилась противу Крыма еще съ большею дѣятельностію; войску Донскому предписано было командировать въ главную армію 500 человѣкъ казаковъ, подъ начальствомъ войскового атамана Фрола Минаева, съ тѣмъ чтобы онъ къ 1-му числу марта мѣсяца непремѣнно прибылъ съ казаками въ новопостроенную на рѣкѣ Самарѣ крѣпость Богородицкую; прочимъ же казакамъ вѣлько открыть военные дѣйствія противу Азова и отправить знатную часть казаковъ моремъ подъ Крымъ для отвлеченія силъ татарскихъ; для побужденія же казаковъ къ скорѣйшему выполненію воли царской отправленъ былъ въ Черкасскъ изъ посольского приказа чиновникъ Часовниковъ, которому поручено было также склонить и Чагана-тайшу къ отправленію въ армію 2,000 человѣкъ калмыковъ; но тайша этотъ, подъ предлогомъ опасности отъ казаковъ по случаю происшедшихъ тогда между ими ссоръ, отъ похода уклонился и самопроизвольно бѣжалъ со

всѣми своими улусами за Волгу.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца сего года 700 человѣкъ казаковъ, выступили въ походъ подъ начальствомъ старшины Ивана Семенова. Въ это время необыкновенное разлитіе водъ рѣки Дона причинило великое опустошеніе, какъ въ казачьихъ городкахъ, такъ и въ самомъ Черкасскѣ, затопило множество скота, разнесло дома и деревянныя стѣны вновь поставленныя вокругъ этого города; возвышеніе воды было столь велико, что казаки принуждены были ставить пушки для защиты города и учреждать караулы на домахъ (500). Сие обстоятельство было причиной, что казаки, вопреки царскаго повелѣнія, не позволили войсковому атаману Фролу Минаеву принять начальство надъ походнымъ войскомъ; любовь народная и довѣренность къ нему были столь велики, что казаки въ отсутствіе его не считали себя безопасными отъ окружавшихъ ихъ непріятелей: „если будетъ царскій гнѣвъ, говорили они Фролу Минаеву, то не на тебя одного, а на все войско Донское, а намъ тебя при теперешнемъ несчастіи какъ отпустить“ (501).

Всгдѣ за отправленіемъ казаковъ въ дѣйствующую армію войско Донское отпустило на море въ 45 лодкахъ 1,000 человѣкъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Зота Камышникова. Флотилія эта имѣла направление правымъ берегомъ азовскаго моря; достигнувъ до Топкихъ водъ, казаки узнали, что россійская армія отступила отъ Перекопа и потянулась къ россійскимъ границамъ; въ такомъ случаѣ они немедленно обратились къ Темрюку, напали на окружавшія этотъ городъ турецкія и татарскія селенія, ограбили оныя, схватили 15 человѣкъ въ плѣнъ и съ добычею возвратились безпрепятственно въ Черкасскѣ.

(500) Дѣла Донскія, распросные рѣчи станичнаго атамана Ивана Жилватаго, пріѣхавшаго въ Москву 1689 г. мая 30 дня.

(501) Тѣхъ же дѣлъ, изъ распросныхъ рѣчей вышесказанаго станичнаго атамана.

Счастливо оконченный походъ этотъ и добыча, полученная подъ Темрюкомъ, поощрили и прочихъ казаковъ на подобное предпріятіе. Въ августѣ мѣсяцѣ 69 (*) человѣкъ отважныхъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана Тимофея Долгова, пробравшись тайно Казачымъ ерикомъ, вступили въ море и сверхъ всякихъ ожиданій явились въ устьяхъ Кубани, отсюда они къ удивленію тамошнихъ жителей производили грабежи и опустошенія, жгли села и деревни, предавали смерти всѣхъ сопротивлявшихся имъ и такимъ образомъ нагруживъ суда свои всякаго рода пожитками возвращались въ свои жилища; вошедъ въ Азовское море, повстрѣчались съ ними два судна плывшія изъ Азова въ Константинополь съ 150 янычарами, казаки немедленно вступили съ ними въ сраженіе, и по кратковременному сопротивленію, овладѣли обѣими судами; при семъ случайѣ 80 человѣкъ янычаръ лишились жизни, прочіе же сдались пленными, оба суда сіи казаки привели съ собою въ Черкассы.

Между тѣмъ какъ казаки съ большими успѣхомъ производили нападенія на крымскихъ татаръ, 120 человѣкъ казаковъ отправленные изъ войска подъ ногайскіе улусы къ Кубани, наѣхали нечаянно на ногайскаго мурзу Навруза, выѣхавшаго изъ улуза своего съ 30 татарами въ поле на зѣриную охоту, казаки примѣтивъ ихъ, столь удачное сдѣлали на нихъ нападеніе, что ни одинъ изъ сихъ татаръ не могъ спастi себя бѣгствомъ, самъ мурза и девять съ нимъ человѣкъ израненныхъ были взяты въ пленъ, прочие же были побиты (502).

(*) Вероятно 690.

(502) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи войскового атамана Фроila Минаева, прѣѣхавшаго въ Москву 1689 г. декабря 13 дн.

„Онъ же Фролъ Минаевъ и казаки сказали: какъ де по указу великихъ государей и по наряду въ прошломъ въ 197 г. ходили изъ войска на море судовою для поиску надъ турскими городами и надъ ногайскими юртами казаковъ 1,000 человѣкъ токъ время, въ которое пошли въ полки въ крымскій походъ конною, и тогда де тѣ казаки дошли было до Тонкихъ водъ, до Перекона верстъ за 20 и посыпша, что государевы полки отъ Перекона отступили и они перѣѣхали

Ссоры казаковъ съ Калмыками. Аюка - тайши по смерти отца своего Пунчака наследовалъ многочисленнымъ Торгоутскимъ поколѣніемъ, имѣя вліяніе и на прочія племена сего же народа. Власть его надъ калмыками по смерти брата его Замсы умножилась до такой степени, что онъ управлять почти всѣмъ калмыцкимъ народомъ самовластно, имѣя сверхъ того въ подданствѣ до 20/т. едисанскихъ татаръ. Близкое съдство народа сего, столь же воинственного какъ и Донскіе казаки, было поводомъ къ безпрерывнымъ обоюднымъ набѣгамъ; нерѣдко многочисленныя партіи калмыковъ, подбѣгая подъ казачьи городки, хватали и убивали людей, забирали ихъ скотъ и прочее имущество и отгоняли въ свои улусы; въ отмщеніе за эти обиды казаки платили имъ тѣмъ же. Таковыя обоюдные ссоры доходили иногда до явной войны, но всѣ сіи непріятности были прекращаемы миромъ, который обыкновенно оканчивался тѣмъ, чтобы все то, что только калмыками пограблено у казаковъ или казаками у калмыковъ, другъ на другѣ не спрашивать. Но миръ таковой никогда не былъ продолжителенъ чрезъ самовольство калмыковъ, которые при всякомъ удобномъ случаѣ поступали съ казаками какъ съ непріятелями; дерзость свою цаконецъ простили они до того, что подбѣгали подъ россійскія границы; разоряли села и деревни, хватали людей и отводили въ свои улусы, въ коихъ можно было видѣть столько же россійскихъ пленныхъ людей, сколько и на Кубани. Нерѣдко партіи этихъ охотниковъ были совершенно разбиваемы казаками и тогда поносная смерть дѣлалась обыкновенно участіемъ пленныхъ. При подобныхъ случаяхъ казаки гораздо снискходительнѣе поступали съ турками и татарами.

Усиливавшаяся времяя отъ времени власть Аюки-тайши надъ калмыцкимъ народомъ, пріобрѣтала ему большое уваженіе не только крымскаго хана, но и турецкаго султана; съ того времени сношенія его въ особенности съ Крымомъ сдѣлялись чаще. Ханъ ласкалъ его, посыпалъ къ нему ежегодно подарки въ намѣреніи склонить подъ власть турецкаго султана, но мѣ-

стное положение не позволяло сему тайшѣ принять это предложение, однажды съ сего времени видимъ Аюку-тайшу не всегда вѣрнымъ подданнымъ Россіи.

Во время первого похода российскихъ войскъ подъ Крымъ, ханъ крымскій явно обнаружилъ свое дружеское сношеніе съ Аюкою. Вельможа его Богатырь-ага, именемъ хана управляя князя Голицына заключить миръ, между прочимъ писалъ ей нему: „мы заключили съ калмыками договоръ на томъ, что если крымскій ханъ будетъ находиться въ дружбѣ съ Россійскимъ Государемъ, то и калмыки обоимъ симъ державамъ будутъ мирны; въ противномъ случаѣ если между обоими сими Государями нарушится миръ, тогда и калмыки вамъ непріятѣли;“ но при заключеніи вновь мира съ крымскимъ ханомъ, Россія обязана заплатить Аюкѣ-тайшѣ 10/т. ефимковъ, 1,000 ефимковъ золотомъ и на пять тысячи товаровъ, какихъ они пожелають взять отъ русскихъ (503).

на ногайскую сторону межъ Темрюка и Кубани, на Турскіе и Ногайскіе села и деревни и милостію Божію и велик. государей счастіемъ въ тѣхъ мѣстахъ села и деревни разорили и взяли въ полонъ 15 человѣкъ и привели на Донъ безъ урону только ранили изъ нихъ двухъ человѣкъ.

„А послѣ того съ моря пріѣхавъ и спустя день съ 10, въ августѣ мѣсяцѣ, ходили на тоже Азовское море, съ атаманомъ съ Тимкомъ Долгимъ, казаковъ 69 челов., да конніцею на Ногайскую сторону и подъ черкесы и ногайцы 130 челов., атаманомъ у нихъ былъ Кирей Игнатьевъ, и тѣ де казаки, которые пошли судовою, близъ въ Кубанѣ на села и деревни, и многихъ разорили и пожгли и татарь многихъ же побили, да въ полонъ взяли 20 челов., а какъ пошли назадъ, и съ ними встрѣтились на водѣ двѣ фуркаты съ линчами, которые шли съ перемѣнъ изъ Азова въ Царь - городъ, и учинили съ ними бой и тѣ фуркаты взяли и янычанъ многихъ побили, да въ полонъ взяли 80 челов., а сказали де они, что было ихъ на тѣхъ фуркатахъ 150 человѣкъ, а конніца казакамъ на ногайской сторонѣ, не добѣжала ногайского Навруза мурзы улуса за полдину, встрѣтился съ ними тотъ мурза, а съ нимъ татарь 30 челов., а гуляли они въ поле за охотою со птицы и съ собаки, и учинили съ ними бой и тѣхъ де при немъ будущихъ татарь, побили а достальнихъ 9-ть человѣкъ, и того самаго мурзу раненаго взяли въ полонъ же.“

(503) Письмо къ боярину князю Голицыну ближняго крымскаго хана человѣка Богатырь-Аги іюля 6-го 1689 года.

„Мы съ калмыками накрѣпко договоръ учинили на томъ, что какъ съ вами въ дружбѣ будемъ, такъ и калмыки за одно съ нами и вами, а буде межъ нами не дружба, и съ калмыки у васъ не будетъ дружбы, а съ нами

Но еще более калмыки оказывали дружество къ азовцамъ, къ коимъ безпрерывно пригоняли они на продажу скотъ свой, и взамѣнъ того получали отъ нихъ разныя необходимыя для себя вещи. Казаки неоднократно приносили жалобу Россійскому Государю на сю дружественную связь ихъ, вредную для нихъ и для пограничныхъ россійскихъ провинцій; пока наконецъ дано было имъ дозволеніе нападать и отбивать у калмыковъ скотъ и другія вещи, везенные ими на продажу въ Азовъ.

Аюка-тайша нерѣдко употреблялъ насильственные мѣры къ присвоенію себѣ улусовъ слабѣвшихъ владѣльцевъ. Это самое обстоятельство заставило въ 1690 г., начально Сетера мурзу, а потомъ Саломъ - Серена тайшу сына Богатырь - Черкеса съ подвластными имъ калмыками бѣжать въ Черкассы. Казаки, бывъ обрадованы этимъ приходомъ калмыковъ, приняли ихъласково; одарили владѣльцевъ и старшинъ панцырями, пищалями и луками и другими вещами, взяли отъ нихъ присягу на вѣрность службы Россійскому Государю и позволили имъ кочевать вмѣстѣ съ Донскими калмыками близъ Черкаска(504).

Для безопасности отъ набѣговъ непріятельскихъ, Государь приказалъ казакамъ построить для нихъ въ удобномъ мѣстѣ крѣпость и не отдалять ихъ кочевые отъ казачьихъ городковъ. Но владѣльцы сіи не избѣгли мщенія Аюки-тайши; онъ чрезъ нѣсколько времени по переходѣ ихъ на Донъ послалъ сильное войско подъ начальствомъ брата Черкесова Мункотемира тайши, который, перешедъ тайно чрезъ рѣку Донъ, напалъ внезапно на улусъ брата своего и безъ всякаго сопротивленія забралъ оный со всѣмъ ихъ имуществомъ; Богатырь-Черкесь едва могъ спастись бѣгствомъ съ нѣсколькими приверженными къ нему калмыками въ Гундоровскій казачій городокъ, а от-

пожелаете миру я вы къ Аюкаю калмыку дайте 10^{т.} ефимковъ да 1,000 ефимковъ золотыхъ, на 5^{т.} ефимковъ товару, какова они похотать взять.“

(504) Распросы рѣчи станичного атамана Дмитрія Федорова, прїехавшаго въ Москву 1690 г. марта 22 дня.

туда въ Черкасскъ. Мункотемиръ при переходѣ своемъ чрезъ Донъ причинилъ великое опустошеніе казачьимъ городкамъ и захватилъ множество людей съ ихъ имуществомъ. Нападеніе это на калмыковъ и на казачьи городки произведено было въ то самое время, когда знатная часть казаковъ преслѣдовавъ азовцевъ и другихъ татаръ учинившихъ нападеніе на Торъ Аюка тайша не ограничиваясь симъ мщеніемъ, подъ благовиднымъ предлогомъ подослалъ въ Черкасскъ раскольника Федора Болдыря съ тѣмъ, чтобы онъ зажегъ городъ и другіе казачьи городки въ то время, когда казаки будутъ преслѣдовать Мункотемира; но злодѣй сей былъ схваченъ и получилъ достойное наказаніе. Казаки не столько огорчились претерпѣнными разореніями отъ калмыковъ, сколько отнятіемъ отъ нихъ насилию улуса Богатыръ - Черкаса, въ коемъ находилось болѣе 2,000 мужескаго и женскаго пола душъ.

Россійскій дворъ въ подобныхъ случаяхъ по жалобамъ казаковъ на калмыковъ обыкновенно предписывалъ ихъ владельцамъ возвратить пограбленное; но со стороны ихъ никогда сего выполняемо не было, и потому войско Донское дабы не лишить многихъ казаковъ собственности, дозволило старшинѣ Филиппу Сулѣ собрать охотниковъ со всѣхъ казачьихъ городковъ для нападенія на улусы Аюки-тайши, снабдивъ его для сего предпріятія судами и пушками. Казаки, перетащивъ суда свои изъ Дона въ Волгу, приплыли къ Чernoму Яру; здѣсь узнали они, что не въ дальнемъ разстояніи кочуютъ Аюки тайши и Мункотемировы улусы съ подвластными имъ едисанскими татарами. Казаки приблизились къ улусамъ тайно и безъ всякаго сопротивленіябросились грабить имущества и убивать беззащитныхъ; набравъ сколько могли добычи и захвативъ 15 человѣкъ лучшихъ татаръ и калмыковъ въ плѣнъ, казаки отступили къ Чernoму Яру. Астраханскій воевода князь Принковъ-Ростовскій, извѣщеній о семъ нападеніи казаковъ на калмыцкіе улусы, выслалъ для защиты ихъ три приказа стрѣльцовъ и 300 человѣкъ татаръ съ полковникомъ Кохановскимъ, который и настигъ казаковъ близъ Чernoго Яра. Казаки за-

медили въ этомъ мѣстѣ по случаю тому, что вели переговоры съ калмыками о выкупѣ захваченныхъ у нихъ людей, за каждого по 500 руб. Кохановскій окружилъ казаковъ и причинилъ жестокіе побои походному атаману Филипу Сулѣ и другимъ и отнялъ у нихъ всѣхъ забранныхъ ими въ пленъ калмыковъ и татаръ. Походный атаманъ предполагалъ найти себѣ защиту въ астраханскомъ воеводѣ, послалъ къ нему казаковъ съ просьбою о возвращеніи отнятыхъ у него полковникомъ Кохановскимъ пленныхъ; но воевода этотъ не только не дѣлалъ имъ никакаго удовлетворенія, но послѣ жестокостей нанесенныхъ присланымъ казакамъ велѣлъ ихъ посадить въ тюрьму, гдѣ они томились болѣе четырехъ мѣсяцевъ, пока начеца по царскому повелѣнію были освобождены. Походный атаманъ принесъ на воеводу жалобу Государю и въ то же время увѣдомилъ о всемъ происходившемъ войско Донское, которое съ своей стороны не проминуло утруждать просьбою Государя объ удовлетвореніи походнаго атамана Филипа Сулу и казаковъ въ нанесенныхъ имъ обидахъ. Посланная по сему изъ Посольского приказа грамота къ воеводѣ объ удовлетвореніи казаковъ въ ихъ претензіи не была исполнена, ибо князь Пріимковъ-Ростовскій вскорѣ по доставленіи къ нему отнятыхъ у казаковъ пленныхъ калмыковъ и татаръ, отпустилъ въ ихъ улусы. Въ Посольской же приказѣ отписалъ, что взятые казаками въ пленъ калмыки и татары не принадлежать Аюкѣ-тайпѣ, а есть юртовые, кочующіе близъ Астрахани, которые никогда не нападали на казачьи городки. Это возбудило казаковъ къ возраженію противъ дѣйствій воеводы: они въ сильныхъ выраженіяхъ жаловались Государю на его поступки, доказывая, что ни одни калмыки причиняютъ казачьимъ городкамъ разоренія, но что вмѣстѣ съ ними и юртовскія татары находящіеся подъ непосредственнымъ его начальствомъ; что татары эти хватая казаковъ, продаютъ въ Азовѣ и въ другихъ мѣстахъ со свѣдѣнія его и что таковыхъ татаръ находится у нихъ въ Черкасѣ довольноное число и сидятъ на окупу; „и потому если (продолжаютъ они въ той же отпискѣ) не велѣно

будеть отдать намъ отнятыхъ у калмыковъ астраханскимъ воеводою плѣнныхъ татарь и калмыковъ, то въ такомъ случаи мы будемъ отданы въ поруганіе; тогда некому будетъ вооружаться на Шамхала (горскаго владѣльца) и на раскольниковъ находящихся подъ его покровительствомъ; всѣ разбредутся въ разныя мѣста, ибо мы живемъ на Дону угождающи межъ се-
бя другъ другу, а не досаждаяющи, да и то многіе измѣняютъ Государю и бѣгутъ къ раскольникамъ“ (505). Но не взирая на

(505) Память изъ Посольского приказа въ приказъ казанскаго дворца; отъ 8 августа 1691 года.

„И потому де ихъ (Донск. казаковъ) челобитью великие государи пожаловали указали ему боярину и воеводѣ (князю Примкову Ростовскому) тотъ ихъ ясырь отдать и казаковъ ихъ Василья Зацкаго съ товарищи изъ тюремъ освободить, и о томъ къ нему боярину и воеводѣ ихъ въ государей грамоты, и они де съ тѣми грамотами посыпали изъ войска въ Астрахань казаковъ своихъ и онъ де бояринъ и воевода по тѣмъ грамотамъ казаковъ свободили, а ясырю не отдалъ ни одного человѣка, дружи и наровя бусурманамъ, взявъ съ нихъ великия вятки, а ихъ имъ велик. государемъ ободгаль, писать ни дѣломъ, что будто тотъ ясырь астраханской юртовой, а тотъ де ясырь не астраханской Аюкиныхъ удусовъ; да онъ же де бояринъ и воевода ихъ атамановъ и казаковъ бесчестить, называя ихъ измѣниками и бранить всичски, а они де войсконъ ни какая за собою измѣны не знаютъ и впередъ ни на какое худо не помышляютъ, ради они имъ велик. государемъ служить со всякимъ радѣніемъ, а если бы де тотъ ясырь быль и астраханскихъ юртовъ, и они бы того таинъ не стали, для того что съ Аюкины калмыки приходили войною многія и изъ Астрахань юртовыя татарова и городки порубили и живыхъ побрали, и иныхъ у нихъ въ войску сидѣть на окупу, и какая де его боярина и воеводы къ нимъ великии государемъ вѣрная служба, а къ намъ правда, для чего онъ отъ нихъ велик. государей въ Астрахань присланъ, того бъ было ему смотрѣть и беречь нахрѣнко, и юртовыя де татарова на православныхъ христіанъ ходить, соединясь съ ордами, войною непрестанно и многихъ всякихъ чиновъ людей приводить въ Азовъ и предаютъ за морѣ, а онъ бояринъ и воевода имъ потакаетъ для своей бездѣльной корысти и милости у нихъ въ государей о томъ просить всѣмъ войскомъ Донскому, чтобы они велик. государи пожаловали ихъ, вѣлѣмъ, взятой ихъ безвинно ясырь, боярину и воеводѣ астраханскому отдать имъ въ войско, или на чемъ было . . . заплатить за нихъ окупу, чтобы тотъ ихъ ясырь безвинно у нихъ не пропалъ; а ему бъ де боярину и воеводѣ впередъ не повадно было ихъ мнѣть на бусурмановъ, а что де онъ бояринъ и воевода называлъ ихъ все войско измѣниками, и о томъ бы указали они въ государи свой государской милостивый указъ учинить; а если де ихъ государской милости и указу объ отдачѣ того ихъ ясырю не будетъ и они де ему боярину въ

столь сильное настоаніе, войску Донскому не было отдано взятыхъ казаками подъ Астраханью въ плѣнъ татаръ и калмыковъ, вѣроятно потому, что казаки взяли ихъ не на берегахъ Дона, когда они приходили подъ казачьи городки, а близъ Астрахани въ ихъ жилищахъ; что войско Донское посыпало казаковъ подъ улусы калмыцкіе безъ царскаго дозволенія; и что грамота изъ Посольского приказа, по донесенію астраханскаго воеводы, объ отпускѣ тѣхъ плѣнныхъ въ ихъ улусы была получена имъ; впрочемъ нѣкоторымъ образомъ въ удовлетвореніе за это приказано было выдать походному атаману Филиппу Сулѣ и бывшимъ съ нимъ въ походѣ казакамъ 500 руб. денегъ изъ государственного казначейства.

Въ отмѣщеніе за разореніе казаками ихъ улусовъ калмыки 1691 года приходили съ многочисленнымъ войскомъ подъ начальствомъ знатнѣйшаго ихъ наѣздника Малая Батыра подъ Черкасскъ и подъ другіе казачьи городки, рѣзали и брали въ плѣнъ казаковъ и женъ ихъ; нѣкоторые городки совершенно уничтожили и отогнали изъ подъ казачьихъ городковъ разнаго рода скота болѣе 20/т. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года казакамъ удалось схватить Малая Батыра подъ Азовомъ, котораго въ тужъ время посадили въ воду, отвергнувъ предлагаемые имъ за полученіе свободы 2/т. лошадей; казакамъ же поймав-

поругавіе и въ посмѣшищѣ выданы будуть, а надъ шекаломъ и надъ раскольниками промыслу никакого начинятся и отъ нихъ изъ войска многіе разбредутся куда кому сруочно, а въ Русь иной и не пойдетъ для того, что у нихъ люди вольной и бѣглые отъ бояръ людіи и крестьяне, имъ негдѣ дѣваться, туда же въ погибель къ раскольникамъ пойдутъ, а они де живутъ въ крайнемъ мѣстѣ, угощающи межъ себѣ другъ другу, а не досаждаяющи, и такъ де имъ отъ худыхъ людей стало жить худо, и многіе оставя свѣтъ идутъ во тму и пишутъ они къ великимъ государемъ неистранно, а помощи имъ ни какой въ такое Богомъ изволише и шаткое время подать они въ. государи не изволять, и въ томъ ихъ государская воля, и въ предѣль имъ ожидать добра кромѣ худа нечего, и пишутъ они къ намъ въ. государемъ со слезами въ послѣдніи, а житію своему разуму какъ прибрать незнаютъ, не вѣдомо имъ береженіе держать отъ непріятельскихъ людей, а на инаки отъ своихъ по прелесті Шавкаловой и враговъ измѣнниковъ (раскольниковъ бѣжалщихъ на Куму) и дураковъ явится у нихъ много и пишутъ они къ намъ въ. государемъ нескрываемои“ . . . ,

шимъ его заплатили изъ войсковой суммы 200 руб., которые въ послѣдствіи времени были пополнены по царскому повелѣнію изъ государственного казначейства.

За претерпѣнное разореніе казаками отъ калмыковъ войско Донское рѣшилось открыть Аюкѣ-тайшѣ явную войну; войсковой атаманъ Фроль Минаевъ самъ хотѣлъ предводительствовать казаками и собираль уже для сего войско. Аюка-тайша извѣщенный о семъ вооруженіи, три раза присыпалъ посланцовъ своихъ просить о заключеніи съ ними мира, обѣщаясь во всемъ удовлетворить казаковъ; наконецъ послѣ неоднократныхъ совѣщаній, казаки изъявили согласіе заключить миръ съ калмыками на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы Аюка-тайша возвратилъ взятыхъ въ пленъ казаковъ и отогнанный изъ подъ ихъ городковъ скотъ, чтобы впредь со стороны калмыковъ подобныхъ набѣговъ на казаковъ и на россійскіе украинные города производимо не было; съ раскольниками и съ азовцами никакихъ сношеній не имѣть и для продажи къ нимъ скота и другихъ вещей не посыпать; въ противномъ случаѣ казаки имѣютъ полную свободу съ таковыми калмыками поступать какъ съ непріятелями. Договоръ этотъ калмыцкіе посланцы утвердили клятвою въ присутствіи всѣхъ казаковъ (506).

Съ сего времени казаки пойманныхъ калмыковъ на воровствѣ никогда не отдавали на окупъ, но всегда предавали ихъ на мѣстѣ преступленія поносной смерти. Въ 1694 г. казаки разбивъ партію азовцевъ, калмыковъ, ногайцевъ и едисанцевъ, взяли въ пленъ 48 человѣкъ, въ числѣ коихъ 27 калмыковъ, между коими находились близкіе люди Аюки-тайши; сихъ пленныхъ доставили въ Чераскъ въ то время, когда находились въ ономъ отъ него послы, которые видя какой участіи они подвергнутся, убѣждали казаковъ отдать калмыковъ этихъ на окупъ, предлагая имъ за каждого дать по 200 и 300 лошадей; но казаки желая избавиться отъ набѣговъ ихъ навсегда,

(506) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Якова Афонасьевъ 1691 года апрѣля 15 дн.

растаскали своихъ плѣнниковъ лошадьми, привязавъ къ хвостамъ въ присутствіи посланцевъ; тѣмъ же казакамъ, кои взяли балмыковъ въ плѣнъ, выдали изъ войсковыхъ суммъ 250 рублей (507).

ГЛАВА XVI.

Происшествія на Дону до завоеванія Азова.—Дѣйствія казаковъ въ 1-ю компанію Петра 1-го подъ Азовомъ.—Дѣйствія ихъ во вторую компанію подъ Азовомъ.—Послѣдующія происшествія до заключенія мира съ турками.—Славный подвигъ казаковъ при усмирѣніи Астраханскаго бунта.—

Происшествія на Дону до завоеванія Азова. Донскіе казаки будучи обезпокоеваемы калмыками и азовцами, принуждены были въ декабрѣ мѣсяца 1689 г. заключить съ послѣдними мирный договоръ, съ условіемъ не нападать на казачьи городки и южные предѣлы Россіи. Миръ этотъ продолжался до 1691 года. Главнѣйшія причины, побудившія казаковъ къ сохраненію столь продолжительного и совершенно безполезнаго для Россіи мира, были: заведшіяся у казаковъ съ калмыками ссоры; угрозы раскольниковъ въ соединеніи съ калмыками, ногайцами и азовцами разорить Черкасъ и казачьи городки и наконецъ выкупъ плѣнныхъ турокъ и татаръ, взятыхъ казаками въ прошломъ 1689 году въ разныхъ мѣстахъ. Перемиріе это азовцы дѣйствительно соблюдали свято

(507) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Тимофея Федорова 1694 года октября 2 дня.

„ И какъ де тѣ вышеписанныя походные казаки съ тѣми языками пришли на Донъ, и въ войску де тѣхъ Аюкаевыхъ калмыковъ распрашивали, и по распросамъ явились Аюкаевы близкія люди, и они де казаки нетерпя Аюкаевыхъ досадъ, тѣхъ языковъ при Аюкаевыхъ присыльщикахъ, которые въ то время присланы были къ нимъ въ войско, растаскали коньми, привязавъ къ хвостамъ, по острову всѣхъ. А Аюкаевы де посланцы давали за тѣхъ языковъ окупу войску по 200 и по 300 лошадей за человѣка и они де того окупу за нихъ не взяли, и оскуда себя изъ войска, изъ ихъ въ. государей обыкновеннаго жалованья дали за тѣхъ языковъ походнымъ казакамъ, вместо окупу, на сдобычъ 250 рублей.“

въ отчошениі только къ казакамъ, но границы российскія безпрерывно были обезпокоеваемы отъ нихъ.

Войско Донское бывъ въ это время занято защитою собственныхъ своихъ жилищъ отъ безпрерывныхъ набѣговъ калмыковъ и отвращеніемъ происковъ кабардинскаго владѣльца Шамхала, употреблявшаго въ то время всѣ средства на склоненіе казаковъ къ побѣгу съ Дону въ его владѣнія, не въ состояніи было унять азовцевъ отъ хищническихъ набѣговъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1690 года азовскій бей, по наущенію злѣвшихъ раскольниковъ Петра Мурзенка и Льва Маноцкаго, выступилъ съ тысячью человѣкъ азовцевъ, раскольниковъ и татаръ къ Тору, буда обыкновенно съ украинскихъ городовъ собирались жители для добыванія соли; въ оврестныхъ мѣстахъ повстрѣчались они съ этими промышленниками, шедшими за дровами. Раскольники увѣрили ихъ, что они Донскіе казаки и идутъ для разг҃ѣданія о непріятелѣ; обеспеченные сими увѣреніями, несчастные жители не приняли никакихъ мѣръ осторожности къ своей защитѣ и были жертвою своего легковѣрія. Азовцы напали на нихъ, предали сопротивляющихся смерти, а прочихъ увѣли въ плѣнъ. При этомъ случайѣ бей былъ тяжело раненъ въ руку, которую ему послѣ того въ Азовѣ отрѣзали. Войско Донское хотя и имѣло свѣдѣніе о семъ походѣ азовцевъ, но не въ состояніи было выслать противу нихъ 400 человѣкъ казаковъ, которые не могли предпринять ничего рѣшительнаго. Таковое внезапное вторженіе азовцевъ, сопряженное съ лишеніемъ тысячи человѣкъ жителей, было причтено къ недѣйствію со стороны войска Донскаго и продолжительному миру съ непріятелемъ, всегда готовымъ опустошить Россійскія границы (508).

Въ это время раскольники имѣли сношенія со всѣми горскими владѣльцами, которые уважали ихъ за храбрость и отважность, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути; время отъ

(508) Дѣла Донскія, распросные рѣчи в. атамана Ивана Семенова, крѣдитного въ Москву 1690 г. декабря 15 дн.

времени они сдѣлались для нихъ необходимы и главными указателями пути къ Донскимъ казачьимъ городкамъ и Российскимъ границамъ; пользуясь таковыми довѣрiemъ, раскольники предприняли намѣреніе согнать съ Дону казаковъ, разорить Черкасскъ и прочие города, населить ихъ раскольниками и татарами, и потомъ всю эту страну отдать во владѣніе турецкому султану; такое намѣреніе предполагали они привести въ исполненіе зимою. Азовскій бей принялъ это съ охотою и умѣль склонить къ сему предприятію Аюку-тайшу, ногайскихъ и горскихъ владѣльцевъ. Войска всѣхъ этихъ разношлеменныхъ народовъ уже стекались къ Азову, а войско Донское еще не имѣло никакихъ свѣдѣній о непріятельскихъ замыслахъ. Къ счастію казаковъ въ это время быть схваченъ въ Черкасскѣ лазутчикъ, посланный азовскимъ беемъ для разузнанія о числѣ войскъ, находящихся въ Черкасскѣ и обѣ укрѣпленія онаго: отъ него-то узнали они о замыслахъ непріятельскихъ. Таковыя непріязненные дѣйствія азовцевъ и окружавшихъ ихъ народовъ, заставили казаковъ принять всѣ осторожности и на всякий случай послали они въ Москву станицу просить у Государя войскъ для защиты своихъ жилищъ и обѣ отклоненія Аюку-тайшу отъ предпринятаго имъ намѣренія; но вооруженіе это, предпринятое непріятелемъ съ ревностю, нѣизвѣстно по какимъ причинамъ мгновенно разбрѣлось, а съ нимъ вѣстѣ и желаніе овладѣть землею населеною казаками (509).

(509) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 28 января 1691 г.

„А притомъ намъ въ. государемъ извѣстно чините что соединяются на вѣсъ атамановъ и казаковъ войкою турки, и крымци, и ногайды, и черкесы и калмыцкій Аюкай тайша съ воинскими своимъ людеми, которыхъ уже его Аюкаевыхъ калмыкъ нынѣ въ Азовъ съ мурзою Будачеренымъ сыномъ Кашкомъ съ 500 челов. и больше пришло, а къ тому ожидаютъ отъ него же Аюки и еще въ прибавку людей его въ скорѣ, да съ ними же измѣнники Кумскіе казаки и хотятъ приступить къ Черкаскому большину собраніемъ вскорѣ, а розора бѣ Черкаской и Донъ рѣку очистя, отдать во владѣніе турскому салтану, и какъ Донъ очистять, тогда и подъ украинные въ. государей города нѣсть намѣреніе свое приходить войною жъ и бѣте чѣломъ намъ въ. государемъ чтобъ вѣсъ отъ тѣхъ непріятелей оборонить и Аюкамъ тайшу отъ сбѣга-

Войско Донское оскорбленное таковыми поступкомъ азовцевъ, сдѣланнымъ ими во время перемирия, въ тужь время приступило къ разорванію онаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ начатию военныхъ дѣйствий; которыхъ они открыли въ началѣ весны 1691 г. какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ. 800 человѣкъ отборныхъ казаковъ, посланные два раза на море, причинили опустошенія ногайскимъ и крымскимъ улусамъ, побрали большое число въ пленъ и освободили множество российскихъ людей. Столь же счастливо окончился походъ 200 человѣкъ казаковъ, посланныхъ подъ Перекопъ, гдѣ удалось имъ схватить 35 человѣкъ татаръ въ пленъ (510).

Въ слѣдующемъ 1692 году войско Донское производило морскіе поиски, еще съ большею дѣятельностью: въ іюнѣ мѣсяца сего года 1,200 человѣкъ, посаженные на 76 струговъ, неожиданно явились подъ стѣнами Темрюка и Казылтана; приступали къ этимъ городамъ, разграбили окрестности оныхъ и сожгли нѣсколько татарскихъ деревень; захватили 130 че-

иенія съ крымцами и азовцами унять; да станичной вами атаману Ивану Аверкіеву въ нашемъ государственномъ Посольскомъ приказѣ въ распросѣ сказаль, что до ихъ изъ Черкасского поѣзда за недѣлю подосланы были изъ Азова въ Черкасской съ товарами для пропыдыванія вѣстей въ извѣтчикахъ азовцовъ два человѣка, которые вамъ сказали, что прислали къ вамъ ихъ для всякихъ вѣдомостей и для осмотра въ Черкасскомъ крѣпостей азовской бей и яничарской ага, а осмотрѣвъ городъ и всякия крѣпости, такъ же смыти казаковъ и сколько пушекъ, бей и агѣ сказать, а они де бей и ага намѣрены приходить войною подъ Черкасской и разорить и выжечь.“

(510) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1692 г. февраля иѣсяца.

„И что вы атаманы и казаки въ прошломъ во 199 году въ разныя времена посыпали изъ войска казаковъ на морѣ для воинскаго надѣя непріятеля промысла, по 800 челов., которые будучи въ тѣхъ походахъ многіе непріятельскіи жилища разорили и ихъ побили, и живыхъ съ женами и съ дѣтьми въ колонѣ многихъ побрали и изъ неволи христіанъ многихъ освободили и вывезли съ собою на Донъ. Да выжѣ въ третіе посыпали за азовцами и за Аюзаевыми калмыки, увѣдавъ приходъ ихъ войною подъ наши великихъ государей украинные города, и тѣ посланные ваши казаки тѣхъ непріятелей, не допустивъ до украинныхъ городовъ, разбили и многихъ побили и въ языческихъ поймали, и мы великие государи васъ атамановъ и казаковъ за ту вашу службу жалуемъ милостию похвалляемъ.“

ловѣкъ обоего пола и освободили изъ плѣну 200 русскихъ людей. При возвращеніи своемъ въ Черкасскъ хотя и встрѣтили препятствіе азовцевъ въ устьяхъ Дона, но мужественно отразивъ ихъ, пошли безъ малѣйшей потери. Въ слѣдъ за этимъ войско Донское вновь отправило на море казаковъ на 15 стругахъ, которые по выходѣ въ Азовское море, встрѣтились съ турецкимъ флотомъ, шедшимъ изъ Константинополя въ Азовъ, съ войскомъ, провіантомъ и амуниціею; вступили съ нимъ въ бой, но по неравенству силъ, принуждены были отступить и обратиться къ предмѣстію Азова, около коего разграбивъ что могли и взявъ 10 человѣкъ въ плѣнъ, возвратились въ Черкасскъ (511).

Между тѣмъ какъ казаки громили непріятельскіе села и улусы, азовцы изыскивали всѣ средства вредить черкасскимъ жителямъ. Въ октябрѣ мѣсяца (1692 г.) 100 человѣкъ азовцевъ и калмыковъ улуса Аюки-тайши, пользуясь темнотою ночи, прокрались тайно подъ Черкасскъ, захвативъ 200 лошадей, ходившихъ между онымъ и Манычскимъ городкомъ и отогнали въ Азовъ. Успѣхъ этотъ возбудилъ въ нихъ охоту отогнать всѣ казачьи табуны; для сего предпріятія собралось ихъ подъ начальствомъ знатнѣйшаго наѣздуника Кубекъ-аги болѣе 509 человѣкъ. Достигнувъ безпрепятственно въ ночи до

(511) Тамъ же, отписка в. Донского, привезенная въ Москву атаманомъ Лукьянномъ Максимовимъ, 1692 г. въ декабрѣ мѣсяца.

„Наши походные казаки за моремъ непріятельскія села и деревни пожгли и па ихъ же бусурманскіе города Темрюкъ и Казыбашъ боемъ были и всякие приступы чинили, и ихъ непріятелей, около тѣхъ городовъ будучи жъ, разорили жилища и многихъ побили и живѣемъ ихъ и женъ ихъ и дѣтей побрали душъ со сто съ тринадцать, такожды и полову русскаго изъ ихъ бусурманскихъ рукъ вывеали душъ съ двѣсти и больше; а какъ тѣ наши вышеписанные морскіе казаки изъ походу пришли и прешедъ будучи у насъ въ войску, такожды мы холопи ваши служа вамъ въ. государемъ сентябре въ тѣхъ же скорыхъ числѣхъ, посыпали мы холопи ваши и въ другой разъ судовою на морѣ въ 15 лодкахъ своихъ казаковъ и тѣ наши казаки будучи на морѣ на суды ихъ бусурманскіе, которые къ Азову шли, боемъ были и около Азова всякое утѣсненіе имъ чинили и на отѣзжіе ихъ азовскіе караулы боемъ были жъ и до смерти многихъ побили и живѣемъ взяли ихъ бусурмановъ душъ съ десять.“

рѣчки, называемой Василювъ, около коей ходили казачьи лошадиные табуны, захватили здѣсь на утренней зарѣ болѣе полуторы тысячи лошадей и погнали въ Азовъ; вѣсть обѣ этомъ похищеніи быстро дошла до Черкасска, а затѣмъ и до Маничскаго городка тысяча казаковъ въ одно мгновеніе выступили изъ Черкасска за похитителями. Войсковой атаманъ Фроль Минаевъ, дабы вѣрнѣй поразить непріятеля, отрядилъ напередъ знатную часть казаковъ къ рѣкѣ Аксако, гдѣ непремѣнно должны азовцы переправляться чрезъ эту рѣку, а самъ съ остальными казаками началь преслѣдовать ихъ. По приближеніи азовцевъ къ переправѣ Фроль Минаевъ сдѣлалъ стремительное нападеніе на нихъ; между тѣмъ бывши въ засадѣ казаки ударили на враговъ съ тыла. Азовцы не выдержавъ первого натиска казаковъ смѣшились и начали искать спасенія въ бѣгствѣ. Топкія болота окружавшія эти мѣста были причиной гибели многихъ непріятелей; при этомъ случаяхъ казаки не только отбили всѣ свои табуны, но захватили даже непріятельскихъ 300 лошадей съ сѣдлами, взяли въ плѣнъ 60 человѣкъ татаръ, между коими два Бешлейскихъ аги, которые вскорѣ отъ ранъ померли; Кубекъ-агъ перебили руку и онъ едва могъ спастись бѣгствомъ. Потеря непріятелей убитыми и ранеными была значительная; три дня казаки или убивали или брали въ плѣнъ, отыскивая ихъ въ топкихъ болотахъ и по камышамъ, гдѣ они скрывались избѣгая смерти (512).

Пораженіе азовцевъ подъ Черкасскимъ привело ихъ въ такую слабость, что они чрезъ весь 1693 г. не предпринимали никакихъ поисковъ у пограничныхъ Россійскихъ городовъ. Среди этихъ происшествій Малороссійскіе казаки (1694) имѣли намѣреніе наказать азовцевъ и калмыковъ за грабительства,

(512) Тамъ же, вышесказанная отписка войска Донского, распросанны рѣчи Волуйскихъ жителей, посланныхъ воеводою того города въ Черкасскъ, да вѣстей, показаніе толмача Данилы Леншина, посланного изъ Москвы на Донъ съ грамотами.

пришли въ знатныхъ силахъ на вершину рѣки Калмуса, въ томъ намѣреніи, чтобы посредствомъ высланныхъ партій на устьѣ этой рѣки Міуса и Берды, подъ предлогомъ рыбной и звѣриной ловли, вызвать изъ Азова татарь и калмыковъ и потомъ преградя имъ дорогу къ обратному возвращенію, истребить ихъ совершенно: Малороссійские казаки желая склонить къ этому предпріятію Донскихъ, прислали къ нимъ посланцевъ своихъ. Но войско Донское въ это время занято было преслѣдованіемъ 400 человѣкъ азовцевъ, калмыковъ, ногайцевъ и раскольниковъ, отправлявшихся для добычи подъ Россійские украинные города, и отказалось участвовать въ предпріятіи малороссійскихъ казаковъ.

Упомянутая толпа азовцевъ, калмыковъ и ногайцевъ, достигнувъ предѣловъ городовъ: Рыбнаго, Ольшанскаго и Усерда, предпринимала уже намѣреніе отдѣльными партіями напасть на жителей тѣхъ городовъ, занимавшихся снѣтіемъ хлѣба на поляхъ, какъ вдругъ показываются противу нихъ 900 человѣкъ казаковъ подъ начальствомъ войскового атамана Ивана Семенова. Татары сначала полагали, что партія казаковъ не многочисленна, устремились было на нихъ всею силою, но увидѣвъ, что казаковъ больше ихъ, обратились въ бѣгство: казаки гнались за ними более 30 верстъ и весь этотъ путь усыпили трупами своихъ непріятелей, въ плѣнъ же взяли 32 человѣка (513).

Въ отмѣніе за это пораженіе, азовцы въ августѣ мѣсяцѣ

(513) Дѣла Донскія, распросный рѣчи стацічнаго атамана Василя Горбунова 1694 г. августа 5 дня.

„ Войсковой атаманъ Иванъ Семеновъ собрався всѣмъ войскомъ, человѣкъ 900 и болѣе, на другой день пошли за ними тою же сакмою и дошли ихъ а было ихъ азовцевъ и калмыковъ и едисандровъ и ногайцовъ и астраханскихъ татаръ, да съ ними воры и раскольники Левка Манадкой съ товарищи, всего съ 400 человѣкъ и тѣ де непріятели, чая что ихъ малолюдно, хотѣли на нихъ ударить прямо, и какъ увидѣли что ихъ казаковъ многолюдно, дали тыль, а они де били ихъ и гнали верстъ съ 30 и болѣе, и многихъ ихъ побили и переранили, а въ полонъ взяли азовцовъ 32 человѣкъ и привезли на Донъ.“

(1994 г.) подбѣгали къ Хоперскимъ казачимъ городкамъ, подъ коими схвативъ 8 человѣкъ казаковъ, направили путь свой для добычи въ Тамбовскому уѣзду. Встревоженные та-ковымъ нападенiemъ окрестныхъ городовъ, казаки немедленно погнались за азовцами и настигли ихъ между рѣчекъ Турса и Елани, не въ дальнемъ разстояніи отъ г. Тамбова, напали на нихъ и обратили въ бѣгство, при этомъ преслѣдованія казаки многихъ побили и 48 человѣкъ взяли въ плѣнъ (514).

Неограничиваясь одними только наблюденіями за движениемъ непріятелей и защитою Россійскихъ границъ и собственныхъ жилищъ, войско Донское посыпало на морѣ въ 60 лодкахъ 1,000 человѣкъ казаковъ, съ атаманомъ Борисомъ Даниловымъ. Главные предметы казачихъ поисковъ были: Темрюкъ и Казылашъ; но жители этихъ городовъ и окрестныхъ деревень, предваренные азовцами, приняли всѣ средства къ своему защищению, казаки застали одни только пустыя сели, которыхъ они и выжгли, затѣмъ приступали къ упомянутымъ городамъ, но были отбиты съ урономъ. Такимъ образомъ казаки безъ всякой добычи принуждены были предпринять обратный путь къ Черкаску. Между тѣмъ какъ Донцы занимались опустошенiemъ турецкихъ владѣній, азовцы готовились съ оружиемъ въ рукахъ принять ихъ въ устьяхъ Дона: тутъ поставлено было 30 кораблей и разныхъ военныхъ судовъ, на коихъ посаженъ былъ едва не весь азовской гарнизонъ; но казаки не взирая на неравенство силъ, бросились на турецкий флотъ, въ намѣреніи пробиться сквозь онъ, отбили у нихъ одинъ корабль и одно судно, но принуждены были потерять болѣе 20 казаковъ, кромѣ раненыхъ, и отступить къ рѣкѣ Миусу, гдѣ затопивъ суда свои, прошли въ Черкаску степью; азовцы, примѣчавши за ихъ движениемъ, немедленно отыскали тѣ суда и пожгли оныя безъ остатка.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего войско Донское вновь

(514) Тамъ же, распросныи рѣчи станичного атамана Тимофея Федорова 1694 г. октября 2 дн.

отправило казаковъ на 17 лодкахъ правою стороною Азовска-го моря; на топеихъ водахъ повстрѣчались они съ Запорож-скими казаками, которые искали добычи въ крымскихъ улусахъ. Здѣсь условились они сдѣлать нападеніе на Чингарскій городокъ; но жители примѣтивъ намѣреніе казаковъ заблаговременно удалились, оставивъ въ добычу все свое имущество, какое только не въ состояніи были вынести съ собою. Казаки всту-пивъ въ этотъ городокъ нашли въ ономъ семь пушекъ и одно знамя; три пушки и знамя достались на часть Донскимъ ка-закамъ, а прочія получили Запорожцы; городокъ же выжги и разорили до основанія (515).

Дѣйствія казаковъ въ первую компанію Пе тра I-го подъ Азовомъ. Во время послѣднихъ не-удачныхъ походовъ подъ Крымъ, война съ турками была

(515) Тамъ же, отписка в. Донского, привезенная въ Москву 1695 г. въ де-кабрѣ иѣсяцѣ.

„Да мы же посыпали отъ себя изъ войска казаковъ сво-ихъ па морѣ судовою въ 65 лодкахъ подъ турецкіе и ногайскіе мѣста; . . . тѣ наши морскіе подъ Темрюкомъ городомъ и Казылтамомъ приступали и же-стокіе бои съ ними непріятели чинили, хотя и себѣ досаду принали, а кото-рые были ногайскіе и черкасскіе села близъ моря и будучія въ нихъ люди и тѣ отбѣгли вдали къ степнѣмъ мѣстамъ, а наши казаки . . . тѣ многія села и ногайскіе улусы пожгли всѣ безъ остатку, и какъ по возвраще-ніи изъ тѣхъ непріятельскихъ мѣстъ пойдутъ наши тѣ морскіе походные ка-заки къ Азову, чтобы пройти мимо Азова къ намъ въ войско, и какъ приход-дить къ морскимъ гирлямъ, и въ то время по присыпѣ турскаго салтана его ратные люди больше 30 судовъ въ каторгахъ и въ корабляхъ и въ иныхъ мел-кихъ судахъ и заступили проходы, и тѣ наши казаки били на нихъ боемъ на тѣ суды и отбили одинъ корабль бѣломорскихъ кораблей и притомъ корабль будучи тумбасъ отбыли и приступъ учинили къ тому кораблю и большоій бой съ непріятелями, кои на томъ корабль, и по смотрѣнію Божію, они непріятельскіе люди нашимъ казакамъ трутину учинили не малую, въ смерть побили больше 20 человѣкъ, а иныхъ переранили, и наши отъ нихъ непріятелей отступили, да мы же тѣмъ же временемъ посы-пали въ 17 лодкахъ казаковъ своихъ другою стороною моря подъ крымскія мѣ-ста къ Топкимъ водамъ и ходомъ соединились съ Запорожскими казаками и посовѣтавъ между собою, пошли подъ крымскіе жилища и пришедь къ Гнило-му морю, били боемъ на отводной Чингарской городокъ, и тотъ горо-докъ взяли и совсѣмъ разорили безостатку, и взяли семь пушекъ.“

оставлена. Римскій Императоръ тщетно убѣждалъ Петра I-го къ возобновленію союза противъ турокъ: Царь желая возворить порядокъ внутри государства, отклонялъ эти предложения; наконецъ въ исходѣ 1694 года, заключа съ этимъ Императоромъ и королемъ Польскимъ миръ, рѣшился обратить оружіе свое на Азовъ, обладаніе коимъ могло доставить ему свободное плаваніе по Азовскому морю. Не дожидаясь окончанія новаго флота, начатаго въ Воронежѣ, Петръ повелѣлъ боярину Шерemetеву со сто-тычиною арміею двинуться къ нижней части Днѣпра и угрожая туркамъ и Крыму, не допустить ихъ подать помощь Азову, который между тѣмъ будетъ осажденъ бояриномъ Шеиномъ съ другою арміею изъ 31/т. человѣкъ состоящею (516).

Войско назначенное къ осадѣ Азова должно было собраться въ Тамбовѣ, откуда по первому весеннему пути идти на реку Хоперь; а потомъ внизъ правою стороною Дона къ Черкаску. Войску же Донскому предписано было сдѣлать распоряженіе дабы всѣ казаки верховыхъ городковъ, по мѣрѣ приближенія войскъ, соединялись съ этимъ корпусомъ и слѣдовали къ Черкаску; и чтобы какъ этимъ, такъ и всѣмъ казакамъ находящимся въ Черкасскѣ быть подъ начальствомъ командующаго войсками Генерала Гордона и дѣйствовать противъ азовцевъ по его повелѣніямъ; а дабы таковое движение русскихъ войскъ не могло сдѣлаться известнымъ непріятелю, то вельно войсковому атаману Фролу Минаеву повелѣніе хранить тайно и никому кроме лучшихъ старшинъ не объявлять (517).

(516) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра I-го томъ IV стр. 128.

(517) Грамота войску Донскому 1695 г. марта 16.

,Указали мы Великие Государи быть на нашей Великихъ Государей службѣ на Дону Московскаго выборного полку генералу нашему Петру Ивановичу Гордону и полковникомъ и начальникомъ людемъ и съ солдатскими и съ стрѣльцкими полки, а избираться ему съ тѣми полки въ тотъ воинскій походъ въ Тамбовѣ и идти изъ Тамбова на Хоперь; а съ Хопра на Донъ въ Черкасской, а въ томъ воинскомъ промыслу съ нимъ генераломъ и съ нашими Великими Государями ратными людьми быть и промыслъ надъ непріятеля чинить тебѣ войско-

Но какъ не скрытно происходили эти пріготовления, Аюки-тайша недоброжелательствуя Россіи, въ то же время извѣстить азовскаго коменданта о вооруженіи Россіи противу Азова; самъ же онъ освѣдомился вѣроятно отъ астраханцевъ, которые, какъ равно Донскіе, Терскіе и Гребенскіе казаки, должны были по царскому повелѣнію участвовать при осадѣ Азова. Коменданть азовскій не довѣряя совершенно словамъ Аюки-тайши, послалъ 3,000 человѣкъ подъ Черкассы въ намѣреніи получить чрезъ плѣнныхъ обстоятельное объ этомъ свѣдѣніе; но войсковой атаманъ Фроль Минаевъ прогналъ ихъ съ большими урономъ; и хотя при семъ случаѣ были взяты въ плѣнъ 9-ть человѣкъ казаковъ, но отъ нихъ азовцы не могли ничего узнать. Это обстоятельство заставило азовскаго коменданта разослать партію къ россійскимъ украинскимъ городамъ, за коими вслѣдъ со стороны войска Донскаго было послано нѣсколько сотъ отборныхъ казаковъ (518).

Между тѣмъ Русскія войска въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца достигли до Черкасса, а 8-го числа того же мѣсяца прибылъ самъ Государь и немедленно повелъ оное подъ Азовъ. Осада производилась хотя и довольно удачно, но Азовъ, имѣвшій свободное сообщеніе съ моремъ и будучи снабжаемъ припасами всякаго рода, не помышлялъ о сдачѣ; русская же армія,

вому атаману Фролу Минаеву и всему войску Донскому а сей бы нашъ Великихъ Государей указъ быть у васъ тайно и кроме тебя войскового атамана и старшинъ, кому надлежитъ, инымъ быть не вѣдомъ, и порадѣть бы вамъ атаманамъ и казакамъ о томъ и какъ возможно крѣпость въ войскѣ учинить, чтобы о приходѣ нашихъ великихъ Государей ратныхъ людей на Донъ непріятели въ Азовѣ прежде времени не увѣдали!“

(518) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Григорія Бѣлицкаго явившагося въ Москву 1695 г. марта 29 дн.

„Подѣгали къ нимъ на Донъ къ Черкасскому азовской бей и личинскій ага съ жителями азовскими служилыми людьми съ 3,000 челов. и больше . . . и тѣхъ де непріятельскихъ людей, за помощию Божію, отогнали войсков. атаманъ Фроль Минаевъ съ казаками съ 500 челов., . . . а изъ нихъ де казацкаго войска поранено казаковъ съ 50 человѣкъ, а до смерти убитъ одинъ человѣкъ да 9 челов. казаковъ въ полонъ взяты!“

расположенная въ степи, начинала чувствовать недостатокъ въ продовольствии; къ тому же неискусство инженеровъ и измѣна гвардіи капитана Якена продлила осаду. Въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, рѣшились на открытое нападеніе; но какъ и это предпріятіе не имѣло желаемаго успѣха, тѣ Царь велѣлъ снять осаду и отступить съ арміею, оставивъ въ Черкасскѣ тяжелую артиллерию и порохъ (519).

Впрочемъ этотъ походъ увѣичанъ былъ взятиемъ двухъ каланчей (крепостей), поставленныхъ турками на рѣкѣ Дону въ близкомъ разстояніи отъ Азова; и какъ въ этихъ, такъ и въ новопостроенной противъ Азова Сергіевской крѣпости оставилъ 3,000 человѣкъ войскъ подъ начальствомъ воеводы Ржевскаго, приказавъ войску Донскому, вслучаѣ непріятельского нападенія, вспомоществовать всѣми силами (520).

Съ этого цѣлію войско Донское выслало изъ Черкаска 1 ч. января мѣсяца 1696 г. въ Сергіевской крѣпости 2/т. челов. казаковъ. Тутъ казаки посовѣтовавшись съ воеводою Акимомъ Ржевскимъ, послали сильную партію засѣсть въ скрытныхъ мѣстахъ и выжидать непріятелей. Азовцы не замедлили сдѣлать нападеніе на городокъ и переранивъ 7 челов. ратныхъ людей, хотѣли взять оныхъ въ пленъ, но засѣвшая партія казаковъ мгновенцо бросилась на азовцевъ, обратила ихъ въ бѣгство и схватила одного знатнаго татарина, который при допросѣ показалъ, что азовцы вскорости ожидаютъ къ себѣ отъ крымскаго хана 900 человѣкъ емановъ, и великое множество ногайцевъ, черкесовъ и турокъ подъ начальствомъ салтановъ Шабанъ-гирея и Капланъ-гирея и Муртазы-паши, съ которыми на 5,000 арбахъ будуть привезены провіантъ и разные воинскіе припасы, для осажденія новопостроенной Сергіевской крѣпости. Свѣдѣнія эти чрезъ нѣсколько времени послѣ того подтвердили и бѣжавшіе изъ Азова 6 человѣкъ русскихъ

(519) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ IV, страница 132 и слѣдующія.

(520) Дѣла Донскія, грамота въ Донскому 1696 г. января 8-го.

людей. По этому случаю со стороны войска Донского немедленно отправлено для усиления Сергиевской крѣпости лучшихъ казаковъ 400 человѣкъ (521). Войска непріятельскія хотя въ послѣдствіи и дѣйствительно приходили въ Азовъ, но Сергиевская крѣпость, какъ равно и Каланчинскія башни, отъ нихъ осаждаемы не были, по той причинѣ, что въ оныхъ находилось достаточное число гарнизона, состоящаго изъ ратныхъ русскихъ людей и казаковъ, а при томъ и войско Донское всегда готово было въ знатныхъ силахъ сдѣлать вспомоществованіе осажденнымъ. Почему они разсудили за благо искать добычи въ другомъ мѣстѣ и нападали на Русские украинные города (522).

(521) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ отъ 4 февраля 1696 года.

„Писали къ намъ Великому Государю вы атаманы и казаки что генваря въ 1 день ходили вы всѣмъ войскомъ конніцей и пѣхотой, для воинскаго промыслу надъ непріятельскими людьми, подъ Азовъ, и по общему совѣту новопостроенаго Сергиева города съ воеводою съ Ржевскимъ пристойныхъ мѣста залегли, а непріятельскія люди въ то же время приходили къ Сергиеву и Сергиевскихъ ратныхъ людей 7 челов. переранили, и вы на нихъ непріятелей были и въ полонъ тѣхъ ратныхъ людей взять не дали, и гнали за тѣми непріятелями отъ Сергиева до самого Азова и взяли изъ нихъ знатнаго азовскаго татарина, и прислали того татарина къ Москвѣ, а по допроснѣмъ того взятаго татарина рѣчамъ явилось, что отъ хана крымскаго пришла въ Азовъ подлинная вѣдомость, отпущенъ де въ Азовъ изъ Крыму Шабанъ-гирей салтанъ, а съ ними 900 емановъ, пѣшихъ людей; а въ Тамани и въ Керчи и въ иныхъ ближнихъ городѣхъ Мургуга - паша съ братьями, съ пѣхотою янычанскою въ готовности и ждуть ихъ азовцы къ себѣ въ скорѣ; а будетъ та пѣхота съ Шабанъ-гиреемъ салтаномъ и съ Мургугомъ, съ казною и со всякими хиѣбными запасы на 5,000 арбахъ, да на тѣхъ же арбахъ прислано будетъ 20 можжеръ, а съ тѣми можжерами 50 челов. мастеровъ; да съ ногайской ордою и съ черкесы и со всемъ конницею болѣшимъ собраніемъ будетъ другой салтанъ Ка-планъ-гирей, а приказалъ де ханъ, чтобы тѣмъ ихъ ногайскимъ войскамъ ити тить мимо Азова и приступать къ Сергиеву и можжерами городъ замечь, а изъ Цари-града отъ салтана прислано будетъ со льдомъ вмѣстѣ войско, для строенія Азова и къ тому строенію въ Азовъ прислано мастеровъ 10 человѣкъ и по тѣмъ вѣдомостямъ вы атаманы и казаки, служа намъ Великому Государю, послали въ Сергиевъ ратнымъ людямъ на помощь 400 челов. казаковъ.“

(522) Тѣхъ же дѣлъ, отписка войска Донского въ Посольскій приказъ 1696 г. февраля мѣсяца.

Действія ихъ во вторую компанію подъ Азовомъ. Въ началѣ 1696 г. Царь Русскій съ арміемъ состоящею изъ 64,735 человѣкъ (523) подъ начальствомъ того же боярина Шеина и съ новопостроеннымъ флотомъ выступилъ къ Азову, имѣя при себѣ 5,120 человѣкъ Донскихъ казаковъ. Шереметевъ съ 70,000 человѣкъ вторично противу поставленъ крымскими татарами.

Государь, оставя за собою боярина Шеина со всею арміею, 9. мая съ флотомъ прибылъ въ Черкассы, гдѣ войсковой атаманъ Фроль Минаевъ донесъ ему о поискѣ надъ непріятелемъ походнаго атамана Леонтия Поздѣева, который съ 250 казаками посланъ былъ для разведыванія о турецкомъ флотѣ. Вышедъ въ море, онъ усмотрѣлъ два корабля плывшіе къ Азову; презрѣвъ видимое превосходство силъ непріятеля, храбрый Поздѣевъ стремительно атаковалъ ихъ и не смотря на сильную пушечную стрѣльбу и отчаянную оборону турокъ, казаки производя непрерывный ружейный огонь, пристали къ кораблямъ, мгновенно прорубили бока оныхъ при самой поверхности воды и со всѣми людьми и грузомъ ихъ затонили, не потерявъ своихъ ни одного человѣка (524).

Поздѣевъ сверхъ того извѣстилъ Государя, что въ Азовскомъ морѣ остался турецкій флотъ, состоящій изъ 15 кораблей, 13 большихъ галеръ и 13 полугалеръ, на которыхъ находились разные военные снаряды и вспомогательныя Азову войска. Петръ вознамѣрился недопустить къ крѣпости этотъ флотъ и если возможно разбить онъ. Въ этомъ намѣреніи 12 мая повелѣлъ онъ флотъ свой состоящій изъ 2 военныхъ кораблей, 23 галеръ, 2 галіотовъ и 4 брандеровъ провести изъ Черкасса въ Каланчамъ.

(523) Походъ боярина Шеина стр. 56. Г. Голиковъ въ 4, части дополненіемъ къ дѣяніямъ Петра Великаго полагаетъ, что Россійская армія подъ Азовомъ состояла изъ 544,144 человѣкъ.

(524) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4, стр. 157.—Въ Азовской исторіи сказано, что казаки принуждены были отступить отъ сихъ кораблей, но г. Голиковъ замѣчаетъ на той же стр. что сіе противно всѣмъ на шимъ лѣтописямъ.

Отсюда съ 16-ю галерами поплыть было въ Куттеремское устье, но не могъ онымъ пройти въ море, по причинѣ убыли воды отъ сильного сѣверо-восточного вѣтра; однакожъ это препятствіе не остановило предпріятій: зная отважность казаковъ въ плаваніи по водамъ, Государь оставилъ свои галеры, пересѣль въ легкую казачью лодку и пустился въ море въ сопровожденіи 100 таковыхъ же лодокъ, изъ коихъ каждая вмѣщала по 60 казаковъ и нѣсколько солдатъ.

Обозрѣвъ все устье Дона, Петръ присталь къ Канаярскому острову и увидѣвъ оттуда 9 большихъ турецкихъ кораблей и нѣсколько галеръ подошедшихъ къ Азову, приказалъ своей флотиліи укрыться за островъ. На разсвѣтѣ другаго дня турки не видя никакой опасности, отправили къ крѣпости съ воинскими снарядами 14 тумбасовъ, но лишь только эти суда поотдалились отъ главнаго флота, какъ Российской Царь съ своими казаками вышелъ изъ за острова, настигъ турецкія суда и съ толикою быстротою ударили на оныя, что казаки въ виду непріятельского флота мгновенно овладѣли 9 тумбасами, находившихся на оныхъ людей побили, потопили и взяли въ плѣнъ 27 человѣкъ, всѣ снаряды перегрузили на два судна и привели оныя къ острову, а прочія сожгли, оставльныи пяти тумбасамъ удалось уйти къ главному своему флоту, который испугавшись поспѣшилъ поднять паруса и обратился въ бѣгство. Казаки одушевленные присутствіемъ Государя, устремились преслѣдовать бѣгущій турецкій флотъ, настигли два корабля, атаковали и послѣ упорнаго сраженія овладѣли ими: одинъ затонили, а другой сожгли, людей частію изрубили, въ плѣнъ взяли одного агу и 270 человѣкъ. Сверхъ сего захватили 10 полугалеръ и столько же большихъ судовъ за гнали на мель. Этотъ смѣлый подвигъ казаковъ стоилъ туркамъ весьма дорого. Кроме потонувшихъ и сгорѣвшихъ, они потеряли убитыми до 2,000 человѣкъ; а на отнятыхъ судахъ найдено 50/т. червонныхъ, сукна на 4,000 человѣкъ, множество воинскихъ снарядовъ, 70 мѣдныхъ пушекъ, 300 бомбъ, 4,000 гранатъ, 80 бочекъ пороху, большое количество свин

цу, сабель и другаго мелкаго оружія.

Воздавъ Всевышнему благодареніе за первую дарованную надъ врагами побѣду, признателный Государь пожаловать всѣ деньги, сукно и прочую мелкую добычу храбрымъ своимъ сподвижникамъ, а воинскіе снаряды и оружіе повелѣть обратить въ казну (525).

Эта морская побѣда останется навсегда у Донскихъ казаковъ знаменитымъ происшествіемъ: въ первый разъ они сражались подъ личнымъ предводительствомъ Величайшаго изъ Монарховъ Россіи и храбростю своею заслужили его милости и доброе о себѣ мнѣніе.

Между тѣмъ бояринъ Шеинъ, съ главною русскою арміею, плывя по Дону, встрѣченъ былъ 19 мая наказнымъ войсковымъ атаманомъ Ильею Зерциковымъ и знатными войска Донского старшинами и казаками. Прибывъ въ Черкассы и узнавъ, что войскому атаману Фролу Минаеву съ Донскими казаками повелѣно выступить къ Азову, бояринъ вмѣстѣ съ нимъ и со всѣмъ своимъ войскомъ поспѣшилъ къ этому городу и остановился между Сергиевской крѣпостью и Каланчами.

Между тѣмъ 28 мая генераль-маиръ Регимонъ и войска Донского походный атаманъ Савинъ съ своими отрядами отдѣлены для составленія авангарда, и подавшись весьма близко къ Азову, расположились лагеремъ. Азовцы сдѣлавъ вылазку, съ ожесточеніемъ на нихъ напали, но Донскими казаками были разбиты и съ немалымъ урономъ преслѣдуемы до самой крѣпости (526). 3 июня изъ авангарда этого калмыки схватили подъ стѣнами города одного татарина, а прочихъ побили и отогнали 139 головъ.—7 числа всѣ войска подступили подъ Азовъ и начали готовиться къ приступу; въ продолженіи этихъ работъ русская армія часто развлекаема была сильными нападеніями кубанскихъ и крымскихъ татаръ.

(525) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4, стр. 157, 158 и 159 въ Азовской исторіи стр. 168. и слѣд.

(526) Походъ боярина Шеина къ Азову, стр. 88.

которые однако всегда съ великою потерю были отравляемы и въ бѣгствѣ своемъ преслѣдуемы Донскими и Малороссійскими казаками.

Но чтобы стѣснить крѣпость со стороны моря и не допустить къ оной вспомогательный турецкій флотъ, состоящій изъ 40 фрегатовъ и множества галеръ, Государь повелѣлъ адмиралу Лефорту со всѣмъ флотомъ своимъ выступить въ море, а лодки Донскихъ казаковъ расположить въ устьяхъ Дона подъ прикрытиемъ войскъ разставленныхъ по берегамъ этой рѣки, чрезъ которую была протянута желѣзная цѣнь.

Наконецъ Государь рѣшился взять Азовъ приступомъ; 17 числа повелѣлъ онъ регулярнымъ войскамъ для развлечения вниманія непріятеля сдѣлать фальшивыя нападенія вдругъ съ трехъ сторонъ. Устрашенные азовцы со всѣми своими силами устремились къ оборонѣ этихъ мѣстъ, а между тѣмъ Донские казаки съ войсковымъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ, а Малороссійские съ наказнымъ гетманомъ Яковомъ Лизогубомъ произвели рѣшительное нападеніе съ четвертой стороны, мгновенно овладѣли двумя бастіонами и четырьмя пушками; турки тщетно покушались вытѣснить казаковъ и послѣ отчаянного и жестокаго въ продолженіи шести часовъ сраженія были прогнаны въ городъ съ великимъ урономъ (527).

На другой день татары, желая провести въ городъ 2,000 вспомогательного войска, напали на русскій лагерь, но были разбиты и прогнаны. Послѣ этого Государь 19 числа повелѣлъ войскамъ своимъ готовиться къ генеральному приступу; но азовскій гарнизонъ, отчаявшись получить откуда либо помошь, сдался на условіи, чтобы ему со всѣми жителями быть свободный выходъ изъ крѣпости; гарнизонъ турецкій состоялъ изъ 3,700 человѣкъ; кромѣ того въ крѣпости находилось 5,900 человѣкъ жителей обоего пола. Русскіе нашли въ Азовѣ 96 мѣдныхъ пушекъ и 4 мортиры.

Послѣ этого по повелѣнію Государа главнокомандующій бо-

(527) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго стр. 178.

бринь Шеинъ, 20 іюля послалъ сухимъ путемъ и водно отрадъ русскихъ войскъ, съ Донскими казаками и калмыками, для покоренія турецкой крѣпости Лютника, но она сдалась безъ всякаго сопротивленія на одинакихъ съ Азовомъ условіяхъ (528).

Побѣдоносный Монархъ изъявилъ арміи благоволеніе, щедро наградилъ всѣхъ, и упрѣшивъ Азовъ, отпустилъ Малороссийскихъ и Донскихъ казаковъ въ жилища ихъ; а самъ съ регулярнымъ войскомъ возвратился съ торжествомъ въ Москву. Въ Азовѣ оставилъ Государь комендантромъ князя Львова съ достаточнымъ гарнизономъ. Войску же Донскому предписано было, при нападеніяхъ непріятельскихъ на Азовъ и на новоостроенную Сергіевскую крѣпость и Каланчи, вспомоществовать всѣми силами. (*).

Послѣдующія происшествія до заключенія мира съ турками. Взятиемъ Азовской крѣпости, Россія пріобрѣла большія выгоды вліяніемъ своимъ на народы, живущіе на рѣкѣ Кубани: многіе изъ нихъ тогда же признали власть надъ собою Россіи, другіе, бывъ утѣснеными выѣгдами Донскихъ казаковъ, скрылись по ту сторону Кубани и тамъ содѣялись менѣе опасными Россійскимъ границамъ и казачьимъ городкамъ. Аюка-тайпа, измѣнившій неоднократно Россіи, торжественно принесъ повинную предъ Государемъ и получивъ дозволеніе съ подвластными ему калмыками возвратить по Хопру, Медведицѣ и Манычи.—Турецкій султанъ предугадывалъ всѣ слѣдствія могущія произойти отъ потери этой важной крѣпости, и потому не отлагая времени

(528) Походъ боярина Шеина къ Азову стр. 127.

(*) Грамота войску Донскому 1697 г. января 10.

„И городъ Азовъ также и новоостроенный городъ Сергіевъ, и Каланчи и Лютинъ и всѣ свои казачьи городки отъ непріятельского нахожденія береги со всякимъ усерднымъ радѣніемъ и до взятия и ни до какого разоренія не допустили и посыпали бы вы отъ себѣ изъ войска въ тѣ города и въ Каланчи помочь нашимъ В. Государа ратнымъ людемъ Донскихъ казаковъ по немалому числу“

вооружить подвластные ему народы на возвращение сюй.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1697 г., многочисленная армія, состоящая изъ турокъ, кримцевъ, ногайцевъ и горскихъ народовъ, уже собиралась къ Тамани, въ намѣреніи обложить Азовскую крѣпость до прихода русскихъ войскъ и построить выше сюй на рѣчкѣ Койсугѣ и на Донцѣ крѣпости; вѣсть объ этомъ вооруженіи турокъ принесли въ Черкассы бѣженцы изъ Керчи казаки, которые были свидѣтелями тѣхъ приготовлений.

Войско Донское немедленно отрядило, для усиления гарнизона на Сергиевской крѣпости и Калмычей, болѣе 300 отборныхъ казаковъ; въ Москву же послало вскорѣ легкую станицу съ донесениемъ о непріятельскомъ движении и о ихъ намѣреніи противъ Азова. Российскій дворъ, желая предупредить нечтное нападеніе на завоеванные отъ турокъ мѣста, въ то же время далъ предписаніе войсковому атаману Фролу Минаеву, находившемуся тогда въ Воронежѣ съ зимовою станицею, немедленно отираться въ Черкассы и быть готовы къ со всѣмъ войскомъ какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ на отраженіе непріятелей (529). А между тѣмъ главнокомандующему боярину Шемчу предписано со всеко армію сдѣловать къ Азову. Въ іюль мѣсяцѣ непріятельскія войска, подъ предводительствомъ Калги султана, приблизились къ Азову; бояринъ Шемчъ устроилъ войска свои въ выгодной позиціи, столь мужественно принялъ ихъ, что послѣ кровопролитнаго 11 часовъ продолжавшагося сраженія, разсѣялъ и обратилъ непріятельскія войска въ бѣгство; а легкая кавалерія и Донские казаки преслѣдуя бѣгущихъ татаръ до рѣчки Кагальника многихъ изъ нихъ побили, потопили въ рѣкѣ и взяли въ плѣнъ.

Но до приходу еще русской арміи къ Азову, турецкій флотъ пожулся сдѣлать высадку въ этому городу; въ маѣ мѣсяцѣ они отправили значительное число войскъ на бриган-

(529) Грамота войсковому атаману Фролу Минаеву 1697 г. апрѣля 5 дн.

тинахъ своихъ, которые спокойно и безпрепятственно вошли уже въ устье Дона; но расположенные въ этомъ мѣстѣ для наблюденія Донскіе казаки, бросаясь въ легкія свои лодки, мужественно встрѣтили непріятельскія суда, многія изъ нихъ съ находившимся высаднымъ войскомъ потопили, а прочія принуждены были спасаться бѣгствомъ (530). Такимъ образомъ предпріятіе турокъ овладѣть Азовомъ, распоряженіемъ Государа уничтожено; и съ того времени турки не предпринимали уже болѣе никакихъ мѣръ на возвращеніе оной.

Съ этого времени казаки разыздами своими подъ Крымъ и Кубань, безпрерывно тревожили непріятелей, преграждая имъ всѣ пути въ набѣгамъ на Россійскія границы. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего же 1697 года, казаки посыпали нѣсколько лодокъ подъ Темрюкъ и Казылташъ, но по принятіемъ со стороны турокъ предосторожностямъ возвратились безъ всячаго успѣха (531). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ казаки, по общему условію съ калмыками, въ числѣ 630 челов. вторглись въ ногайскій улусъ Кубека-мурзы, кочевавшій на Кубани, отбили 1,200 лошадей, взяли въ плѣнъ 7 человѣкъ татаръ и нѣсколько калмыковъ принадлежавшихъ сему мурзѣ; жителей же этого улуса предали смерти безъ различія пола и возраста (532).

Въ 1698 г. 1,000 человѣкъ казаковъ съ атаманомъ Акимомъ Филиппевымъ были командированы по царскому повелѣнію въ арміи князя Долгорукова, охранявшаго завоеванныя крѣпости отъ крымскихъ татаръ и участвовали во всѣхъ по-

(530) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4-й, стр. 359 и 360.

(531) Дѣла Донскія, грамота войску Донскому 1697 г. октября 20 дн.

(532) Тѣхъ же дѣлъ, распросный рѣчи станичнаго атамана Максима Фролова 1698 г. генваря 16.

,Въ нынѣшнемъ во 206 году ноября въ послѣднихъ числахъ, съ присланными Аюкиными калмыками съ 500 челов., съ черкесомъ Батыремъ, изъ войска посыпаетъ онъ, Максимъ, съ Донскими казаками атамана на Кубань, а съ ними было казаковъ и калмыковъ 130 челов., и пришедъ они съ черкесомъ Батыремъ на Кубань и высмотря Кубековъ улусъ, на него были и отогнали табуну 1,200 лошадей, да 7 челов. кубанцовъ, которые тѣхъ лошадей стерегли валли.“

бъдахъ, одержанныхъ этими полководцемъ надъ татарами и турками; а между тѣмъ войско Донское безпрерывными разѣздами тревожило непріятелей.

Въ сентябрѣ мѣсяца сего же года значительная партия казаковъ, отправленная Азовскимъ моремъ къ новопостроенному туркамъ городу Ачуеву, встрѣтилась съ непріятельскими судами, разсѣяла оныя, взяла двухъ человѣкъ въ плѣнъ и отбила нѣсколько казаковъ, находившихся у нихъ въ плѣнѣ (533). Чрезъ нѣсколько потомъ времени 90 человѣкъ казаковъ, соединясь съ Исупъ-мурзою, бѣжавшимъ въ Черкасскъ изъ за Кубани, отогнали у едисанскихъ татаръ, кочевавшихъ близъ рѣки Лабы, 500 лошадей; вскорѣ за тѣмъ другая партия казаковъ, состоящая изъ 150 человѣкъ, подъ начальствомъ того же мурзы, вторично подбѣгала подъ тѣ же улусы, отогнала 600 лошадей и схватила 2-хъ человѣкъ татаръ (534). Въ отмѣнѣ за это разореніе кубанцы, соединясь съ ногайцами и съ казаками раскольниками, въ числѣ 300 человѣкъ, вознамѣрились зажечь корабли, строившіеся по царскому повелѣнію въ Паншинскомъ городкѣ; не доходя до этого городка, они встрѣтили между городкомъ Пятиизбянскимъ и г. Царицынымъ 23 человѣка Донскихъ казаковъ и астраханскихъ татаръ, везшихъ на Донъ для продажи персидскіе товары, напали на нихъ, отняли всѣ товары и взяли въ плѣнъ 3-хъ

(533) Тѣхъ же дѣйствій, грамота в. Донскому 1698 г. октября 24 дnia.

„Въ нынѣшнемъ во 207 г. октября въ 16 день къ намъ В. Государю писали вы . . . что нынѣшняго году въ сентябрѣ мѣсяца посыпали вы для воинскаго промыслу Азовскимъ моремъ подъ новопостроенной городъ Ачуеву, казаковъ своихъ и тѣ ваши посланные не доехѣ до того новопостроеннаго турскаго города наѣхали на непріятельскихъ людей и ихъ разбили и взяли въ изыдѣхъ двухъ человѣкъ, и взятыхъ у нихъ Донскихъ казаковъ отбили.“

(534) Тѣхъ же дѣйствій, распроснныя рѣчи ставичнаго атамана Кирѣя Болдыра.

„И посѣдѣ приходу своего (Исупа мурзы) въ Черкасской на шестой день человѣкъ съ 90 съ нимъ мурзою на Кубань ходили и на пятой же день въ почѣ перенравились Кубань рѣку обѣ урочищѣ близко Лабы рѣки, отогнали у едисанцовъ, которые отъ Аюки кочевали, конскаго табуна съ 500 лошадей.“

человѣкъ. Извѣщеніе о семъ набѣгѣ непріятелей съѣдныхъ станицъ казаки въ тужь время собрались и нагнали татаръ близь Кубани, вступили съ ними въ бой, убили одного татарина и отняли у нихъ на 500 руб. товаровъ; а дабы впредь не могли они причинить какого либо поврежденія строющиимся въ Панишинскомъ городкѣ кораблямъ, предписано было отъ войска верховыхъ городковъ атаманамъ и казакамъ, подъ смертною казнью, употреблять всѣ мѣры осторожности отъ непріятельскихъ набѣговъ, и быть во всякое время готовыми на отраженіе ихъ (535).

Съ этого времени набѣги закубанскихъ народовъ подъ казачи городки сдѣмались чаще и продолжались не только до заключенного въ 1700 г. мира съ турками, но даже и послѣ онаго; и хотя со стороны войска Донского всегда платили имъ подобнымъ же разореніемъ ихъ улусовъ, но татары ни мало отъ того не унимались.

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года народъ татаръ, состоящая изъ 380 человѣкъ, со свѣдѣніемъ Шагинъ-гирея, султана кубанскаго, отправились въ Камышину для грабежей.—Войско Донское, извѣщенное отъ казаковъ Кумшанскаго и Цымлянского городковъ, подъ коими они схватили пять человѣкъ, отрядило для преслѣдованія непріятелей 700 челов. казаковъ и калмыковъ подъ начальствомъ атамана Максима Фролова, съ коими и повстрѣчались они при возвращеніи татаръ изъ Камышина на рѣчкѣ Соленої, впадающей въ рѣку Салгъ; казаки вступивъ съ ними въ бой, опрокинули ихъ и преслѣдовали до рѣки Маныча; съ непріятельской стороны убить одинъ знатный мурза и нѣсколько татаръ, взято въ плѣнь 13 человѣкъ, въ числѣ коихъ одинъ мурза, отбито 100 лошадей, разное имущество, забратое ими подъ Камышиномъ и одинъ русскій человѣкъ (536).

(535) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичного атамана Ильи Григоре-ва 1698 г. декабря 7 дн.

(536) Распросныя рѣчи станичного атамана Максима Фролова 1700 г. июня 25 дн.

По заключеніи мира съ турками, казакамъ всего неско-
нчне было видѣть себя стѣсненными въ отишениіи непріяте-
лямъ за ихъ обиды; ибо имъ не доаволялось преслѣдоватъ ихъ
до жилищъ, а велѣно въ подобныхъ случаяхъ приносить жа-
лобу азовскому коменданту, который обязанъ быть ходатай-
ствоватъ, о возвращеніи пограбленаго, у Ачуевскаго паші, но
казаки никогда не получали удовлетворенія. Усилившіеся по-
томъ, время отъ времени, набѣги татаръ на казачьи жилища,
были причиною дозволенія казакамъ, по просьбѣ ихъ, преслѣ-
доватъ хищниковъ до ихъ улусовъ, и отмщать за причинен-
ныя ими обиды (537).

По заключеніи 3 июля 1700 года съ Турциею 30-лѣтнаго
мира, Россія приступила къ сѣверному союзу, составившему-
ся противу Швеціи; съ сего времени Донскіе казаки постоянно
участвовали во всѣхъ веденныхъ войнахъ съ сосѣдними и
отдаленными народами, и, сверхъ сего, защищали свои жили-
ща и охраняли южные предѣлы Россіи отъ вторженія заку-
банскихъ народовъ и воровскихъ набѣговъ калмыковъ.

Славный подвигъ казаковъ при усмирениіи
Астраханскаго бунта. Въ іюль мѣсяцѣ 1705 г.
загорѣлся въ Астрахани страшный мятежъ. Царицынскій вое-
вода Афонасій Турчаниновъ, извѣщенный объ этомъ отъ кал-
мыцкаго Чеметѣ-мурзы, немедленно отправилъ гонцовъ къ вой-
ску Донскому съ увѣдомленіемъ, что буйные стрѣльцы, убивъ
астраханскаго воеводу Тимофея Ржевскаго и 300 человѣкъ
знатнѣйшихъ гражданъ, отправили 1,500 человѣкъ Волгою въ
Царицыну въ намѣреніи распространить пламя бунта на До-
ну, въ Азовѣ и Тамбовѣ, и потому просилъ войско Донское
прислать казаковъ для защиты Царицына и окрестныхъ
мѣстъ. Войсковой атаманъ Акимъ Филиповъ немедленно со-
бралъ кругъ и, въ присутствіи всѣхъ старшинъ и казаковъ,
объявилъ преступное дѣйствіе астраханскихъ стрѣльцовъ, по-
томъ увѣщавалъ товарищѣй своихъ не приставать бѣ астра-

(537) Грамота войску Донскому 1700 г. июля мѣсяца.

ханскимъ бунтовщикамъ и не внимать пагубному икъ сози-
тамъ; но по долгу вѣрноподданныхъ служить Государю, не ища-
я послѣдней капли крови и самой жизни, для блага и спо-
койствія отечества. За тѣмъ въ присутствіи всѣхъ цѣлослов
Крестъ и Евангеліе; этому примѣру послѣдовали старшини
и бывшіе въ собраніи казаки. Тогда же приговорено было
разослать во всѣ верховыя по Дону и другимъ рѣкамъ городки
и атаманамъ и казакамъ войсковыя грамоты съ увѣщаніемъ,
чтобы ни кто, подъ опасеніемъ смертной казни, ни отъ кого
возмутительныхъ писемъ не принималъ и никакихъ бунтов-
щиковъ не укрывалъ; но служилъ бы своему Государю и оте-
честву вѣрно и въ томъ бы вездѣ учинили присягу.

Потомъ приговорили послать изъ Черкаска тотчась подъ
Царицынъ 2,000 конныхъ казаковъ, подъ начальствомъ ата-
мана Максима Фролова и 2-хъ старшинъ: Василія Позднѣва
и Ефрема Петрова, предписавъ въ то же время во всѣ вер-
ховыя городки, чтобы отъ Черкасского до Панинскаго, вы-
слали казаковъ изъ десятка по два человѣка, выше же сего
лежащеіе городки по Дону и другимъ рѣкамъ по половинѣ,
давъ имъ въ начальники старшинъ: Федора Фролова, Семена
Терентьевы и Семена Васильева, коимъ также предписано бы-
ло, что если возмутители прошли Царицынъ вверхъ по Вол-
гѣ, то въ такомъ случаѣ немедленно, перетащивъ суда отъ
Дона къ Волгѣ, слѣдоватъ за ними этою рѣкою, въ против-
номъ же случаѣ оставаться при Царицынѣ и Панинскомъ
городкѣ (538).

(538) Распросныя рѣчи атамана Саввы Кочетова, прибывшаго въ Москву 1705 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

,И тѣ де юстраханскіе лазутчики 5 челов. и съ ними черноярцовъ 2 челов., а всего 7 челов. . . . прїѣхали въ Чёркаскъ прежде бывшему ихъ вой-
сковому атаману Якиму Филиппеву и онъ де войск. атаманъ того же числа
учинилъ кругъ, и въ томъ кругу при казакахъ собранныхъ, тѣхъ подъ силь-
щиковъ спрашивали съ какими они дѣлами присланы и тѣ де ихъ подсль-
щики объявили противъ того, какъ и въ войсковой отпискѣ написано, и кото-
рые съ ними присланы пріестные письма, и тѣ всѣ письма они подсль-
щики имъ атаману и казакамъ объявили и подали въ войсковой де атаманъ и

Междуд тѣмъ прибыли отъ астраханскихъ возмутителей въ Черкасъ, 25 августа, 7 человѣкъ стрѣльцовъ, Михайла Скорняковъ съ товарищами, и явились къ войсковому атаману Акиму Филиппьеву, который въ тотъ же день собралъ войсковой кругъ. Мятежники въ присутствіи всѣхъ старшинъ и казаковъ вручили войсковому атаману возмутительную отписку астраханскихъ бунтовщиковъ, которые жаловались на различ-

проче съ ними собранные всѣ казаки вѣли тѣ письма войсковому своему писарю прочесть въ слухъ, и какъ тѣ письма прочли, тогда они атаманъ и всѣ казаки единогласно закричали, что они никогда къ такому злому дѣлу не пристанутъ и приставать не будуть потому, что де они казаки ему, Великому Государю, служить всегда вѣрно и неизмѣнно, и заговоровъ и измѣнниковъ не стоять, и приговорили де они казаки тѣхъ посыльщиковъ и съ прелестными ихъ письмами отослать безъ мотчанія къ Москвѣ и о тѣхъ де подсыльщикахъ для вѣдома писали они въ Азовъ къ губернатору А до того де ихъ подсыльщиковъ въ Черкасское прїездѣ, по вѣдомостямъ съ Царицына о томъ ихъ астраханскихъ бунтовщиковъ злочитромъ вымысли, было у нихъ, казаковъ, въ Черкасскомъ крестное цѣлованіе, чтобы ни кто изъ нихъ казаковъ къ тому злому дѣлу не приставалъ, о чёмъ и во всѣ Донскіе и верхніе городки къ атаманамъ и казакамъ посланы съ нарочными посыльщиками войсковые ихъ письма съ жестокимъ смертнымъ страхомъ, дабы и съ тѣхъ верхніхъ казацкихъ городковъ къ тѣмъ астраханскимъ и къ инымъ ни къ какимъ ворамъ не приставали жъ.

„Да по тѣмъ же де Царицынскимъ вѣдомостямъ, служа имъ Великому Государю вѣрно, послали они казаки изъ Черкасского конныхъ казаковъ болѣе 2,000 человѣкъ съ атаманомъ съ Максимомъ Фроловымъ и съ полковниками съ Василіемъ большимъ Познѣевымъ и съ Ефремомъ Петровымъ съ товарищи, которыми приказано взять съ собою въ прибавку изъ верховыхъ городковъ, которые до Панишина, отъ 10 по 2 человѣка, а за Панишинымъ по Дону и по Хопру и по Медведицѣ вѣдѣно итти изъ всякаго городка по половицѣ, у которыхъ казаковъ есть добрые лошади и тѣѣ были въ коннице, а безконные шли бѣ судами, и для того де водянымъ путемъ казацкаго сбору, опричь Максима Фролова съ товарищи, послано изъ Черкаска и изъ старшинъ Федоръ Фроловъ, Семенъ Терентьевъ, Семенъ же Васильевъ съ товарищи, которыми какъ сухими, такъ и водяными путемъ приказано изъ войска итти къ Царицыну мимо Панишина и тотъ городокъ отъ приходу воровъ и бунтовщиковъ остерегать всякими мѣрами какъ возможно, и тѣмъ де Донскимъ казакамъ, которые будуть въ водяномъ пути, суды свои отъ Панишина до Царицына вѣдѣно вѣсти на подводахъ степью и тотъ де вышеписанной атаманъ Максимъ Фроловъ съ товарищи и съ конными казаками, въ тотъ путь изъ Черкасского поѣхали августа въ послѣднихъ числахъ воинскими собраніемъ и съ

ица притесненія, наносимыя имъ астраханскимъ воеводомъ и
другими начальниками; „насъ отлучаютъ отъ церкви, писали
они въ своемъ воззваніи, приказываютъ брить бороды, носить
немецкое платье и курить табакъ; обрезываютъ полы платы,
если кто изъ насъ или жена нашихъ пойдетъ въ церковь
въ старомъ платьѣ, наругаются надъ ними и дѣтьми нашихъ;
приказываютъ поклоняться кумирамъ, наложили на насъ тяж-
кия подати, берутъ банныхъ денегъ по рублю и по гривнѣ
за погреба отъ каждой сажени; воевода Тимофей Ржевскій,
безъ царскаго дозвolenія отобралъ у насъ всѣ ружья и хо-
тѣль всѣхъ насъ предать смерти; отняли у насъ хлѣбное жи-
лованье, употребляли насъ въ тяжкия работы и причиняли
различныя угнетенія. Сверхъ сего мы получили свѣдѣніе, что
въ Казани и по другимъ городамъ поставлены на кварти-
рахъ по два и по три человѣка нѣмцевъ, которые произво-
дятъ всякаго рода насилиства жителямъ тѣхъ городовъ и на-
ругаются надъ женами ихъ и дѣтьми. Бывъ обременены тако-
выми угнетеніями, и дабы не умереть въ смертномъ грѣхѣ
мы рѣшились сбросить съ себѣ тягостное для насъ иго, бо-
лѣе виновныхъ въ нашемъ злополучіи предали смерти, а дру-
гихъ содержимъ за карауломъ; въсе войско Донское про-
симъ стать вмѣсть съ нами за вѣру христіанскую и присягать
къ намъ на вспомощеніе казаковъ своихъ“ (539). Казаки вы-
слушавъ эту отписку, съ негодованіемъ отвергли ее и въ то же
время приговорили зашивать возмутителей въ желѣза и отпра-
вить съ ихъ возмутительную отпискою въ Москву, подъ охра-
неніемъ станичнаго атамана Саввы Кочетова и тогда же дали
знать объ этомъ происшествіи Азовскому коменданту, а въ
Воронежъ адмиралу Апраксину.

зобрии ружьемъ и отпустили ихъ въ тотъ походъ съ юлебными иѣніемъ, и
тѣхъ де вѣкъ казаковъ конною и водяною отправленіемъ въ томъ походѣ по
считѣ будетъ больше 10,000 человѣкъ.“

(539) Дѣла Донскія, отписка войска Донского въ Посольский приказъ 1705
г. въ сентябрѣ иѣніи и списокъ съ письма астраханскихъ бунтовщиковъ
1705 г. июля 31 днъ къ войсковому атаману Акиму Фидильеву и всему войску
Донскому.

Въ Москвѣ этотъ атаманъ и казаки были приняты съ честю; для содержанія ихъ было выдаваемо во все время пребыванія ихъ тамъ противу обыкновенныхъ дачь въ двое; на отпускъ же одарены разными вещами. Атаману Ко-четову поручено было именемъ войска Донскаго принести благодареніе Государю за ненарушеніе ихъ прежнихъ обычаевъ: „мы взысканы, говорилъ онъ боярамъ, паче всѣхъ подданныхъ, до насть не коснулся государевъ указъ о платѣ и о бородахъ; мы живемъ по древнему обычаю, всякий одѣвается какъ ему угодно: одинъ черкесомъ, другой по калмыцки, иной въ русское платѣ старого покроя, и мы не насмѣхаемся другъ надъ другомъ. Нѣмецкаго же платы никто у насть не носить и охоты къ нему вовсе не имѣть; если же угодно будетъ Государю заставить насть носить нѣмецкое платье, то мы противиться тому не будемъ“ (540).

Между тѣмъ походный атаманъ Максимъ Фроловъ съ войскомъ пришелъ къ Царыцыну въ сентябрь мѣсяцѣ, и тогда же отправилъ 300 человѣкъ казаковъ съ старшиною Василиемъ Паздѣевымъ въ Черному Яру для развѣдыванія о движениіи астраханскихъ возмутителей и для взятія языковъ; съ этимъ же намѣреніемъ отправлены были два казака къ Аюбѣ-тайпѣ, который въ то время кочевалъ съ своими улусами по лѣвой

(540) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичного атамана Савви Кочетова, бывшаго въ Москвѣ 1705 г. въ сентябрь мѣсяцѣ.

„И тѣмъ де они Донскіе казаки предъ иными народами отъ него, Великаго Государя, пожалованы и взысканы, что къ нимъ и по се число о бородахъ и о платѣ Его, Великаго Государя, указу не прислано, и платѣ де они иныхъ носить по древнему своему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое понравится, иные де любять носить платье и обувь по черкески и по калмыцки, а иные обыкли ходить въ русскихъ стародревняго обычая въ платѣ и что де кому лучше походитца, тотъ тако и творить, и въ томъ же между иими казаками распри и никакого посмѣханія другъ надъ другомъ нѣть; а нѣмецкаго де платы ни кто изъ иныхъ казаковъ у нихъ на Дону не носить и мастеровъ, то есть портныхъ, которые бѣ немѣцкое платье могли дѣлать, въ городкахъ ихъ казацкихъ не живуть, и охоты де у нихъ казаковъ, кроме изволѣнія государскаго, къ тому нѣмецкому платью нѣть; а когда къ тому будеть изволѣніе на нихъ его государское, и они де воли его государской противны не будуть.“

сторонѣ Волги. Астраханцы узнавъ, что казаки находятся въ валмыцкихъ улусахъ, послали сказать имъ, что они имѣють намѣреніе вступить съ ними въ переговоры ниже Чернаго Яру. Казаки не замедлили явиться на назначенное мѣсто, и астраханцы, не вступая съ ними ни въ какія сношенія, проѣзжали Волгою въ лодкахъ къ Черному Яру; отсюда направили они путь свой къ Царицыну и остановились близъ онаго на Сарпинскомъ острову. Здѣсь удалось имъ схватить нѣсколько человѣкъ царицынскихъ жителей, которыхъ принудили они провести безопасными мѣстами на казачью заставу, поставленную въ дальнемъ разстояніи отъ города. Пользуясь темнотою ночи, астраханцы 24 октября напали на казаковъ и взяли весь отрядъ, состоящій изъ 70 человѣкъ съ войсковымъ бунчугомъ. На другой день возмутители приблизились къ Царицыну; комендантъ города со всѣми войсками, находившимися въ то время при немъ, а походный атаманъ Фроловъ съ казаками вступили въ сраженіе; астраханцы долго сопротивлялись, но принуждены были съ большимъ урономъ отступить въниз по рѣкѣ Волгѣ. Послѣ этого сраженія возмутители прислали къ Донскимъ казакамъ двухъ человѣкъ съ предложеніемъ о вступленіи съ ними въ переговоры; походный атаманъ, оставилъ ихъ у себя въ аманатахъ, послалъ къ нимъ есаула Ермоля Михайлова съ нѣсколькими казаками; намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы уговорить бунтовщиковъ въ возвращенію взятыхъ ими въ плѣнъ казаковъ и войскового бунчуга (541). Но бунтовщики сихъ посланныхъ удержали у себя, а сами отправились рѣкою Волгою въ Астрахань; къ походному Донскому войску между прочимъ отписали: „что они взятыхъ ими въ плѣнъ казаковъ не отдадутъ, потому что астраханскій воевода не пропущаетъ въ Астрахань купеческихъ судовъ съ провиантомъ и товарами, что этотъ воевода болѣе уважаетъ

(541) Тѣль же дѣль. Дѣль отписки войска Донского, доставленныхъ изъ Посольской приказъ 1705 года въ декабрѣ мѣсяца съ станичнымъ атаманомъ Ефремомъ Петровымъ.

калмыковъ, нежели ихъ; если же вы уговорите воеводу пропускать въ намъ суда съ хлѣбомъ и другими товарами, то мы отдадимъ вамъ всѣхъ взятыхъ нами въ пленъ казаковъ и бунчугъ.“ Далѣе, какъ бы желая старшину Савельева привести у казаковъ въ сомнѣніе, присовокупили: „что старшина вашъ Степанъ Савельевъ съ царицынскимъ воеводою думаетъ за одно, и что стрѣльца нашего, находившагося у васъ, звали они въ ночное время къ себѣ для распросовъ безъ вашего походного войска вѣдома“ (542).

Коль скоро городъ Царицынъ былъ освобожденъ отъ астраханскихъ бунтовщиковъ, какъ въ тоже время возникло возмущеніе въ Царицынѣ отъ солдатъ Петровскаго полка въ пользу астраханскихъ стрѣльцовъ.—Казаки схватили изъ нихъ 100 человѣкъ, которые съ пыткой сознались, что въ заговорѣ было ихъ до 200 человѣкъ. Войско Донское, извѣстясь обѣ этомъ происшествіи предписало походнымъ атаманамъ, что если откроется кто въ этомъ заговорѣ изъ Донскихъ казаковъ, таковыхъ, по существующему обычаю, вѣшать, не спрашивая на то войскового разрѣшенія (543).

Такимъ образомъ Донские казаки освободивъ Царицынъ отъ угрожавшей опасности, возвратились на Донъ по недостатку сѣбѣстныхъ припасовъ, оставивъ въ Царицынѣ 900 человѣкъ своихъ собратовъ подъ начальствомъ храбрахъ старшинъ Тимоѳѣя Пирожникова и Леонтия Поздѣева. Между тѣмъ Рос-

(542) Тѣхъ же дѣлъ. Письмо астраханскихъ бунтовщиковъ походному Донскому войску, находящемуся въ Царицынѣ, 1705 г., привезенное въ Москву назначенными станичными атаманами Ефремомъ Петровымъ.

(543) Тѣхъ же дѣлъ. Отписка войска Донского въ Посольской приказѣ 1706 г. въ генварѣ мѣсяцѣ.

„Служа тебѣ, В. Государь, и рабѣ, писали на Царицынѣ къ походному войску, буде приличатся къ тѣмъ Петровскимъ бунтовщикамъ изъ нашихъ холопей твоихъ казаковъ, чтобы они Тимоѳѣй Федоровъ и Леонтий Поздѣевъ и все наше холопей твоихъ походное войско, не обсыпалася бѣкъ намъ холопемъ твоимъ въ Черкаской, чинили бѣ ворамъ и бунтовщикамъ на Царицынѣ смертную казнь, по нашей холопей своихъ обыкновости, вѣшали бѣ за ноги, чтобы смотря на тѣхъ воровъ впередъ такихъ бунтовщиковъ не было.“

сійскій дворъ предпринялъ намѣреніе склонить возмутителей къ покорности всепрощеніемъ, послали въ Астрахань съ царицынскими стрѣльцами, чрезъ улусы Аюки-тайши, милостивую грамоту; но возмутители принялъ онку, сочли ее подложною, потому болѣе, что грамота эта прислана изъ Царицына чрезъ калмыцкихъ владѣльцевъ: „если бы милостивая Царская грамота, говорили возмутители, была прислана изъ Москвы съ знатными людьми, или съ старшиною войска Донскаго, въ такомъ случаѣ они не имѣли бы подозрѣнія и Государю покорились“ (544).

Черноярскіе стрѣльцы оказали менѣшее сопротивленіе; для увѣщанія ихъ посланы были изъ походнаго войска старшины: Тимофѣй Пирожниковъ и Леонтій Поздѣевъ, которые убѣдили ихъ безусловно покориться воли государевой, обѣщаю имъ именемъ его прощеніе. Стрѣльцы убѣжденные представленіями старшинъ, въ знакъ своей покорности, собрались въ церкви и въ присутствіи ихъ молебствовали о здравіи государя (545). А когда фельдмаршалъ Шереметевъ приблизился къ этому городу съ войсками, то возмутители вышли изъ города на встрѣчу.

(544) Тѣхъ же дѣлъ, отписка въ Посольской привказѣ старшинъ Тимофѣя Пирожникова и Леонтия Поздѣева 1706 г. января 5 дня.

„Да оны же де (казакъ Аянкей Сысоевъ, съ товарищи, находившися въ Астрахани въ пѣну), слышали отъ астраханцевъ, какъ пріѣхали въ Астрахань съ грамотами В. Государя Царицынскіе стрѣльцы, и они же ихъ посадили за караулъ и говорять, что тѣ грамоты не подлинные и присылаются съ Царицына чрезъ калмыцкихъ владѣльцевъ, и у нихъ же въ Астрахани ящиковъ много, есть же где имъ лежать, а есть ли же пришасть съ твоими В. Государя указы съ Москвы знатныхъ людей или изъ нихъ Донскихъ войсковыхъ казаковъ старшинъ и они же де съ повинною своею тебѣ В. Государю итти ради.“

(545) Грамота фельдмаршалу Шереметеву 1706 г. января 26 дня.

„Въ нынѣшнемъ 1706 г. января въ 21 день, писали къ намъ великому Государю съ Царицына, изъ Донского походнаго войска, Донскіе казаки старшина Тимофѣй Федоровъ и Леонтій Поздѣевъ, что они подъ Черный Яръ ради переговорки съ тамошними бунтовщикамиѣздили, и съ ними пріѣхали къ надолобамъ переговаривали, и переговоры на другой день были у нихъ въ городѣ и въ церкви за нашего в. государя многогодѣнное здравіе молебствовали, къ намъ в. государь они черноярцы въ грубости своей вину свои приносатъ.“

чу съ женами и дѣтьми, неся предъ собою въ знакъ покорности топоръ и плаху.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1706 г. астраханскій мятеежъ прекращенъ былъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ. Признательный Государь возвелъ его въ графское достоинство, а Донскимъ казакамъ за усердную и вѣрную ихъ службу, сверхъ обыкновенного годового жалованья, повелѣлъ выдать едиовременно 2/т. руб., оставшимся же въ Царицынѣ старшинамъ и казакамъ деньгами и соболями на 1865 руб.; но въ незабвенную память позднейшаго потомства войска Донского Монархъ пожаловалъ оному войсковымъ клейноды, какъ то: войсковымъ атаманамъ, въ знакъ начальствования ихъ и управления войскомъ, серебряный перначъ, вызолоченный и украшенный дорогими камнями, бунчугъ съ яблокомъ, доскою и съ трубкою вызолоченою и большое войсковое знамя, писанное на камѣ золотомъ; сверхъ сего шесть станичныхъ знаменъ, писанныхъ золотомъ и серебромъ; изображенная на сихъ Всемилостивѣйше дарованныхъ клейнодахъ надпись свидѣтельствуетъ, что Великій Государь жалуетъ храбрею войско Донское за его отличную и усердную службу въ вѣчную несмертельную память потомкамъ ихъ.

Въ данной по этому случаю Государемъ Петромъ I-мъ 1706 г. февраля 21 дня войску Донскому милостивой грамотѣ, Государь свидѣтельствуетъ свое благоволеніе слѣдующими словами: „и того ради Мы, Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и проч. Наше Царское Величество, сю нашу Великаго Гусудара милостивую жалованную грамоту имъ Донскимъ атаманамъ и казакамъ и всему войску Донскому дать повелѣли, усмотря тѣ ихъ вышеписанныя многія вѣрныя и усердно-радѣтельныя службы, въ неугасаемую ихъ славу и дѣтамъ и сродникамъ и потомкамъ ихъ. Видя такую неизрѣченную къ себѣ нашего Царскаго Величества милость и жалованье, намъ Великому Государю, нашему Царскому Величеству, и сыну на-

шему, Царскаго Величества, Благовѣрному Государю Царевичу и Великому Князю Алексѣю Петровичу всея Великии и Малыи и Бѣлыи Россіи и наслѣдникамъ нашимъ, служить та-
ко же, всегда вѣрно и радѣтельно, за что къ нимъ атаманамъ и казакамъ, и къ дѣтямъ, и къ сродникамъ, и къ потомкамъ ихъ за вѣрныя ихъ предъ будущія службы, наша Царскаго Величества милость будеть всегда съ приращенiemъ” (546).

(546) Грамота Донскому войску, 21 февраля 1706 г.

„Пожаловали Донскихъ атамановъ и казаковъ, войскового атамана Лукьянна Максимова и все войско Донское, вѣты за многіе ихъ и вѣрныя службы, а особенно которую учинили въ прошломъ 1705 г. въ возмущеніе Астраханское, на вѣчную имъ и дѣтямъ ихъ и сродникамъ ихъ славу, дать сю намъ великаго государя нашего царскаго величества милостивую жалованную грамоту за на-
шмо царскаго величества собственою рукою и за государственную намъ царскаго величества печатью, для того, въ прошыхъ годѣхъ служили они отцу нашему великому государю блаъженному и вѣчно достойнаго памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всемъ великии и малыи и бѣлыи Россіи самодержцу и братиимъ нашимъ великаго государя блаъженнаго и вѣчно достойнаго памяти, великиимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Федору Алексѣевичу и Иоанну Алексѣевичу всея Великии и Малыи и Бѣлыи Россіи самодержцамъ, намъ великому государю нашему царскому величеству во всѣхъ крымскихъ и азовскихъ и иныхъ многихъ воинскихъ походѣхъ были до отпуска; и будучи въ тѣхъ походѣхъ,чинили многіе надъ непріятелемъ поиски, а которые изъ Донскихъ и иныхъ запольныхъ рѣкъ казаки, забывъ страхъ Божій и къ намъ великому государю свое обѣщаніе, и заповѣди святаго Апостольскаго соборнаго церкви, и явились въ расколѣ и въ иныхъ противностяхъ, и тѣхъ они по вѣрной своей къ намъ великому государю, къ нашему царскому вели-
честву, службѣ казнили смертью и ни до какова злова намѣренія тѣхъ возму-
телей не допустили, а иныхъ, ради подлиннаго розыска, пересловья, присыпали къ
намъ велик. государю къ Москвѣ.—А прошедшаго лѣта Господня 1705 г. аст-
раханскіе служилые и иныхъ чиновъ жилецкіе люди, забывъ страхъ Божій и
должность свою и крестное цѣлованіе, учинили въ Астрахани бунтъ, и тено
будущаго воеводу стольника нашего Тимофея Ржевскаго, и полковниковъ и
иныхъ начальнѣхъ людей до смерти побили, и для равнаго съ собою возму-
щени, желая присовокупить къ тому своему воровству и ихъ Донскихъ атама-
новъ и казаковъ и все войско Донское, присыпали они астраханцы къ имъ,
атаманомъ и казакомъ и ко всему войску, въ Черкасское съ прелесными воровски-
ми ложными письмами, астраханцоъ московскихъ бывшихъ стрѣльцовъ Гришка
Артемьеву съ товарищи семь человѣкъ, у которыхъ они войсковой атаманъ
Лукьянъ Максимовъ съ знатною и съ разумною старшиною и съ прочими доб-
рыхъ сердецъ казаками, принявъ тѣ прелесные письма, тѣхъ подсыпывщикоъ и
съ прелестными письмами присыпали, оковавъ, къ намъ великому государю, и

ГЛАВА XVII.

Происшествія споспѣшствовавшия Булавинскому возмущенію.—Убієніе князя Долгорукова.—Воззваніе Булавина къ казакамъ.—Слѣдствіе онаго.—Войсковой атаманъ Максимъ Лукьянновъ разбиваетъ Булавина.—Удаленіе Булавина въ Запороги и помощь оттуда.—Разбитіе войскового атамана Максимова.—Овладѣніе Черкасскомъ.—Булавинъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ.—Государь посылаетъ до 20 т. войска для усмиренія бунта сего, подъ предводительствомъ князя Долгорукова.—Наказъ данный князю Долгорукову.—Сраженіе войскъ Булавина съ русскими.—Убієніе Булавина.—Истребленіе сообщниковъ Булавина.—Побѣгъ Некрасова съ казаками на Кубань.—Государь прощаетъ вины казаковъ.—Слѣдствія сего возмущенія.

Происшествія споспѣшствовавшия Булавинскому возмущенію. Приступая къ описанію возмущенія Булавина и вникая въ сокровенные причины онаго, нельзя не видѣть, что оно было только послѣдствіемъ многихъ событій, въ войска Донского совершившихся; но прежде нежели будетъ подробно изложено это происшествіе, необходимо нужно изъяснить здѣсь некоторые причины, которыхъ споспѣшствовали оному.

нашему царскому величеству къ Москвѣ, съ станичными атаманомъ Саввой Кочетомъ съ товарищи; и писали они войсковой атаманъ и все войско Донское къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, объявляя и утверждая службы свои паче прежниго: что они того ихъ астраханского злого совету не прияли, и ни кому изъ Донскихъ казаковъ къ тому непристойному и злому дѣлу приставать отнюдь невѣльи, и заказъ отомъ учинили крѣпкой подъ смертными страхомъ; и сами они войсковой атаманъ, и старшина, и прочие всѣ Донские казаки служить обещаются и впредь вѣрно. И того же дня, какъ оные бунтовщики изъ Астрахани къ нимъ присланы, собрався во кругъ ради лучшаго о службѣ своей къ намъ великому государю утверждения цѣловали святое Евангеліе и Крестъ, что имъ никому изъ нихъ къ тѣмъ астраханскимъ бунтовщикамъ не приставать, и злого ихъ совету не принимать и намъ великому государю, нашему царскому величеству, служить вѣрно, безо всякой измѣны, о чёмъ они войсковой атаманъ и знатная старшина сть добраго и усердно радѣтельного своего совѣту, во всѣ Донскіе верховые городки свои послали того же времени къ станичнымъ атаманамъ и казакамъ крѣпкіе войсковые указы съ нарочными посыльщиками, чтобы въ тѣхъ Донскихъ городкахъ отнюдь никто изъ нихъ станичныхъ атамановъ и изъ казаковъ къ тому злому дѣлу не приставали, и ни какихъ воровскихъ прелестныхъ писемъ, ежели отъ нихъ

Извѣстно, что войско Донское существование свое поддерживало безпрерывнымъ приходомъ свободныхъ и помѣщичьихъ людей изъ разныхъ Российскихъ городовъ; здѣсь бѣглецы сіи находили надежное убѣжище и покровительство. Но когда общество казаковъ увеличилось до значительного числа, тогда верховное правительство начало полагать къ побѣгу на Донъ нѣкоторыя преграды; въ 1675 г., на требованіе въ Москву нѣкоторыхъ казаковъ, изобличенныхъ въ разбояхъ и грабежахъ, войско Донское отвѣтствовало: „напередъ сего мы никогда не выдѣвали людей съ Дону; мы поддерживаемъ свое существование приходящими къ намъ людьми, и если ты, Государь, велишь ихъ отбирать у насъ, то и остальная разбрѣдется врознь.“—1682 г. въ первый разъ послѣдовало запрещеніе о неприниманіи казаками верховыхъ городковъ свободныхъ и

астраханцевъ съ кѣмъ тайно и явно въ присылкѣ впредъ будуть къ намъ, не слушали, и въ томъ бы во всемъ такожде они Донскихъ верховыхъ городковъ казаки крестъ цѣловали жъ; а кто къ крестному цѣлованію на правѣ приходить не будетъ, и тѣхъ же имъ они войсковой атаманъ и все войско Донское по обыкновенію войскому сажать въ воду; и ради обереженія города Царицына и иныхъ мѣсть отъ тѣхъ же астраханскихъ бунтовщиковъ они же войсковой атаманъ и вся старшина отобрали вѣсколько тысячъ доброго воинства со всѣми воинскими оружіемъ и съ знатною и доброю и вѣрною старшиной съ Максимомъ Фроловымъ да съ Васильемъ Поздѣевымъ съ товарищи къ Царицыну послали безъ мотчанія, которые бывъ тамо астраханскихъ бунтовщикъ, которые шли въ верховые города для возмущенія, не пропустили, и съ царющицкими служилыми людьми многіе воинскіе промыслы имѣли; по чѣмъ видѣ тѣ бунтовщики астраханцы и московские стрѣльцы, что они Донскіе атаманы и казаки къ намъ не пристали и служить намъ великому государю вѣрно, въ томъ своемъ зломъ намѣреніи устрашася побѣжалъ въ Астрахань, и они Донскіе атаманы и казаки къ намъ не пристали и служить намъ великому государю вѣрно, въ томъ своемъ зломъ намѣреніи устрашася побѣжалъ въ Астрахань, и они Донскіе атаманы и казаки походное войско знатная помпната старшина Максимъ Фроловъ и Расаій Поздѣевъ и всѣми войсками оставили на Царицынѣ впредъ для остерегательства отъ нихъ бунтовщиковъ войска тысячу человѣкъ съ доброю жъ старшиной Тимофѣемъ Пирожниковымъ да съ Леонтьемъ Поздѣевымъ, а сами для нужды хлѣбныхъ запасовъ отступили на Донъ и были всегда противъ такихъ воровъ и бунтовщиковъ во всякой готовности, и о токъ къ намъ великому государю къ нашему царскому величеству искали по часту, за которую ихъ войсковую вѣрную службу того язъ прошедшаго году во имен-

помѣщичьихъ людей.—Въ слѣдующемъ 1683 г. начали имѣть наблюденіе за зимовыми станицами, возвращавшимися изъ Москвы чрезъ Воронежъ на Донъ, дабы они не вывозили съ собою бѣглыхъ людей; на пограничной же съ войсковою землею заставы, учрежденной въ Коротоякѣ, велѣно дѣлать обыскъ онымъ. Около 1685 г. послѣдовало большое приращеніе въ людяхъ въ городкахъ, поселенныхъ по рѣкамъ: Хопру и Медвѣдицѣ, отъ бѣжавшихъ туда изъ Тамбовского уѣзда разнаго званія людей. Побѣги эти были столь чувствительны для того края, что Государь, по жалобѣ помѣщиковъ, велѣлъ учредить заставы для удержанія людей отъ побѣговъ, запретивъ въ тоже время и войску Донскому принимать бѣглецовъ; но средства эти не были столь рѣшительны, чтобы могли удержать отъ того казаковъ; ибо въ 1690 г. видимъ мы, что побѣги на

наму нашему великаго государя, нашего царскаго величества, указу сверхъ обыкновеннаго годового денежнаго и хлѣбнаго жалованья, что къ нимъ по вся годы наша великаго государя милость посыпается, послано къ нимъ атаманамъ и казакамъ и ко всему войску Донскому нашего царскаго величества жалованья денегъ двадцать тысячъ руб. Да въ нынѣшнемъ въ 1706 г. къ нимъ же атаманомъ и казакомъ, которые нынѣ на Царицынѣ, къ вышеписаннымъ старшинамъ и къ рядовымъ казакамъ, съ присланными отъ нихъ съ Царицына казаками, съ станичными атаманомъ Антономъ Ильинцемъ съ товарищи, послано деньгами и собольми тысячами восемьсотъ шестьдесятъ пять рублей, а настоящее наше великаго государя нашего царскаго величества годовое денежнное и хлѣбное жалование, и порохъ и свинецъ и желѣзо и вино, на нынѣшний 1706 годъ къ нимъ атаманомъ и казакомъ и ко всему войску Донскому противъ прошлыхъ лѣтъ послано сполна жъ. Да для предбудущихъ лѣтъ на память той ихъ Донскихъ атамановъ и казаковъ и всего войска Донскаго вышеписанной къ намъ Великому государю, къ нашему царскому величеству, вѣрные службы, пожалованы мы, великий государь, наше царское величество, ихъ же Донскихъ атамановъ и казаковъ и все войско Донское честными и знательными войсковыми клейноты: войсковыми атаманомъ въ знакъ ихъ управления перначи серебряной съ каменемъ золочены, бунчуки съ яблокомъ и доскою и съ трубкою серебряною золоченою, знамя большое писанное на камѣ золотомъ, и на тѣхъ воинскихъ клейнотахъ подписано имиенно, что пожалованы они, Донскіе атаманы и казаки, симъ нашимъ великаго государя жалованьемъ за вышеписанные ихъ службы въ вѣчную не смертельную память потомкамъ ихъ да къ вышеписаннымъ же воинскимъ клейнотамъ указали мы, великий государь, послать въ прибавку къ нимъ же атаманомъ и казакомъ шесть знаменъ камчатныхъ писанныхъ золотомъ и

Донъ всякаго званія людей не только не прекратились, но даже увеличились и притомъ до такой степени, что многіе изъ пограничныхъ уѣздовъ къ землѣ войска Донскаго совершенно запустѣли. Казаки таковыи сильнымъ приходомъ людей сами не были довольны: это видно изъ того, что они воспретили переселенцамъ упражняться въ хлѣбопашествѣ, „а если кто, какъ сказано въ войсковомъ опредѣленіи, станетъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, и того бить до смерти; отъ чего многіе изъ бѣглецовъ возвращались въ свои мѣста“. Съ этого времени хотя хлѣбопашцы и воздержались переходить на войсковыи земли, но пріемъ другаго званія людей продолжался безпрепятственно. Съ постепеннымъ умноженіемъ разнаго званія людей на Дону, казаки безпрепятственно занимали вѣху лежащія мѣста, по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу и по впадающимъ въ эту послѣднюю рѣкамъ: Бахмуту, Деркулу, Бугучару и обѣимъ Калитвамъ.

Въ 1700 г/ по царскому повелѣнію вѣтвно было всѣхъ людей, зашедшихъ послѣ 1695 г. на Хоперъ, Медвѣдицу и другія

серебромъ станичныхъ, и того ради мы, всепресвѣтѣйшій державнѣйшій великий государь царь и великий князь Петъръ Алексѣевичъ всѧ Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчизнѣ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь и обладатель, наше царское величество, сію нашу великаго государя милостию жалованную грамоту имъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, и всему войску Донскому, дать повелѣли, усмотри тѣхъ пхъ вышеписанныхъ многіе вѣрные и усердно радѣтельные службы, въ неугаси мую ихъ славу, и дабы имъ и дѣдамъ и сродникамъ и потомкамъ ихъ, видя такую неизрѣченную къ себѣ наму царского величества милость и жалованье, намъ великому государю, нашему царскому величеству, и сыну нашему царского величества благовѣрному государю царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу всѧ Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и наслѣдникомъ нашимъ служить такожде всегда вѣрно и радѣтельне; за что къ нимъ атаманомъ и казакомъ, и къ дѣдамъ, и къ сродникамъ и къ потомкамъ ихъ, за вѣрные ихъ предбудущие службы, наша царского величества милость будетъ всегда съ праѣщеніемъ. Дано сія наша царского величества милостию жалованная грамота за наше царского величества государственную печатью въ царствующемъ нашеимъ величествомъ градѣ Москвѣ хѣта отъ созданія міра 7214, а отъ Рождества избавителя нашего Іисуса Христа 1706 ^{года} ~~января~~ ^{февраля} 21 дн., государствованія нашего 24 году.“

запольныя рѣчки поселить по дорогамъ, идущимъ отъ Волуйки и Рыбнаго къ Азову, на рѣчкахъ: Кундрючьи, Лихой, Донцу, Каменки, Бѣлой и Черной Калитвамъ, Березовой, Тихой и Грязной, коихъ и было поселено на означенныхъ мѣстахъ до 1,000 семействъ.

Наконецъ въ 1703 г., посланы были на Донъ стольники Коломогрировъ и Пушкинъ, для приведенія въ гласность казачьихъ городковъ, поселенныхъ по рѣкамъ: Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу и Дону до Паншинской станицы и для высылки изъ оныхъ на прежняя мѣста всѣхъ тѣхъ людей, кои запшли туда послѣ 1695 г., съ наказаніемъ каждого изъ нихъ и отосланіемъ десятаго человѣка въ Азовъ на работы, включая сюда и тѣхъ, кои хотя запшли на Донъ и до сего года, но не участвовали въ походахъ подъ Азовомъ; тѣ же городки, кои населены 1701 г. по дорогамъ отъ Рыбнаго и Волуйки до Азова, оставить на прежнемъ мѣстѣ, выславъ только изъ оныхъ людей, запшедшихъ туда послѣ того 1701 г.—Этимъ же чиновникамъ велѣно было обвязать подписками атамановъ и казаковъ означенныхъ городковъ, дабы они не принимали впредь бѣглыхъ людей подъ смертною казнью (547).

Такое царское повелѣніе привело казаковъ въ недоумѣніе; но непрекословя его священной волѣ, они просили Царя, чрезъ посланную станицу, оставить на Дону по крайней мѣрѣ тѣхъ людей, кои запшли на Донъ до 1695 года, но не участвовали въ азовскихъ походахъ, по слухамъ тому, что они, по распоряженію войска Донскаго, во время этихъ походовъ оставались въ городкахъ для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ, и что много изъ нихъ есть и такихъ, кои родились въ тѣхъ городкахъ; словесно же приказали атаману той станицы объявить боярамъ, что атаманы и казаки тѣхъ городковъ, коимъ велѣно произвести перепись и выслать изъ оныхъ въ Россію людей, находятся въ сомнѣніи, что Государь имѣетъ на нихъ гневъ, потому, что вышеозначенное изслѣдова-

Гипиц II.
Бланк:
Г. № 140
с. 213

(547) Грамота на Донъ 1703 г. июля 11 дни.

ніе велѣно произвести только по Панинскѣй городокѣ, а не по всему Дону.

Государь склонился на прошеніе казаковъ, обнадежилъ ихъ своею въ нихъ милостію, увѣрилъ ихъ при томъ, что верховыѣ городки останутся на прежнихъ мѣстахъ и что перепись людей и городковъ велѣно произвести для свѣдѣнія сколько находится ихъ по Дону, давно ли они тамъ поселены, и нѣть ли въ тѣхъ городкахъ вновь пришедшихъ людей для того, что бѣглецы эти, обобравъ своихъ помѣщиковъ, скрываются съ покраденными вещами не наказаны (548).

Не бывъ совершенно довольны запрещеніемъ принимать бѣглыхъ людей въ свои городки и высыпкою онъихъ на прежнія мѣста, казаки еще болѣе огорчились, какъ изъясняютъ они въ отпискѣ, насильственными поступками чиновниковъ, присланныхъ изъ Адмиралтейскаго Приказа на Донъ, почти въ тоже время, для описи корабельнаго лѣса, которые самоизвольно высыпали казаковъ изъ городковъ въ Россію безъ всяаго различія, причиняя имъ обиды; не менѣе того огор-

(548) Грамота на Донъ 1704 г. марта 15 днія.

А что они же Донскіе казаки чрезъ помянутыхъ своихъ присыльщиковъ ему великому государю доносили о томъ, что ниже Панина въ нихъ же казацкихъ городкахъ ни кого тѣ посланные изъ разраду стольника не переписываютъ и не разбираютъ, отъ чего де верховыѣ казацкихъ городковъ казаки въ великомъ сумнѣніи пребываютъ, чая на себя его государственного гнѣва, и великій государь его царское величество указалъ въ томъ ихъ казаковъ обнадежить, воине же его государскаго гнѣва на тѣхъ верховыѣхъ городковъ казаковъ нѣть и имѣть ихъ всегда въ своей государской милости, какъ и прочихъ нижнихъ городковъ казаковъ, и въ томъ разборѣ и въ перепискѣ они казаки ни како сумнѣнія не имѣли, для того, что все то учинено, по его государскому изволѣнію, не ради иного чего, токмо ко увѣдомленію и къ лучшѣй лѣственной скѣтѣ сколько по Дону тѣхъ верховыѣхъ казацкихъ городковъ старыхъ и новоостроенныхъ числомъ и какъ какому городку имъ или званіе и что въ нихъ людей, и нѣть ли откуду какихъ бѣглецовъ и пришлихъ людей, о чёмъ ему великому государю многое есть человѣть разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ что люди ихъ и крестьяне, бѣгая со многими ихъ краденими пожитками, ухораниваются въ тѣхъ верховыѣхъ городкахъ; однакожъ великий государь вѣти по Дону стоящимъ городкамъ указалъ по той перепискѣ быть въ прежнемъ состояніи, гдѣ которой городъ стоять, не перенося тѣхъ городковъ на иные мѣста.

чителенъ бытъ для войска Донскаго поступокъ маюра Шанкевича, присланнаго изъ означенаго приказа на рѣчку Бугучаръ, для розысканія и высылки людей подвѣдомственныхъ Адмиралтейскому приказу, который не уведомивъ войско Донское, приступилъ къ уничтоженію Бугучарскаго казачьяго городка и къ высылкѣ всѣхъ жителей онаго въ Россію.

По приведеніи такимъ образомъ въ гласность казачьихъ городковъ и по высылкѣ изъ оныхъ разнаго званія западшихъ туда изъ Россіи людей, Государь приступилъ къ ограниченію свободы казаковъ самопроизвольно занимать земли по рѣкѣ Донцу и по впадающимъ въ оный съ правой стороны рѣкамъ, и вслѣдствіе того 1705 г. въ маѣ мѣсяцѣ повелѣлъ уничтожить всѣ тѣ городки, которые поселены не по указу и послѣ 1695 г., жителей перевестъ для поселенія на лѣвую сторону Донца, находившихся же въ оныхъ бѣглыхъ людей высылать въ Россію и впредь безъ указу не занимать подъ поселенія мѣста. Казаки медлили выполненіемъ этого предписанія, просили Государя о оставленіи по крайней мѣрѣ поселенныхъ по рѣкѣ Айдару городковъ: Нового Айдара, Беленскаго, Закотнаго и Кубаньего, но въ просьбѣ казаковъ было отказано; для понужденія же ихъ къ скорѣйшему выполненію царской воли, былъ отправленъ на Донъ въ іюль мѣсяцѣ 1706 г. стольникъ Леонтий Шеншинъ, которому, между прочимъ, въ данномъ ему по сему предмету наказъ повелѣнно было обходиться съ войсковымъ атаманомъ, старшинами и казаками вежливо, не вымогать отъ нихъ взятокъ и не требовать излишняго корму и подводъ (549).

(549) Грамота на Донъ Іюля 7 дня (1706 г.)

„Какъ къ вамъ ся наша В. Государя грамота придется, и выбѣ атаманы и казаки и все войско Донское тѣ помянутые городки, которые поселены не по указу и на шлахахъ, а имено: Новой—Айдаръ Шульгинъ, Осиновой, Ревенекъ на Красной Кабинѣ и которые построены, кроме старого Айдара, по инымъ заноными рѣкамъ, послѣ Азовской службы, вѣдѣи сѣсть и старожитныхъ казаковъ, которые въ тѣхъ городкахъ живутъ, перевестъ за Сѣверской Донецъ, а новопришлихъ, которые пришли изъ нашихъ В. Государя украинскихъ горо-

Около сего времени возникли ссоры у Донскихъ казаковъ, поселенныхъ по Донцу, съ казаками Изюмскаго полка за границы, главнѣйшею причиною сихъ ссоръ, которая имѣла немалое вліяніе на возмущеніе казаковъ, было присвоеніе полковникою Изюмскаго полка Шидловскимъ соляныхъ источниковъ, находившихся во владѣніи Донскихъ казаковъ, куда торские и другихъ окрестныхъ мѣстъ жителей, побуждаемые прибыточнымъ добываніемъ соли, начали переселяться (около 1701 года) безъ вѣдома верховнаго правительства и заняли подъ солеварни многія мѣста принадлежащія къ юрту Бахмутскаго казачаго городка. Полковникою Изюмскаго полка, подкѣпленными новыхъ переселенцевъ слободскими казаками, тѣснилъ бахмутскихъ жителей, причиняя имъ побои и разоряль жилища ихъ, основанныя на рѣчикахъ: Бахмутѣ, Красной, и Жеребцѣ; въ 1703 г. по его же приказанию разоренъ одинъ казачій городокъ, построенный близъ границы Изюмскаго полка, истреблены всѣ соляные варницы; разломана часовня и забрана вся церковная утварь и книги. Постѣгъ сего въ 1704 г. самопроизвольно наложилъ онъ на бахмутскихъ казаковъ пошлины съ соляныхъ варницъ, браль насилино соль подъ предлогомъ будто бы въ казну; истребляль сѣновосные луга; эти поступки наводили казакамъ огорченіе. Въ это время былъ станичный

дровъ, бѣгаю отъ службы и отъ азовскихъ и корабельныхъ работъ, распроси выслать за провожатыми въ украинные города, кто отъ коли примѣтъ, не до-жидаясь впередъ къ себѣ о томъ нашего В. Государа указу, для того что тѣ го-родки по справкѣ построены вновь и послѣ азовскихъ походовъ, а городкамъ же, которые поселены по Сѣверскому Донцу, Старой Айдаръ и выше Айдару иные на предъ сего до азовскихъ походовъ и тѣхъ городкамъ быть по преж-нему, а въ городкахъ же, что на шлахахъ въ Закатномъ и во Боленской жильцовъ всѣхъ велѣть переписать по именамъ, и старожильцовъ казаковъ остав-ить и велѣть имъ жить въ тѣхъ городкахъ для почтовой гоньбы а которые люди по перепискѣ являются въ тѣхъ городкахъ новонриимые, изъ ка-кихъ они нибудь чиновъ, и тѣхъ перешедшихъ за указомъ выслать, по прежнему въ тѣхъ мѣста, отъ куда кто пришелъ, и для того имѣй посланъ къ вамъ съ Москвы стольника нашъ Леонтий Шиншинъ, которому велѣно у васъ быть по тѣхъ мѣстъ, какъ по прежнему и по сему нашему в. государя указу то все исполните!"

атаманъ въ Бахмутскомъ городкѣ отважный Кондратій Булавинъ, онъ не упускаль удобныхъ слушаевъ къ отмщенію за претерпѣваемыя отъ Изюмскихъ полчанъ обиды, имѣя между тѣмъ повелѣніе и отъ войска Донскаго употреблять всѣ средства къ защищенню войсковыхъ границъ. Изъ этихъ обоюдныхъ ссоръ возникли жалобы, которая на первый разъ рѣшены были тѣмъ, чтобы какъ войску Донскому, такъ и Изюмскому полку казакамъ впредь до разграниченнія между ними границъ, владѣть тѣми землями, кому они напредъ сего принадлежали и отнюдь бы другія не входили довольствіями въ непринадлежащія имъ мѣста.

Между тѣмъ послѣдовало изъ Посольскаго приказа предписаніе объ отобраніи какъ у Донскихъ, такъ и у Изюмскихъ казаковъ соли въ казну и о продажѣ оной на мѣстѣ высшими цѣнами. Булавинъ огорченный, или наложеніемъ пошлины на вывариваемую казаками соль, или обидами, которая претерпѣвали они отъ Изюмцевъ, собралъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1705 г. значительную партію казаковъ, напалъ на жителей, занимавшихся вывариваніемъ близъ рѣчки Бахмута соли, разорилъ всѣ строенія и заводы, побралъ всю готовую соль казенную и частнымъ лицамъ принадлежащую, а также деньги и проче имущество. Наказный полковникъ Изюмскаго полка Шустъ, въ отмщеніе за таковыя разоренія, вооружилъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года подчиненныхъ ему казаковъ и обложилъ Бахмутскій городокъ, но узнавъ, что Булавинъ извѣстилъ о своемъ положеніи окрестные казачьи городки, немедленно снялъ осаду и распустилъ свои войска. Булавинъ съ своей стороны этотъ поступокъ наказнаго полковника Шуста не оставилъ безъ отмщенія: онъ въ то же время перешель съ казаками рѣчку Бахмутъ и разорилъ до основанія всѣ солеваренные заводы; нѣсколько человѣкъ убиль до смерти; побралъ всю казенную соль и продалъ тамъ же на мѣстѣ; мщеніе его простиравлось даже и на домашнихъ животныхъ, коихъ онъ приказалъ безъ всякой надобности убивать. Уничтоживъ такимъ образомъ всѣ бывшія на томъ мѣстѣ заведенія

и разогнавъ тамошнихъ жителей, Булавинъ сасладѣть всѣми соляными источниками и началь съ казаками вываривать соль, не допуская ни кого изъ многородныхъ участвовать въ этомъ промыслѣ.

Изюмскій наказный полковникъ, на сей самовольный поступокъ, принесъ жалобу въ Адмиральтейскій приказъ, отъ кое-го былъ посланъ на рѣчку Бахмутъ дьякъ Горчаковъ съ командою солдатъ, подъ начальствомъ капитана Трунева, какъ для описанія пограбленаго и разореннаго имущества Изюмскаго полка жителей, такъ и для недопущенія ссорящихся до дальнѣйшихъ разореній, пока воспослѣдуется повелѣніе о разграничениіи между Донскими и Изюмскими казаками спорныхъ земель. Дьякъ Горчаковъ съ солдатами прибылъ къ Бахмутскому городку 4 июня 1706 г., имѣя съ собою 30, а по показанію Донскихъ казаковъ 400 человѣкъ Изюмскихъ, Торсихъ и Маяцкихъ жителей, для указыванія спорныхъ соляныхъ заводовъ. Булавинъ извѣщеній о прибытіи дьяка въ городу, вышелъ противъ него съ многочисленною партіею казаковъ въ полномъ вооруженіи и спрашивалъ его: „для чего онъ въ такомъ многолюдномъ собраніи вооруженныхъ Изюмскихъ жителей прибылъ къ ихъ городку?“ Получивъ удовлетворительный отвѣтъ отъ дьяка Горчакова, Булавинъ позволилъ ему вступить съ солдатами въ городокъ, а вмѣстѣ съ ними пяти человѣкамъ старожиламъ, прочимъ велиль немедленно удалиться отъ городка. Горчаковъ объявилъ здѣсь Булавину и казакамъ грамоту, данную ему изъ Адмиральтейскаго приказа и наставивъ по оной объ удовлетвореніи. Булавинъ не только не допустилъ его къ изслѣдованию порученнаго ему дѣла, но даже поставилъ у квартиръ дьяка Горчакова и солдатъ караулъ, не выпуская ихъ изъ оныхъ 8 дней, пока не получилъ па донесеніе свое отъ войскового круга разрѣшеніе, коимъ предписывалось ему не допускать дьяка Горчакова къ описанію разграбленыхъ соляныхъ варницъ, потому что оны учреждены изюмскими казаками на земляхъ принадлежащихъ войску Донскому; старшины привезшіе эту грамоту изъясни-

лись съ дьякомъ лично о правахъ на сіи земли. Такимъ образомъ Горчаковъ принужденъ былъ возвратиться въ Воронежъ безъ исполненія возложенной на него порученности. Впрочемъ войско Донское въ объясненіи своемъ, данномъ по этому предмету, обвиняетъ дьяка Горчакова въ томъ, что онъ безъ всякой причины не приступилъ къ изслѣдованію порученного ему дѣла, и что со стороны онаго препятствія ему дѣлано не было (550).

Эти обоюдныя неудовольствія еще болѣе поддерживаемы были, когда Изюмскій полковникъ Шидловскій принялъ въ свое вѣдѣніе, по указу царскому, въ февралѣ мѣсяцѣ 1706 г., селитренные заводы, принадлежавшіе прежде полковнику Ахтырскаго полка Перекрестову, изъ коихъ нѣкоторые находились на войсковыхъ земляхъ, гдѣ истребляли войсковые заповѣдные лѣсса и причиняли различныя утѣсненія казакамъ въ поземельныхъ дѣйствіяхъ (551).

Убієніе Князя Долгорукова. Стольникъ Шеншинъ, коему предписано было уничтожить нѣкоторые Донскіе казачьи городки и выслать бѣглыхъ въ Россію, повидимому не былъ посланъ на Донъ, ибо о дѣйствіяхъ его по этому предмету въ современныхъ актахъ нигдѣ не упоминается; это обстоятельство доказывается еще и тѣмъ, что въ слѣдующемъ 1707 г. былъ посланъ на Донъ съ таковымъ же порученіемъ полковникъ князь Долгоруковъ.

Все это въ совокупности, а при томъ и мѣры принятыя верховнымъ правительствомъ къ обузданію своевольства на Дону, привели въ раздраженіе тѣхъ Донскихъ казаковъ, до которыхъ особливо оныя касались.

Въ это время, такъ сказать, коренныхъ казаковъ лучшаго и отборнаго воинства, не было на Дону, съ самаго открытия войны съ Швеціею; одна часть ихъ подвизалась на сѣверѣ,

(550) Грамоты на Донъ 1706 г. февраля 28, августа 11, и отписка в. Донскаго въ Посольскій приказъ того жъ года въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

(551) Отписка войска Донского въ Посольскій приказъ 1706 года.

а другая, подъ предводительствомъ старшины Максима Кумшацкаго, находилась въ Россійской арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ и южныхъ предѣлахъ Россіи. Отсутствіе этихъ вѣрныхъ государю воиновъ всего болѣе благопріятствовало Булавину, исполніи ть давно скрывавшееся въ душѣ его ужасное намѣреніе. Склонивъ на свою сторону всѣ Донецкіе и по запольнымъ рѣчкамъ поселеные городки, Булавинъ немедленно отправилъ на рѣку Хоперь; тамъ съ сообщниками своими имѣль онъ совѣщеніе, на коемъ положено было умертвить князя Долгорукова и всѣхъ при немъ бывшихъ, и потомъ возжечь пламя бунта по всему Дону. Это намѣреніе привель онъ въ исполненіе на рѣчкѣ Айдарѣ, гдѣ князь Долгорукій, съ Ефремомъ Петровымъ и другими старшинами со стороны войска, занимался розысканіемъ бѣглыхъ и гдѣ въ восьми казачихъ юртахъ найдено оныхъ болѣе 3,000 человѣкъ (552).

Воззвание Булавина къ казакамъ. Принеся такимъ образомъ въ жертву мести своей до 1,000 человѣкъ солдатъ и офицеровъ, Булавинъ немедленно разослалъ по всѣмъ казачимъ городкамъ возмутительное письмо, которое содержало слѣдующія выраженія: „Всѣмъ старшинамъ и казакамъ, за домъ Пресвятаго Богородицы, за истинную христіанскую вѣру и за все великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно. Зло на нась умышляютъ, жгуть и казнятъ напрасно, вводятъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной отврашаютъ. А вы вѣдаете нынѣ наши дѣды и отцы на семъ полѣ жили и какъ оное тогда крѣпко держалось; нынѣ же наши супостаты старое наше поле все перевели и нивочто вмѣнили, и такъ чтобы намъ его вовсе не потерять, должно защищать единодушно и въ томъ бы всѣ мнѣ (Булавину) дали твердо слово и клятву.“ Далѣе увѣряетъ, что всѣ Запорожскіе казаки и Бѣлогород-

(552) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра великаго, томъ 7 стр. 427, и отписка Булавина и войска Донского къ войску Запорожскому 1708 г. маѣ 17 днія.

ская татарская орда готовы соединиться съ Донцами въ предстоящемъ дѣлѣ; а заключаетъ повелѣніемъ, что коль скоро гдѣ это войсковое письмо прочтено будетъ, тамъ одной половинѣ людей остаться въ куреняхъ, а другой быть готовою выступить конно-вооруженною въ походъ по назначенію, кромѣ вольницы, которая вся безъ изъятія должна двинуться; но что если кто изъ тѣхъ и другихъ явится ослушникомъ и противникомъ, тотъ преданъ будетъ смертной казни (553).

Слѣдствіе онаго. Письмо Булавина разлило пламя возмущенія во всей верхней части Дона и по рѣкамъ: Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Донцу; войсковой атаманъ тщетно разсыпалъ увѣщательныя войсковыя грамоты не слушать клеветамъ и не приставать къ возмутителямъ, но легковѣрные не внимали этимъ убѣжденіямъ.

Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ разбивалъ Булавина. Булавинъ, начальствуя 20/т. войскомъ, состоящимъ наиболѣе изъ бѣглцовъ, или вольницы, намѣренъ уже былъ идти къ Москвѣ и убивать боярь и нѣмцевъ, какъ войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ старшинами и казаками нижнихъ Донскихъ городковъ, не приставшихъ къ возмутителямъ, выступилъ противъ бунтовщиковъ въ октябрѣ мѣсяца 1707 г., разбилъ ихъ, захватилъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и отправилъ въ Москву съ старшиною Ефремомъ Петровымъ. Государь считая этотъ мятежъ оконченнымъ, двумя письмами извѣщалъ объ этомъ полководца своего князя Меньшикова (554). Въ Москвѣ же, присланной съ Дону зимовой станицѣ, съ станичнымъ атаманомъ Акимомъ Филиппьевымъ, велѣно отпустить войску Донскому обыкновенное годовое жалованье.

Удаленіе Булавина въ Запороги и помощь оттуда. Между тѣмъ пораженный оружiemъ вѣрныхъ казаковъ Булавинъ потянулся съ остатками скопища къ Бах-

(553) Дѣянія Петра Великаго, томъ 2, стр. 436 и 437.

(554) Дополненіе въ дѣянія Петра Великаго, томъ 7, стр. 431 и 437.

муту, откуда отправился въ Запорожскую Сѣчь; тамъ представлять онъ Запорожцамъ, что войско Донское отъ Государя отложилося, и что онъ присланъ къ нимъ просить кошеваго атамана и все товарищество о сдѣланіи войску Донскому вспомоществованія противу Россійскихъ войскъ. Пётръ Великій, узнавъ о томъ, поручилъ гетману Мазепѣ его поймать, но Мазепа, будучи и самъ въ сердце своеемъ измѣнникъ, не исполнилъ того подъ нѣкоторыми благовидными причинами, и подъ рукою допустилъ, что для Булавина сдѣлано было въ Сѣчи собраніе, на которомъ дано позволеніе Запорожскимъ казакамъ идти къ Булавину кто хочетъ. Государь требовалъ отвѣта отъ Запорожцевъ въ поступкахъ ихъ и повелѣлъ до получения онаго задержать въ Москвѣ зимовую станицу ихъ, состоящую изъ 88 человѣкъ. Запорожцы отвѣтствовали, что въ то время, когда сдѣлялись въ Запорогахъ извѣстны преступныя дѣйствія Булавина, войско Запорожское просило гетмана Мазепу дозволить имъ идти на бунтовщикъ, но отъ него никакого повелѣнія по сему предмету не получало, и потому нѣкоторые своеольные казаки, присоединились къ Булавину, смотря на Малороссійскихъ казаковъ и Великороссійскихъ людей, приставшихъ къ возмутителю въ большомъ числѣ (555).

(555) Отписка войска Запорожского къ Государю Петру 1-му 1708 г. августа 6 дн.

„ Когда еще, благочестивый нашъ Монархъ, самъ почаль бытъ бунтамъ и воровству отъ погибшаго злаго сына Булавина, за взачій и всему народови въ великороссійскихъ и малороссійскихъ городахъ, подъ благочестивою державою вашего цар. пресв. величества обрѣтающихся, явленный, тогда хотячи мы атаманъ кошевой съ старшиною войсковою, по вѣрной своей къ вашему пресв. цар. величеству службѣ, не допустити итить своиму товарству на тос бунтовщикъ дѣло писали съ коша до вѣрнаго подданнаго вашего цар. пресв. величества гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепы, чтобъ онъ по своему радѣнію и вѣрной службѣ учинилъ извѣстно вашему цар. пресв. величеству о томъ, чтобъ наше войско Запорожское низовое на томошные вѣрные службы затягнены были, и имъ гдѣ войсковое дѣло указать повелѣли, и въ томъ нашемъ желаніи жаднаго получения у себе мы не имѣли, и по такой нуждѣ нѣкоторое товарство наше сечевое, яко есть вольное, въ малой хѣбѣ туда до Булавина удалося, взирающіе

Булавинъ, условясь съ запорожцами объ обоюдномъ защищении, оставилъ Сѣчъ въ началѣ весны 1708 года и вывелъ оттуда до 3,000 Запорожцевъ (556), къ коимъ присоединя многихъ изъ малороссійскихъ казаковъ, двинулся къ рѣкѣ Хопру, гдѣ единомышленники его: Некрасовъ, Дроновъ, Головъ и Хохоль, въ отсутствіи его, приготовили многочисленное войско, состоящее по большей части изъ великороссійскихъ бѣглцовъ.

Разбитіе войскового атамана Максимова. Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ, извѣщеній о новыхъ преступныхъ намѣреніяхъ измѣнниковъ, вторично разослалъ по всѣмъ казачьимъ городкамъ войсковыя грамоты, увѣщевая казаковъ не приставать къ возмутителямъ и не слушать ложныхъ ихъ навѣтовъ, но по долгу вѣрноподданныхъ, вооружились бы противу злодѣевъ и шли въ Черкассы для соединенія съ войсковымъ атаманомъ, на уничтоженіе буйнаго скопища и ихъ замысловъ. По собраніи вѣрныхъ казаковъ

и засмотрющими на городовыхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, которые подъ крѣпкимъ суть завстигненiemъ, а въ десятеротысячною лѣбою на тое бунтовщике булавинское походили, замыслы и всему злу они городовые люди суть причасны и насть своимъ злымъ и многолюднымъ походомъ вашему цар. пресв. величеству въ немилость и гибѣвъ приправили, понеже и самы отъ страхования въ нивочто же обратилися, утративши своего во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ и бунтахъ приводу. А мы атаманъ кошевой, zo всѣмъ поспольствомъ, яко прежде вѣрною, радѣтельною, постоянною и усердною нашею службою были вашему цар. пресв. величеству угодны, такъ и нынѣ непремѣнно службы наши вѣрны ронити готовы, не щади своего здоровья, желающи службы всеусердно отъ вашего цар. пресв. величества благопризрительного помилованія и прещодѣй ионаршей пролучити ласки, которой иныи при доземномъ нашемъ рабскомъ поклоненіи себѣ всеблагонадежно споручаемъ.“

(556) Собрание российскихъ законовъ, томъ 4, № 2,233, грамота Гетману Скоропадскому и всему малороссийскому народу, 1709 мая 26 дн.

„ Такожъ и въ краткомъ времени вора и бунтовщика Донского казака Булавина, державъ они запорожцы у себя на кошу долгое время, отпустили на Допъ, придавъ ему отъ себя съ 3,000 казаковъ, который тамо съ ними запорожцы учинилъ многія смятенія и бунты, но съ помощью Божією отъ войскъ нашихъ пораженъ и воспріявлъ по дѣламъ своимъ возмездіе купно съ единомышленниками своими.“

въ Черкасъ, войско приговорило идти немедленно всему войску противу бунтовщиковъ, подъ начальствомъ войскового атамана Лукьянна Максимова; азовскій губернаторъ Толстой снабдилъ ихъ артиллерию и послалъ къ нимъ на помощь азовскій конный полкъ и калмыковъ всего 5,000 человѣкъ. 28 марта войсковой атаманъ выступилъ съ вѣрными казаками изъ Черкаска, приведя ихъ напередъ на вѣрность службы къ присягѣ, оставивъ въ ономъ наказнымъ атаманомъ Илью Григорьева.

Въ это столь смутное время остались вѣрными своему Государю городки: Донецкій, Казанскій, Усть-Медвѣдицкій, Правоторовскій и Бурацкій, которые заперлись, сопротивляясь всѣмъ усилиямъ измѣнниковъ; также поступили городки и въ низъ по Дону, начиная отъ Нижне-Курмоярскаго до Черкаска; прочия же станицы или сами пристали къ бунтовщикамъ, или принуждены были невольно принять ихъ сторону.

Между тѣмъ войсковой атаманъ 9 апрѣля настигъ скопища возмутителей на рѣчкѣ Голубой, близъ Голубинской станицы, вступилъ съ ними въ бой, но по неравенству силъ былъ опрокинутъ и обращенъ въ бѣгство, Булавинъ овладѣлъ станомъ его и всѣми пушками (557).

Овладѣніе Черкаскомъ. Послѣ сего устрѣмился

(557) Грамота на Донъ 1708 г. мая 3.

„Апрѣля 26 дни нынѣшняго 1708 г. къ намъ В. государю писать стольникъ Степанъ Бахметевъ, что съ москвици противъ воровъ и бунтовщикъ въ походъ къ Пристанскому городу пошелъ онъ тогоже апрѣля 20 дн., а въ отпискѣ вашей войскового атамана Лукьянна Максимова съ войскомъ апрѣля 16 дн. къ нему Степану списано, апрѣля же въ 9 день съ войскомъ бывшии походъ со оними ворами и бунтовщиками на рѣкѣ Голубой былъ у васъ бой, а Сѣверской Донецъ весь отложился и собираются съ воромъ же Старо-Айдарской станицы съ Семеномъ Дранымъ. А съ Кондрашкою Булавиниимъ Хонерь, Бузулукъ и Медвѣдица отложились же, и чтобы ему Степану ити къ вамъ войску въ Черкаской съ великомъ поспѣшенiemъ денно и ночно, а Донецкой, Усть Медвѣдицкой, Казанка, Правоторовской, Бурацкой, пять городковъ, къ вору не пристали и сидѣли въ осадѣ, а отъ нижней Курманіарской станицы на низъ всѣ съ вами войскомъ заединю.“

онъ къ Черкаску и проходя напередъ приготовленныя къ возмущеню станицы по Дону, увеличивалъ число своихъ войскъ, и хотя встрѣчалъ отъ нѣкоторыхъ городковъ храбрую оборону, но лестію и жестокостію преодолѣвая всякое сопротивление, достигнуль главнаго городка Донскихъ казаковъ. Увидѣвъ сдѣланныя въ ономъ для отраженія его укрѣпленія и не надѣясь взять силою, Булавинъ прибѣгнулъ къ хитрости, угрожая мучительною смертію жителямъ расположенныхъ въ предмѣстіи города трехъ Рыбовскихъ станицъ, заставилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ночное время съ семействами своими бѣжать въ городъ и просить убѣжища и защиты, будто бы отъ его жестокости; имъ отворили ворота, Булавинъ въ то же время ворвался въ городъ и занялъ всѣ караулы. Несчастные жители увидѣли обманъ, но уже поздно. Мятежники схватили войскового атамана и казнили, нѣкоторые изъ старшинъ подверглись той же участіи, а Ефремъ Петровъ, который не ужасаясь смерти, съ благородною твердостію патріота укорялъ губителя своей отчизны, былъ мучительски удавленъ. Яростное изступленіе злодѣевъ излилось на всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ своему государю; многие почтеннѣйшіе граждане потоплены, семейства ихъ истреблены, а дома и имущество разграблены; другіе бѣжали въ Азовъ и укрывались въ мѣста отдаленные и неизвѣстныя; въ числѣ сихъ были и дѣти любимаго Петромъ I-мъ войск оваго атамана Фрола Минаева (558).

Булавинъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ. Убѣйцы, обагрившись кровью согражданъ своихъ, провозгласили въ Черкасскѣ предводителя своего Булавина войсковымъ атаманомъ, который тогда же отъ имени войска Донскаго послалъ къ запорожскому кошевому атаману Горденку и ко всему войску Запорожскому посланцевъ, съ увѣдомленіемъ, что войско Донское въ бывшемъ прошлаго 1707 года собраніи на рѣкѣ Хопрѣ единодушно положило стать

(558) Дѣянія Петра Великаго, томъ 2-й, стр. 437 и дополненіе къ дѣяніямъ томъ 8, стр. 55.

за домъ Пресвятых Богородицы, за православную христіанскую вѣру и за святыя Апостольскія церкви, дабы утвердить въ ономъ прежнія обыкновенія, какъ у дѣдовъ, у отцовъ нашихъ и у насть бывали. Къ этому столь единодушному собранию подалъ намъ поводъ князь Долгоруковъ, который, вопреки царскому повелѣнію, разорилъ и пожегъ многіе наши городки, пыталъ казаковъ, билъ кнутомъ, рѣзаль имъ носы и губы безъ всякой причины, наругался надъ женами нашими и вѣшалъ дѣтей нашихъ младенцевъ по деревьямъ. Видя тѣковое разореніе и насилие, приговорили съ нынѣшнимъ нашимъ войсковымъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ, убить его и всѣхъ при немъ бывшихъ. А дабы учредить въ войску Донскому порядокъ и виновныхъ въ нарушеніи оного наказать, мы рѣшились всѣмъ войскомъ идти къ Черкаску, но бывшій войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ старшинами и казаками въ ономъ - заперся и стрѣляли по насть изъ пушекъ; презрѣвъ всѣ преграды, положенные намъ врагами нашими, мы помошю казаковъ, усердныхъ намъ, вошли въ городъ и войскового атамана и прочихъ старшинъ за ихъ вины, приговорили всѣмъ войскомъ Донскимъ казнить смертію, а на място его выбрали войсковымъ атаманомъ Кондратія Булавина и старшинъ другихъ. Нынѣ же намъ войску Донскому извѣстно, что государевы полки стоять на Донѣ близъ Святогорского монастыря и въ другихъ мястахъ и имѣютъ намѣреніе идти къ Черкаску, и потому просимъ вѣсть, какъ вы обѣщались нашему войсковому атаману Кондратію Булавину, прислать къ намъ на Донъ на защиту жилищъ нашихъ войскъ своихъ, а мы вамъ войскомъ Донскимъ противъ вашихъ непріятелей, какъ о томъ у насть договоръ былъ, помогать рады, дабы намъ жить навсегда въ добромъ соглаſіи и другъ за друга постоять въ правдѣ и себя защищать общими силами (559).

(559) Отписка Булавина и войска Донского къ войску Запорожскому, 1708 г. мая 17 дн.

, И въ нынѣшнемъ 1708 г. нашъ войсковой атаманъ Кондратій Булавинъ

Такимъ образомъ, соѣдлившись повелителемъ всего войска Донского, Булавинъ утихъ на нѣкоторое время, послалъ въ Москву станицу съ оправданіемъ своихъ поступковъ, а въ Азовъ увѣреніе, что ничего противнаго предпринимать уже не будетъ; но когда онъ искалъ сими путами привести въ оплошность азовское начальство, въ то самое время тайно старался посыпть въ Азовѣ возмущеніе; открыть въ заговорѣ съ нимъ таганрогскій протоополь съ своимъ сыномъ и перехвачены письма Булавина къ татарамъ, подданнымъ турецкимъ.

со всімъ войскомъ Донскимъ собрався пришли подъ Черкасской, чтобы прежнихъ нашихъ бывшихъ старшинъ, атамана Лукьянна Максимова и при немъ будущихъ которые съ нимъ чинили неправду, отъ дѣлъ ихъ отставить и выбрать иныхъ старшинъ, и о такомъ совѣтѣ мы войскомъ Донскимъ къ вамъ атаманомъ молодцамъ отъ себя напредъ сего писали, чтобы намъ дали отъ себя руку помоши и быть бы вамъ съ нами вкупе единодушно. А какъ атаманъ нашъ войсковой Кондратій Булавинъ былъ у васъ атаманомъ молодцовъ въ Запорогахъ обѣ сырной недѣли, у тебя Константина Гордѣевича и у писаря и у многихъ атаманьевъ, и межъ себѣ совѣтовали и души позадовали, чтобы всѣиъ вамъ съ нами въ Донскомъ быть въ срединеніи и другъ за друга радѣть единодушно, и огъ въсѧ къ намъ помоши къ Черкасскому для совѣту никто не пришелъ. А какъ мы войскомъ Донскимъ стояли подъ Черкасскимъ на Василевѣ, и они Лукьянъ съ товарищи отъ насъ сѣли въ осадѣ и были по насъ изъ пушекъ, а которые съ ними ворами сидѣли въ осадѣ казаки по неволѣ, и они Лукьянъ и старшинъ, которые были къ воровству приличны, ихъ намъ выдали, и мы приговорили ихъ воровъ, смотря по винѣ, казнити смертью и выбрали для управления В. Государи и нашихъ войсковыхъ дѣлъ войскового атамана Кондратія Афонасевича Булавина и старшинъ иныхъ. А нынѣ намъ войску Донскому слышно чинитца, что де собралисъ государевы полки пришли разорять наши казачьи городки и стоять на Донцѣ близъ Святогогорскаго монастыря и въ иныхъ мѣстѣхъ, и хотать де ити подъ Черкасской, и мы всѣиъ въ Донскомъ, въ нашъ атаманъ Кондратій Булавинъ, просимъ у васъ атамановъ молодцовъ, у тебя войскового атамана Константина Гордѣевича и у всіго войска Запорожскаго милости, если вамъ слышно про приходъ царевыхъ полковъ на наше разореніе и вы намъ дайте помоши, чтобы намъ стать вкупе обще, а вы разореніе намъ себя напрасно не отдать, а у насъ въ Донское въ походъ посланы тысячу съ пятнадцать и болыши для того, если государевы полки станутъ настъ разорять, и мы имъ будемъ противиться, чтобы они настъ въ конецъ не разорили напрасно, также и вашему въ Запорожскому зла не учинили; а если будетъ вамъ слышно про приходъ государевыхъ полковъ, гдѣ они стоять будутъ, и вамъ бы о томъ писать къ намъ войску вѣдомость въ скорѣ; а очемъ у насъ съ вами атаманы молодцы

Государь посыпаетъ до 20/т. войска на усмирение бунта. Государь, получивъ свѣдѣніе о возвращеніи Булавина изъ Запорогъ и о собраніи многочисленной партіи измѣнниковъ на Хопрѣ, предписалъ воеводамъ пограничныхъ провинцій принять всѣ мѣры осторожности противу возмутителей; а между тѣмъ тогда же отправилъ изъ дѣйствующей арміи часть войскъ для истребленія Булавинскаго скопища. Въ составъ сего ополченія поступили: корпусъ Степана Бахметева, бригада генераль-маиора Шидловскаго, Слободской Острогожской казачий полкъ съ стольникомъ и полковникомъ Тевяшовымъ, изъ Ахтырскаго и Сумскаго полковъ по баталіону, Малороссійскіе полки: Полтавскій съ полковникомъ Ливенцомъ и Компанейскій съ полковникомъ Ко-жуховскимъ, изъ Москвы полки: Драгунскій и новый пѣхотный, при которыхъ находился полковникъ Рыхманъ, также всѣ дворяне, царедворцы (а) и прочие конные, какіе только въ Москвѣ оставались, изъ Воронежа 4,000 драгунъ и нѣкоторые полки изъ С.-Петербургра, а также, разнанцамъ и другихъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Кромѣ того назначено князю Хованскому взять нѣсколько калмыковъ изъ ихъ улусовъ; изъ Киева отправлены со всею скоростію въ Азовъ Смоленскій полкъ, а въ Таганрогъ два полка драгунъ съ полковникомъ Кропотовымъ. Для прикрытия Воронежа отъ бунтовщиковъ, повелѣно привести къ окончанию крѣпость на рекѣ Осередѣ, что нынѣ Павловскъ.

мень себѣ быть совѣтъ обще на вашихъ корамдарей и на пановъ и которыи путемъ обѣщались вы съ нами, такъ и творите, чтобы намъ совѣтъ благой былъ къ намъ не времѣненъ и того бѣ не оставлять, а во всемъ вы атаманы молодцы Запорожское войско противъ супостатъ надѣйтесь на милость Божію, а мы войскомъ Донскимъ вамъ всѣ помощники и о томъ бы къ намъ въ Черкаской прислатъ бы вамъ отъ себѣ человѣкъ 20 или 30 своихъ казаковъ лучшихъ людей; а мы у васъ атаманы молодцы о всемъ вышеписанномъ просимъ милости вѣль въ. Донскимъ любезно, чтобы намъ жить въ купѣ и во вскомъ доброму совѣтѣ и другъ за друга постоять въ правдѣ и свое здоровье намъ менѣ себѣ оберегать купно.“

(а) Царедворцы, какъ то: стольники, стряпчие и другаго звания приворожные чиновники.

Начальство надъ всѣми этими войсками, коихъ числомъ считалось до 20/т. человѣкъ, и вообще надъ Украину поручено 12 апрѣля 1708 г. брату убѣннаго Булавинымъ гвардіи маюру князю Василію Владимировичу Долгорукову.

Наказъ данный Долгорукову. Тогда война съ Шведами была въ полномъ пламени, и Карлъ XII приближался къ Россійскимъ границамъ; столь затруднительное положеніе Россіи заставило Государя Петра I-го принять въ отношеніи бунтовщиковъ рѣшительныя и сильныя мѣры. Наставленія, данные Государемъ князю Долгорукову, состояли въ томъ, что колъ скоро придуть къ нему назначенные полки изъ Петербурга, шель бы немедленно къ Черкаску и производить поиски надъ бунтовщиками; вѣрныхъ казаковъ утверждалъ въ Государеву милости и велѣлъ бы имъ выбрать атаманомъ доброго человѣка; что Азовскому губернатору Толстому повелѣно имѣть съ нимъ непрерывное сношеніе; отвращать солдатъ азовского гарнизона отъ соблазновъ Булавина, ссылаясь съ Черкаскими казаками, какія найдутся благомыслящими, чтобы они совокупно съ нимъ (княземъ Долгоруковымъ) промышляли надъ Булавинымъ сухопутно и водою; на каковой конецъ отправить подъ Черкаску нѣсколько кораблей, брандеровъ и галеръ; что по исполненіи предписанного въ отношеніи Черкаска, слѣдовать ему князю Долгорукову назадъ, и лежащіе по Дону казачьи городки до Донецкаго (а) оставить какъ существуютъ, а лежащіе по Дону, Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку и Иловлѣ сжечь и разорить до основанія, людей рубить, а заводчиковъ сажать на колъ и колесовать; однако кто принесетъ повинную, съ тѣмъ поступать ласково (560).

Князь Долгорукій, получивъ Монаршія наставленія, разослать къ бунтовщикамъ увѣщательныя грамоты, обѣщаю-

(а) Теперь Донецкій не существуетъ, ибо на той мѣстѣ, воставленъ монастырь, перевезенный изъ Азова въ 1711 году.

(560) Доказаніе въ доказаніи Петра Великаго томъ 8, стр. 45, 46, 47 и 50 и грамоты на Донъ 1708 г. апрѣля 20, 27, 28, и маія 3.

щаду тѣмъ, которые раскаются, и разгласить, что онъ идетъ съ большими силами и что самъ Государь туда же будетъ. Но эти увѣщенія и угрозы не произвели желаемаго дѣйствія.

Сраженіе войскъ Булавина съ Русскимъ. Еще до прибытія къ войскамъ князя Долгорукова на Донъ, стольникъ Бахметевъ, полковники Тевяшовъ и Рыхманъ встрѣтили за Битюкомъ на рѣчкѣ Куртлакѣ, 28 апрѣля, 1,000 человѣкъ бунтовщикovъ, предводимымъ Лучкою Хохлачемъ, разбили ихъ, взяли три знамя и въ плѣнъ 143 человѣка, коихъ и повѣсили на дорогахъ ближайшихъ къ казачьимъ городкамъ. Въ этой схваткѣ въ войскахъ ранены полковникъ Рыхманъ и прочихъ чиновъ 10 человѣкъ (561).

Булавинъ оставаясь въ Черкасскѣ въ ожиданіи новаго подкрѣпленія отъ Запорожцевъ, которые однако стараніями князя Долгорукова и Толстаго къ донскимъ бунтовщикамъ не допущены, послалъ къ сторонѣ Волги одну партію съ Игнатомъ Некрасовымъ, для подкрѣпленія тамъ мятежниковъ, которая и пресѣкла судоплаваніе къ Астрахани; а другую съ Дранымъ въ верхъ по Дону въ числѣ 2,000 человѣкъ.

Между тѣмъ кавь князь Долгоруковъ соединя войска, приступилъ къ уничтоженію казачьихъ городковъ, Булавинъ отправилъ изъ Черкаска къ Азову 5,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Хохлача, Казанкина и Ганькина. Эта толпа переправилась чрезъ рѣку Каланчу 5 июля 1708 года и на разствѣтѣ

(561) Грамота на Донъ 1708 г. мая 7 дня.

„ Сего мая 3 дня къ намъ великому государю писалъ стольникъ намъ Степанъ Бахметевъ, что съ ратными людьми, которые приехъ есть и съ Острогожскимъ полковникомъ подку его съ кумпанцами и съ полковникомъ Рыклиномъ случились, апрѣля 27 числа получа о ворахъ булавинцахъ вѣдомость, которые были въ собраніи съ тысячу челов. и больше, и на рѣчкѣ Куртлакѣ со смыми ворами была потреба, на которой ихъ побито многое число, для того было той потреба на двадцати верстахъ и больше, развѣ которые спаслись лѣсами и болотами, а живѣемъ взято сто сорокъ три человѣка, да три знамя и ружье и лошади и вербыльды разобрали на той потребѣ ратные люди, а при водцовъ и атамановъ у оныхъ воровъ были Булавина товарищъ Лукычъ Хохлачъ.

другого дня приближась къ Азову, стала тамъ, гдѣ былъ тогдѣ дѣловoy дворъ и лѣсные запасы. Изъ Азова высланы были казачій полкъ и Черкасскіе казаки удалившіеся сюда злаго-
временно, предводимые войсковымъ старшиною Василемъ Фроловымъ (сыномъ атамана Фрола Минаева). Полковникъ Николай Васильевъ, начальствовавшій ими, слабъ былъ, чтобы выгнать злодѣевъ изъ занятыхъ мѣстъ, и они съ великою наглостю приступили къ Матросской слободѣ. Тогда Васильева подкѣрили изъ Азова четыре роты солдатъ; и онъ, съ пособіемъ непрерывной пушечной пальбы изъ трехъ батарей Азовскихъ и съ кораблей, обратилъ бунтовщиковъ въ бѣгство, преслѣдовалъ ихъ до рѣчки Каланчи, откуда они и разсыпались въ разныя стороны. На семъ сраженіи убито бунтовщиковъ 423, потонуло до 400, взято одно знамя и въ плѣнъ 60 человѣкъ, которые и отосланы въ Москву; изъ азовскаго гарнизона убить только одинъ и ранено 10 человѣкъ (562).

Убіеніе сего измѣнили. Когда Булавинъ чрезъ это пораженіе пришелъ въ слабость, тайныя внушенія Толстаго, которыя онъ предъ этимъ всегда дѣлалъ, возымѣли тогда свою силу надъ оставшимися въ Черкасскѣ. Казаки трехъ Рыковскихъ станицъ, состоящихъ въ составѣ города Черкаска, согласясь съ Черкаскими, провозгласили 7 іюля войсковымъ атаманомъ Илью Зерщикова и предводимые имъ, окружили курень занятый Булавинымъ и его близними, съ тѣмъ чтобы взять его живаго. Булавинъ защищался и убиль своими руками 2-хъ человѣкъ; казаки подвезли пушки и начали громить ими и ружьями занимаемый ими домъ; потерявъ надежду на свою защиту, Булавинъ застрѣлилъ самъ себя изъ пистолета. Трупъ его присланъ въ Азовъ и съ отсѣченной головою повѣшенъ за ноги у рѣки Каланчи; совѣтники его обложены оковами и отправлены въ Москву (563).

(562) Историческое свѣдѣніе о Некрасовцахъ, помещенное 1828 г. въ „Сѣверной пчелѣ“ въ № № 105 и 106.

(563) Тамъ же въ 2 томѣ дѣяній Петра Великаго стр. 447.

Погибель Булавина Петръ Великій принялъ съ несказаниною радостію и торжествовалъ молебствіемъ 23 іюля. Того-стаго повысилъ чиномъ, а солдатамъ, бывшимъ въ бою, пожаловалъ трехмѣсячное, а не бывшимъ—мѣсячное жалованье. Князю Долгорукову, который пожалованъ въ подполковники, подтвердилъ прежній указъ о разореніи назначенныхъ казачихъ городковъ, который и былъ имъ исполненъ, смягчилъ нѣсколько строгость въ отношеніи людей и повелѣлъ казнить смертю только знатнѣйшихъ заводчиковъ бунта, иныхъ же ссылать на каторгу, другихъ высылать въ мѣста, откуда сѣжали на Донъ, а прочихъ обнадежить милостію и прощеніемъ.

Извѣстіе о смерти Булавина не укратило въ сообщникахъ его мятежническаго духа, хотя скопище ихъ подъ начальствомъ Семена Дранаго, бывшее на Донцѣ при Сухаревской станицѣ, разбрѣжалось, но прочие главные товарищи Булавина не переставали противиться. Въ сентябрѣ мѣсяца они разбили весь полкъ Бальсовъ, что отнесено было къ худому Бальсову распоряженію, а въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяца Голый овѣдалъ караваномъ, изъ 100 барокъ состоящимъ, который отправленъ былъ изъ Коротояка съ артиллеріею, денежною казною и провіантомъ по Дону въ Азовъ. Некрасовъ съ 5,000 казаковъ свирѣпствовалъ около Качалинской станицы и по Волгѣ около Царицына; прочія же бродящія шайки бунтовщиковъ угрожали Воронежу.

Для истребленія всѣхъ этихъ возмутителей посланы были изъ Азова вверхъ по Дону два корабля, брандеръ и двѣ галеры, а сухопутно знатная партія казаковъ. Князь же Долгоруковъ съ регулярнымъ корпусомъ, проходя въ низъ по Дону, истреблялъ вездѣ мятежническія партіи и водворялъ по станицамъ прежній порядокъ сообразно Высочайше данному повелѣнію. Между тѣмъ Распопинской станицы атаманъ Семенъ Изваловъ и Федосьевъ, собравъ изъ разныхъ верховыхъ станицъ казаковъ и вольницы до 500 человѣкъ, сразился съ Никитою Голымъ подъ Мигулинскимъ городкомъ, и хотя былъ разбитъ отъ сего послѣд资料, но вскорѣ опять пришелъ въ

Силу и ревностно преслѣдовалъ сообщниковъ Голаго. Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1708 г., пойманы были въ Песковатской станицѣ казаками, бывшими подъ начальствомъ Тимофея Соколова, главный сообщникъ Голаго есаулъ его Иванъ Стерледевъ и Николай Колычевъ; а въ декабрѣ 21 числа привезли въ Черкасъ съ рѣки Медвѣдицы злѣйшаго возмутителя Максима Маноцкаго, коихъ и отправили въ Москву съ атаманомъ зимовой станицы Василіемъ Поздѣевымъ (564). Вскорѣ за этимъ пойманъ былъ и самъ Никита Голый, а въ слѣдь за нимъ отправленъ былъ въ Москву и войсковой атаманъ Зерщиковъ, подвергшися подозрѣніямъ по оговору Голаго.

Побѣгъ Некрасова съ казаками на Кубань. Некрасовъ будучи тѣснимъ со всѣхъ сторонъ Россійскими войсками, вѣрными казаками и калмыками и видя что главный ихъ возмутитель Булавинъ и всѣ ихъ сообщники со всѣмъ ихъ скопищемъ истреблены и разсѣяны, собравъ изъ разныхъ станицъ до 600 семей раскольниковъ, бѣжалъ на рѣку Кубань, отдался въ покровительство крымскаго хана и водворился на Таманскомъ островѣ, между Таманью и Капыломъ, въ 30 верстахъ отъ моря, тремя селеніями, которыхъ назывались Себелей, Каръ-Игнатъ (а) и Контиде. Тутъ напшли они своихъ одновѣрцевъ, бѣжавшихъ съ Дону въ 1688 и 1692 годахъ съ коими и поселились вмѣстѣ (565).

Государь прощаетъ вины казаковъ. Между тѣмъ на Дону волненія утишились и казаки въ исходѣ 1708 г. прислали въ Москву знатнаго старшину Василія Поздѣева

(564) Дѣянія Петра Великаго, часть 2, стр. 449, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 1709 г. въ генварѣ мѣсяцѣ.

„И тѣхъ измѣниковъ, Николку Колычева и есаула Голаго Ивашку, да вора же Екинку Солодовника и Маконимку Маноцкаго мы холопы твои войскомъ съ вышеноминутныхъ зимовой станицы атаманомъ (Василіемъ Пазнѣевымъ) къ тебѣ В. Государю къ Москвѣ послали.“

(а) Черный Игнатъ.

(565) Историческое свѣдѣніе о Некрасовцахъ.

съ повинною; Государь, прощаю казаковъ, обѣщалъ содержать ихъ въ прежней милости, если они истребять всѣ бродячи по Дону шайки возмутителей и водворять по всѣмъ станицамъ совершенное спокойствіе. Казаки сю Высочайшую милость приняли съ радостю, встрѣтили Поздѣева съ грамотою вѣнѣ города, съ знаменами и ружейною пальбою, вычли ону въ крѣгу, отслужили благодарственный Господу Богу молебень и два дни производили ружейную и пушечную со всѣхъ батарей стрѣльбу, и тогда же отправили войсковыя грамоты по всѣмъ станицамъ во всеобщее извѣстіе о сей монаршей милости, съ строгимъ подтверждениемъ не приставать къ возмутителямъ и не слушать ихъ ложныхъ внушеній, но употреблять всѣ мѣры къ изловленію и къ доставленію ихъ въ Черкасскъ; а дабы каждая станица могла быть совершенно удостовѣрена въ прибытіи изъ Москвы Василія Поздѣева съ царскою милостивою грамотою, повелѣно было отъ войскового круга прислать въ Черкасскъ изъ каждой станицы по два человѣка лучшихъ людей (566).

Государь былъ столь милостивъ къ войску Донскому, что повелѣлъ отправить съ Воронежа, по просьбѣ казаковъ, окладное на 1708 г. жалованье, задержанное тамъ по случаю возмущенія Булавина, и выдать старшинѣ Василію Фролову и его командѣ 1400 руб., атаманамъ Извалову и Федосѣеву по 100 руб., съ ихъ товарищами, за ихъ усердныя службы.

Слѣдствія сего возмущенія. Въ Булавинской бунтъ болѣе 7,000 казаковъ казнено и побито, уничтожено

(566) Войсковая грамота по всѣмъ станицамъ 1708 г. декабря № 111.

„И вамъ бы атаманомъ молодцамъ, по всѣмъ станицамъ, видѣ къ себѣ такое въ винахъ своихъ отъ великаго государя прощеніе и премногую милость, такожъ во всякой станицѣ всѣмъ народомъ молебное пѣніе спраѧ и за него великаго государя благодареніе воздавъ и чинить изъ мелкаго ружья стрѣльбу и жить бы вамъ атаманамъ молодцамъ за помощью Божію и за милостію государевою по прежнему въ добромъ состояніи благодарно и худова дѣла отнюдь не помышлять да вамъ бы же атаманамъ молодцамъ изо всякой станицы, для вѣрности, что Василій Лазрентьевичъ прїѣхалъ съ государевою милостію прислать, немедленно изъ станицъ по два человѣка людей добрыхъ.“

зены городки поселенные на Донцу, по Луганскому, по Айдару, Деркулу, Калитвамъ и по другимъ рѣкамъ впадающимъ въ Донецъ—всѣ, по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку—всѣ, по р. Иловлѣ по Иловлинской городовѣ. Отторженныи отъ Донскихъ казаковъ земли по Донцу причислены къ Бахмутской провинціи съ нѣкоторою частию оставшихся здесь Донскихъ казаковъ; земли по Айдару пожалованы Острогожскому казачьему полку; а земли въ верховьяхъ рѣки Хопра, опустѣвшія по разореніи казачихъ станицъ Пристанской, Бѣляевской, Григорьевской и прочихъ причислены къ Воронежской губерніи.

За этимъ послѣдовало новое подтвержденіе прежнихъ указовъ о высылкѣ съ Дону людей, зашедшихъ туда послѣ азовскихъ походовъ, и чтобы Донские казаки российскихъ бѣглцовъ и всякихъ безпаспортныхъ людей не держали и не принимали; войско Донское съ своей стороны сдѣлало распоряженіе, что если какая станица станетъ таковыхъ людей принимать, то той станицѣ лучшимъ людямъ десяти человѣкамъ учинена будетъ смертная казнь, а станица будетъ разорена и отъ юрта отказана. Но не взирая на всѣ таковыя строгости, казаки продолжали передерживать бѣглыхъ по Дону, Хопру и прочимъ рѣкамъ, почему о высылкѣ ихъ на прежнія жилища вновь подтверждено указами 1721, 1724 и 1726 годовъ, а 1728 г. былъ присланъ для сего на Донъ генералъ - малярь Таракановъ; но по прошенію воинскаго атамана и всего войска Донского повелѣно было Высочайшимъ указомъ 9 сентября 1728 г., во уваженіе вѣрной службы войска Донского, высылку бѣглыхъ сдѣлать изъ тѣхъ только, которые заплы на Донъ съ 1710 г., т. е. со времени утишения Булавинскаго бунта. Съ этого времени принятіе казаками бѣглыхъ людей нѣсколько умалилось. Опустошенныя жилища казаковъ по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку, мало по малу опять населены.

ГЛАБА XVIII

Перемѣны въ жилищахъ казаковъ.—Раздѣленіе земель между городками.—Военные обычаи и образъ войны казаковъ.—Образъ частной жизни казаковъ.—Начало званія старшинъ и явленіе ихъ на дѣла общественныхъ.—О зимовыхъ и легкихъ станицахъ, посылаемыхъ въ Москву.—О встречѣ на Дону званихъ станицъ съ царскими жалованьями.—О власти войсковыхъ атамановъ и войсковыхъ есауловъ.—

П е р е м ё н ы въ жилищахъ казаковъ. Въ по-
следней половинѣ XVI столѣтія казачьи городки стали умно-
жаться и имѣть лучшее устройство, нежели въ началѣ. Са-
мое многолюднѣйшее населеніе казаковъ находилось въ ниж-
ней части Дона, гдѣ основаны были главные ихъ городки:
первоначально Раздоры, потомъ Монастырскій и наконецъ
Черкасскъ. Эта городокъ обнесенъ былъ земляною стѣною
или валомъ и рвомъ, который наполнялся водою.

Въ XVII столѣтіи поселенія по р. Дону значительно умно-
жились, такъ что въ 1672 году считалось 48 казачьихъ го-
родковъ (567). Черкасскъ въ это время состоялъ изъ трехъ

(567) Дѣла Донскія, показаніе станичнаго атамана Фрола Минаева, въ Посольскомъ приказѣ, Декабря 7 днъ 1672 года.

А Донскіе де города состоять отъ Коротояка.

1 Мигулинъ.	17 Патіибы.	33 Нижней-Каргали.
2 Тишанской.	18 Чирь-Верхнѣй.	34 Михалевъ.
3 Вешки.	19 Чирь-Нижнѣй.	35 Тралиниъ.
4 Усть-Хопра.	20 Кабыкинъ.	36 Кагальникъ.
5 Усть-Медвѣдицы.	21 Ясауловъ.	37 Ведениковъ.
6 Располинъ.	22 Зимовейко.	38 Бабей.
7 Клецкой.	23 Нагайкинъ.	39 Кочетовъ.
8 Переялской.	24 Курманъ-Яръ.	40 Семикаракорскъ. +
9 Кременской.	25 Курманъ-Яръ Нижній.	41 Раздоры.
10 Григорьевской.	26 Терновые.	42 Мелеховъ. :
11 Сиротинъ-Новой.	27 Цыма.	43 Бесергеневъ. +
12 Сиротинъ-Старой.	28 Кумшакъ.	44 Бѣлгай.
13 Иловла.	29 Романовской.	45 Манычъ.
14 Качалинъ.	30 Каргали-Верхнѣй.	46 Черкасской.
15 Пашинъ.	31 Камышкинъ-Ивановъ.	
16 Голубые.	32 Бистрианской.	

имѣются

издавна

*Въ тур. Переселено изъ Дона въ городки изъ азовъ фе-
одалъ: Бургой
Скородубъ*

станиць: Черкаской, Дурновской и Скородумовской.

Большое умножение городковъ послѣдовало около 1685 г., отъ бѣжавшихъ въ то время въ большомъ числѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ разнаго званія людей, такъ что въ 1692 году казачи селенія завелись, кромѣ р. Дона, по рѣкамъ: Донцу, Хопру, Медвѣдице и Бузулуку. Черкасскъ въ это время раздѣлялся уже на 11 станицъ, подъ слѣдующими названіями: Черкасская, Средняя, Павловская, Прибѣлянская, Дурновская, Скородумовская, Тютеревская, Верхне-Рыковская, Старо-Рыковская, Нижне-Рыковская и Татарская; эта послѣдняя населена была татарами.

По присоединеніи Азова къ Россіи, Петръ I-й повелѣлъ войску Донскому, въ 1700 г., засѣлить двѣ дороги, идущія отъ Волуйки и Рыбнаго до Азова, употребя для сего заселенія тѣхъ казаковъ, которые обитали по рѣкамъ Хопру и Медвѣдице. Дороги эти были дѣйствительно заселены въ 1701 г., но во время Булавинскаго бунта сіи новыя поселенія казачьи уничтожены и переведены въ Донецкіе ихъ городки. Кромѣ того уничтожены тогда же и другіе казачьи городки по рѣкамъ: Дону—до Донецкаго городка (*), Хопру—до Усть-Медвѣдицкаго, по Бузулуку—всѣ, Донцу—до Луганскаго, Иловлѣ—до Иловлинскаго.

Въ образѣ устроенія жилищъ казачьихъ, въ первой половинѣ XVII столѣтія, не представляется ничего отличнаго отъ первобытнаго ихъ состоянія. Главный городъ Черкасскъ состоять изъ землянокъ, среди коихъ находилась часовня, для отправленія Богослуженія. Въ концѣ второй половины сего столѣтія Черкасскъ принялъ иной видъ: войсковые атаманы, старшины и замѣточные казаки завели въ ономъ хорошия деревянные дома; а въ 1653 г. построена тутъ первая деревянная церковь: во имя Воскресенія Христова, и для отправленія въ ней службы Божіей присланы изъ Москвы три свя-

(*) Нынѣ Донецкій городокъ не существуетъ, на томъ мѣстѣ поставленъ былъ въ 1711 году монастырь, переведенный изъ Азова.

щенника и одинъ діаконъ. Во время славной азовской занѣтии (въ 1641 г.) казаки, тѣснимы непріятелемъ, дали обѣтъ соорудить церковь сю, если Богъ избавитъ ихъ отъ враговъ. Донцы одержали побѣду надъ турками, но церковь до 1649 г. не была начата. Въ этомъ году сдѣлалось въ Черкасскѣ ужасное моровое повѣтріе: казаки обратились къ Богу съ прежнимъ обѣтомъ—повѣтріе исчезло; въ слѣдующемъ году они приступили къ сооруженію храма (568). 1670 г. церковь ся сгорѣла; вмѣсто оной, черезъ два года послѣ того выстроена другая деревянная же, которая также, какъ и первая, въ бывшій 1687 г. пожаръ сгорѣла со всѣю утварью. Послѣ сего казаки соорудили въ Черкасскѣ двѣ каменные церкви: одну во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла 1692 г. (569), а другую соборную во имя Воскресенія Христова 1719 года (570).

Городокъ Черкасскій—мѣстопребываніе войсковыхъ атамановъ управлять всѣми казачими городками и назывался въ тогдашнее время „Главное войско“ Тутъ была безпрерывная дѣятельность: наряжали сухопутныя и морскія партии для поисковъ, принимали посланцевъ отъ сосѣдственныхъ народовъ и отсюда отправляли своихъ къ нимъ, заключали миръ и объявляли войну.

Раздѣленіе земель между городками. Въ началѣ, новые пришельцы на Донъ, безъ всякихъ свѣдѣній со стороны Главнаго войска, занимали городками въ пустѣ лежавшія мѣста по рѣкѣ Дону и по другимъ впадающимъ въ ону большими рѣкамъ, но когда времена отъ времени поселенія умножились, тогда началось раздѣленіе поземельныхъ доволѣствий (или юртовъ) между городками и ограниченіе права захватывать самовольно новыя земли. Желающіе основать городокъ въ пустомъ мѣстѣ, являлись въ Главное войско съ словесною въ томъ просьбою; войсковой кругъ по разсмотрѣ-

(568) Такъ же, докладъ государю царю Алексѣю Михайловичу, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1650 года.

(569) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1692 года.

(570) Дѣла Донскія, докладная записка государю.

и таковой просьбы, дозволяль охотникамъ занять просимыя мѣста и собрать столько людей, сколько могутъ отъ того юрта прокормиться (571). Заемщики сихъ новыхъ юртовъ, для составленія городка, или приглашали старожиловъ изъ другихъ городковъ, или принимали єъ свое общество бѣглцовъ разнаго званія.

Разграничение юртовыхъ довольствій производили новопоселяющіеся казаки сами съ общаго согласія сосѣднихъ станицъ; они составляли по сему предмету запись и представляли ее въ Главное войско. Вслѣдствіе сего войско выдавало станицамъ такъ называемыя разводныя грамоты. Надобно замѣтить, что въ разграничение входили только самыя удобныя мѣста, какъ то: лѣса, луга и озера, находящіяся при берегахъ рѣкъ, и нѣкоторая часть прилежащей къ тѣмъ рѣкамъ степи; отдаленные же отъ станицъ земли находились въ общемъ довольствіи, границы юртовъ означаемы были не столбами или другими знаками, а просто живыми уручищами или замѣчательными признаками природы. Весьма легко случалось, что таковыя границы чрезъ нѣкоторое время уничтожались; отъ этого происходили между станицами споры за поземельные довольствія. Въ такихъ случаяхъ недовольные, обыкновенно, искали правосудія въ войскѣ. Для прекращенія споровъ войсковой кругъ поручалъ кому либо разобрать дѣло на мѣстѣ, или склонялъ спорящихъ къ согласію на общую

(571) Войсковая грамота 1681 г.

Отъ Донскихъ атамановъ молодцовъ отъ Орола Минаевича и отъ всого великаго войска Донскаго, въ верхъ по запольной нашей рѣкѣ по Сѣверскому Донцу, городокъ отъ городка покамѣсть намъ казачій присудъ. Вѣдомо ѿмъ атаманы молодцы будетъ: въ имѣніи въ 7189 г., генвари въ 3 день, били челомъ великому государю и великому князю Федору Алексѣевичу, всемъ Великия и Малыи и Бѣлыи Россіи Самодержцу, въ кругу словесно изъ Кагальницкаго города Михайло Ивановъ да Веденникова городка Иванъ Медведъ, Аника , а въ словесномъ своемъ человѣтѣ скавали, чтобы имъ великій государь пожаловалъ вѣльъ имъ занять юртъ Гундоровской, и по указу великаго государя и по нашему войсковому приговору, мы все великое войско Донское вѣльи ему Михайло Иванову съ товарищи въ Гундоровскомъ юрту поселяться и станицу собрать, сколько имъ угодно, чтобы прокормиться

правду, т. е. на рѣшеніе какого нибудь старожила, который поклявшись предъ Евангеліемъ поступить въ этомъ дѣлѣ во совѣсти, долженъ быть со святою иконою пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю границу: чрезъ какія уроцища проходилъ сей посредникъ тажбы, такъ и считалась граница юрта.

Въ началѣ XVIII столѣтія, когда поселенія казачьи умножились, то и обрядъ дозвolenія со стороны Главнаго войска на занятіе новыхъ юртовъ нѣкоторымъ образомъ измѣнился. Объявившимъ желаніе завести новую станицу давалась отъ войска такъ называемая заимная грамота; въ ней излагалось дозволеніе занять безпрепятственно отъ соседнихъ станицъ въ пустѣ лежащія мѣста, и собрать станицу. Когда по таковому дозволенію учреждалось поселеніе, тогда основатели станицы обязаны были вновь входить съ прошеніемъ въ войско и представить отъ себя и отъ соседнихъ станицъ разводчиковъ, на совѣсть коихъ полагалось безобидное разграничение поземельныхъ довольствій съ смежными станицами. За тѣмъ разграничение это записывали и представляли въ войско на утвержденіе; послѣ сего войско выдавало уже разводные грамоты. Иногда выдавались заимные грамоты съ такимъ предписаніемъ, чтобы какъ основатели новой станицы, такъ и станицы смежныя, съ общаго согласія между собою, назначили сами границы нового юрта и составили о томъ запись, въ отвращеніе на будущее время споровъ.

Военные обычай и образъ войны казаковъ. Главные непріятели казаковъ были Азовцы, съ ними вели они почти непрерывную брань. Азовъ, какъ важная турецкая пограничная крѣпость, содержалъ въ себѣ всегда, смотря по силамъ и предпріятіямъ казаковъ, отъ трехъ до четырехъ тысячи войска.—Казаки мирились съ азовцами только для выкупа или размѣны шленныхъ, и потомъ, вскорѣ, подъ разными предлогами, разрывали миръ. Побудительная причина къ частому разрыву мирныхъ договоровъ заключалась въ томъ, что казаки въ войнѣ находили источникъ своего довольства и бо-

гатства. Нерѣдко случалось, что, казаки должны были по повелію царскому содержать перемиріе годъ или два, въ такомъ случаѣ присыпалось къ нимъ изъ Москвы прибавочное жалованье.

Въ старину казаки почитали безчестіемъ просить мира у азовцевъ и никогда не начинали переговоровъ о перемирії. При заключеніи мира соблюдались были некоторые обряды сопровождаемые обоюдою клятвою. Дѣло, обыкновенно, начиналось тѣмъ, что въ Главное войско привлажали мирошки склонять казаковъ къ прекращенію войны, и когда успѣвали въ томъ, то поставляли условія договора, утверждаемыя со стороны казаковъ присягою лучшихъ атамановъ, а со стороны азовцевъ шертованіемъ старѣйшинъ города. Статьи мирныхъ договоровъ, обыкновенно, заключались въ томъ, чтобы казакамъ чрезъ замирныя мѣста неходить на море, а азовцамъ на Русскую украину и на казачьи городки. Иногда въ договорахъ объяснялось по какой именно городокъ азовцы не должны ходить войною на казаковъ (572). Бывали случаи, что азовцы выговаривали у казаковъ извѣщать ихъ о томъ, что будетъ писано въ грамотахъ Русского царя на Донъ, обязываясь взаимно увѣдомлять казаковъ о всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Турціи и Крыма; но сіи условія со стороны казаковъ не были исполняемы, хотя сами они изъ Азова получали подобныя извѣстія (573). При разрывѣ мира казаки

(572) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи воинскаго атамана Ивана Семенова, 1690 г. декабря 15 дня.

„А перемирье де у нихъ изстари съ Азовцы общлое, и бываетъ по мѣсу и по два и по году и больши, только для освобожденія взятыхъ своихъ казаковъ, на обмѣнъ за взятыхъ же Азовцевъ и за деньги, а недля чего ишаго, и договор... чтобы имъ на государевы украинные города, такъ же и подъ ихъ казачьи городки до Пятиизбъ войною неходить, и когда де подъ украинные города войною пойдутъ и тогда они собрався войскомъ за ними же ходить и догнавъ бывать.“

(573) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Волуйскаго станичника Савина, июня 3 дня 1655 г.

„А у Донскихъ казаковъ съ Азовцы миръ, а замиренность у Азовцевъ съ

посылали въ Азовъ размирную грамоту. Послѣ такового объявленія полагалось три дня не начинать войны; по прошествіи же срока отрывались съ обѣихъ сторонъ непріятельскія дѣйствія (574).

По замиреніи обѣ стороны никогда не имѣли довѣренности одна къ другой, по этому при размѣнѣ или выкупѣ пленныхъ на окунномъ мѣстѣ, находилось всегда съ обѣихъ сторонъ по нѣсколько сотъ вооруженнаго войска. Случалось что вѣроломные азовцы не только отнимали пленныхъ силою, но даже захватывали и самыхъ казаковъ; чрезъ это обыкновенно возгоралась вновь война. Не взирая на сильную ненависть къ туркамъ и татарамъ, казаки иногда имѣли въ Азовѣ пріятелей, которые, бывъ подкуплены деньгами и ласками, доставляли имъ свѣдѣнія о движеніяхъ непріятельскихъ и о ихъ замыслахъ. Людей этихъ въ войскѣ никогда не безчестили убийственнымъ наименованіемъ шпionовъ или перемѣтчиковъ; но принимали какъ добрыхъ своихъ пріятелей и обыкновенно называли ихъ: наши прикормленные люди.

Казаки знали не только что дѣжалось въ Азовѣ, но даже въ Крыму и на Кубани, куда ежегодно посылали изъ войска

Донскимъ казакамъ на томъ, что имъ другъ другу про всکія вѣсти сказывать: Азовцамъ сказывать куды турского царя новѣльные будеть крымскому царю и татаромъ въ войну ити, или крымскій царь куды пошлетъ татаръ въ войну, хотя и безъ турского вѣдома; а Донскимъ казакамъ сказывать имъ какими государевы грамоты присланы будуть къ нимъ на Донъ и какой государевъ указъ въ тѣхъ грамотахъ писанъ будеть къ нимъ. И у Азовцевъ де съ Донскими казаки нѣть не либы за то, Азовцы говорять, что они на правдѣ своей стоять, про турскіе и про крымскіе вѣсти имъ Донскимъ казакамъ сказываютъ, а къ нимъ на Донъ государевы грамоты присылаютъ и о томъ они Донскіе казаки имъ Азовцамъ не сказываютъ.“

(874) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ларіона Фролова и засуда Емельяна Иванова, 1679 года марта 16-го числа.

„А какъ они съ Дону побѣхали, и милостю де Божию и великаго государя счастіемъ на Дону все было здорово и смироно; а съ азовцами де они не въ жиру а какъ де размирились и межъ ими де былъ договоръ, чтобы послѣ трехъ дней ходити изъ войска ихъ подъ Азовъ многажды для поиску землью и для добычи.“

шо нѣсколькою партій для языковъ. Въ Черкасъ присыпали за вѣстыми изъ Астрахани, Царицына, Тамбова и Воронежа. Казаки сами посыпали по нѣсколько разъ въ годъ вѣстовыя станицы въ Москву.

Для стадъ своихъ казаки готовили близь городковъ на зиму сѣно, которое оставалось среди луговъ.—Былъ тогда постоянный договоръ у казаковъ съ азовцами ни въ какомъ случаѣ не жечь сѣна; во время войны все позволялось: брать людей въ пленъ, умерщвлять ихъ, сожигать городки; грабить имущество, но сѣна не трогать (575).

Въ мишеніи казаки доходили до величайшей жестокости. Прикочевавши въ сосѣдство къ казакамъ (около 1650 г.) калмыки часто то мирились, то враждовали съ ними. Даже во время мира украдкой переходили они чрезъ Донъ, хватали казаковъ, жгли ихъ сѣно, угнали стада и нерѣдко разоряли самые городки. Въ такихъ набѣгахъ, казаки однажды, поймавъ нѣсколько знатныхъ калмыковъ, привязали ихъ къ хвостамъ лошадей и растаскали близь Черкаска, въ присутствіи калмыцкихъ пословъ, которые предлагали казакамъ выкупъ за каждого пленного по 200 и 300 лошадей (576).

(575) Тамъ же, докладъ царю Алексѣю Михайловичу 1648 г.

„А къ зимѣ де они (говорилъ войсковой есаулъ Василий Микитинъ) готовятъ сѣна, и Крымцы де и Ногайцы и Азовцы сѣна у нихъ не жгуть, потому только де у нихъ сѣна жечь, и они де пришедъ подъ Азовъ, оконе Азова все разорять и въ томт де у нихъ съ Азовцы живеть миръ.“

(576) Дѣла Донскія, описка войска Донскаго въ Посольскій приказъ.

„А съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ сердечное дружелюбие имѣть (Аюка ханъ), и поругаемся такими поруганьями, привязать къ лошадинымъ хвостамъ, таскаемъ предъ прислаными посланцами его же аюкаевыми и мункотемировыми, а присланы были для юртовыхъ межъ нами дѣль; а тѣхъ аюкаевыхъ и мункотемировыхъ посланцовъ прислано къ намъ было больши ста человѣкъ, и они де поруганія нашего и до указу у тѣхъ нашихъ походныхъ казаковъ окупомъ окупать хотѣли, и по торговалъ цѣною давали окупу по двѣсти и по триста лошадей за человѣкъ, потому что знатные люди были, а мы ходили вали, межъ собою всѣмъ войскомъ придумавъ, имъ походнымъ казакамъ не окупно отдавать заказали, и оскуди себя войско, изъ вашего великаго государя присланного обыкновеннаго годового жалованья деньгами выдали за нихъ 250 рублей.“

Запорожцы, всегдашие сподвижники Донскихъ казаковъ, почти ежегодно приходили на Донъ; казаки честили ихъ, раздѣляли съ ними всѣ опасности, но не позволяли имъ входить въ Черкасскій городокъ кромѣ небольшаго числа (577), называя всегда людьми непостоянными и склонными къ изменѣнію. Дѣйствительно, въ Азовѣ находилось нѣсколько десятковъ запорожцевъ, принявшихъ магометанскую вѣру: таковыхъ отступниковъ казаки называли охриянами. Если кто изъ отступниковъ попадался въ плѣнъ, то ихъ вѣшали на якорѣ. — У казаковъ было принято за непремѣнное правило казнить смертію всѣхъ тѣхъ плѣнныхъ, кои были пойманы на острову, на которомъ стоялъ Черкаскъ. Въ поискахъ своихъ казаки брали все что лучше, цѣннѣе и нужнѣе для нихъ, въ особенности они привозили весьма много плѣнныхъ и освобожденныхъ ими изъ неволи разныхъ націй и званія людей. Плѣнныхъ непріятелей умерщвляли только тогда, когда небыло возможности помѣстить на своихъ ладьяхъ. Грековъ щадили во всякомъ случаѣ. Въ Черкасскѣ находилось иногда тысячи по двѣ плѣнныхъ: сюда прѣѣзжали изъ Астрахани, Царицина и изъ другихъ украинскихъ городовъ для покупки ясырю и разныхъ вещей, добытыхъ на поискахъ (578). Рядовыхъ воиновъ и простолюдиновъ вымѣнивали на русскихъ невольниковъ, бо-

(577) Донскія дѣла, распросныя рѣчи волуйскаго вожа Никиты Зарубина, 25 апрѣля 1650 года.

„Да при немъ же де пришло на Донъ запорожскихъ черкасъ холостыхъ 700 чековѣкъ конныхъ, а сказали что де они пришли на Донъ въ войско для добычи собою, и Донскіе де какаки тѣхъ черкасъ къ себѣ въ войско не пріяли, остерегаясь отъ ихъ всякаго дурна, и чаять того, что они пришли къ нимъ по подсыпѣ Хмельницкаго, а вѣдѣли тѣхъ черкасамъ стать особо на ару, на другомъ острову ниже Черкаскаго.“

(578) Дѣла турецкія, распросныя рѣчи воронежца Тимофея Махиева 1651 года.

„А которые де казаки съ мора пришли на Донъ и полонъ де и всякую добычу учиали продавать, и для де покупки полонянниковъ и всякія рухляди прѣѣзжали на Донъ изъ государственныхъ городовъ торговые люди изъ Астрахани и изъ Царицина и изъ иныхъ изъ многихъ городовъ, и ясырь у казаковъ покупали рублей по 20 и по 30 и по 40 челов.“

ихъ отпускали въ свои мѣста; иностранцамъ же предоставлялась свобода оставаться на Дону или идти въ свое отчество (579). Россійскіе купцы, находившіеся въ Черкаскѣ, при отправлѣніи казаковъ на морскіе поиски, нерѣдко участвовали въ сихъ походахъ; другіе же ссужали казаковъ порохомъ, свинцомъ и ружьями съ условіемъ воспользоваться изъ полученной добычи половиною или третью частію (580).

Казаки отправляясь на морскіе поиски, не брали ничего съ собою, кромѣ небольшаго числа сухарей, муки, пшена, толокна, сущенаго мяса и рыбы. Хмѣльныхъ напитковъ не вѣдно брать подъ смертною казнью. Одѣвались въ старую вѣтошь; даже самое оружіе имѣло бѣдную наружность. Вышедъ въ море, рѣшили куда предпринять походъ въ Крымъ ли, къ Румеллійскимъ ли или Анадоллійскимъ берегамъ. Въ войсковомъ же кругу назначалось просто: идти на море; симъ средствомъ пресѣкали казаки перебѣжчикамъ возможность открывать истинное намѣреніе свое (581).

Военное устройство казаковъ было почти такое же, какъ и въ предыдущемъ періодѣ. Въ началѣ XVII столѣтія, каждое

(579) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Донскаго казака Тимофея Иванова съ товарищи, 12 сентябр. 1648 г.

„А приходили де (казаки) на Урмаметевы улусы, и въ то де время шли татаровъ изъ Литвы съ половомъ, и казаки де отбили у татаръ литовскаго полову Лиховъ, шляхть, человѣкъ съ 30 и привели на Донъ, и нынѣ де тѣ шляхта у нихъ па Дону въ войскѣ, а дали имъ волю, будеть которые похотять служить въ войскѣ и тѣ бѣ остались, а будеть которые похотятъ итти въ Литву, и они бѣ шли въ Литву.“

(580) Тамъ же, память изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій 15 сентября 1685 г.

„А которые де купецкіе люди прѣѣжаютъ къ нимъ съ Воронежа и съ Ельца и изъ иныхъ украинныхъ городовъ съ запасы и со всікими товары, и они де привозятъ порохъ и свинецъ тайнымъ обычаемъ многое число и съ ними въ походы ходить и ружье имъ на ссуду даютъ изъ полу и изъ трети.“

(581) Дѣла турецкія, № 1-й, распросныя рѣчи Воронежца Трофима Мокнева, 1651 г.

„А на которые мѣста итти имъ (казакамъ), того не вѣдомо, потому, что казаки про походъ свой, куды имъ итти, сказываютъ вышедъ на море, а покамѣста на море не выдуть, и до тѣхъ мѣстъ мысли своей да куды имъ итти ни кому не объясняютъ.“

большое походное войско подчинялось, какъ и прежде, походному атаману; раздѣлялось на полки, управляемые полковниками (или старшинами), есаулами, сотниками и хорунжими.

Казаки, смотря по надобности, составляли пѣхоту и конницу, пѣхота употреблялась болѣе въ морскихъ поискахъ, иногда и на сухомъ пути противъ азовцевъ и въ другихъ не отдаленныхъ походахъ. Впрочемъ въ 1678 г. 1,000 пѣшихъ казаковъ находилось въ походѣ къ Чигирину противъ турокъ и крымцевъ; конница же употреблялась неоднократно въ войнахъ съ Польшею и Швеціею.

Го́родъ Черкасскій всегда содержалъ въ себѣ отъ 2/т. до 5/т. вооруженнаго войска, и, кромѣ земляного вала, двойной, а иногда и тройная цѣнь пикетовъ охраняла онъ, учреждались близкіе конные раззѣзы. Военные суда стоявшія у берега Дона были прикованы цѣпями или затоплены. Въ зимнѣе время берега близь города ежедневно очищались отъ льда, и вообще наблюдалась тутъ величайшая осторожность отъ непріятеля.

Суда, на которыхъ казаки совершали плаваніе по Азовскому и Черному морямъ, были одномачтовыя, имѣли въ длину отъ 6 до 8 саж., въ 16 или 40 весель; бока обкладывались камышемъ для защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и въ отвращеніе опасности быть опрокинутымъ волнами во время бури. Суда вооружали иногда пушками и фалконетами, на каждомъ суднѣ помѣщалось отъ 30 до 80 человѣкъ.

Когда сильный непріятель грозилъ казакамъ истребленіемъ ихъ, тогда они прибѣгали съ просьбою къ Государю о помощи; и въ такихъ случаяхъ иногда присылались на Донъ по нѣсколько тысячъ ратныхъ людей. Вообще въ большой опасности отъ непріятелей, или при предпріятіи значительного похода, казаки старались дѣйствовать соединенными силами,—тогда, обыкновенно, отправляло войско посыльныхъ по всѣмъ городкамъ съ войсковыми грамотами о собраніи атамановъ и казаковъ въ Главное войско, назначая именно сколько съ каждого городка должно выступить въ по-

ходъ (582); оставшіеся же съ женами и дѣтьми сходились изъ 5 или 6 городковъ въ одно мѣсто.

Образъ войны казаковъ, на сухомъ пути и на морѣ, состоялъ, по большой части, во внезапномъ и быстромъ нападеніи на непріятеля, пользуясь или темнотою ночною или оплошностію его. Малыя партии казаковъ, отправляемыя безпрерывно подъ Азовъ, въ Крымъ и на Кубань, рыскали по полямъ, ища на травѣ слѣда (сакмы) непріятельскаго; по немъ узнавали они направлениe, число и время прохода непріятелей по тѣмъ мѣстамъ. Смотря по обстоятельствамъ, казаки или обращались назадъ, или преслѣдовали враговъ, или ожидали ихъ въ скрытныхъ мѣстахъ и нападали на нихъ нечаянно, отбивали плѣнныхъ и все пограбленное ими въ россійскихъ украинныхъ селеніяхъ или городахъ. Если ненаходили сакмы, то быстро стѣмались къ своей цѣли—врывались въ улусы, хватали тамъ людей и скотъ и поспѣшно возвращались на Донъ. Нерѣдко случалось, что казаки отбивали цѣлые табуны, тысячи по двѣ и болѣе головъ. Азовцы, ближайшіе непріятели казаковъ, находились во всегдашнемъ беспокойствѣ; казаки безпрерывно подбѣгали подъ стѣны онаго, прятались днемъ въ густыхъ камышахъ и пользуясь или оплошностію непріятеля, или ненастною погодою, хватали людей и отгоняли скотъ. По сему азовцы, для безопасности своей, нерѣдко вы-

(582) Дѣла Донскія, распроснна рѣчи стольника Косогова и дѣка Богданова, 1671 ноября 8 дн.

.... „А какъ они (Донскіе казаки) предъ святыми Евангеліемъ вѣру учинили, и въ то время они стольникъ и дѣль иль атаманъ и казакамъ говорили, чтобы они атаманы и казаки и все войско, показуючи свою вѣрную службу, или подъ Астрахань. И они атаманы и казаки говорили радостными сердцами, что они великому государю служить ради и подъ Астрахань пойдутъ. И въ иныишиемъ во 180 г.... говорили они атаманы и казаки послать подъ Астрахань изъ Черкасскаго городка съ десятка по человѣку; а которые казаки во время взятия Стены Рязана подъ Кагальникомъ не были, и тѣмъ итти всѣмъ, а изъ городковъ отъ Черкасскаго города и Панинъ городка третья части казакамъ, а отъ Панина городка до Мигулина городка поло-вки казакамъ.“

жигали камышъ около города верстъ на десять (583).

Служалось ли переплыть широкую рѣку,—казаки въ томъ время устраивали пантонъ особаго рода: связавъ плотно нѣсколько пуковъ камышу, казакъ клалъ на оный свое сѣдло и выюкъ, а самъ ухватясь за гриву коню; пускался вилавъ. Это называлось переправляться на салахъ.

Пѣхота сражалась въ стройномъ порядкѣ, имѣя во флангахъ конницу: нападенія ея были стремительны и смѣлы; и если не удавалось разстроить непріятеля, то отступала въ порядкѣ. Въ такихъ случаяхъ казаки выходили всегда съ пушками.

Любимѣйшее упражненіе казаковъ состояло въ морскихъ поискахъ, которые производили они съ особыннмъ искусствомъ и величайшою смѣлостію. Весьма часто случалось, что во времѧ сихъ поисковъ казаки лишались судовъ своихъ, или отнимали у нихъ азовцы, при обратномъ возвращеніи на Донъ; но ни въ какомъ случаѣ не имѣли они въ судахъ недостатка. При обратномъ возвращеніи съ моря, въ устьяхъ Дона, казаки встрѣчали иногда непреодолимыя препятствія: крымцы и ногайцы извѣщенны о выходѣ казаковъ въ море засыпали каменьями единственный проходъ—Казачій ерикъ, а при устьѣ Дона ставили суда свои и пушки. Казаки подходя къ Дону, имѣли величайшую предосторожность и всегда уведомляли Главное войско о своемъ положеніи, которое всѣми силами спѣшило на избавленіе своихъ собратій. Если не могли преодолѣть многочисленнаго непріятеля, то въ такомъ

(583) Тамъ же, распроснныя рѣчи станичнаго атамана Алексея Еремѣева съ товарищи, 1678 г. июля 12 дн.

..... Да они же сказали, какъ де въ Азовѣ про посыпку на Донъ разныхъ людей вѣдомость учинилась, и азовскіе де люди около Азова верстъ во десяти камышъ весь выжги, для того, чтобы имъ какакамъ подъ городъ для изысковъ подходить и въ камышъ лежать было, нельзя; а на предъ сего, какъ у нихъ тотъ камышъ не выжженъ быль, и у нихъ де изъ войска охочие ногайцы для добычи камышниковъ подъ городъ близко подхаживали и азовскихъ жителей имывали; а выѣдъ де имъ ни коими мѣрами подойти близко города не можно, потому что съ города все видѣтъ“.

случаѣ походные казаки обращались въ рѣку Міусъ, и затопивъ въ оной суда свои, проходили съ добычею сухимъ путемъ въ Черкасскъ. Казаки нерѣдко отправляли въ море двѣ или три лодки для языковъ; трудность прохода между Каланчинскими башнями заставляла ихъ прибѣгать къ хитрости: они пускали въ ночное время по рѣкѣ бревна, кои ударяли въ цѣпи, протянутыя чрезъ Донъ, содержали въ безпрерывной тревогѣ гарнизонъ турецкій и нерѣдко доводили до того, что онъ пренебрегалъ сими плавнами; тогда казаки пользуясь безопасностью стражи проплывали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море.

Отважность, съ какою производили казаки морскіе поиски, почти невѣроятна. На малыхъ судахъ своихъ, безъ компаса, безъ географическихъ свѣдѣній, пускались они въ Азовское и Черное моря; нападали на военные и купеческія суда и весьма часто брали ихъ, разоряли приморскіе города и селы: Трапезонтъ, Синопъ, Риза, Каменный-Назаръ, Керчь, Кафа, Балаклава, Темрюкъ и другіе города, были предметами ихъ поисковъ, и даже окрестности Константинаополя нерѣдко подвергались ихъ разгромленію.— Нападенія на корабли и каторги непріятельскіе казаки, обыкновенно, производили ночью или въ туманную ненастную погоду: окруживъ корабль своими судами, они старались взойти на него, и если встрѣчали сильное сопротивленіе, то прорубивъ бока его затопляли.

Образъ частной жизни казаковъ. Частная жизнь казаковъ сообразно съ военнымъ ихъ положеніемъ была единообразна; все ихъ занятіе, послѣ военныхъ трудовъ, заключалось въ звѣриной и рыбной ловлѣ. Гулебщики (такъ назывались охотники) ёздили отрядами человѣкъ по сту и болѣе по Задонскимъ степямъ, Хопру, Медвѣдицѣ и даже по Кумѣ, для ловли звѣрей; тамъ проводили они часть лѣта и почти всю зиму. Другіе камышники жили по камышамъ съ калканами и тенетами. Рыбная ловля весьма много способствовала къ поддержанію пропитанія казаковъ; хлѣбо-

пашество, какъ несообразное съ родомъ ихъ жизни, было отъ войска строго запрещено. Въ 1690 году войсковой кругъ, узнавъ, что по рѣкамъ Хопру и Медвѣдице начали сѣять хлѣбъ, послалъ по всѣмъ городкамъ свои грамоты, чтобы никто земли не пахалъ и хлѣба не сѣялъ: „а если станутъ пахать и того бить до смерти и грабить“ (584). Это обыкновеніе старалось поддерживать и верховное правительство, какъ видно изъ грамоты на Донъ (585).

Казаки жили по братски: набѣть ли это дичины, наловить ли рыбы, все дѣлили по равной части, не заботясь о будущемъ. Общества ихъ раздѣлялись по сумамъ, точно такъ, какъ у Запорожцевъ по казанамъ; человѣкъ по десяти и по двадцати имѣли все общее; поэтому еще и нынѣ казаки называютъ товарища или друга односумъ.

Живя въ городкахъ, казаки проводили большую часть времени на майданѣ или въ станичной избѣ. Здѣсь, сидя въ кругу, они вязали сѣти и тенета, рассказывали про подвиги своихъ и товарищей своихъ, и воспленяясь главными дѣлами, гѣли объ нихъ богатырскія пѣсни. Молодые казаки въ присутствіи старыхъ стрѣляли изъ луковъ и ружей въ цѣль и скакали на коняхъ.

Въ нижнихъ юртахъ представлялось со всѣмъ иное жилище. здѣсь была вѣчная дѣятельность. Кроме казаковъ, составившихъ гарнизонъ города Черкасса, тутъ всегда находилось большое число торговыхъ людей изъ украинныхъ городовъ: Воронежа, Бѣлогорода, Волуекъ, Ливенъ, Ельца, Оскола, Саратова и другихъ, съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ и многими другими припасами. Сюда присылали ежегодно посыльщиками изъ Астрахани, Царцына, Саратова, Тамбова и изъ другихъ городовъ, для узнанія на Дону вѣстей. Стеченіе народа увеличивалось съ прибытіемъ воеводы съ царскими жалованьями, или Запорожцевъ для морскихъ поисковъ обще съ Донскими

(584) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1690 г. марта 9 дн.

(585) Там же.

казаками. Это стечеиe народа разнообразили почти ежегодно приѣзжающиe турецкiе и крымскiе послы съ ихъ многолюдными свитами и российскiе саловники, высылаемые въ Черкасскъ для встрѣчи ихъ и провожанья въ Москву и обратно до Азова. Въ мирное время тутъ всегда можно было видѣть азовцевъ, ногайцевъ и въ особенности калмыковъ, которые приходили въ Черкасскъ или для продажи ясыря и лошадей, или для того, чтобы погулять съ своими знакомцами.

Казаки, страстные къ веселiю, любили среди стечеиe народнаго показывать свою пышность въ одѣждѣ. Тутъ можно было видѣть иного въ бархатномъ и камчатномъ кафтанѣ, опоясаннаго дорогимъ турецкимъ кушакомъ, другаго въ атласномъ и настрафильномъ запунѣ, съ шелковою рубашкою, въ красныхъ или желтыхъ сафьянныхъ салогахъ и въ куньей шапкѣ съ бархатнымъ верхомъ. Иные одѣвались въ богатые турецкiя, черкескiя или калмыцкiя одѣжды. Немѣцкаго же платя казаки чуждались. Сему обычай не измѣнили они даже до конца XVIII столѣтiя. Нетрѣ Великiй предписавъ въ Россiи повсѣмѣстно употребленiе иѣмецкаго платя и запретивъ носить бороды, не распространилъ сего на казаковъ: они, въ 1705 г., чрезъ атамана своего, принесли Монарху благодарность за столь милостивое вниманiе къ ихъ обычаямъ (586).

При угощениi русскихъ дворянъ и калмыцкихъ пословъ, казаки старались казаться пышными, разливая медь и вино въ серебрянныя чаши и ковши. Гостепрiимство у казаковъ почиталось первѣйшимъ народнымъ обычаемъ.

На поискахъ казаки брали въ плѣнь весьма много женщинъ, женъ знатныхъ мурзъ отдавали въ окунь, прочихъ же, привѣтливымъ обхожденiemъ, прiохочивали ко всегдашней жизни у себя, и обыкновенно жениились на нихъ. Нѣкоторые вѣнчались по уставу, другiе ограничивались однимъ простымъ объявленiемъ предъ народомъ объ избранныхъ ими женахъ.

(586) Дѣла Донск., показанiе станичаго атамана Саввы Кочета 1705 года.

Сей последний обрядъ въ старину былъ всеобщій и совершился такимъ образомъ: женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ собраніе народа на площадь. Помолаясь Богу, кланялись на всѣ стороны, и женихъ назвавъ невѣstu по имени, говорилъ ей: „ты будь мнѣ жена!“ Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала также называя его по имени: „а ты будь мнѣ мужъ!“ Послѣ сихъ словъ, вступившіе въ бракъ целовали другъ друга и принимали отъ всего собранія поздравленіе. Этимъ оканчивался весь обрядъ и совершенное такимъ образомъ супружество считалось законнымъ.

Сколько легко было по обычаямъ казаковъ заключать супружество, столь же легко и разорвать оно: мужъ могъ сдѣлать это во всякое время даже подъ тѣмъ предлогомъ, что жена ему не нравилась. При разводахъ существовалъ особенный обрядъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ „атаманы-молодцы, она была мнѣ услужливая и вѣрная; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ!“ Отказанную жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего платка, и точно съ тѣмъ же объясненіемъ предъ всѣмъ народомъ: „ты будь мнѣ жена и проч!“ Прикрытие полою считалось весьма важнымъ: оно значило снять съ отказанной жены безчестіе развода. Впрочемъ въ старину большая часть казаковъ оставались холостыми, такъ что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Изъ преданій известно, что таковая безбрачная жизнь казаковъ продолжалась до исхода XVII столѣтія.

Кромѣ плѣнныхъ татарокъ, турчанокъ и черкешенокъ, казаки нерѣдко уводили насильно замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ изъ пограничныхъ Россійскихъ городовъ и селеній. Въ старину у казаковъ женщины вообще не пользовались уваженіемъ. Они обязаны были всегда и вездѣ оказывать мужчинамъ почтеніе: если случалось женщинѣ встрѣтиться съ вооруженнымъ казакомъ на узкихъ помостахъ тѣсныхъ улицъ Черкаска, то она, не смотря на грязь, должна была уступить мѣсто воину.

Продолжительное пребываніе въ Черкаскѣ россійскихъ куп-

цовъ, прѣбывавшихъ съ различными товарами, частые поѣздки казаковъ въ Москву и обладаніе ихъ болѣе пяти лѣтъ городомъ Азовомъ имѣли сильное вліяніе на умягченіе нравовъ казачьихъ и на введеніе лучшаго устройства въ жилищахъ ихъ. Болѣе уважаемые атаманы Донскіе: Наумъ Васильевъ, Осипъ Петровъ, Михайло Самарянинъ, Павель Федоровъ, Родіонъ Осиповъ и Корнило Яковлевъ, пріохочиваемые въ Москвѣ ласковыми пріемами, часто живали тамъ; и присмотрѣвшись къ жизни бояръ русскихъ, охотно перенимали ихъ пышность, и тѣмъ непримѣтно вводили на Дону пріятныя для нихъ но-вости въ общежитіи, удаляясь отъ старинныхъ привычекъ. Таковыя нововведенія впослѣдствіи поддерживаемы были атаманами: Иваномъ Семеновымъ, Лукьянномъ Максимовымъ и въ особенности Фроломъ Минаевымъ, знатиѣйшимъ изъ всѣхъ бывшихъ до него на Дону атамановъ. Онъ не менѣе 20 разъ былъ избираемъ казаками въ войсковые атаманы; пятьдесятъ лѣтъ дѣятельной военной жизни доставили ему значительное богатство, умѣніе управлять мнѣніями и сердцами народа, милостивую благосклонность Государя Петра Великаго и уваженіе тогдашнихъ русскихъ вельможъ. Вообще во время управления Минаева войскомъ Донскимъ общежитіе казаковъ весьма много сблизилось съ образомъ жизни русскихъ. Въ его управлѣніе сооружена была въ Черкасскѣ каменная церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла и начата постройка каменнаго собора и по нынѣ существующихъ.

Съ этого времени общественные обычаи на Дону примѣтно начали усовершенствоваться, къ чему очень много способствовало отнятіе у турокъ Азова и запрещеніе верховнаго правительства производить казакамъ самовольно морскіе и сухопутные набѣги.—Съ этого жъ времени полки казачьи стали употребляться въ составѣ россійской арміи. Врожденная дѣятельность казаковъ, не находя для себя пищи въ военныхъ занятіяхъ въ сосѣдствѣ жилищъ своихъ, обратилась на житейскій кругъ: у нихъ явились большія стада рогатаго скота

и табуны лошадей, явилось хозяйство, о которомъ они прежде мало заботились.

Начало званія старшинъ и явленія ихъ на дѣла общественныя. Отличная храбрость и благородуміе всегда были уважаемы казаками: они охотно подчинили себя мужамъ искусствамъ въ военномъ дѣлѣ и называли ихъ атаманами. Въ царствование Иоанна Васильевича и Феодора Иоанновича грамоты на Донъ (послѣ титула) писывали: „на Донъ Донскимъ атаманамъ и казакамъ!“, или „на Донъ Донскимъ атаманамъ (следуютъ имена ихъ) и всѣмъ атаманамъ и казакамъ.“

Сіи самые атаманы были никто иной въ послѣдствіи времени какъ старшины, которые руководили казаковъ и на войнѣ и во время мира. Название старшины въ первый разъ упоминается 1649 г. въ донесеніи дворянинка Андрея Лазарева въ Посольскій приказъ, где слово старшины употреблено вместо атамана (587).

Потомъ въ показаніи станичного атамана Казьмы Дмитріева, пріѣхавшаго съ Дону въ Москву 1655 г., въ Посольскомъ приказѣ онъ между прочимъ сказалъ, что начальникомъ у нихъ въ морскомъ походѣ былъ старшина Павелъ Нескочихинъ. Послѣ сего весьма часто встрѣчается въ актахъ название старшина, которое означало одно и то же, что и атаманъ. Съ 1680 года название атамановъ весьма рѣдко встрѣчается въ актахъ, кромѣ однихъ только грамотъ, въ коихъ обыкновенно писывали: „на Донъ въ нижніе и верхніе юрты атаманамъ и казакамъ, войскому атаману (такому-то) и всему войску Донскому;“ въ донесеніяхъ же въ Посольскій приказъ разныхъ чиновниковъ, бывшихъ на Дону, атамановъ всегда называли старшинами

(587) Дѣла Донскія, отписка въ Посольскій приказъ дворянинка Андрея Лазарева, полученная въ Москвѣ 1649 г., сентября 13 дн.

„ А какъ они казаки почали наражать же на море, и я холопъ твой, о томъ имъ говорилъ старшинамъ и всему войску, что они дѣлаютъ не противу твоего Государева указу“.

(588). Въ 1695 году Государь Петръ I-й посыпая изъ Тамбова на Донъ корпусъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Гордона, предписывалъ войску Донскому, чтобы для встрѣчи и провожанія тѣхъ войскъ посланы были изъ Черкасского въ верхніе городки изъ старшины войсковой знатные люди, чтобы сей указъ вромъ войскового атамана Фрола Минаева и старшины кому надлежить, ни кому не быть извѣстенъ. Послѣ сего, название старшина сдѣлалось столь общимъ, что и войско Донское въ донесеніяхъ своихъ къ Государю именовало знатныхъ людей своихъ старшинами: „и мы выбравъ въ кругу—доносили казаки Государю въ 1705 года—старшинъ Максима Фролова, Василья большаго Познѣева, Ефрема Петрова и прочихъ посыпали ихъ войскомъ пѣдь Царицынъ“ (589).

Изъ современныхъ актовъ не видно, въ какое именно время название старшинъ обратилось въ чинъ. Сие вѣроятно послѣдовало въ половинѣ XVII столѣтія, когда число казаковъ значительно умножилось на Дону, основались постоянныя жилища ихъ, и когда нравы и образъ жизни совершенно перемѣнились: вмѣсто древней простоты мало по малу начала водворятся роскошь, а съ тѣмъ вмѣстѣ развиваться честолюбіе. Отсюда родились въ войскахъ разнаго рода дѣла какъ-то: раздача земель подъ поселеніе новыхъ городковъ, разбирательство споровъ между станицами за юртовыя довольствія, тяжбы за имѣнія, наказанія за поступки уголовные, которые решались тогда обыкновенно въ войсковомъ кругу—старшинами и казаками. Атаманы и старшины, какъ первенствующій классъ народа, естественно имѣли перевѣсъ надъ прочими казаками, отличаясь отъ онаго умомъ и богатствомъ, и потому

(588) Дѣла Донскія, распросный рѣчи Посольскаго приказа толкача Тараса Иванова, прѣхавшаго съ Дона въ Москву 1683 г. сентября 21 дня.

(589) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго въ Посольскій приказъ 1705 года.

„ И послали мы ходопи твои, на противность имъ, Астраханскимъ измѣнникомъ, выбравъ конную въ кругу изъ старшинъ Максима Фролова, Василья большаго Познѣева, Ефрема Петрова съ товарищи“

не было никакого препятствія имъ присвоить себѣ навсегда преимущества, сопряженныя съ ихъ званіемъ.

Власть старшинъ начала увеличиваться съ ограничениями своеволія казаковъ, что послѣдовало вскорѣ по возшествіи на престолъ Государя Петра I-го; старшины мало по малу приходили въ силу и наконецъ присвоили себѣ право распоряжаться всѣми войсковыми дѣлами, коими прежде управлять кругъ. Сему способствовали разныя обстоятельства, а главнѣйшая изъ нихъ—безпрерывное командированіе казаковъ въ составъ россійской арміи подъ начальствомъ старшинъ, назначеніе войскового атамана отъ верховной власти безъ перебѣга. Возведеніе въ званіе старшинъ зависѣло отъ войска, оно же и лишало сего достоинства за преступленія (590); но въ 1754 г. запрещено войску Донскому производить въ старшины безъ представленія въ Военную Коллегію.

О зимовыхъ и легкихъ станицахъ, посылаемыхъ въ Москву. Зимовыя станицы получили свое наименование и происхожденіе отъ ежегодного отправленія изъ войска въ Москву определенного числа казаковъ, подъ начальствомъ знатнаго атамана, для полученія царскаго жалованья и доставленія онаго въ войско. Легкія станицы такъ названы потому, что изъ войска отправляли по нѣсколько разъ въ годъ наскоро въ Москву не большое число казаковъ въ Посольскій приказъ съ войсковыми отписками о разныхъ пограничныхъ вѣстяхъ, а иногда съ представленіями пленныхъ татаръ или турокъ. До 1672 г. легкія станицы состояли изъ станичнаго атамана, есаула и десяти или болѣе рядовыхъ казаковъ; но въ семъ году велико Донскому войску присыпать впередь въ легкихъ станицахъ по два человѣка, зимою въ Болуйку, а лѣтомъ въ Воронежъ, гдѣ и отдавать войсковыя отписки тамошнимъ воеводамъ, отъ коихъ выдавалось каждому казаку по 5 руб.—Если съ станицею будутъ посланы пленные, то представлять ихъ прямо въ Москву; и въ

(590) Войсковая грамота во всѣ казачьи города 1751 г. ноября 29 дн.

станицахъ таювыхъ должно находиться казаковъ вдвое противъ плѣнныхъ (591). Въ 1693 г. поставлено за непремѣнное правило, чтобы впредь зимовыя станицы состояли изъ 98 рядовыхъ казаковъ, одного атамана и есаула, а легкія станицы не болѣе 10 человѣкъ.

Назначеніе въ зимовыя и легкія станицы почиталось важною наградою и потому въ составъ оныхъ поступали люди отличной храбрости. Зимовыя станицы, обыкновенно, отправляемы были подъ начальствомъ войсковыхъ атамановъ или знатнѣйшихъ старшинъ. Въ Москвѣ донскія зимовыя станицы удостоиваемы бывали особе рахъ почестей: на прїездѣ и на отпускѣ ихъ представляли Царю; угощали въ дворцѣ царскими столомъ съ довольствомъ и подчивали романеемъ; жаловали атамана, есаула и каждого казака порознь подарками.

Выдача подарковъ зимовой станицѣ производилась въ разное время не одинаково. Въ 1692 г. на прїездѣ пожаловано было: атаману серебряный ковшъ въ полтора фунта, камки 10 аршинъ, тафты 5 аршинъ, сукна лундыши 5 аршинъ, 40 соболей въ 30 руб. и деньгами 20 руб., есаулу: сукна лундыши 5 арш., тафты 10 аршинъ, пара соболей въ 5 руб., деньгами 13 руб.; рядовымъ казакамъ, каждому сукно англійское 5 аршинъ, деньгами 11 руб., пара соболей въ 3 руб. Зимовая станица обыкновенно находилась въ Москвѣ три мѣсяца и получала ежедневно на содержаніе изъ казны деньги, вино, медъ и пиво: атаману поденнааго корму 6 алтынъ и 4 деньги, 6 чарокъ вина, 3 кружки меду и 3 кружки пива; есаулу 4 алтына и 2 деньги, 4 чарки вина, 3 кружки меду и 3 кружки пива; рядовымъ казакамъ 3 алтына и 2 деньги, 3 чарки вина, 1 кружка меду и 2 кружки пива. Въ день Рождества Христова на всю зимовую станицу выдаваемо было 20 ведръ вина, 20 ведръ меду и 4 ведра пива, да на покупку 20 рублей деньгами. На отпускѣ вся станица получала новые по-

(591) Дѣла Донскія, спраzdка учененная въ Посольскомъ приказѣ 1682 года.

дарки: атаманъ денегъ 12 руб., да деньгами жъ: за сукно лундыши 6 руб., за камку 5 руб., за пищаль 5 руб., за пашу соболей на шапку 10 руб.; есауль денегъ 10 руб., за сукно англійское 3 руб., за тафту 2 руб., за пищаль 3 руб.; рядовые казаки: денегъ по 9 руб., за сукно англійское по 3 руб., итого по 12 руб.. да сверхъ того по два фунта пороху и по два фунта свинцу. Станица подчиваана была въ дворцѣ три раза: на пріѣздѣ, въ день Богоявленія Господня и на отпускѣ; но съ 1716 года вмѣсто тѣхъ трехъ столовъ была выдаваема имъ за то денежная дача по 215 руб. 70 коп., атаману для Ѣзда въ Москву давали съ государевой конюшни лошадь съ санями; а въ послѣдствіи вмѣсто того на наемъ лошади для Ѣзда по рублю на недѣлю.

Сверхъ трехъ мѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ зимовой станицы продолжаема была поденная денежная дача по два мѣсяца на дорогу въ оба пути.

Легкой станицы атаманы и казаки пользовались въ Москвѣ меньшими преимуществами противъ зимовыхъ станицъ. Во время пріѣзда войскового атамана Корнилы Яковлева съ легкою станицею, который привезъ въ Москву въ 1671 г. известнаго бунтовщика Разина, также и во время пріѣзда въ 1706 г. станичнаго атамана Саввы Кочетова, который привезъ въ Москву астраханскихъ возмутителей, атаманамъ и казакамъ было дано поденного корму вдвое противъ прежнихъ дачъ, а именно: атаману въ день по 5, есаулу по 4, рядовымъ казакамъ по 3 алтына и по двѣ деньги; медъ и пиво и прочие подарки, противъ зимовыхъ станицъ. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Петра Великаго станичнымъ атаманамъ жалованье и поденные дачи кормовыхъ денегъ были удвоены. Зимовыя станицы обыкновенно отправлялись изъ войска на г. Волуйку откуда на подводахъ были доставляемы въ Москву, число подводъ давано было какъ при слѣдованіи въ Москву, такъ и обратно до Воронежа: атаману 3, есаулу 2, а рядовымъ казакамъ по одной подводѣ. Изъ Воронежа въ Черкасскъ зимовыя станицы слѣдовали рѣкою Дономъ.

Во время нахождения въ Москвѣ зимовыхъ станицъ нерѣдко посыпали на Донъ изъ тѣхъ станицъ казаковъ съ нужнейшими грамотами, въ такомъ случаѣ посланными выдавали изъ казны, кромѣ вормовыхъ денегъ, еще на лошадей по 10 и по 15 рублей.

О встѣрѣчѣ на Дону зимовыхъ станицъ съ царскими жалованьемъ. Царское жалованье войско Донское начало получать со временія Царя Федора Иоанновича; оно состояло въ деньгахъ, продовольственныхъ и воинскихъ припасахъ, а иногда посыпались пушки, желѣзо, лодочные трубы, писчая бумага, для церквей: колокола, ладонь, церковное вино, книги и проч. Для полученія жалованья войско отправляло, какъ выше сказано, въ Москву зимовую станицу съ войсковою члобитною обѣ отпускѣ жалованья на такой то годъ; члобитная обыкновенно заключалась такими словами: „чтобы намъ холопемъ твоимъ, живучи на твоей государевой службѣ на Дону, голодно смертью не умереть и вѣчино твоей государевы вотчины рѣки Донъ вѣчнымъ непріятелемъ туркамъ и крымцамъ не подать и отъ вѣчныхъ непріятелей въ посмѣхъ не быть“ (592). Зимовая станица возвращалась изъ Москвы сухопутно до Воронежа; въ Воронежѣ изготавившись къ отплытию рѣкою Дономъ, отправлялась оттуда въ Черкасскъ на нѣсколькихъ баркахъ, съ царскимъ жалованьемъ, по первой полой водѣ, въ сопровожденіи особаго, назначенаго для того, царскаго дворянина, который, по прибытіи на мѣсто, обязанъ былъ сдать войску Донскому всѣ деньги и вещи съ нимъ посланныя.

Встрѣча царскаго дворянина и принятие жалованья сопровождаются были особынными обрядами, которые были постоянно соблюдаются казаками въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія, съ нѣкоторыми только измѣненіями. Во время слѣдованія барокъ съ жалованьемъ рѣкою Дономъ, каждая станица

(592) Дѣла Донскія, члобитная Донскаго войска обѣ исправленіи денежнаго и хлѣбнаго жалованья 1672 г. ноября 10 днія.

обязана была встрѣтить оных на границахъ своего юрта и проводить ихъ до сосѣдняго, съ ружейною и пушечною пальбою.

Дворянинъ, доставлявшій жалованье, получалъ по предмету сему особый наказъ отъ Посольскаго приказа, въ которомъ излагался весь церемоніалъ сдачи жалованья. Церемоніалъ этотъ былъ также однообразенъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями, особенно въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія. Дворянину предписывалось: по прибытии въ нижніе юрты послать отъ себя въ войско нарочного сказать, что онъ посланъ отъ Государя къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ съ государевымъ жалованьемъ, и они бъ встрѣтили его и къ себѣ въ юрты приняли честно, по прежнему обычаю, и мѣсто, гдѣ въ юртахъ стоять, указали.

По сему извѣщенію войсковой атаманъ, въ сопровожденіи войсковыхъ есауловъ, старшинъ и всѣхъ станичныхъ атамановъ и наличныхъ казаковъ выѣзжалъ изъ города, и по приближеніи къ зимовой станицѣ встрѣчавшіе производили ружейную пальбу. Затѣмъ войсковой атаманъ съ старшинами и станичными атаманами входилъ на барку, на которой находился атаманъ зимовой станицы; тутъ поздравляли они другъ друга съ царскою милостію и благополучнымъ прибытіемъ; шили за здоровье царское и за все войско изъ того серебряннаго ковша, которымъ жалованъ въ Москву атаманъ зимовой станицы. Послѣ сего весь поѣздъ приближался къ Черкаску, и встрѣчаемъ былъ пушечными выстрѣлами со всѣхъ городскихъ батарей.

По прїездѣ въ Черкассы, дворянинъ и всѣ встрѣчавшіе атаманы и казаки шли въ церковь, слушали молебень. Потомъ дворянинъ, вышедъ изъ церкви, кланялся по обычаяу отъ себя атаманамъ и казакамъ и спрашивалъ о здоровѣ; а за тѣмъ говорилъ по наказу: „Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлныя Россіи Самодержецъ, Его Царское Величество, васъ атамановъ и казаковъ и все Донское войско, за вашу къ нему

вѣрную службу, жалуетъ, милостиво похваляеть; и вельть васъ атамановъ и казаковъ спросить о здоровьѣ” (593). По окончаніи сихъ словъ объявлять о жалованьѣ. Полученное жалованье атаманы и казаки дѣлили между собой по равной части.

Въ царствование Михаила Феодоровича обыкновенно войско получало ежегодно въ жалованьѣ: денегъ 2,000 р., хлѣба 400 четв., вина 50 ведръ, пороху 40 пуд., селитры 40 пуд., сѣры 40 пуд., свинцу 40 пуд., сукна 40 поставовъ. Таковая выдача жалованья производилась не всегда одинаково, а болѣе соображаемо было съ заслугами казаковъ, отчего они получали болѣе или менѣе. При Петрѣ первомъ, жалованье войску Донскому увеличено, и получало оно денегъ 5,000 руб., хлѣба 6,500 четвертей, вина 500 ведръ, пороху 230 пуд., свинцу 115 пуд., 10 пуд. желѣза и 430 поставовъ сукна.

О власти войсковыхъ атамановъ и войсковыхъ есауловъ. Правленіе Донскихъ казаковъ, какъ въ семь періодъ, такъ и въ предыдущемъ заключалось въ войсковомъ кругу; но власть войскового атамана, въ концѣ сего періода пріимѣтно пріобрѣтала большую силу. Войсковой атаманъ былъ прямой начальникъ казаковъ во дни мира и браны; къ его обязанности относились дѣла разнаго рода, по внутреннему управлению: онъ мириль ссорящихся, защищалъ обиженныхъ, раздѣлять царское жалованье между казаками, принималъ посланцевъ турецкихъ, татарскихъ и калмыцкихъ, вель съ ними переговоры предварительно и потомъ передавалъ на сужденіе круга. Ближайшими и единственными помощниками войскового атамана въ дѣлахъ исполнительной власти, по прежнему, были два войсковые есаула, которые избирались въ сіе званіе войсковымъ кругомъ ежегодно.

Войковые атаманы, въ знакъ управления своего, носили всегда въ рукахъ своихъ настѣку (трость), которую, при пере-

(593) Дѣла Донскія, Наказъ дворянину Андрею Лазареву, отправленному изъ Москвы на Донъ 1648 года мая 24 дnia.

мѣнѣй своей, передавали вновь избранному въ сіе званіе съ особеною церемоніею. Петръ Великій, желая предать войску-вымъ атаманамъ болѣе важности и власти, пожаловалъ въ 1704 г. войску Донскому серебряную печать, а для ношения войсковыми атаманамъ настѣку, упражненную на концахъ серебряною оправою, и съ надписью на верхней оправѣ: „настѣка войска Донского 1704 года“ (594); а въ 1706 г. въ званіи ихъ управления перначъ, вызолоченный по серебру и упражненный цветными каменьями.

Казаки въ войсковомъ кругу избирали войсковыхъ атамановъ до 1718 г. Первый войсковой атаманъ, определенный въ семь году до указа безъ перемѣны, былъ Василій Фроловъ; а по смерти его 1723 г. определенъ былъ на его мѣсто старшина Андрей Лапатинъ; 1735 г. заступилъ его мѣсто Иванъ Фроловъ; а въ 1738 г. определенъ былъ войсковымъ атаманомъ Данило Ефремовъ. Съ сего времени назначеніе войсковыхъ атамановъ зависѣло отъ Высочайшей власти (595).

(594) Грамота войску Донскому 1704 г. сентября 21 дна.

,Отъ Великаго Государя Цара и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всія Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, на Донъ въ нижне и верхне юрты, атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману Якину Филиппову и всему войску Донскому, нашего Царскаго Величества милостивое слово. Пожаловали мы, Великій Государь, по имяному нашего Великаго Государя указу вѣсъ атамановъ и казаковъ и все войско Донское, за вѣрную вамъ къ намъ Великому Государю показанную службу, указали новоздѣланную войсковую серебрянную печать, которая по нашему царскаго величества указу сѣла на нынѣ вновь на Москвѣ, и подписано на ней сицевыми словами: печать войска Донского; также и настѣку, вновь учиненную на Москвѣ, деревянную, у которой настѣки по обоимъ концамъ какъ сверху, такъ и сънизу оправлено серебромъ и подписано на ней по сему: настѣка войска Донского 1704 г., и тое настѣку и печать послать къ вамъ, атаманамъ и казакамъ“

(595) Имінныи Высочайший указъ Правительствующему Сенату 1738 года марта 7 дна.

„Понеже мы за благо и потребно разсуждаемъ при Донскомъ войску особливаго, для нынѣшняго военного случая, вмѣсто наказнаго атамана, которыми до нынѣ войсковыи дѣла управляли были, опредѣлить настоящаго войскового атамана, того ради мы онаго войска старшину Данилу Ефремова, за долговременныи и ревностныи его намъ и предкамъ нашимъ службы, въ оный

Назначеніе отъ верховной власти войсковых атамановъ способствовало къ быстрому установлению порядка и благоустройства въ гражданственной жизни казаковъ.

Записки эти, объемля дѣянія казаковъ отъ появленія ихъ на берегахъ Дона или съ начала XVI вѣка до конца первого десятилѣтія XVIII вѣка, заключаются, такъ сказать, собственную исторію Донского войска. Съ этого же времени Донцы начинаютъ постоянно ратовать въ составѣ россійскихъ войскъ — и собственная исторія ихъ кончилась. Петръ первый покореніемъ Азова, перемѣнилъ положеніе дѣль на Дону и выѣстѣ съ тѣмъ явиль значительное вліяніе на жизнь казаковъ. Съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія она получаетъ иной видъ: нравы и обычаи Донцовъ постепенно начинаютъ дѣлаться болѣе гражданственными; во внутреннемъ управлениі незамѣтно вводится благоустройство; отважные морскіе наѣзды казаковъ на владѣнія султана и крымцевъ прекращены, всѣ распоряженія по войску о значительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, кроме нѣкоторыхъ сухопутныхъ малыхъ набѣговъ на Кубань, на Куму и на крымскіе улусы, дѣланныхъ казаками произвольно въ первой половинѣ XVIII вѣка, производятся отъ верховной власти; войско Донское посыпаетъ казаковъ въ составѣ Россійскихъ армій, подъ начальствомъ своихъ походныхъ атамановъ, уже опредѣленными полками. И такимъ образомъ Донцы участвуютъ во всѣхъ войнахъ, веден-

чинъ войскового атамана Всемилостивѣйше жалуетъ и повелѣваемъ нашему Сенату о такомъ нашемъ Всемилостивѣйшемъ опредѣлѣніи отправленіемъ на Донъ и куда надлежитъ грамоты и указы и прочими потому потребными исправленіями учинить по сему нашему указу.“

ныхъ Россіею въ теченіи XVIII столѣтія, и участіе ихъ было честное и славное: за шведскую войну, продолжавшуюся 20 лѣтъ и оконченную 1721 года, Петръ Великій пожаловалъ войску Донскому въ 1722 г. знамя; за дѣла во время персидской войны (1722 — 1732) Императрицею Анною Іоанновною, въ 1733 г., пожаловано войску Донскому два знамя; за подвиги въ шведской войнѣ (1741 — 1743) пожаловано Императрицею Елизаветою Петровною, въ 1744 г., войску Донскому знамя; за прусскую войну, известную подъ именемъ семилѣтней, окончившуюся 1763 года, пожаловано Донцамъ Императрицею Екатериною II-ю, въ 1764 г., знамя. Вообще въ блистательный вѣкъ Екатерины II-й Донские казаки покрыли себя отличною славою: за турецкую войну, достопамятную побѣдами Россіянъ подъ Чесмою и Кагуломъ, пожалованы войску Донскому, въ 1775 году, похвальная грамота, знамя, бунчукъ, а войсковымъ атаманамъ, въ знакъ ихъ управлениія, булава и наська; за другую турецкую войну, славную побѣдами подъ Ачаковомъ и Измаиломъ, пожаловано войску Донскому, въ 1795 г., два знамя. Наконецъ XVIII вѣкъ заключили казаки подвигами въ Италии (1799 г.), за которые Императоромъ Павломъ I-мъ пожаловано войску Донскому, въ 1800 г., знамя (*). Военные же дѣйствія Донцовъ, совершенные въ настоящемъ столѣтіи, замѣчательны въ исторіи войнъ Россіи, и также увѣнчаны милостивымъ вниманіемъ Великихъ ея Монарховъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(*) Рисунки со всѣхъ войсковыхъ регалий еще въ 1894 г. я имѣть счастіе представить Верховному правительству.

Цѣна одинъ руб.

ПРОДАЕТСЯ:

**Въ канцеляріи Областного войска Донского Статистического
Комитета и въ Областной Типографіи.**

3 2044 014 498 406

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOKSHELF

~~FEB 10 1993~~

WIDENER

MAY 14 2000
JUN 31 2000

CANCELLED

WIDENER

WIDENER

MAY 04 2000
SEP 10 2000

CANCELLED